РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЯ И МИР ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА:

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

Выпуск второй

Москва • 2002

042(02)1

Ответственный редактор:
к.и.н. Голубев А.В.

Редколлегия издания:
к.и.н. Голубев А.В., д.и.н. Невежин В.А.,
д.и.н. Нежинский Л.Н., д.и.н. Соколов А.К.

Редколлегия второго выпуска:
к.и.н. Аурова Н.Н., Барченкова В.А.,
к.и.н. Голубев А.В., д.и.н. Невежин В.А.,
д.и.н. Сенявская Е.С.

Рецензенты:
д.и.н. Васильева О.Ю. (ИРИ РАН),
д.философ.н. Кондаков И.В. (РГГУ)

Работа подготовлена
в Центре по изучению отечественной культуры
ИРИ РАН

ISBN 5-8055-0096-5

© Институт российской
истории РАН, 2002 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт российской истории РАН продолжает серию коллективных трудов, посвященную проблеме взаимовосприятия России и внешнего мира.

В последние годы проблемы взаимовосприятия культур, или, выражаясь языком западных исследователей, проблемы имиджинологии, находящиеся на стыке истории, культурологии, социальной психологии изучаются все более активно. В частности, появились работы, посвященные механизмам формирования, функционирования, динамике изменения внешнеполитических представлений и стереотипов на материале российской истории. Актуальность этой проблематики, особенно в условиях поиска Россией нового места в мире, трудно переоценить.

С 1994 г. в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН работает группа по изучению международных культурных связей России. На ее основе был создан и успешно функционирует научный семинар по проблемам взаимовосприятия культур, в который входят, помимо основного состава группы, как исследователи из ИРИ РАН, так и представители различных научных учреждений России. В 1994-2001 гг. было проведено 8 заседаний «круглого стола» на тему «Россия и внешний мир»[1]. На основе их материалов вышли два сборника научных трудов[2], а также коллективная монография «Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в.» (М., 1998), получившие высокую оценку научной общественности[3].

С 2000 г. материалы научного семинара издаются под общим названием «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия» (первый выпуск вышел в 2000 г.).

Материалы данного, второго выпуска воссоздают историю взаимовосприятия России и соседних или взаимодействующих с нею государств и народов как своего рода диалог культур и менталитетов, чреватый то «конфликтом интерпретаций», то политико-идеологическим противостоянием, то непосредственно военным конфликтом.

Подобный подход к осмыслению отечественной истории в контексте мировой через призму противоречащих друг другу ментальностей и идентичностей позволяет вскрыть глубинные смыслы культуры, неочевидные для современников и соотечественников соответствующих событий и явлений, но выражающие своего рода историческое подсознание эпохи. Именно на пересечениях различных дискурсов, на границах культур, в процессе незавершенного

диалога по самым принципиальным и заветным вопросам вспыхивают такие значения и оценки исторического процесса, которые не могут быть выявлены исследователем в ином контексте.

Сборник структурирован в соответствии с проблемным принципом и включает в себя следующие разделы: «Россия и Запад: культурные и политические аспекты восприятия»; «Россия: взгляд извне»; «Россия и Европа: взаимопроникновение культур»; «Япония и российское общество».

Хронологические рамки первого раздела охватывают XVII-XX вв., время активного взаимодействия России и Запада, что позволяет лучше проследить историческую динамику этого процесса.

В статье А.П.Богданова анализируются политические концепции и публицистические выступления, характерные для России в последнюю четверть XVII в., во времена Федора Алексеевича и Софьи Алексеевны, впоследствии под влиянием пропетровской апологетики вытесненные из исторического сознания. Автор доказывает, что Россия фактически добилась имперского статуса уже при правлении В.В.Голицына. Однако еще более показателен всеобщий интерес к мировой истории (в которую включалась история отечественная тем или иным образом), попытки обосновать древнее происхождение русской государственности (оправдывавшие имперские притязания русского правительства и его политику в отношении Крыма), обострение споров вокруг православной самобытности и «западного мудрования» (латинского и лютеранского влияния). В статье отражена идейная позиция патриарха Иоакима и яркая публицистика Игнатия Римского-Корсакова.

XVIII в. в сборнике представлен статьей Е.В.Жбанковой. Исследуемая в ней петровская эпоха, представленная с весьма экзотической, «танцевальной» стороны, характеризуется как своего рода «хореографическая революция», означавшая приобщение России к европейской культуре бального танца. Автор делает далеко идущий вывод о смене знаковых систем, произошедшей в это время в русской дворянской культуре, а вместе с тем и о смене мировоззрения и самовосприятия русских людей в межкультурном пространстве.

О.Ю.Казакова рассматривает результаты восприятия в России 1850-60-х годов особенностей американского характера. Русские общественные деятели понимали необходимость модернизации России, один из источников которой виделся им в чертах национального характера, ценностях социума, и деловые качества американцев казались в этом смысле показательным примером.

Т.Т.Давыдова анализирует двойственный образ Англии в творчестве Евгения Замятина.

Статья Е.Ю.Сергеева посвящена оценке «угрозы с Запада» российской военной элитой 1900-1914 гг. и ее эволюции в направлении опасности, прежде всего для традиционных социальных (монархия и дворянство) и этно-конфессиональных (православие и славянство) внешнеполитических установок империи, сам процесс модернизации которой в начале XX в. предопределил выдвижение на первый план задачи изменения всей парадигмы ее социально-политического устройства, включая состав и функции властной элиты.

Характерно, что все статьи данного раздела, посвященные советскому периоду, также анализируют представления о потенциальной опасности со стороны Запада. Интересный материал о внешнеполитической концепции Сталина в 1920-30-е гг. представила Н.Ю.Кулешова. В.А.Невежин, продолжая эту тему, проанализировал оценку Сталиным Германии как потенциального противника накануне 22 июня 1941 г. В статье А.В.Фатеева вскрываются социокультурные механизмы и мотивы формирования образа врага в советской послевоенной пропаганде и самой атмосфере «холодной войны».

Второй раздел открывает статья Л.Е.Морозовой о взглядах Сигизмунда III на Российское государство. На основании сравнительно мало известной и еще менее изученной переписки короля с разными европейскими адресатами раскрываются тайные намерения Польши в отношении России, принципиально расходящиеся с ее официальными заявлениями. Осуществленный автором анализ проливает новый свет на эпоху Смутного времени в России и показывает, что XVII в. отнюдь не является «нижней границей» в рассмотрении истории взаимовосприятия России и мира.

С.М.Шамин подробно анализирует сообщения иностранной прессы о борьбе России и Турции за Украину в 1670-е годы. Автор рассматривает как проблематику, наиболее интересующую западного читателя, так и каналы получения информации о происходящих на Украине военных действиях.

Статья М.В.Губиной во многом развеивает устоявшееся представление о репутации России к концу XVIII – началу XIX в. как просвещенной, цивилизованной, европеизированной страны. Оккупация Франции летом и осенью 1815 г. русскими войсками стимулировала формирование образа России как варварской страны, сильно отстающей в своем культурном и цивилизационном развитии от Европы и непосредственно Франции. Однако же этим обстоятельством объяснялось и известное снисхождение французов к завоевателям, их удивление образованностью офицерства и интересом русских к Франции.

В.И.Журавлева в своей статье показывает, как повлияли события первой русской революции на восприятие России в США. По

ее мнению, эти события добавили негативных красок в палитру представлений о России, высветив различия политических систем и национальных традиций, закрепили в общественном сознании сложный и противоречивый образ «другого», который начал складываться еще в конце XIX в. Это был образ отсталой и недостаточно цивилизованной страны, где обычным явлением стали репрессии и погромы, политический террор и анархия, религиозная нетерпимость и повторяющийся голод, где общество было не готово к самоуправлению, а законы не соответствовали современным для того времени правовым нормам. В этот период вырабатывался механизм взаимодействия общественного мнения с органами законодательной и исполнительной власти США в решении внешнеполитических проблем. И, наконец, именно с этого времени идеологический фактор начинает играть существенную роль в российско-американских отношениях.

В статье Г.Б.Куликовой проанализирован феномен восприятия СССР 1930-х годов виднейшими представителями западной интеллектуальной элиты, в частности, причины их позитивного в целом отношения к сталинскому режиму.

Логическим завершением раздела является статья Ю.И.Игрицкого. Автор утверждает, что возникновение Советского Союза с его коммунистическим мессианизмом, идеологическим неприятием буржуазных ценностей, растущей военной мощью и опорой на леворадикальные движения во всем мире, явилось глобальным вызовом Западу. Большевистская идеология, государственный строй и общественная модель изначально предстали как антитеза всем западным институтам, и это обусловило множественность осей и обличий противостояния, семантически выражавшихся в различных антиномиях – «СССР-США», «социализм (коммунизм)-капитализм», «Восток-Запад». Речь шла не о том, каким виделся русский американцу (англичанину, французу и т.д.) и наоборот, а о том, какая система какими средствами одержит победу над другой в глобальном состязании.

Проблеме взаимопроникновения культур посвящен третий раздел. В частности, Н.В.Самошина показывает, какую роль проблема «Россия и Европа» играла в общественном мнении России во второй четверти XIX в.

В статье С.А.Козлова проанализирован опыт сравнительно-исторического анализа жизненных обликов Москвы и Лондона, сделанного в конце XIX в российским предпринимателем С.Иппо, как двух полюсов Европы, соперничающих между собой за рынки сбыта на Востоке. За сравнением двух городов встает сопоставление

национальных менталитетов, двух типов общественной психологии, политического устройства, экономики, техники и т.п. – т.е. в конечном счете двух культур, двух культурных историй.

М.Н.Осьмаков показывает, как «образ заграницы» в виде рекламы товаров широкого потребления проникал в жизнь российского провинциального города на рубеже XIX-XX вв.

Материал Л.У.Звонаревой «Европа и Россия в 1920 году: взгляд из Варшавы» посвящен эмигрантской публицистике Д.Мережковского и З.Гиппиус, прежде всего варшавского периода, во многом подхватывавшей проблематику эссе о «Грядущем Хаме» 1905 г. Автор приводит неизвестные русскому читателю тексты Мережковского, опубликованные в практически недоступной в России газеты Б.Савинкова «Свобода», сравнивая их с «Варшавским дневником» З.Гиппиус.

Проблема взаимодействия культур через государственные и общественные институты и под их контролем раскрывается в статье А.Ю.Сарана, посвященной соответствующим процессам в 1920-30-е гг.

В работе А.В.Голубева «Мировая республика или закрытое общество?» детально рассматривается складывавшаяся модель модернизации советского общества как «закрытого» в информационном, коммуникативном и иных отношениях.

Изучению межнациональных архетипов в связи с представлениями о России как о крестьянской стране в 1980-90-е гг. посвящена статья А.Ю.Большаковой, рассматривающая изучение феномена «деревенской прозы» на Западе.

В последнем разделе сборника анализируется образ Японии, сложившийся в русской культуре конца XIX-XX вв.[4].

В.Э.Молодяков характеризует образ Японии в русском сознании и русской культуре конца XIX в. как глобальный противоречивый миф, во многом придуманный художниками и мыслителями Серебряного века и оказавшийся влиятельным в общественном сознании и культуре на протяжении всего XX в. (соединение имиджа «живописной страны» и «желтой опасности»).

Сходная по теме статья Л.В.Жуковой показывает, как воспринимала Японию накануне русско-японской войны широкая российская общественность.

Наконец, Е.С.Сенявская в обстоятельной статье рассматривает, как менялся облик «японца-врага» в ходе русско-японских конфликтов XX в. (русско-японская война 1904-1905 гг.; интервенция; события на Хасане и Халхин-Голе; вторая мировая война).

В качестве своеобразного послесловия сборник завершает статья культуролога И.Г.Яковенко, анализирующая динамику образа Запада в отечественной культуре 1990-х гг.

[1] Отчеты о предыдущих заседаниях «круглого стола» см.: Отечественная история. 1995. № 3; 1998. № 3; 1999. № 1, 6; 2001. № 2, 6.

[2] Россия и Европа в XIX-XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М.,1996; Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997.

[3] Рецензии см.: Отечественная история. 1998. № 5; 1999. № 6; 2000. № 2.

[4] В предыдущих сборниках подобные разделы были посвящены взаимовосприятию России и Великобритании. (Два полюса Европы: Россия и Великобритания глазами друг друга // Россия и Европа в XIX-XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 143-226); России и США (Россия и Америка в конце XIX – начале XX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 192-270).

I. РОССИЯ И ЗАПАД: КУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ

Богданов А.П.

РОССИЯ НАКАНУНЕ ИМПЕРИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА

В истории русской государственности, общественной мысли и культуры последняя четверть XVII в. – период малоизученный. Несмотря на то, что трудами многих ученых (особенно в конце XIX и в последние десятилетия XX в.) был накоплен весьма значительный эмпирический материал, общее представление о России перед реформами Петра I как о застойной, темной, непросвещенной стране, нуждающейся в искусственной «европеизации», меняется очень медленно. Первый русский император Петр и его сотрудники приложили большие усилия, чтобы стереть и исказить память о временах царя Федора и царевны Софьи Алексеевны. Укрепление военно-полицейской крепостнической империи Петра требовало забыть о периоде борьбы за выбор путей развития государства. Как всякая диктатура, петровская империя отрицала традицию, пыталась оборвать связь времен.

Отказываясь от петровской концепции в теории, на практике мы лишь приступаем к комплексному изучению огромного массива источников о материальной и духовной жизни России предпетровского времени. Документы свидетельствуют, что ускоренное создание заводов и мануфактур, формирование регулярной армии, строительство военно-морского флота, повышение специализации и коллегиальности государственных учреждений и другие явления государственной жизни, традиционно связываемые с деятельностью

Петра I, были наследием политики его предшественников, лишь трансформированным «Отцом Отечества» в целях максимального закрепощения России[1].

Помимо государственных и частных актов, к настоящему времени выявлена и отчасти введена в научный оборот обширная литература последней четверти XVII в.: технологическая, историческая, музыкальная, учебная, беллетристическая, панегирическая, религиозная и публицистическая. Именно политическая публицистика представляет для данной работы особый интерес, так как отражает ожесточенные споры о сущности Российского государства и путях его развития – споры, само существование которых отрицалось петровской исторической концепцией.

Исследование выраженных в русской литературе последней четверти XVII в. политических идей, взглядов и концепций еще не завершено. Сопоставление известных и включение в научный оборот новых памятников, анализ позиций и отношений конкретных авторов и политических группировок представляет исследователям обширное поле плодотворной деятельности. В настоящее время мы можем говорить лишь об отдельных наблюдениях и сопоставлениях, например, по вопросу о том, как представлялось публицистам и политикам место России в мире[2]. Логика развития и укрепления национального государства не оставляла у публицистов сомнений в том, что именно Российское православное самодержавное государство занимает в мире особое место, имеет некое высшее предназначение. Однако в оценке этого места и предназначения у публицистов имелись заметные расхождения.

Максималистическая точка зрения была ярко выражена в сочинениях Игнатия Римского-Корсакова – замечательного публициста, историка, композитора, стихотворца, видного политического и церковного деятеля[3]. В речах и брошюрах, обращенных к царскому двору и армии, Игнатий упорно и изобретательно доказывал, что современное ему Российское царство является земным образом небесного царствия Иисуса Христа и потому должно распространиться до границ Вселенной, вобрать в себя все народы, рассеянные по лицу Земли при Вавилонском столпотворении.

В обосновании Римским-Корсаковым права российских самодержцев быть «всей Вселенной государями» особую роль играет православие. Россия под властью православных самодержцев, согласно общему мнению публицистов последней четверти XVII в. – это Новый Израиль, Новозаветное Царство Божие на земле. Одновременно для Игнатия и многих других авторов Российское царство – это воплощение идеи Софии-Премудрости Божией; для луч-

шего соответствия России софийскому канону в последней четверти XVII в. было даже изменено традиционное иконописное изображение Софии[4].

Особенностью публицистики Римского-Корсакова было использование сакрального образа России для прямого обоснования расширения границ Российского царства как мировой империи. Для Игнатия это – законный и справедливый процесс, делящийся на этапы. Публицист особенно выделяет «приобретение» Иваном Грозным – как «преславнейшим Августом» (императором) – Казанского, Астраханского и Сибирского царств, а также «спасение» царем Алексеем Михайловичем Малой и Белой Руси, некогда «похищенных» у России. Связь покорения варварских царств с повышением государственного статуса России была к этому времени широко отражена в русской исторической литературе. Огромной популярностью пользовались в России и издания «Синопсиса» (Киев, 1674, 1678, 1680), автор которого горько сетовал о «примучении княжения Киевского до Литовского», об унижении его «от царствия в княжение, а от княжения в воеводство», и прославлял возвращение Киева «в первое паки царствие» в 1654 г.[5]

Следующим этапом расширения Российского царства, по мнению Римского-Корсакова, должно было стать «возвращение» византийского наследства – «царей всея России отчинного престола». Право царей на константинопольский престол мотивируется Игнатием в ряде произведений с помощью известных легенд и предсказаний о победе христиан над басурманами, о Мономаховом венце и прочем. Следует отметить, что ко времени создания публицистических трудов Римского-Корсакова идея древнего происхождения царского титула, как бы «переданного» Руси Византией, вполне утвердилась в отечественной историографии. У русских летописцев и историков последней четверти XVII в. не заметно никаких сомнений в том, что русское царство является наследником византийского, но отсюда не вытекал вывод о необходимости скорейшего «востребования» имперского наследства, который делал Игнатий.

То же можно сказать по поводу комплекса аргументов о перемещении в Россию центра мирового православия, широко задействованного в религиозных спорах «бунташного столетия». Публицистика и практика убеждали русских людей в том, что греческие святыни перенесены с Востока в Москву, что русский царь есть действенная опора и покровитель всего восточного православия, что русское благочестие есть высшее и совершеннейшее в целом мире. Но речь шла главным образом о противодействии общества некоторым сторонам никоновских реформ и официальной грекофилии, о со-

противлении поддержанному правительством тезису Никона о несостоятельности предшествующей русской церковной жизни и безусловном превосходстве в делах веры и благочестия греков над русскими[6], тогда как Римский-Корсаков использует популярные аргументы во внешнеполитических целях.

Считается, что существенным элементом названного комплекса аргументов в русской публицистике XVII в. была теория «Москва – Третий Рим». Однако в публицистике Римского-Корсакова линия Рим-Константинополь-Москва практически не отражена. Это тем более показательно, что в своем первом монографическом исследовании – «Генеалогии», написанной в самом начале 1680-х гг., Игнатий показал себя глубоким знатоком древнеримской литературы и истории[7]. Однако, доказывая родство своей фамилии с римским родом Фабиев, Игнатий основной упор делает на происхождение Фабиев от потомков Геракла. Позже, в речи перед армией, обыгрывая царскую фамилию Романовы как знак, что русские самодержцы являются законными наследниками Римской империи, Игнатий неоднократно подчеркивает, что римское царство в его понимании – это царство греческое, Византия.

Это не случайно. Роль Первого Рима в русской общественной мысли XVII в. была очень велика, причем к концу столетия значение Первого Рима в публицистике нарастало. С одной стороны, в публицистике староверов вся теория «Москва – Третий Рим» приобретала эсхатологическую окраску, в ней все ярче выделялась идея утраты достоинства, падения, к которому, вслед за предшественниками, приходит и Россия: кончается история, наступают последние времена. С другой стороны, публицисты, стоящие на позициях официальной церкви, все более активно проводили мысль о различии падений двух Римов. Первый Рим пал морально, отступив, по словам ортодоксов, от правой веры. Второй Рим – Константинополь – пал только физически, был захвачен мусульманами, причем «греки» не только сохранили свое благочестие, но и остались «учителями веры».

Противопоставление правоверного Константинополя католическому Риму особенно усилилось в публицистике Русской православной церкви при патриархе Иоакиме, возглавившем поход против «западного зломысленного мудрования». В 80-х гг. XVII в., когда усилиями просветителей во главе с Сильвестром Медведевым на повестку дня всерьез стал вопрос об открытии в Москве университета, независимого от церковных властей, обвинения русских и украинских ученых в «латинстве» зазвучали особенно громко. Призыв «мудроборцев» остановить проникновение в Россию идей научной рево-

люшии, «угасить малую искру латинского учения», был тесно связан с требованием ограничить «свободные науки» изучением греческого языка и «благочестивых» греческих знаний[8].

Для «обличения латынников» именно в это время Римский-Корсаков перевел книгу Г.Кассандра «О различных литургиях» (БАН. Архангельское собр. 165); «На лютеранский катехизис возобличение» и «Слово на латин и лютеров» свидетельствовало о резко отрицательном отношении Игнатия к западному христианству[9]. Это были не просто богословские, но политические сочинения. Обращаясь к канцлеру В.В.Голицыну, Римский-Корсаков указывал на вредоносность для России его политики свободы вероисповедания, требовал запрещения на территории государства неправославных культов и, в частности, строительства в Москве храма Старой купеческой (лютеранско-католической) общины[10].

Сказанное помогает понять, почему публицист не желает связывать свои имперские амбиции с Первым Римом и особенно подчеркивает, что «возвращение» русским самодержцам византийского наследия поддерживается «единоверным» греческим населением, что «российский род обладати имать ромейским, еже есть греческим царствием», именно вместе с греками «и обще, яко людии христоименитии, грекове и россы» победят «сквернаго турка». Обладание «всей Вселенной» оказывается у Римского-Корсакова скорее общей декларацией, средством подчеркнуть историческое величие миссии России, чем политической целью.

Публицистическому использованию теории «Москва – Третий Рим» мешала и полемика Римского-Корсакова со староверами. От человека, вместе с Карионом Истоминым написавшего в 1687 г. «Известие о увещевании раскольников» (а в 1690-х гг. еще три обширных и солидно аргументированных окружных послания против староверов[11]), трудно было ожидать согласия с его противниками хотя бы в области исторических взглядов.

Изменению отношения к теории «Москва – Третий Рим» способствовало и расширение исторических знаний. В исторической литературе последней четверти XVII в., представленной многими десятками оригинальных сочинении, заметен обостренный интерес к мировой истории. Русские авторы упорно стремились понять причины расцвета и падения древних «царств» – Египетского, Израильского, Вавилоно-Ассирийского, Греко-Римского. Связь событий истории Руси и истории других государств, казавшаяся историкам того времени заслуживающей самого пристального внимания, весьма усложнила представления о последовательности и преемственности мировых монархий[12].

Когда в начале 1680-х гг. царь Федор Алексеевич повелел «по обычаю историографов», на основе русских, греческих, латинских и польских сочинений, составить общий курс русской истории, он потребовал, чтобы «новосозданная книга» не противоречила учению о четырех монархиях[13]. Этот проект не осуществился. Официальный курс истории создан не был, а в крупных исторических трудах 80-90-х гг. не было единства даже по вопросу о составе четверки мировых империй, да и количество государств, соответствующих представлению об империи, было больше четырех.

Важно отметить, что одновременно с идеей преемственности и наследственности имперского статуса в историко-публицистической литературе последней четверти XVII в. активно развиваются представления о древнейшем происхождении русской государственности, возникшей, якобы, задолго до Моисея[14]. Все большему числу авторов представляется, что суверенитет государства определяется его внутренним развитием. Идея греко-римского наследия если и не отрицается, то отходит на второй план.

Это хорошо заметно в крупных летописных сводах и компиляциях, создававшихся в новгородском Софийском доме при митрополите Иоакиме, а затем, когда Иоаким стал патриархом – на московском патриаршем дворе[15]. Смысл последовательного растворения концепции трех Римов и четырех монархий в этих сочинениях ясно выражен в проповедях Иоакима, обращенных к русской армии[16]. Они показывают, что воинственные речи Римского-Корсакова прямо противоречили позиции его духовного начальства.

Патриарх Московский и всея Руси открыто заявляет, что у Российского государства нет причин воевать с Османской империей и Крымским ханством из-за земли: «Российского государства с онымі злыми варвары о земли поселения брани бы творити не о чем. Разстояния бо имать до предел довольное». И уж конечно Россия, с точки зрения патриарха, не имеет никаких оснований претендовать на византийское наследие.

Православие Российского государства, считает Иоаким, служит мотивом войны лишь постольку, поскольку исполняется предвещение Христа: «И будете ненавидими от всех имене моего ради». И ныне, продолжает он, «не постиже ли нас от проклятых народов, варваров махометанов, такая ненависть точию совершенно ради имене Господня, аще же и грехов ради. И непрестанно братию нашу мечем пожинают и пленуют. И государство благочестивое великих государей наших царей разоряют всеконечно и пустошат многая лета непрестанно».

Иоаким, при всей своей ненависти к латинству и протестантизму, проявляемой во внутренней политике, во внешнеполитиче-

ской области не отделяет Россию от других христианских государств: «Но и где ли имя Христово имянуется в людех, всюду таковии дивии басурмани люди божия воюют и погубляют непрестанно И пустошат многая страны и государства».

Патриарх объявляет войскам, что Россия ведет нежелательную ей, ниспосланную, возможно, как наказание за грехи оборонительную войну в союзе с другими европейскими государствами, чтобы защитить христианство от мусульманской агрессии. Россия желает оборонить свою территорию, защитить жизнь и свободу подданных, помочь захваченным в плен согражданам, равно как и гражданам других христианских государств.

Самозащита и помощь братьям-христианам – вот, с точки зрения патриарха, единственная причина и цель вступления Российского государства в войну. Никакие иные мотивы не способны оправдать страшнейшее из бедствий, каким является война. Иоаким подчеркивает, что главное стремление России и ее высшее благо – мир, защищенность веры, государства и подданных в пределах ***своей*** земли, в содружестве с христианскими странами. Казалось бы, позиция московского патриарха вполне соответствует политике правительства канцлера В.В.Голицына (1682-1689), боровшегося за заключение Вечного мира с Польшей (1686) и создание Священной лиги христианских стран для сопротивления османско-крымской агрессии в Европе.

Но это лишь внешнее, словесное совпадение взглядов. Довольно значительный комплекс речей Иоакима, связанных с войной России против Турции и Крыма в составе Священной лиги, показывает его последовательным и озлобленным противником правительства, которому патриарх не мог простить предоставления свободы вероисповедания католикам и протестантам внутри страны. Иоаким говорил в своих речах о защите всех христиан – и в то же время неоднократно в самой резкой форме запрещал православным воинам дружить со своими сослуживцами-«иноверцами», разговаривать с ними, даже омывать и хоронить тела погибших в рядах российской армии католиков и протестантов.

Служба в российской армии иноземных специалистов, привлеченных В.В.Голицыным не только хорошим жалованием, но и мягким отношением канцлера к неправославным, вызывала крайнее раздражение Иоакима. Еще и еще раз призывал патриарх православных воинов не надеяться на «иноверцев-еретиков», которые хотя и «вымышленники, и в ратех храбрии», но только «гнев божий особно за свое зловерство в люди божия привлекают». Иоаким не только стремился посеять в армии рознь по религиозному призна-

ку, но пугал воинов поражением, выражал сомнение в справедливости самой войны и даже призывал «казнити» главнокомандующего Голицына, допустившего «еретиков-иноверцев над христианы в полках начальниками» быть.

Стремление изолировать Россию от Западной Европы в конечном итоге оказало определяющее влияние на внешнеполитические взгляды патриарха, злорадно распускавшего слухи о неудаче Крымских походов и даже на смертном одре, в Духовном завещании, поносившего результаты военной деятельности правительства Голицына и царевны Софьи. Для Иоакима, как видим, идея мира была связана с необходимостью ***законсервировать*** Российское государство для сохранения чистоты православия. Даже мысль о сближении с «благочестивыми греками», активно эксплуатировавшаяся патриархом в борьбе с внутренним инакомыслием, не могла преодолеть его патологического страха перед влиянием Первого Рима и «схизматиков»-протестантов.

Идея ***мира***, желанного христианской церкви, Российскому государству и присущая самой «породе российской» в последней четверти XVII в. была самой сильной в публицистике, посвященной внутренним и внешним вопросам. Разумеется, как наиболее общая идея, она наполнялась самым разнообразным содержанием и толковалась зачастую не только различно, но и прямо противоположно.

Так, о войне «ради мира и тишины», войне за «глубокий и неотъемлемый мир» говорит Римский-Корсаков, призывая войска в поход за византийским наследием. В его концепции, так же, как и в речах патриарха, важное место занимает мотив защиты России от мусульманской агрессии, защиты церкви и веры, государства и государей, собственных душ и законов, жизни и свободы россиян. Для Игнатия существенно «отъяти днесь поношение Российское» – то есть ликвидировать такое положение, когда в Крыму оскорбляют русских посланников, называют присылаемые дары данью, а «православных в России аки подданных укоряют». Нестерпима, заявляет публицист, такая «хула и досада, приносимая от поганых татар господу Богу, святой церкви, пресветлым государем и всему государству»[17].

В своем Духовном завещании патриарх Иоаким особенно четко выразил мысль о необходимости защиты православия внутри страны, в частности, путем искоренения всех мечетей, языческих капищ, храмов католиков и протестантов. Для Римского-Корсакова миссия Российского государства состоит в защите ***всего*** православия, прежде всего вне границ России. «Христианское воинство», декларирует и доказывает Игнатий, выступает для исполнения исторической миссии «всего православия в защищение, и в сохранение

святых божиих церквей, и православныя христианския веры, и (в) их, пресветлых великих государей наших, царскую честь же и славу».

«Глубокий и неотъемлемый мир», считает публицист, наступит тогда, когда Бог «удержавит царство» российских самодержцев, «покорив им вся варварския языки, брани хотящия». Как видим, расширение империи реально касается лишь земель, занятых «варварами», т е. мусульманами (иные не упоминаются), а конкретно – Константинополя и европейских владений Византии, щитом которых служит Крым. Район, на который публицист реально заявлял претензии Российского государства, определялся не только религиозными соображениями и идеей «наследства», но и военно-исторически.

В своих речах и брошюрах Римский-Корсаков широко использует исторические примеры борьбы Руси с кочевниками, которые он обобщил в создававшемся много лет обширном летописном своде[18]. Сражения с половцами и печенегами, свержение ордынского ига, разгром Казанского и Астраханского ханств, отражение крымских набегов сливаются в глазах Игнатия в единую многовековую войну с «варварами», в которой не может быть мира до тех пор, пока из тела Европы не удален последний осколок Золотой орды – Крымское ханство, и пока европейские христиане страдают под игом его сюзерена – Османской империи.

Следует отметить, что позиция Римского-Корсакова в этом смысле не была совершенно необычна в публицистике последней четверти XVII в., Так, уже в сборник образцовых проповедей Симеона Полоцкого «Вечеря душевная», изданный в московской Верхней типографии Сильвестром Медведевым, было включено датируемое 1673 г. «Слово к православному и христоименитому запорожскому воинству», объявляющее о начале войны России с Турцией и Крымом[19]. Этот образец политического красноречия начинался с похвал защитникам государственных границ и завершался призывом отвоевать у мусульман все территории, где когда-либо славился Бог по православному обряду: «Да яже от благочестивых царей злочестивии врази неправедно восхитиша, та (российские войска. – *А.Б.*) паки взыщут во державу благоверному нашему государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу – во еже бы на местех, идеже Бог в Троицы едины от правоверных во псалмех и песнех прославляем бяше, паки Его пресвятому имени во храмех святых прославляему быти!».

Завершенная в 1692 г. фундаментальная «Скифская история» Андрея Ивановича Лызлова рассматривала историю борьбы оседлых народов Восточной, Южной и Центральной Европы с кочев-

никами с гомеровских времен до конца XVI в.[20] Автор приводил и более свежие сведения, показывающие положение главной силы «скифов» его времени – Османской империи. Приближенный В.В.Голицына, участник его военных походов, Лызлов подчеркивал необходимость объединения христианских государств для отражения мусульманской агрессии. Автор «Скифской истории», вполне в духе А.М.Курбского, утверждает, что поражения христиан, гибель государств под пятой монголо-татарских и османских завоевателей происходили «несогласия ради и прохладнаго пребывания в лености начальников областей христианских».

Отдавая себе отчет в различиях между православием, католичеством и протестантизмом, Лызлов не считает их препятствием для объединения христианских сил и не склонен подчеркивать особую, отличную от других государств миссию России. Именно соединенные усилия народов, вошедших в Священную лигу, способны, по его мнению, покончить с Османской империей и Крымским ханством «во дни наша». Вместе о тем задачу освобождения покоренных турками православных народов историк считает наиболее близкой православной армии. Не даром «Скифская история» призывает российских ратоборцев идти на помощь этим народам: «Уже бо тамо нас убози христиане, братия наша, с радостью и надеждою ожидают, готовы суще на своих и наших супостатов помощь подати!».

Это заявление близкого к правительству историка соответствовало истине. В конце XVII в. об освобождении от османского ига и принятии в российское подданство неоднократно просили царей представители балканских народов. Об этом много рассуждали в Москве, и могло сложиться впечатление, что русское правительство открыто принимает на себя обязанность освободить православные народы от турецкого ига[21]. По крайней мере приезжие греки Иоанникий и Софроний Лихуды в речах перед царевной Софьей, В.В.Голицыным, царями Иваном и Петром Алексеевичами, патриархом Иоакимом и в других публичных выступлениях настойчиво говорили о необходимости включения Константинополя и вообще европейских владений Византии в состав Российского государства, цари которого являются, якобы, прямыми преемниками императоров, а московский первосвященник – главой мирового православия[22].

Именно у Лихудов отыскал Римский-Корсаков (в принципе, не новую для русской литературы) мысль о своеобразии исторической миссии России в военной области. В самом деле: если миссия Российского православного самодержавного государства – нести свет православия по всему миру на крыльях двуглавого орла, то государство, собственно, не воюет, а просвещает. Мотив света, божественного

избрания, возносящего одного правителя над всеми земными владыками, основательно разработал Сильвестр Медведев применительно к царевне Софье – Солнечному дому, от ярких окон которого, изливающего свет премудрости, не может оторвать взоров российский двуглавый орел. Но тот же Медведев в стихах к политическому портрету царевны Софьи, печатавшемуся в России и за границей, мог позволить себе сравнить православную владычицу не только с вавилонской царицей Семирамидой и византийской царевной-правительницей Пульхерией, но и с английской королевой Елизаветой I[23].

В отличие от него, Римский-Корсаков считал, что только Российское православное самодержавное государство несет на своем оружии свет и освобождение. Поэтому, публично поблагодарив Лихудов, он использовал их мысль в речи к командному составу российской армии: «О чюдо предивное и образ, еже воевати тако, никогда слышанный! Воюете не того деля, дабы смерти предали побежденного, но к животу, се есть приносити его ко благочестию истиннаго света, просвещающаго всякаго человека, грядущего в мире. Не яко его во узилище предати, но во еже свободити его от страшные вериги адовы!».

Правда, эту идею освобождения Римский-Корсаков относит не ко «всей Вселенной», а только к грекам под духовной властью Константинополя, которые сами признают законность наследования российскими самодержцами византийского императорского престола, и остается неясным, включал ли публицист в число будущих «освобожденных» и «просвещенных» непосредственных военных противников – крымских и турецких мусульман. Более последователен в этом отношении А.И.Лызлов, убеждающий читателя, что нет исконно злодейских народов, что агрессоров-скифов» порождают исторически сложившиеся обстоятельства жизни. Ведь и венгры, и болгары, и многие народы Поволжья прежде были «скифами», а затем стали мирными земледельцами, нуждающимися в защите жертвами «скифов».

С другой стороны, призывая христианские государства подать «помощь и свободу» порабощенным братьям в Венгрии, Болгарии, Молдавии, Валахии, Сербии, Хорватии, Албании и Греции, Лызлов отнюдь не призывает к уничтожению «агарян», к тотальной «войне за веру». С его точки зрения, конечная победа над «скифами» – это мирное сосуществование народов, достигнутое как силой оружия, так и справедливыми международными договорами, нарушение которых, даже по отношению к иноверцам, греховно и гибельно. Никакой религиозный пафос не может служить оправданием наруше-

нию установленного мира, — считал Лызлов вместе с составителем патриаршего Летописца 1686 г.

Но на огромных пространствах Европы шла война и, по сведениям Посольского приказа, идея раздела европейских владений Османской империи и земель ее вассалов широко обсуждалась при дворах участников Священной лиги. В столицах союзников России — Вене, Варшаве и Венеции — вполне определенно говорилось о желательности передачи Стамбула и проливов русским; была даже выбита медаль с картой-схемой поделенных между союзниками территорий. В свою очередь, действия русско-украинских войск, особенно разгром Белгородской орды и взятие Очакова генералом Г.И.Косаговым в 1687 г., вызвали настоящую панику в Османской империи. «Русские идут на Стамбул!» — кричали в столице, фанатики бросались о минаретов, чтобы не сдаваться «гяурам», султан бежал в Азию, где был убит янычарами, армия великого визиря была оставлена для защиты Стамбула, Морея почти без боя сдана венецианцам, Будин — имперским войскам, Валахия — полякам...[24]

Однако отношение правительства В.В.Голицына к щедрым предложениям союзников, желавших использовать имевшиеся, по их представлениям, претензии Москвы на византийское наследие, было весьма прохладным. Осторожность канцлера можно объяснить имевшимися в его распоряжении сведениями о сепаратных переговорах, ведущихся союзниками по Священной лиге с Османской империей и Крымом (хотя канцлеру, вплоть до падения правительства регентства в начале сентября 1689 г., удавалось успешно противодействовать этим переговорам)[25]. Однако остается открытым вопрос, были ли вообще у московского правительства в это время притязания на Константинополь и в какой мере публицистические споры влияли на практическую политику?

Зависимость политических взглядов, бытующих в обществе, от конкретной политики, очевидна. Достаточно указать на быструю переориентацию идеи «освобождения», помощи братьям, жертвы «за други своя», с украинцев и белорусов на православных подданных Османской империи после Андрусовского перемирия России с Польшей в 1667 г. и особенно начала войны на юге в 1673 г. На позицию Иоакима, безусловно, оказала влияние его ненависть к правительству регентства, одержавшему победу над патриархом и его сторонниками в борьбе за власть в 1682 г.: вряд ли можно было ожидать от него поддержки начатой в 1686 г. новой войны с Турцией и Крымом[26]. Значение мотива борьбы за власть в формировании внешнеполитической позиции Иоакима особенно четко выявляется при сопоставлении его взглядов со взглядами Римского-

Корсакова – архимандрита Новоспасского, вхожего во дворец, но не принимавшего участия в придворных интригах.

Грекофилия, резко отрицательное отношение к староверам и к проникновению в Россию «западнаго зломысленнаго мудрования», сопротивление идее учреждения Московского университета и политике относительной свободы вероисповедания, такие мероприятия, как лишение сана Смоленского митрополита Симеона[27], составление именно Римским-Корсаковым Сводного чиновника патриарших выходов и служб, кодифицировавшего основные богослужебные обязанности патриарха[28] – все это довольно тесно объединяло Иоакима и Игнатия. И действительно, в жизни они были лучшими друзьями; умирая, патриарх завещал похоронить себя в Новоспасском монастыре у Римского-Корсакова, который пытался канонизировать Иоакима, велев изобразить его в монастырском соборе вместе со святыми и написав его «Житие»[29]. С В.В.Голицыным у Римского-Корсакова, напротив, были острые разногласия по вероисповедной политике.

Тем не менее Игнатий был настолько убежден в исторической миссии России, призванной освободить Европу от «агарян», что со всем красноречием и публицистическим талантом поддерживал внешнюю политику правительства Софьи и Голицына, в 1686 г. начавшего новую войну на юге. Более того, в критические дни августа 1689 г., когда Иоаким и его сторонники уже приступили к свержению правительства регентства, именно Римский-Корсаков создал речь в защиту царевны Софьи, подобные которой нечасто звучали даже в период наибольшего возвышения правительницы[30]. Игнатий правильно предвидел, что приход к власти правительства Нарышкиных приведет к свертыванию военных действий против Турции и Крыма. Тем не менее, когда это произошло, публицист представил двору еще одно яркое сочинение, призывающее к решительным усилиям по разгрому Османской империи[31]. Карьера Игнатия, разумеется, пострадала – архимандрит родового монастыря Романовых на много лет отправился сибирским митрополитом в Тобольск, но убеждениям своим он не изменил.

Яркая политическая публицистика, в которой не было недостатка в России последней четверти XVII в., влияла не столько на позиции государственных деятелей, сколько на умы подданных. Так, к началу решительных сражений на Украине в 1677 и 1678 гг., получивших название Чигиринских походов, Российское государство оказалось в исключительно сложном положении. Польша, по договору с которой Россия начала военные действия в 1673 г., заключила сепаратный мир с Османской империей и Крымским хан-

ством и заняла угрожающую позицию по отношению к бывшему союзнику. Священная Римская империя германской нации, вопреки договоренности, не вступила в войну.

Однако боевой дух русских и украинских войск был очень высок. В кровопролитных сражениях российская армия нанесла ряд мощных ударов полчищам Ибрагим-паши и великого визиря Кара-Мустафы. В.В.Голицыну, осуществлявшему по поручению царя Федора Алексеевича политическое руководство на театре боевых действий, пришлось приложить немалые усилия, чтобы удержать войска князя Г.Г.Ромодановского от таких ударов по врагу, которые лишили бы русскую дипломатию возможности в ближайшие годы начать мирные переговоры. По секретному указу государя Ромодановский вынужден был вывести гарнизон из разрушенного Чигирина[32]. Благодаря этому к 1681 г. Россия смогла выйти из войны один на один с Османской империей и Крымским ханством, но армия и народ не простили главнокомандующего: весной 1682 г. Г.Г.Ромодановский с сыном был убит восставшими стрельцами и солдатами как изменник, продавшийся туркам.

В невыгодных для войны на юге внешнеполитических условиях царский двор не прислушался к призывам публицистов и поддерживал с Турцией и Крымом мирные отношения, несмотря на нарушение противной стороной Бахчисарайского договора 1681 г. Лишь после того, как совместными усилиями дипломатам удалось организовать Священную лигу Империи, Венеции и Польши под покровительством Римского папы, а также добиться заключения Вечного мира, урегулировавшего польско-русские территориальные претензии, Россия вновь вступила в войну.

Во множестве дипломатических документов и государственных грамот, объявлявших об этом событии в России и за рубежом, в правительственной публицистике и универсалах украинского гетмана ничего не говорилось о претензиях России на византийское наследие или, хотя бы, на завоевание Крыма. Главным событием со всей определенностью называлось примирение двух соседних славянских государств, России и Польши. Вступление России в войну объяснялось, во-первых, условиями мирного договора с Польшей, во-вторых – необходимостью защиты от мусульманской агрессии. Даже в «Истинном и верном сказании» о Крымском походе 1687 г. (изданном усилиями Посольского приказа в Амстердаме), где появилось сообщение о намерении российских войск вступить в Крым, сохранялась первоначальная декларация намерений[33].

Аппетиты московского правительства относительно предполагаемых приобретений, о которых оно должно было объявлять сво-

им союзникам, были весьма скромными. Война до победного конца, вроде той, что пропагандировал Римский-Корсаков и ряд зарубежных публицистов, отнюдь не планировалась. Московское правительство желало лишь заключить в итоге военных действий выгодный мирный договор, освободив от турецкого присутствия нижнее течение Днепра, и блокировать Крым. Совместное с Польшей освобождение всей Украины (территория которой была, казалось, окончательно поделена договором 1686 г.) и вассальное подчинение Крыма Москве – таковы были ***максимальные*** притязания правительства на протяжении войны. Но общественное мнение во второй половине 1680-х гг. менялось, и в сложной внутри- и внешнеполитической обстановке должно было учитываться государственными деятелями.

Первоначально отношение русско-украинского общества к войне было сдержанным, а у части дворянства и гетмана Ивана Самойловича – резко отрицательным. Проповедь Иоакима падала тогда на подготовленную почву. Постепенно военные успехи (например, поход Г.И.Косагова на Очаков), политические мероприятия правительства (типа замены гетмана Самойловича И.С.Мазепой) и публицистические призывы к разгрому мусульман в Европе способствовали изменению общественного настроения. В правительственной пропаганде, наряду с прославлением побед русско-украинского оружия, стало проявляться завышение первоначальных задач Так, для мобилизации внутренних сил, предотвращения развала Священной лиги и, в особенности, для ускорения ратификации королем Яном Собеским Вечного мира, в конце 1687 г. было объявлено о намерении России «вступить» в Крым.

Поход на Крым в 1689 г. вызвал огромный интерес русской и зарубежной общественности. Воодушевление было так велико, что уже при подготовке похода в 1688 г. гетман И.С.Мазепа и фаворит царевны Софьи, глава Стрелецкого приказа окольничий Ф.Л.Шакловитый на секретном совещании называли перспективной целью внешней политики взятие Константинополя. Но и они понимали, что без строительства в Крыму базы военно-морского флота и завоевания господства на Черном море невозможно обеспечить коммуникации российской армии при походе через Молдавию, Валахию, Болгарию и Румелию.

Предложенный Мазепой рейд конного корпуса в Крым по льду, в обход Перекопа, не решал задачи захвата полуострова, ибо даже в случае капитуляции хана главные приморские крепости оставались в руках турок. Взятие Крыма стало бы возможным тогда, когда на полуостров вступит регулярная русская пехота[34]. Высказывая эти смелые мыс-

ли, Шакловитый умолчал о том, что не был уполномочен правительством вести подобные переговоры с гетманом. Как и при заключении Нерчинского договора с Цинской империей, он авантюристически действовал через голову Посольского приказа[35].

В.В.Голицын тщательнейшим образом готовил войска к преодолению безводных степей, до тех пор служивших лучшей обороной Крыма от регулярной армии, однако государственная документация ничего не говорит об изменении его внешнеполитических намерений. Канцлер и генералиссимус продолжал в ходе кампании 1689 г. тактику блокады Крыма и, как прежде, стремился отколоть Крымское ханство от Османской империи. Использовав новые технические, тактические и организационные средства, Голицын совершил, казалось, невозможное – практически без потерь привел огромную регулярную армию к Перекопу. Цель канцлера была достигнута: крымский хан убедился, что Дикое поле перестало служить ему надежным щитом и обещал покориться «под державу великих государей».

Но войска, возбужденные победоносным наступлением, не обращали внимания на то, что в указах о походе и даже в грамотах об «успехах и подвигах» (не говоря уже о переписке командования с Москвой) целью кампании назывался только поход «к Перекопи»[36]. Служилые люди рвались в Крым, не задумываясь о необходимости в этом случае заново организовать снабжение войск, о том, что пришлось бы не только овладеть Бахчисараем и прибрежными крепостями, но и удержать их в неизбежном столкновении с османскими десантами[37]. Армия не желала сознавать и то, что несколько новых поражений гораздо менее страшны для Крыма, чем организованное Голицыным планомерное давление, заставившее хана безвыходно сидеть за Перекопом, а его войска умирать от голода и эпидемий. Еще менее способны были дворяне и украинские старшины, возмущавшиеся бездеятельностью или даже «предательством» Голицына[38], осознать необходимость для русской дипломатии сохранять свободу маневра в ситуации, когда союзники ждали удобного случая, чтобы предать Священную лигу.

Успехи военных действий Голицына на юге были не всегда громки, но неизменно существенны. Начатым еще до Крымских походов строительством степных крепостей он выполнил обязательство перед союзниками, не пропуская крымскую конницу на помощь османским армиям, получил возможность поставить регулярную армию под Перекопом и нанес удар по опоре экстенсивной экономики ханства – грабительским набегам на соседей. По имперским разведывательным данным в начале XVIII в. вопрос о раз-

рушении русских крепостей занимал Оттоманскую Порту и Крымское ханство гораздо более, чем о возвращении Азова[39].

Россия же с постройкой Изюмской и Новой черт во вторую (1673-1681) и степных крепостей в третью (1686-1700) войну с Турцией выигрывала для мирного экономического освоения огромные пространства. Показателем того, насколько упало значение старых оборонительных рубежей, служит тот факт, что уже к 1690 г. для 87 городов Белгородской черты оказалось возможным увеличить срок сыска беглых в пять раз — с 3 до 15 лет[40]. В распоряжение государства и дворянства поступил обширнейший земельный фонд. Однако, на фоне нарисованных публицистикой лучезарных имперских перспектив, ***реальные*** успехи правительства регентства преуменьшались, а здравая внешняя политика казалась изменнически осторожной.

Несоответствие витавших в обществе политических идей и государственной практики способствовало тому, что армия и общество в целом не поддержали В.В.Голицына и его помощников, обвиненных новым правительством в «нерадетельной службе», лишенных чинов и имущества и сосланных. Ирония истории состояла в том, что именно правительство Нарышкиных, заявившее о неиспользованной возможности вторжения в Крым в 1689 г. и на этом основании обвинившее в «нерадении» Голицына с товарищами[41], практически свернуло военные действия против Турции и Крыма и вскоре постаралось подальше (в Сибирь!) отправить пропагандиста активной войны Игнатия.

Тенденция к своеобразным показательным, пропагандистским, стратегически незначительным захватам проявилась ненадолго в Азовских походах Петра. С изменением внешнеполитического курса России с юга на Балтику старые идеи оказались ненужными и даже попытка Римского-Корсакова вернуться в Москву и отстоять свои взгляды при дворе стоила ему жизни: публицист был объявлен сумасшедшим и уморен в темнице Симонова монастыря. Мотивировка войны со Швецией, в которую втягивал Россию Петр, хотя и включала идеи «мира» и «освобождения», значительно отличалась от рассуждений XVII в.

За бурными событиями царствования Петра I малозаметным остался факт признания за Россией имперского статуса в правление царевны Софьи и В.В.Голицына. Пока публицисты спорили, а историографы обсуждали происхождение и значение в Ойкумене православной Российской монархии, дипломаты добились признания Римским папой, германским императором, шведским и датским королями, рядом других европейских суверенов права России выступать на международной арене в качестве великой державы. Рус-

ские послы были приняты при дворах наравне с послами Священной римской империи германской нации. В ряде случаев признание имперского статуса Российского государства подкреплялось специальными договорами о посольском церемониале. Принятие Петром I императорского титула было лишь констатацией признанного в международных отношениях факта.

---

1 *Богданов А.П.* В тени великого Петра. М., 1998.

2 Статья относится к серии работ о формировании российской державной концепции в XVI-XVII вв. В этой серии вышли следующие статьи: *Богданов А.П.* Чины венчания русских царей // Культура средневековой Москвы XIV-XVII вв. М., 1995; *Он же.* Русь и Вселенная в период формирования имперской концепции (последняя четверть XVII в.) // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997; *Он же.* Российское православное самодержавное царство // Мировоззрение и самосознание русского общества. Вып. 2. Царь и царство в русском общественном самосознании. М., 1999. Эта тема развивается в книгах: *Богданов А.П.* От летописания к исследованию. Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995; *Он же.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001.

3 Подробнее см.: *Чистякова Е.В., Богданов А.П.* «Да будет потомкам явлено...». Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 86-102; *Богданов А.П.* Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1993. Вып. 6. С. 165-248; и др.

4 См.: *Богданов А.П.* Литературные панегирики как источник изучения соотношения сил в правительстве России периода регентства Софьи (1682-1689) // Материалы XVII Всесоюзной научной студенческой конференции. История. Новосибирск, 1979; *Он же.* Неизвестное сочинение Сильвестра Медведева: похвальная рацея царевне Софье // Там же. Филология; *Он же.* Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории за 1981 г. М., 1982.

5 *Чистякова Е.В., Богданов А.П.* Указ. соч. С. 50-59.

6 *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914; *Буганов В.И., Богданов А.П.* Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. М., 1991 С. 111-228; и др.

7 Игнатий Римский-Корсаков. Генеалогиа. М., 1994; *Богданов А.П.* Европейский историк в России XVII века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000; и др.

8 Подробнее о позициях сторон см.: *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). М., 1896; *Богданов А.П.* Сильвестр Медведев // Вопросы истории. 1988. № 2; *Он же.* К полемике конца 60-х – начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России: Источниковедческие заметки // Исследования по источниковедению истории СССР XIII-XVIII вв. М., 1986; *Он же.* Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. М., 1990. С. 231-382; *Он же.* Русские патриархи. М., 1999. Т. 2; и др.

9 *Лебедев А.* Полемические сочинения XVII века против латинян // ЧОИДР 1884. Кн. 3. Отд. 2. С. I-VI, 1-32.

10 *Цветаев Д.* Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 214-236.

11 «Известие» см.: БАН. П.I.А.8/16.16.7. 26 л.; РГБ. Ундольского № 1383. Л 98-122; Барсова № 694. 30 л. Окружные послания см.: Послания блаженного Игнатия митрополита сибирского и тобольского, изданные в Православном собеседнике. Казань, 1855.

12 Подробнее см.: *Богданов А.П.* От летописания к исследованию. С. 30-214.

13 *Замысловский Е.Е.* Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. Обзор источников. СПб., 1871. С. XXXV-XLII.

14 См., напр.: ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. Краткие летописцы XVII века; *Богданов А.П.* Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994. С. 14-62.

15 *Азбелев С.Н.* Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960; *Богданов А.П.* Летописец 1686 г. и патриарший летописный скрипторий // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994; *Он же.* Летописец 1619-1691 гг.; Летописец 1686 г.; Летописный свод патриарший 1680-х гг. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И-О. СПб., 1993; *Он же.* Летописец и историк...; и др.

16 Они были написаны Карионом Истоминым. См.: *Браиловский С.Н.* Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. Тексты и описания рукописей см.: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики. М., 1983. Вып. 1-2. № 12-13.

17 Памятники... № 15-16.

18 *Богданов А.П.* Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И.Е.Забелина // Русская книжность XV-XIX вв. М., 1989.

19 Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. М.,1683. Л. 94 и след.; рукописный текст: ГИМ. Чудовское собр. № 99/301. Л. 355-369 об. Этот текст был впоследствии атрибутирован Игнатию (см. прим. 3,12).

20 Андрей Лызлов. Скифская история. М., 1990.

21 *Каптерев Н.Ф.* Характер... Отд. II. Гл. VIII.

22 *Сменцовский М.* Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899. С. 252; *Лермонтова Е.Д.* Похвальное слово Лихудов царевне Софье Алексеевне. М., 1910; Древняя российская вивлиофика. М., 1789. Ч. VIII. С. 360; Памятники... С. 14-15, 19-22, 40-42.

23 *Богданов А.П.* Сильвестра Медведева панегирик царевне Софье 1682 г // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1982 г. Л., 1984, *Он же* Диалектика конкретно-исторического содержания и литературной формы в русском панегирике XVII века // Древнерусская и классическая литература в свете исторической поэтики и критики. Махачкала, 1988; *Он же.* София – Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна: Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Вып. 7; *Он же.* Царевна Софья в современных поэтических образах // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999.

24 *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под главенством Оттоманской Порты. М . 1887 С. 620-622; *Бабушкина Г.К.* Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // Исторические записки. Т. 33. М., 1950.

25 О политике В.В.Голицына подробнее см.: *Буганов В.И.* «Канцлер» предпетровской поры // Вопросы истории. 1971. № 10; «Око всей Великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI-XVII веков М., 1989 С 179-228; *Богданов А.П.* Первые российские дипломаты. (Исторические портреты). М., 1991. С. 33-59; *Он же.* Канцлер и генера-

лиссимус Василий Голицын // Перекрестки эпох. Социокультурное время. Сборник трудов. М., 1997.

26 О взглядах Иоакима см.: *Богданов А.П.* Русские патриархи. Т. 2. С. 42-314.

27 ГИМ. Синодальное собр. № II/992. Ркп.19; Чудовское собр. № 302. Л. 146а-146а об., 169-173 об.

28 РГАДА. Саровское собр. № 237. Л.151-228.

29 *Барсуков Н.П.* Житие и Завещание святейшего патриарха московского Иоакима // Общество любителей древней письменности. Т. 47. М., 1879. Игнатию принадлежит неоконченное Житие, Послание и стихи «Над гробом в таблице». Духовное завещание и две эпитафии написаны Карионом Истоминым, см. его автографы: ГИМ. Чудовское собр. № 98/300. Л.311-312; № 100/302. Л. 87б об., 163; № 88/290. Л. 39 и сл. 161 об.; и сл.

30 Памятники... № 32.

31 «Слово избранно...» (1690 г.) см.: БАН. П.I.А.8.

32 Секретный указ см.: Собрание государственных грамот и договоров. Т. IV. М., 1826. № 112. С. 365-366; Полное собрание законов Российской империи. Серия I. Т. 2. СПб., 1830. № 729. С. 166-168. О мотивах этих решений см.: *Богданов А.П.* Неизвестная война царя Федора Алексеевича // Военно-исторический журнал. 1997. № 6; *Он же.* В тени великого Петра. С. 108-150.

33 *Греков И.Б.* «Вечный мир» 1686 г. // Краткие сообщения института славяноведения АН СССР. М., 1951. № 2; *Богданов А.П.* «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе 1687 г. – памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982.

34 *Востоков А.Х.* Посольство Шакловитого к Мазепе в 1688 г. // Киевская старина. 1890. Т. 26. Апрель-июнь.

35 *Демидова Н.Ф.* Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.

36 Турция в XVII в. отстаивала статус Черного моря как «внутреннего озера» не менее ревниво, чем Россия статус проливов в XIX-XX вв.

37 РГАДА. Ф. 123. Реестр II. Св. 1687 г. № 1; Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. № 1/1.

38 Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 177; РНБ. Собр. Вяземского. Q.CCXI. Л.217 об.; *Желябужский И.А.* Записки // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. С. 211; *Лазаревский А.* Черниговская летопись // Киевская старина. 1890. Апрель-июль. Приложения. С. 89; РГАДА. Ф. 181. № 358. Л. 1207.

39 *Бабушкина Г.К.* Указ. соч.; РГБ. Ф. 29. № 66. Л.-127; Турция накануне и после Полтавской баталии (глазами австрийского дипломата). М., 1977. С. 39-40.47-48, 50, 53, 56, 64-65, 80.

40 *Маньков А.Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.-Л., 1962. С. 56-57, 60-73; и др.

41 Удивительно единообразная оценка II Крымского похода историками прямо восходит к приговору князьям Голицыным: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. Стлб. 1-6 (с «объявлением»; ср. стлб. 61-70, 636, 945-957, 987-998, 1023 и сл.) – как будто политические обвинения в адрес поверженных противников заслуживают доверия. Любопытно, что новейший исследователь не удовлетворился повторением этой клеветы, а попытался продолжить расследование «предосудительных переговоров с врагом» под Перекопом, отвергнутое самими «петровцами», выяснившими, что никакой «мирный договор» с крымцами Голицын не «учинял» и золота за это не брал (*Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682-1689 гг. М.,

1999. С. 152-155). Подтвержденные «распросом» посольского подьячего С.Тонкачеева сообщения Иржи Давида и Невилля о содержании выдвинутых Голицыным требований к Крыму отнюдь не «опровергают официальную версию» об отказе России от сепаратного мира; такого не выдумали даже польские резиденты, на донесениях которых основан текст Невилля (*Де ла Невилль.* Записки о Московии М., 1996. С. 150). Правительство Голицына требовало отказа Крыма от действий против России и Польши, от «помощи» османам (т.е. выхода из подчинения Турции в интересах «всех союзников»), информировало о переговорах членов Священной лиги и иностранных резидентов. Но и зная это, Лавров пишет о «тайных переговорах с крымцами... являвшихся очевидным нарушением союзнических обязательств»; вот яркий пример могущества «петровской» легенды.

Жбанкова Е.В.

ПРИОБЩЕНИЕ РОССИИ К ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ БАЛЬНОГО ТАНЦА

С древности человек владеет секретом удовольствия, получаемого от организованного телодвижения. В русском языке подобные движения с течением времени получили название плясок. Пляска – одно из самых давних и примитивных проявлений образного мышления и разнообразных человеческих эмоций. В коллективной жизни первобытных людей танцы играли более значительную роль, чем во все последующие времена. Именно они являлись универсальным средством коммуникации, позволявшим людям лучше понять друг друга в разных жизненных ситуациях. Только при помощи определенного, строго соблюдаемого набора условных движений, иногда в сочетании с определенной музыкой и пением, человек мог воспроизвести полученные им впечатления и передать необходимую информацию в доступной ему художественной форме.

Исследователями-антропологами древние танцы традиционно подразделяются на четыре группы: религиозные, военные, бытовые и эротические.

Бытовые танцы, как правило, отображают свойственные этому народу трудовые процессы и иллюстрируют значительную часть обрядов, принятых в этой местности. Это специфические охотничьи и рыбацкие пляски, танцы, имитирующие сельскохозяйственные процессы, обрядовые свадебные танцы, танцы, принятые на похоронах и пр. Именно этот вид древних плясок послужил основой для создания современного народно-характерного танца.

Военные пляски изображают готовность одного племени идти на борьбу с другим, являются общепринятым ритуалом перед началом битвы. Из широко известных ныне танцев, например, украинский «Гопак» считается эволюционным итогом военной пляски[1].

Эротические танцы всегда служили для облегчения процесса сближения полов. Это наиболее устойчивая разновидность хореографии, сохранившая свое первобытное значение и до наших дней. Эти пляски, видоизменившись, послужили основой для возникновения в мировой культуре понятия общественных или салонных (бальных) танцев.

Подобное истолкование роли первобытных плясок в истории человечества довольно условно, и деление плясок на виды, и выводы о том, основой каких танцев в будущем они явились, также весьма приблизительны. Однако с большей долей достоверности

можно сказать, что у большинства народов наиболее значимой, устойчивой и подчиняющей себе другие виды плясок, была пляска религиозная. Она была самой торжественной и представляла собой часть выполнения разных обрядов в ходе отправления религиозного культа. Универсальный танец культового происхождения – хоровод, посвященный солнцу, – под разными названиями встречается практически у всех народов и до сих пор является важным элементом хореографических построений.

В Древней Руси на раннем этапе язычества, как и во многих других странах, многочисленные торжества включали в себя самое широкое пиршество и игрище, сопровождаемое многочисленными и разнородными плясками. Праздники подчинялись сельскохозяйственному календарю и подразделялись на: еженедельные праздники «света», ежемесячные коляды, праздник первых ростков, «семик» или Ярилин день, летние и зимние русалии, праздник Купала, праздник Перуна, начало жатвы, праздник первых плодов и пр. Кульминацией народных языческих праздников были русалии, именно во время них больше всего плясали в древней Руси. «Русальские «игры» состоят в хороводах и разнообразных танцах и прыжках. Танцы ведутся в быстром бешеном темпе, когда кажется, что русальцы не касаются земли. Главным мотивом являются разнообразнейшие формы извивания... Пляска сопровождается восклицаниями, вскриками. Игра завершается тем, что русальцы доходят до исступления и падают без чувств»[2].

Безусловно, религиозные пляски были составной частью жизни человечества еще задолго до появления на исторической арене восточных славян и древнерусских народов. Обрядовые и религиозные танцы являлись важной стороной жизни, например, древних иудеев. В Ветхом Завете отмечено, что Моисей, перешедший Чермное море был встречен «тимпанами и ликованием», плясками же сопровождалось поклонение золотому тельцу[3].

Хрестоматийным примером роли танцев в жизни древнего общества является хореографическая культура Древней Греции. Танцы у греков имели огромное значение и как часть религиозного культа, и как часть общефизической подготовки молодежи, о которой в других странах заботились не столь тщательно. Во времена Ликурга танцы считались отличным воспитательным средством, и обучались им не только мальчики, но и девочки[4].

Христианская религия вначале допускала и признавала священные пляски, следуя языческой и иудейской традиции. На картинах многих средневековых художников, например Эль Греко, есть изображения танцующих ангелов, и это дает возможность пред-

положить, что если ангелы на небе не стыдятся заниматься танцами, то это – богоугодное дело. С XI в. католическая церковь вводила в торжественные моления коллективные процессии и церемониальные танцы, исполняемые церковным хором[5]. Начиная с XIII в., в Испании торжественно справляли праздники «тела Христова». На них «религиозная процессия сопровождалась танцами, пением и представлениями, перемешиваемыми с обрядами литургии»[6].

С XV в. европейские «священные действа» постепенно теряют религиозный характер и превращаются в театрализованные представления, сопровождаемые массовыми танцами. К этому времени практика светских общественных танцев – балов – уже прочно вписалась в быт средневековой знати и феодалов. Тогда во время каких-либо праздников танцевали общие променадные танцы – шествия по парам. Католическая церковь периодически пыталась запрещать их, как не соответствующие аскетическому идеалу средневековья, чуждого светских забав. Так, в Париже в очередной раз были запрещены все публичные танцы в праздничные дни уже во второй половине XVII в. Свидетельством того, насколько прочное место в европейской жизни занимал общественный танец, является факт открытия Королевской Академии танца во Франции в 1661 г. Привычка танцевать в сочетании с жизнелюбивым характером европейцев помешали строгим церковным запретам искоренить стремление к общественным развлечениям.

На русской почве проблема с внедрением общественных публичных танцев в культурные традиции выглядела несколько иначе. С принятием христианства на Руси и его повсеместным распространением началось естественное наступление на языческие обряды, в том числе и на народные пляски. Однако совпадение многих христианских праздников с языческими привело к тому, что традиционные языческие игрища стали приурочиваться к датам православного календаря. Русская православная церковь – наследница Византии – строила свою жизнь по еще более строгим требованиям в отношении соблюдения правил монашеского аскетизма как идеала человеческого бытия, чем это было принято в католической Европе. Пляски, безусловно, попадали под запрет, так как в первую очередь свидетельствовали о радости и торжестве тела, являлись способом удовлетворения плотских желаний. К тому же русские обрядовые танцы действительно мало отличались высокой нравственностью. В дневнике камер-юнкера Берхгольца есть описание русского национального народного свадебного танца, исполненного в XVIII в., но совершенно по тем же правилам, что и в древности. Две работницы купеческой полотняной фабрики проплясали

«одну употребительную у здешних крестьян свадебную пляску, которая очень замысловата, но не отличается грацией по причине непристойности движений. Сперва пляшут оба, следуя один за другим, делая друг другу разные знаки лицом, головою, всем корпусом и руками; потом девушка жестами делает объяснение в любви парню, который однако же не трогается этим, напротив, старается всячески избегать ее до тех пор, пока она, наконец, утомляется и перестает; тогда парень, со своей стороны, начинает ухаживать за девушкою и с большим трудом заставляет ее принять от него, в знак любви, носовой платок; после чего она во всю длину ложится на спину и закрывает себе лицо этим платком. Парень пляшет еще несколько времени вокруг лежащей, с разными смешными ужимками, прикидываясь очень влюбленным; то он как будто хочет поцеловать ее, то, казалось, даже приподнять ей юбку, – и все это среди пляски, не говоря ни слова. Но так как девушка, представлявшая парня, из стыда, не хотела докончить пляски, то доплясать ее велели одному из мальчиков лет девяти или десяти, который тотчас же охотно согласился на это. Проплясав, как и девушка, раза два вокруг лежавшей на полу, он вдруг вспрыгнул на нее и несколькими движениями, каких вовсе нельзя было ожидать от такого ребенка, довершил пляску»[7].

Русская церковь неоднократно высказывалась против плясок, называя их «лестью идольской», «хулной потехой», «бесовской игрой», «богомерзким делом», «еллинским бесованием» и пр. Особенно осуждались танцующие женщины. В церковных проповедях говорилось, что «пляшуще бо жена – любодейница дьявола, супруга ада, невеста сатанина» и что «многовертимое плясание... во дно адово влечет»[8].

В стенной росписи Царской палаты XVI в. в числе аллегорических образов находилась фигура танцующей женщины, о которой И.Висковатый написал следующее: «В палате середней Государя нашего написан образ Спасов, да тута же близко от него написана жонка, спустя рукава кабы пляшет, а подписано под нею: блужение...»[9]. Не случайно женщина изображена в одежде с длинными рукавами, это традиционная танцевальная одежда на Руси периода язычества, борьба с остатками которого продолжалась в течение многих столетий. В Стоглаве так и записано: «...по священным правилам и по заповеди святых отцов отныне и впредь всем православным християном на таковая древняя еллинские беснования не исходити ни во градех, ни по селам, ни по рекам. И о том благочестивому царю по всем градом и по селам своя царская заповедь учинити, чтобы православне християне на таковое беснование еллин-

ское впредь не сходилися и чтобы то еллинское беснование отныне и впредь Божию благодатию и в твое христолюбивое царство попрано было до конца... Правило 61 и 62 святаго шестаго собора святых отец возбраняет... и запрещает православным християном поганских и еллинских обычаев и игор, и плясания, и плескания»[10].

К XVI в. в русском государстве сложился устойчиво-замкнутый образ жизни. Особенно суров он был для русской женщины. Она должна была жить дома практически взаперти, в тереме, редко выходить, даже посещение церкви надо было сводить до минимума, по возможности не позволять себя видеть постороннему глазу. Для молодой женщины эти правила были законом, так как она могла подвергнуться мирским соблазнам, пожилой женщине жить было немного проще. Понятно, что в подобной ситуации никакого участия женщины в праздничных коллективных хореографических действах быть не могло.

Несмотря на постоянные церковные запреты, публичные танцы на Руси все же оставались любимой праздничной потехой, но только для простых людей. Русскому же боярину, всячески старавшемуся придерживаться древних традиций, плясать, в отличие от европейского знатного вельможи, считалось крайне унизительным для его боярского достоинства. «Можно было забавляться кривлянием шута, а не самому быть шутом для забавы другого»[11].

Подобное отношение никак не способствовало развитию на русской почве культуры бальных танцев, предназначавшейся прежде всего для среды высших слоев общества и, безусловно, предполагавшей участие женщины в публичных развлечениях. Культура бального танца в Западной Европе к XVI в. уже достигла очень высокого уровня. Примечательно, что в европейских странах парные общественные танцы, то есть с непременным участием и женщины, и мужчины, появились уже в XIII в. Более того, до этого времени в танцах высшего общества участвовали только женщины, а мужчины предпочитали смотреть на это интересное зрелище[12]. В XIII в. во время праздников и балов дамы и рыцари в нарядных одеждах, держась за руки, исполняли на ходу под музыку различные танцевальные фигуры. Основным видом движения был традиционный хоровод, сопровождаемый отбиванием такта руками.

Нужно отметить, что к XVI в в Европе сложилась целая система общественных или придворных танцев, делившихся на два вида: низкие или плавные танцы и шутливые или прыгающие.

Низкие танцы исполнялись в очень медленном темпе и включали в себя несколько разновидностей: поклоны или реверансы; хороводы, променады или прогулки; плавное медленное кружение

вокруг себя или под рукой у кавалера. Самыми популярными низкими танцами были гальярда, или по-другому романеска, исполнявшаяся под аккомпанимент тамбуринов и гобоев, разнообразные бранли и величественная павана.

Шутливые или прыгающие танцы были гораздо подвижнее и ритмичнее низких. К ним причислялись круговые пляски, фарандола, сальтарелла и вольта – предшественница вальса. Впрочем, по правилам приличия того времени низкие танцы считались более благовоспитанными и поэтому на общественных балах танцевались чаще.

Французский каноник XVI в. Жан Табуро, писавший под именем Туано Арбо, составивший целый трактат о европейской средневековой бальной хореографии, дал пространные советы исполняющим общественные танцы разных видов, включающие в себя и общие правила поведения на балу. «Как только вы пройдете в то место, где собрались особы для танцев, вы должны прежде всего выбрать приличную и скромную девицу, которая вам больше всего приглянется, и, сняв вашу шляпу или шапку левой рукой, подать ей правую руку, чтобы повести ее к танцу. Она же, если благовоспитанная и скромная девица, подаст вам левую руку и встанет, чтобы следовать за вами. Затем вы ее поведете в конец залы на виду у всех и предупредите музыкантов, чтобы они заиграли низкий танец, а то иначе они могут по недоразумению заиграть совсем другой род танца. Когда музыка начнет, начинайте и вы танец, и помните, что музыканты, от которых вы потребовали непременно низкий танец, могут в свою очередь требовать от вас, чтобы вы танцевали плавно, медленно, не сбивались и держались такта...

Вы начали хорошо выделывать ваши па и движения, и начали в такт, но когда вы танцуете в обществе, не наклоняйте вашей головы, чтобы контролировать ваши па и следить за движениями ваших ног, держите вашу голову и туловище прямо, смотрите уверенно, старайтесь возможно меньше сморкаться и плевать, и если вы вынуждены это делать, отверните ваше лицо в сторону и употребляйте при этом белый носовой платок. Ведите приятные разговоры, и пусть ваша речь будет тихая и нежная, пусть ваши руки висят, но не так, как у мертвых, хотя и жестикулировать ими не годится, будьте чисто и прилично одеты, пусть ваши чулки будут хорошо натянуты, а башмаки вычищены. Когда вы стоите с избранной девицей в конце залы, может прийти другой, тоже с девицей и стать напротив вас, чтобы танцевать с вами визави, и вы должны подходить друг к другу, затем отступать и делать повороты. Продолжайте танцевать, пока музыка продолжает играть, но не выбивайтесь из такта, а напротив, всегда выдерживайте его. Следует также девицу

держать за руку и не отпускать ее, когда же музыка замолчит, следует сделать девице поклон и водворить ее на то место, откуда вы ее взяли, и еще раз поблагодарить ее за честь, которую она вам оказала, танцуя с вами».

И далее о шутливых танцах: «Вы, протанцевав вольт, водворили на прежнее место молодую девицу, и она тогда почувствует, как бы она ни старалась по благовоспитанности скрыть это, как ее мысли, разум, голова начнут кружиться, а все окружающее вертеться перед глазами, – и вы будете испытывать то же самое, хотя, быть может, в меньшей степени. Я предоставляю вам судить, прилично ли такое состояние для молодой девицы, и не подвергаются ли в этом танце здоровье и честь этой девицы всяким случайностям и неприятностям»[13].

XVII в. – время расцвета европейской бальной культуры. Даже на Руси, не имеющей отношения к этому процессу, на рубеже XVI-XVII вв., благодаря усилению контактов с европейскими странами из-за участившихся приездов иностранцев в Россию, произошло некоторое знакомство с европейской бальной хореографией. При царском дворе исполнялись польские, литовские и украинские пляски[14]. Видимо, именно в это время в русском языке появилось само слово «танец» (danza – итал., danse – франц., tanz – нем.). Воочию Москва увидела европейские танцы во всем их великолепии во времена «смуты», когда при дворе Лжедмитрия I проводились пышные польские балы. Однако коллективных общественных танцев в России XVII в. еще не было, кроме танцевальных вечеров и балов, устраиваемых для себя иностранцами, живущими в Немецкой слободе.

Что же танцевали на балах в Европе XVII в.? Законодательницей мод в бальных танцах стала Франция, а двор Людовика XIV представлял собой большой танцевальный салон. Основным видом балов были балы придворные, проводимые по самым строгим правилам светского этикета. Кроме них в практике общественных развлечений были маскарадные или костюмированные балы. Они отличались большей свободой и непринужденностью и были более популярны среди французской знати. Постепенно бальные танцы из королевского двора и домов знати проникают и в другие слои общества, превращая обычай избранных в повсеместный. Наиболее любимыми танцами в это время были: куранта – род горделивого шествия, аллеманда – медленный массовый танец, довольно простой в исполнении и поэтому долгое время остававшийся одним из основных, салтарелла – парный танец, исполняемый в нарастающем темпе, темпераментный пасспье и грациозная сарабанда. Ведущим танцем XVII в., «танцем королей и королем танцев» стал

менуэт. Свое название он получил от pas menu («маленьких шагов»), характерных для менуэта. Этому танцу нужно было долго обучаться, так как он отличался сложной манерой исполнения. Переход от одного движения к другому должен был совершаться без рывков и в точном ритме, плавно и красиво. Особенно сложной была мужская партия, в которой большую роль играли движения со шляпой. Ее следовало элегантно снять во время реверанса, красиво держать попеременно то в одной, то в другой руке, и непринужденно надеть. Руки танцующих должны были быть красиво изогнуты, завершая позы менуэта; их не полагалось поднимать высоко, соединение рук в парах должно было происходить мягко и плавно. Исполнители менуэта располагались строго по рангам. При французском дворе в первой паре всегда шли король и королева, после них – дофин с одной из знатных дам. Отсюда возникли названия разновидностей менуэта: менуэт de la Reine и менуэт de Dauphin[15].

Менуэт, несколько видоизменившись, и в XVIII в. оставался одним из основных бальных танцев. Вместе с ним наиболее популярными танцами были: гавот – жеманный и манерный танец (стиль рококо в хореографии); полонез – торжественный и важный танец, основным требованием для исполнения которого было сохранение горделивой осанки; контрданс (англез в России, франсез в Германии) – собирательное название для группы танцев, где четное количество пар танцует друг против друга. Контрдансами могли называться экосез, французская кадриль, лансье, гросфатер, тампет, матредур и др. Для неподготовленного человека эти танцы были довольно сложными и поэтому требовали предварительной подготовки и длительного обучения у специалистов-танцмейстеров.

Как же случилось, что весьма поверхностно знакомая с тонкостями бального этикета и совершенно не приобщенная к танцевальным традициям Европы русская знать в первой четверти XVIII в. стремительно освоила эти хореографические премудрости? Более того, никогда ранее не танцевавшая в обществе и даже не показывавшаяся на людях русская женщина, не искушенная в тонкостях западного «политеса», стала не уступать в хореографической ловкости европейским дамам.

Этот резкий перелом произошел благодаря настойчивому личному желанию Петра I научить русское общество особому интернациональному языку бального танца, усвоение которого позволяло вести непринужденный хореографический диалог с представителями любой европейской страны. Приобщение к бальной культуре требовало введения в обиход русского высшего общества ранее совершенно неизвестных ему понятий «хороший тон» и «приличные

манеры». Ради усвоения этих премудростей русским приходилось делать многие необычные, а по представлению цепко державшихся за древние русские традиции родовитых дворян, и непристойных вещей. Это в первую очередь касалось физических упражнений по установленным правилам для тренировки тела перед выходом в танце на публичном балу. Особенно неприличным, по их мнению, это считалось для женщины. Однако правил этих в России в начале царствования Петра I не знал практически никто. Сам Петр приобщился к танцевальной практике в свои ранние годы в доме у Лефорта в Немецкой слободе, где постоянно проводились публичные балы для иностранцев, живущих в России. Придя к власти, Петр активно и жестко стал заставлять учиться танцам своих приближенных и устраивать периодические балы уже в Москве. Известен тот факт, что в сентябре 1698 г. А.Меншиков был жестоко избит Петром на таком балу за нарушение танцевального этикета — тот не снял сабли перед танцами[16].

Русские кавалеры и дамы в начале XVIII в. в большинстве своем обучались танцам либо во время поездок за границу, либо, что чаще, у пленных шведских офицеров, которых в это время в Москве было довольно много, и они с удовольствием брались за этот вид деятельности ради куска хлеба. Под страхом наказания приказано было танцевать всем девицам, начиная с 14-летнего возраста[17].

Скоро танцы входят в число обязательных предметов при воспитании молодежи как в домашних условиях, так и во вновь открываемых казенных учебных заведениях. Для обучения танцам своей семьи Петром был выписан из Данцига мастер танцев Иоганн Кунст. Танцмейстеров или учителей «танцев, учтивств и кумплиментов» выписывали из-за границы и многие приближенные царя для обучения сложной науке танцев самих себя и своих семей. А.Меншиков, например, учителя танцев имевший давно, но, видимо, мало способный к хореографии и танцевавший на балах долгие годы только несложный полонез, после пятидесяти лет вдруг начал танцевать менуэт.

На первых порах участие дворянской молодежи в общественных танцах не было массовым. На придворные балы и балы, устраиваемые в домах знати, не всегда можно было попасть, да и родители — в большинстве своем сторонники прежних традиций — пытались не разрешать своим детям танцевать бальные танцы. Поэтому в 1718 г. был опубликован знаменитый указ об ассамблеях, положивший начало обязательному поочередному устроению публичных балов, в соответствии со строгим планом в домах придворных, независимо от их личного отношения к общественным тан-

цам. Балы эти начинались в девять часов вечера и длились до полуночи. Все пришедшие должны были принимать участие в танцах. Проходил бал по правилам, традиционным для европейского бала. Первым танцем всегда был торжественный полонез или немецкий танец, исполняемый высочайшими особами или хозяевами. Затем танцевались менуэты и контрдансы, количество которых варьировалось, потом шли подвижные танцы, в исполнении которых широко приветствовалась импровизация. Подобные танцы-импровизации обстоятельно описаны в дневнике камер-юнкера Берхгольца. В Петербурге на балу у канцлера Головкина был исполнен танец, продолжавшийся более получаса. Десять или двенадцать пар связали себя носовыми платками и каждый из танцевавших, по очереди идя впереди, должен был выдумывать новые фигуры. Особенно этот танец понравился дамам. Когда очередь доходила до них, они делали свои фигуры не только в танцевальном зале, но переходили в другие комнаты, выходили в сад, шли на другой этаж дома, на чердак и пр., стараясь перещеголять одна другую. При всех этих переходах один из музыкантов со скрипкой должен был постоянно прыгать впереди. По-настоящему это был не танец, а просто прогулка, в которой один увлекал за собой другого[18].

В Москве на ассамблее у Шафирова генерал Ягужинский придумал необычный танец, продолжавшийся целый час. Двенадцать пар под его руководством начали танцевать очень медленный, но полный прыжков, англез, потом перешли в польский, тоже с интенсивными прыжками. Затем начали новый танец, который Берхгольц даже не смог назвать. В нем тоже было много прыжков, и нужно было делать разные забавные фигуры. После этого все были поставлены в один общий круг, и каждый по очереди должен был придумать новую фигуру, а все ее повторить. В числе многих выдумок были следующие: одна дама поцеловала своего кавалера, а затем стащила ему на нос парик – все повторили это. Одни, сделав перед своей дамой глубокий реверанс, целовали ее, другие, протанцевав несколько раз в кругу, начинали пить за здоровье общества, третьи делали щелчки в воздухе, четвертые вынимали во время танца табакерку и нюхали табак. Сам генерал Ягужинский, как выдумщик танца бывший последним в изобретении фигуры, заметил, что некоторые, не участвовавшие в танце, смеялись, когда в кругу целовали дам, или когда дамы должны были целовать кавалеров. Тогда он вышел из круга и перецеловал всех зрительниц, которые по правилам бального этикета не могли отказать в этом ни ему, ни всему кругу, последовавшему его примеру[19].

Подробное описание Берхгольцем своего пребывания в Петербурге и Москве с практически каждодневным участием в публичных балах и ассамблеях позволяет заметить, что даже во время Великого Поста практика устроения общественных танцев не прерывалась. То, что русская знать в своей нынешней привычке к легкомысленному времяпрепровождению даже не соблюдала традиционного запрета христианской церкви на увеселения во время постов, показывает, насколько далеко она отошла от прежней затворнической русской жизни.

Очень строго в петровские времена относились к соблюдению танцевальных законов во время русских дворянских свадеб. По сути свадьба была особым видом бала. Танцы начинались сразу же после свадебного стола. Распоряжался ими свадебный маршал. Вначале исполнялись церемониальные танцы. Танцевали маршал в паре с невестой и два старших шафера (всего на свадьбе было двенадцать шаферов) с посаженной матерью и сестрой невесты. Они делали несколько кругов медленными шагами, кланяясь всем гостям. Затем пары могли меняться, и церемониальные танцы повторялись до шести раз. Маршал, после первого танца уступавший невесту жениху, танцевал один впереди всех, дирижируя жезлом, символизирующим маршальскую власть. После этого танцевались традиционные польские, менуэты и контрдансы. Заканчивался свадебный бал последним церемониальным танцем, называемым «прощальным». Маршал с жезлом, сопровождаемый музыкой, вел в танце жениха и невесту, а за ними всех родственников и гостей, по комнатам дома до спальни невесты. Все двенадцать шаферов должны были держать по зажженному восковому факелу. Процессия заходила в спальню невесты, где были накрыты сладкие столы и, угостившись, отправлялась опять танцевать, оставляя молодых одних. На второй день свадебные танцы повторялись по той же схеме.

Стремительное, но прочное вхождение бальных танцев в жизнь и быт русского дворянского общества первой четверти XVIII в. сыграло огромную позитивную роль. Танцы и их преподавание становятся общественной потребностью. В 30-40 гг. XVIII в. танцевальная практика из высших кругов проникает и в более широкие слои населения. Люди повсеместно начинают учиться танцевать, слушать музыку, думать о хороших манерах. Занятия хореографией сказываются на физической подготовке человека – приучают его красиво и правильно стоять, ходить, сидеть, грациозно держать руки, словом, заставляют человека стремиться выглядеть лучше. Умение танцевать позволяет участвовать в публичных забавах и способствует знакомству людей противоположного пола друг с другом.

Для России XVIII в. наконец-то становятся актуальны слова Табуро, высказанные им по поводу увлечения танцами в средневековой Европе: «Танцуют главным образом для того, чтобы влюбленные могли обоюдно узнать, здоровы ли они, и достаточно ли они сильны и бодры. В конце танца позволялось кавалеру поцеловать свою возлюбленную, и таким образом они оба могли убедиться в том, приятное ли у них дыхание, и не страдают ли они каким-либо противным и отталкивающим запахом»[20]

Развитие бальной танцевальной культуры в России, в первую очередь, способствовало общению людей друг с другом, помогало овладеть особым хореографическим языком движения, понятным в любой европейской стране. Правила этикета, предусмотренные для бала, заставляли, хотя бы внешне, проявлять уважение к женщине, прививали привычку к изящному, вкус к хорошим манерам и по-своему способствовали смягчению классически сурового русского нрава.

---

1. *Бахрушин Ю.А.* История русского балета. М., 1977. С. 8.
2. *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. М., 1988. С. 657-675, 680.
3. Библия. М., 1983. С. 69, 87.
4. *Плутарх.* Избранные жизнеописания. М., 1987. С. 106.
5. *Красовская В.* Западно-европейский балетный театр. От истоков до середины XVIII века. Очерки истории. М., 1979. С. 17.
6. *Игнатов С.* Испанский театр XVI-XVII веков. М.-Л., 1939. С. 18-19.
7. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1925 год. М., 1857. Ч. 1. С. 94-95.
8. *Фаминцын А.С.* Скоморохи на Руси. СПб., 1889. С. 164.
9. Цит. по: *Михневич В.* Исторические этюды русской жизни. Т. 2. СПб., 1882. С. 253.
10. Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 368-369.
11. *Фаминцын А.С.* Указ. соч. С. 15.
12. Танцы, их история и развитие с древнейших времен до наших дней. СПб., 1902. С. 23.
13. Цит. по: Танцы, их история и развитие с древнейших времен... С. 29-33.
14. *Васильева-Рождественская М.В.* Историко-бытовой танец. М., 1987. С. 206.
15. Там же. С. 85.
16. *Платонов С.Ф.* Петр Великий. Личность и деятельность. Л., 1926. С. 76.
17. *Худеков С.Н.* История танцев. Пг., 1918. Ч. 4. С. 5.
18. Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. 1. М., 1857. С. 115-116.
19. Там же. Ч. 2. М., 1858. С. 133-134.
20. Цит. по: Танцы, их история и развитие... С. 22.

Казакова О.Ю.

АМЕРИКАНСКИЙ ХАРАКТЕР В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ЛЮДЕЙ (конец 1850-х – 1860-е годы)

В международных отношениях взаимовосприятие народов играет существенную, хотя не всегда осознаваемую роль. Образ другой страны, чужого народа является также и инструментом собственного национального определения, и способом познания окружающего мира. Обычно при изучении этнических представлений идет речь об образах – продуктах большой культуры с четкой рациональной доминантой – и стереотипах, характерных для народной культуры с явным мифологическим содержанием[1]. Основа данной классификации – выделение субъектов восприятия.

Однако проблемное поле изучения этнических представлений весьма обширно, что дает почву для многоаспектного анализа вопроса. Обращение к объекту восприятия, то есть другой стране, народу, культуре также требует дифференцированного подхода. Так как каждый народ связан с тем или иным государственно-территориальным образованием (Францией, Германией, США и др.), то определенную, а иногда весьма значительную долю этнических представлений о нем составляют знания о географии, истории, институциональных и кодификационных основах строя, политике и идеологии государства. Для середины XIX в. очевидно, что освоение этих сторон жизни другого народа – приоритет сугубо «образованного меньшинства», общественно-политической элиты, восприятию и мышлению которой присущи рационализм, логика и верификация.

В то же время непременным объектом этнического восприятия выступает образ жизни людей, то есть поведение, обычаи, традиции представителей иной культуры. На основе знакомства с ними складываются впечатления о ценностях, психическом складе, национальном типе и характере, то есть о таких явлениях общественной жизни, рациональное осмысление и верификация которых весьма проблематичны. Между тем, именно они составляют тот «сухой остаток» взаимовосприятия, который транслируется в менее развитые слои отечественной культуры.

Таким образом, создается своеобразная система координат, в которой тот или иной этнический образ находится на пересечении характеристик объекта и субъекта восприятия. Представляется ин-

тересным обратиться к такой проблеме, как восприятие американского характера русским обществом, то есть носителями большой культуры.

Каждая нация обладает характерными чертами, которые отличают ее от всех других наций. Эти черты проявляются буквально во всем: в манере поведения, в традициях, обрядах, в отношении к труду, институтам власти, в способе мысли и чувствования, в особенностях языка, в чувстве юмора. В целом они и составляют то, что принято называть национальным характером.

Изучение национального характера – одна из сложнейших проблем, которая находится на стыке различных наук. Ее исследование требует привлечения обширных исторических фактов, социально – психологических наблюдений, анализа традиций и обычаев и пр. В общественных науках вряд ли найдется другая тема, которая, пользуясь повышенным вниманием, была бы в то же время столь сильно запутанной, как проблема «национального характера»[2]. Теоретическое осмысление феномена американского характера представляет еще большие трудности в связи с неоднозначностью трактовки американской нации. Тем не менее, на уровне бытового сознания существование его не вызывает сомнений, является психологической и культурной данностью. Национальный характер складывается из множества едва уловимых черт, тонких оттенков. Как справедливо замечает Ю.В.Бромлей, когда мы говорим о существовании какого-то характера у отдельных народов, «речь может идти лишь об относительной специфике черт национального характера, нюансах их проявления»[3].

Современные исследователи считают, что в XIX в. американский характер уже окончательно сложился[4]. Он отличался такими очевидными чертами, как предприимчивость, изобретательность, склонность к индивидуализму, отказ от сословных и аристократических привилегий. Примеры описания характера американцев можно бы было приводить до бесконечности, и все они имели бы равное право на существование[5]. Главной причиной этого является сложность самого предмета исследования. В американском характере разные наблюдатели находили свои аспекты.

Русские люди 50-х – 60-х гг. XIX в., в большинстве своем не знакомые с заокеанской страной лично, рисовали себе образ американца, опираясь на европейские и отечественные источники информации, а также на собственные, «домашние» представления, догадки, умозаключения. США в изучаемую эпоху в Старом Свете знали преимущественно по деловой активности их граждан. Выстраивание этнического образа американца в общественном созна-

нии было напрямую связанно с той ролью, в которой он выступал перед русской публикой, – торговца, предпринимателя, промышленника, изобретателя, прожектера – и в ничтожной степени зависело от его индивидуальных человеческих качеств и нравственных достоинств[6]. В русских этнических представлениях об американце постепенно формировался образ «экономического человека», который открыто провозглашал принцип, согласно которому «жить в обществе – значит участвовать в рыночных отношениях и добиваться материальной выгоды»[7].

В результате перед нами образ не просто американца, а американца-предпринимателя, обладающего полным набором деловых качеств, вокруг которых, по большей части, и вращались русские представления о характере заокеанского жителя[8]. Из этого силлогизма следовали выводы об отсутствии у американцев иных черт, кроме деловых. Современные американисты считают такую особенность восприятия общеевропейской[9]. В России XIX в. были широко распространены этнические предрассудки о том, что заокеанские жители лишены «теплоты сердца», эстетического вкуса, «семейных добродетелей», глубины ума и т.п.[10] Эти представления следует квалифицировать именно как предрассудки, заблуждения, не созданные умышленно для уязвления другого народа, а последовательно выведенные из убеждения в крайнем прагматизме заокеанского жителя. П.Сокальский на основе опыта личного знакомства с американцами критиковал подобные суждения: «...так как американец считает целью всей своей жизни – нажить деньги, то многие готовы были бы, на одном этом основании, признать сухость и бессердечие американца. Но ошибется тот, кто скажет, что набить карман – составляет единственную цель жизни янки... он может любить, и у него есть сердце, способное к увлечениям, но только сердце его американское, и увлечения – американские»[11].

Типичным представителем американской нации русские люди считали янки. До изучаемого периода эпитет «янки» в Старом Свете носил насмешливый или презрительный оттенок. По данным А.И.Старцева, самые авторитетные и популярные в первой половине XIX в. европейские произведения о США[12] показывали янки в невыгодном свете, называя черты его характера – «всепроникающий дух ненасытной наживы, яростную погоню за деньгами... в ущерб духовной жизни страны, морали, искусству» – одним из двух (наряду с рабством) вопиющих пороков американского общества[13].

Существовали подобные представления и в России. Однако, по нашим наблюдениям, в конце 1850-60-х гг. в русском общественном мнении не прослеживается однозначно негативного отноше-

ния к этике и поведению американца, отражавшим его психический склад. В оценках янки российской общественностью акценты были смещены, вплоть до хвалебных аттестаций, проводились параллели между янки и русскими. В свою очередь, внутреннее содержание личности американца, национальный характер также вызывали неоднозначные отклики.

Данные исследования показывают, что в русском этническом образе отличительной чертой американца, «духом нации» выступала «материальность». На основе контекстуального анализа можно сделать вывод, что указанное понятие не имело строго философского смысла. Термин «материализм» употреблялся в обыденном, обиходном значении – приземленность, практицизм, приверженность вещественным ценностям. Например, А.Гуровский на основе многолетнего опыта общения с гражданами США был убежден, что «ум американцев имеет врожденное, непреодолимое отвращение ко всему, что ему представляется отвлеченным, то есть не имеющим прямого, простого приложения к жизни... Он признает отвлеченным все, что не так осязаемо, как земля», – заключал публицист[14].

Русские путешественники даже после кратковременного пребывания в США замечали прагматизм их жителей[15]. В частности, И.А.Шестаков считал, что «янки особенно материалист даже в этой материальной стране»[16]. Общественные деятели, смотревшие на американца из России, придерживались того же мнения[17]. Например, автор статьи «Обычаи в Северо-Американских Штатах» писал: «Американцы – люди чисто материальные и прозаические во всех классах общества»[18].

Прагматизм, как «дух» американской нации, не вызывал в России изучаемого периода жесткой отповеди. Здесь мы не встретим категоричности суждений, присущей предыдущей генерации русских мыслителей, таким как А.С.Пушкин[19] или В.Г.Белинский[20]. Середина века ознаменовалась появлением в российском обществе новых ценностей и взглядов. Материализм, положительность, практичность и даже разумный эгоизм американцев оценивались теперь иначе.

Осуждаемые прежде черты характера американцев стали рассматриваться признаками здоровья нации[21], острые выпады смягчались[22], акценты переносились[23]. И.А.Шестаков в «Морском сборнике», к примеру, советовал: «Не ищите в Штатах высоких нравственных побуждений, они не существуют. Зато во всем найдете здравый смысл, а для счастья масс оно нужнее и полезнее порывов сердца»[24].

Практичность американца импонировала русским людям пореформенной эпохи. Большинство отечественных авторов середины

XIX в отмечали трезвость мысли, расчетливость, прагматизм американцев. Эти черты национального характера вошли в предание[25], стали шаблоном, штампом, стереотипом[26]. Практичность, материализм, положительность признавались русской общественностью характернейшими свойствами всей американской нации.

Другой ведущей чертой характера американца наши соотечественники называли индивидуализм. В современной культурологии установлено, что в США генотипическим героем, культурным идеалом являлась личность-одиночка[27]. По данным К.С.Гаджиева, в Америке индивидуализм исторически стал восприниматься широкими слоями населения в качестве главного и даже единственного социального принципа. Индивидуалистический идеал приобрел самодовлеющую значимость, его стали рассматривать не просто как один из многих элементов системы ценностей и принципов функционирования буржуазного общества, а как главную цель всякого разумного общества вообще. Самостоятельность и опора на свои собственные силы, индивидуализм и свободная конкуренция были подняты до уровня стандарта образа жизни значительной части американского народа[28]. Таким образом, русские представления на этот счет отвечали реалиям заокеанской жизни, однако индивидуализму отечественные наблюдатели не придавали столь абсолютного значения.

В ходе исследования было установлено, что в России середины XIX в. термин «индивидуализм» заменялся близким по значению понятием «самостоятельность». Как нам представляется, большую роль в данном словоупотреблении сыграл буквальный перевод американского фразеологизма «help yourself» (соотносимого с индивидуализмом) и сближение его по звучанию и значению с очень модным в российской публицистике тех лет термином «self-government». Для русских общественных деятелей оба выражения находились в одном смысловом ряду: «самоуправление», «самопомощь», «самостоятельность», «автономия». Э.Р.Циммерман писал: «Help yourself! Эти три словечка в высшей степени знаменательны в жизни Американца... Из этого-то и развилась та самостоятельность личности, которая выражается в слове self-government (самоуправление)»[29]. А.Лакиер делился своими наблюдениями: «Help yourself, помогайте себе сами, говорит вам американец кстати и некстати и он держится того же правила, бежит, торопится, захватил и нет ему ни до кого дела»[30]. Спустя несколько лет И.С.Гауровиц выделил ту же особенность: «С самой ранней юности американца направляют к тому, чтобы он думал сам, действовал сам». «Этими-то основными свойствами и объясняется необыкновенный дух

предприимчивости американца и его настойчивость», – делал вывод наш соотечественник[31].

Однако, несмотря на множество русских свидетельств бытования в США речевого воплощения индивидуализма, «help yourself», отечественные комментарии на эту тему довольно скудны. Нам удалось встретить лишь несколько эмоционально-оценочных высказываний русских авторов, раскрывающих их личное отношение к этой черте американского характера заокеанского жителя. Анализируя американское выражение «help yourself», они акцентировали внимание на разных его прочтениях.

Чрезвычайно лестную его характеристику дал известный российский либерал М.М.Стасюлевич. В частном письме он рассказал о споре со знакомым, возникшим по поводу того, что Стасюлевич написал на книге свой «любимый девиз Северо-Американских Штатов: «help yourself!». Знакомый критиковал выражение, находя в нем «много самоуверенности, если применить его к отдельному человеку, и, если применить его к целому обществу, то в этом девизе – что-то бесчеловечно-эгоистическое». М.М.Стасюлевич в письме изложил свои возражения: «В тех двух словах: “help yourself!” заключается весь курс конституции... Северо-Американских Штатов, а вместе секрет их могущества... В Северо-Американских Штатах правительство остается только при своей роли; народ не прекращает жить ни на минуту, а где нет неделимости, там нет народа, и эта-то последняя истина и выражена в help yourself, т.е. не надейся на правительство, не называй никого кормильцем, помогай сам себе»[32]. Таким образом, русский либерал почти за десять лет до редактирования «Вестника Европы» на примере США пропагандировал основные буржуазно-либеральные ценности (индивидуализм, автономию личности, снижение роли государства).

К.Д.Кавелин негативно оценивал американский индивидуализм, в котором ему виделись анархия, своеволие, произвол. В русской провинциальной действительности он нашел моменты, перекликающиеся с заокеанской жизнью. «Здешние экономические отношения – самые простые и самые первобытные, – делился автор впечатлениями от поездки по самарской глубинке. – Каждый старается по возможности “попритеснить” ближнего и беспрестанно начеку, чтобы он его не “попритеснил” в свою очередь... нет управы на рабочего, который вдруг от вас уйдет, несмотря ни на какой договор, ни на какие задатки, или предложит такие новые условия, от которых у вас волосы станут дыбом. Self-gouvernment особенного свойства, совершеннейший! Американское help yourself в нравах, в привычках, в понятиях», – так резюмировал Кавелин свои наблюдения[33].

Можно сделать вывод, что индивидуализм как черта американского характера оценивался в России пореформенной эпохи далеко не однозначно. «Help yourself» – этот лозунг являлся краеугольным камнем буржуазной системы ценностей, которую традиционно мыслящее русское общество не могло принять безоговорочно. Индивидуализм отдельного человека, отдельной личности не нравился нашим соотечественникам открыто провозглашаемыми эгоизмом, жестокой конкурентной борьбой, отказом от взаимопомощи и прочими морально-нравственными «пороками». Тем не менее, передовые общественные деятели России понимали значение подобного «духа нации» для развития и социально-экономического процветания страны.

Индивидуализм, наиболее восхваляемый и прославляемый из американских принципов, существовал в изучаемый период в своей классической, предпринимательской форме[34]. Основываясь на анализе многочисленных высказываний российских общественных деятелей об американцах, мы можем сказать, что именно предприимчивость считалась в России середины XIX в визитной карточкой заокеанского жителя, главной чертой янки.

По нашим данным, понятие «предприимчивость» в русском общественном сознании было богатым по содержанию. В комплекс связанных с ним этнических представлений входили такие черты американского национального характера, как изобретательность, склонность к риску, приверженность к грандиозным масштабам деятельности, мобильность, непреклонная устремленность вперед.

В отношении к этому качеству американцев мнения русских публицистов и путешественников также разделились. Одни проводили аналогии между предприимчивостью и спекуляцией, махинациями, мошенничеством, барышничеством и прочими нелицеприятными для этнического образа янки явлениями. Другие русские авторы интерпретировали предприимчивость как «деятельность», то есть связывали ее с такими качествами характера, как инициативность, активность, энергичность и, соответственно, портрет американца расцвечивался ими самыми радужными красками.

Доморощенные отечественные представления, почерпнутые из европейской литературы, из слухов, анекдотов, собственных догадок, изобиловали эпитетами в адрес предпринимательской деятельности американцев – «плутовство», «шарлатанство», «обман», «афера», «хитрость» и т.п. В таком контексте образ американца, сложившийся в русском общественном мнении, довольно неприглядан. Этика делового человека западного типа не была еще усвоена торгово-промышленным миром России. Представление о торговом

капитале как о воровском, о торговце как о мошеннике – эти убеждения пустили глубокие корни в российском менталитете[35]. Так как фигура янки ассоциировалась в русском общественном сознании преимущественно с торговой деятельностью, то, во многом, по инерции восприятия получала ставшую уже традиционной репутацию.

Как нам представляется, создание отрицательного имиджа янки отчасти проистекает из корреляции в русском общественном сознании торгово-промышленной деятельности не с экономическими, а с морально-этическими критериями ее оценки. Стремление к выгоде является принципом, целью и смыслом любой коммерческой деятельности без различия происхождения дельца. Российские деловые люди были не прочь воспользоваться новейшими достижениями американцев в сфере предпринимательства и торговли[36].

Однако, как отмечает современная исследовательница Г.И.Щетинина по поводу негативного отзыва одного из русских общественных деятелей об американской торгово-промышленной деятельности, он исходил «из более патриархальной нравственности»[37]. Основные принципы рыночной экономики, согласно которым действовали американские граждане, – конкурентная борьба, оптимизация прибыли, разнообразие сфер применения предпринимательской способности – оценивались русскими с позиций традиционных моральных приоритетов, таких как честность, совесть, репутация, преемственность, стабильность, корпоративность, воспитание, строгие и четкие нравственные правила деятельности. В результате этого расхождения возникали ошибки восприятия, выливавшиеся в оценки американского характера и в отношение к американцам. Русские упрекали граждан США в «полном отсутствии коммерческой добросовестности»[38], «желании задать друг другу мат, то есть перехитрить друг друга в сделках», в присущей им «чесотке торговой изворотливости»[39], в проявлении «самых диких желаний»[40], в склонности к проектам «столько же легкомысленным, сколько недобросовестным, основанным на одних обманах»[41].

Дополнительным стимулом к созданию отрицательного имиджа американского предпринимателя служили непосредственные контакты русских с выходцами из Нового Света, прославившимися своими прожектами. Например, дурной известностью пользовались в России американские китобои[42]. Сомнительную славу получил американский предприниматель П.Коллинз с идеей прокладки телеграфной линии через Тихий океан[43]. Притчей во языцех для жителей Санкт-Петербурга стал проект американца Д.Шандора по освещению городских улиц[44].

Огромный стимул для укоренения рассматриваемого образа американца в русском общественном сознании дали события гражданской войны в США 1861-1865 гг., точнее, их восприятие отечественной публикой. Как писал М.Н.Катков, «междоусобная война не может пройти, не оставив по себе глубоких следов в нравах, привычках и наклонностях»[45].

Война в США была встречена в России как очистительная жертва деньголюбивых американцев на «алтарь справедливости и нравственного прогресса»[46]. В частности, в комментариях русскими публицистами череды поражений федералистов в 1861-1862 гг. лидирующие позиции занимало утверждение о связи военных неудач с «промышленным духом нации», трактуемым как мошеннический, спекулятивный, меркантильный, несовместимый с должным патриотизмом народной войны. По мнению российских аналитиков, корыстолюбие, обусловившее взгляд на войну, как на выгодную коммерческую операцию, стало трагедией Северо-Американского Союза[47].

Реальные факты междоусобной войны лишь укрепили намеченные ранее черты образа янки, превращая их из предположения в догму. Думается, в данном случае в полной мере проявился механизм стереотипного восприятия. Наблюдатели искали и замечали подтверждения уже сложившимся представлениям, интерпретировали события в заданном ключе. Естественно, гражданская война давала обильный материал для обличения, бичевания, осуждения. Но в восприятии русских общественных деятелей недостатки, провалы, поражения военной кампании сводились, главным образом, к субъективному фактору. Корень зла отечественные аналитики искали в особенностях американского характера, направлении национальных устремлений, духе народа, природе американца. При этом объективные законы войны отходили на второй план.

Указанная особенность восприятия обусловила и соответствующий результат – в общественном сознании фигура спекулятивного янки стала еще рельефнее, негативное мнение о его предприимчивости превратилось в предубеждение.

Таким образом, из целого потока свидетельств складывался довольно неприглядный образ типичного американца – хитрого, изворотливого, предприимчивого[48]. Естественно, что в чем-то рисуемый русскими портрет отвечал действительности – в самих Соединенных Штатах янки не считался образцом библейской добродетели. «Хитрый янки – иначе его не называют в Штатах, – делился наблюдениями наш соотечественник. – Иногда ему придают народные прозвища резака и скоблицы, разумея, что он режет свою жертву и скоблит ее как бритва»[49].

Однако абсолютизация, акцентирование внимания на данной стороне деятельности гражданина другого государства свидетельствует о субъективности, стереотипности и тенденциозности создаваемого образа. Архивные, статистические, журнальные данные позволяют нам говорить о том, что в изучаемый период американцы могли быть и были надежными и честными партнерами России. Таким образом, повседневная деятельность американцев, их предпринимательская активность многими в России воспринимались сквозь призму стереотипа.

Несмотря на преобладание в русском общественном мнении отрицательного отношения к американской предприимчивости, в России изучаемого времени существовал принципиально иной взгляд, обуславливавший бытование позитивного имиджа заокеанского жителя. Н.Х.Бунге, будущий министр, подчеркивал, что «обвинения духа предприимчивости кажутся нам столь же опрометчивыми, как обвинения принципа свободы промышленности...»[50].

Публицисты и путешественники, русские люди, симпатизировавшие американскому государству и народу США, по-иному расставляли акценты в образе янки – торговца и промышленника, делая упор не на морально-этической оценке его деятельности, а на самом понятии «деятельность»[51].

Предприимчивость в таком ракурсе рассматривалась не столько как профессия, занятие, тем более неблаговидное, сколько как черта характера, качество личности, близкое по смыслу таким понятиям, как «энергичность», «активность», «инициативность», «деловитость», «устремленность в будущее», «оптимизм», «мобильность». П.Сокальский подчеркивал, что для американца «вся цель – в деятельности... Он скорее привязан к своему предприятию, – отмечал журналист, – нежели к ожидаемым от него выгодам»[52]. Аналогичную мысль в изучаемые годы проводили и демократическое «Русское слово»[53], и либеральные «Отечественные записки». Последние, в частности, подчеркивали, что «северо-американская нация вовсе не толпа барышников, хлопочущая только о долларах, как выставляют ее некоторые английские, а вслед за тем и русские журналы»[54].

С особой настойчивостью такую интерпретацию американской предприимчивости отстаивал Э.Р.Циммерман: «Американец скорее похож на игрока, который чем больше играет, тем более увлекается. (Вот в каком смысле промышленность для американца все: это его поэзия, его честь и слава!... Мы уверены, – комментировал русский путешественник встречу с одним из легендарных пионеров, – не корысть заставила Риддинга переселиться и основывать новые города, не корысть заставляет его теперь непрестанно расширять

круг своей деятельности, а скорее всего жажда самой деятельности (подчеркнуто мной. – *О.К.*)»[55].

Таким образом, в русском общественном мнении встречались попытки иной интерпретации образа американского торговца и промышленника. В этом случае предприимчивость становилась не недостатком, а достоинством гражданина США, характеристикой его деятельной натуры. В данном контексте у русского этнического образа янки нет отрицательного оттенка, наоборот, именно за предприимчивость русские люди проникались симпатией к американцам[56].

Отечественными и зарубежными исследователями установлено, что этнический образ – это не только и не столько портрет другого народа, сколько характеристика собственных идеалов, принципов, ценностных ориентаций субъекта восприятия[57]. Процесс формирования представлений о внешнем мире непосредственно сопровождается рефлексией, сравнением, сопоставлением чужих социокультурных форм со своими, «домашними».

Изучение отечественных стереотипов об американцах позволило прийти к выводу о том, что русский менталитет, система ценностей, наложенные на реальную картину, обусловили создание оригинального образа заокеанского жителя. Если по ряду вышеизложенных позиций российское общественное мнение так или иначе следовало в русле общеевропейского, или же речь шла о непринципиальных различиях восприятия, то теперь перейдем к пласту этнических стереотипов, придающих несомненное своеобразие отечественному образу американца. Речь идет о русской интерпретации американского лозунга «Вперед!», символизировавшего мобильность и динамизм его носителя.

Представление о мобильности, подвижности стало неотъемлемой частью русского образа типичного жителя Нового Света. Утверждения русских путешественников и «домашних» аналитиков об «одуряющей быстроте», «сумасшедшем темпе» американской жизни не были публицистическим преувеличением или иллюзией обыденного сознания. Современный американский историк Д.Бурстин ввел специальный термин для характеристики этой яркой черты типичного американца – «технология спешки»[58]. Технология спешки отражала особое отношение человека ко времени – к настоящему и будущему, а также к взаимосвязи между ними, она стала частью общенациональной идеологии, неотъемлемым компонентом образа американского предпринимателя. В современной общественной теории технология спешки характеризуется такими категориями, как темп изменений и мобильность – горизонтальная и вертикальная. В XIX в. ее стимулами и источниками являлись

мощные волны иммиграции, потенциал социальной активности которой был очень велик; фронтир, как материальный фактор мобильности; «американская мечта» как идейный, духовный мотив поведения[59]. Все это придавало невероятный динамизм деятельности американцев под девизом «go ahead!» («Вперед!»).

По нашим данным, на указанный фактор заокеанской жизни обращалось серьезное внимание в России изучаемого периода, он расценивался как личностная особенность жителей США. Журналист «Природы и землеведения» со всей категоричностью заявлял: «Основная черта характера американцев заключается в стремлении идти вперед (go ahead), которое не дает им ни минуты покоя»[60]. Следует отметить, что подобные высказывания не редкость в прессе тех лет. Одни видели в нем суть всей американской цивилизации, другие – примечательную черту янки, третьи именно здесь находили сходство жителей России и США.

Как и каждый подобный феномен общественного сознания, представление о девизе «Вперед!» и комплексе социокультурных характеристик, с ним связанных, имело эмоционально-оценочный и содержательный компоненты. На основе анализа документов и материалов можно сделать вывод о том, что американский «Вперед!» в русском восприятии имел однозначно положительную окраску. Гораздо больший интерес представляет содержательный компонент, то есть лексическое значение американского фразеологизма для русской публики.

Буквально девиз «Вперед!» означает призыв к движению, действию, целеустремленность, перспективу, тягу к перемене мест не только географически, но и в социально-профессиональной сфере.

В публицистике тех лет набило оскомину признание общности американцев и русских – территориальной, исторической, внешнеполитической. Здесь же можно говорить о признании ментальной и психологической общности. И.А.Шестаков отмечал: «привычка американцев все делать на “авось”, обрисовывая черту американского характера, должна иметь место в этих очерках»[61]. Нельзя не согласиться, что довольно неожиданно встретить исконно русское понятие в приложении к характеру граждан США. Представляется любопытным выяснить, что конкретно подразумевали наши соотечественники, примеряя русский «авось» к Новому Свету. Ключ к анализу дают прямые указания на соответствие «авось» американскому фразеологизму «go ahead!», а также косвенные данные, позволяющие определить содержание, вкладываемое русскими в объяснение девиза американского жителя как аналогичное содержанию понятия «авось».

Нам удалось найти два прямых указания на родство американской и русской терминологии в статьях авторитетных общественных деятелей России – будущего министра финансов М.Х.Рейтерна и известного публициста и правоведа Д.И.Каченовского. Первый в работе «Влияние экономического характера народа на благосостояние страны и образование капиталов» отмечал: «Русское авось и американское go ahead, русская беспечность и американское never mind (ничего! пустяки! не беспокойтесь!) истекают из одного начала, и различие между ними есть различие несущественное, а количественное, различие в степени». Д.И.Каченовский в «Русской речи» также отождествлял эти два фразеологизма. «Между Русскими и Янки недаром замечают много общего, – утверждал автор. – И тот и другой народ молод, полон надежд на свое будущее, испытывает в настоящее время гражданский кризис от одинаковых причин. И в том и в другом видна удаль, энергия, фаталистическая вера в manifest destiny или в свою блестящую судьбу, преобладает материализм и промышленный дух. Оба идут на авось (go ahead) бесстрашно», – подчеркивал Каченовский[62].

Русский «авось» имел множество смысловых оттенков, но в целом его лексическое значение сводилось к надеждам на будущее, стремлению к неожиданному и большому выигрышу, удаче в рискованной игре при везении и без особых усилий. Современные культурологи считают «авось» – склонность дразнить счастье, играть в удачу – ключевым психологическим понятием культурного архетипа русского человека. Отечественные публицисты придавали американскому лозунгу «Вперед!» значения, близкие к понятиям – риск, действие на удачу, авантюризм, оптимизм, выбор легких путей, иногда попадая точно в цель, иногда греша против истины.

Например, российские интерпретаторы внесли собственный, оригинальный смысл в американское понятие счастья, как цели предпринимательской деятельности под девизом «Вперед!». В Конституции США закреплено право граждан на жизнь, свободу и стремление к счастью. Общеизвестно, что под «стремлением к счастью» подразумевалось буржуазное право на частную собственность. По сути дела знаменитая американская предприимчивость, деловитость ориентирована на достижение именно такого счастья. Просветительски-пуританская доктрина успеха не нашла отражения в образе американца, бытовавшем в России. Можно сказать, что американская философия успеха воспринималась русскими людьми того времени как философия удачи, везения, счастливого случая. В таком прочтении она содержит гораздо больший, по сравнению с исходной доктриной, элемент иррационализма. Пока-

зателен интерес в России к фигуре флибустьера Уокера, главаря пиратов, в котором русские увидели типичного американца. «Современная летопись», к примеру, охарактеризовала его следующим образом: «Этот замечательный человек, смелый, предприимчивый, упорный в преследовании своих целей, истый янки, и по складу ума, и по характеру»[63]. В данном случае трактовка «Вперед!» действительно близка по значению русскому «авось».

В отечественном представлении об американском девизе «Вперед!» не было прозы и рутины, а чувствовались вкус опасности, азарт игры и прелесть неизведанного. Можно сказать, что российские общественные круги с удивлением, пониманием и некоторой долей симпатии отнеслись к указанному социокультурному феномену, соответствовавшему «авось» русской жизни. «Энергия и неодолимая смелость Американца, – писал "Русский вестник", – выражаются в этом славном (вперед, вперед!) go ahead, составляющем золотое правило американской мудрости и выражающем непреклонную решимость победить все препятствия. Не отступать ни перед какою кажущейся невозможностью, в этом нередко гибель американца, но в этом же и его секрет совершать чудеса»[64].

Таким образом, русские общественные деятели с большим интересом относились к американцам. При общем положительном отношении к американскому гражданину, при отождествлении некоторых его жизненных принципов с собственными, они находили и негативные, и позитивные черты его характера. Некоторые нюансы русское общественное мнение сумело отразить адекватно, что-то приписало от себя американскому характеру, что-то не заметило вовсе. В результате на свет появился оригинальный этнический образ янки, наделенный характеристиками делового человека.

По целому ряду признаков полученный образ можно охарактеризовать как стереотипный, свойственный для обыденного восприятия, мифологического типа сознания. Во-первых, очевидна избирательность восприятия. Все разнообразие индивидуальных проявлений характера американцев фактически сведено к нескольким чертам, составляющим аттестацию бизнесмена, делового человека, предпринимателя. Во-вторых, рассматриваемым представлениям присуща определенная степень глобализации. Сложившийся в русском общественном мнении образ янки расценивался как типично американский, его черты приписывались всем жителям Нового Света независимо от социального положения, пола и возраста. В-третьих, необходимо указать на проективность восприятия граждан США нашими соотечественниками, что проявилось в перенесении на американскую почву собственных социокультурных явлений, в ча-

стности, в отождествлении заокеанского девиза «Вперед!» с русским «авось». Наконец, в отечественных этнических представлениях конца 1850-1860-х гг. довольно четко просматривается установка восприятия, отразившаяся в интерпретации характера американцев.

Помимо содержательной, в этническом образе всегда присутствует эмоционально-оценочная сторона. В ее формировании большое значение имеет общественное настроение. Оно неустойчиво, почти неуловимо. Тем не менее значение его огромно. Дело в том, что когнитивный аспект этнического образа может быть неизменным в течение длительного периода – от лет до веков, а эмоционально-оценочный его компонент напрямую зависит от психологической установки субъекта, в данном случае, российской общественности[65].

В представлениях русских людей на протяжении нескольких веков существовала идея схожести двух стран и народов. В зависимости от общественных настроений эта идея либо активно оспаривалась, либо же вновь возрождалась к жизни. В новейшей истории первое хорошо иллюстрирует эпоха «холодной войны», второе – период разрядки конца 1980-х. В изучаемое время заметно сближение двух стран, совпадение внешнеполитических интересов и народных симпатий.

Представления об общности России и США активно циркулировали в русских общественных кругах. На основе анализа имеющихся материалов можно выделить несколько параметров сравнения двух стран: географический, исторический, ментальный. Первые два, как более очевидные, фигурировали гораздо чаще в высказываниях отечественных публицистов. Здесь и огромная территория обоих государств, и обилие неосвоенных земель, и богатство «естественных произведений» (почв, недр и пр.), и общая морская граница. К историческим факторам общности двух стран и народов причисляли «молодость» России и США, их одинаково антагонистические отношения с Европой, единый вектор их прогрессивного развития.

Представления о духовной, психологической и социокультурной близости русских и американцев встречались гораздо реже. Тем интереснее рассмотреть немногие свидетельства того, как в России сопоставляли представителей двух стран не в глобальном, геополитическом или культурно-историческом плане, а в человеческом, личностном измерении.

Образ янки вызывал у русских современников определенную рефлексию. В отечественной публицистике тех лет можно встретить высказывания о материализме, легкомыслии, смелости, аван-

тюризме американцев и русских. Однако подобные суждения не носили устойчивого, повторяющегося характера.

Обнаружение различий с американцами порождало у наших соотечественников двойственное чувство. С одной стороны, рассуждая о корыстолюбии, стяжательстве жителей Нового Света, авторы, высказывавшиеся на данную тему, с удовольствием отмечали отсутствие этих черт у русского человека. Например, «Голос» отмечал, что барыш «в состоянии удержать самый искренний порыв сердца американца», тогда как «у русского человека душа нараспашку»[66].

Однако, с точки зрения деловых качеств, наши соотечественники отдавали предпочтение американцам. В частности, будущий министр финансов России М.Х.Рейтерн на основе поездки в США делал вывод: «Народное богатство зависит, прежде всего, от характера народа»[67]. «Можно жалеть, – писал он, – что у нас нет той инициативы, той просвещенной предприимчивости, которая покрыла Америку сетью отличных путей сообщения»[68]. По мнению российского чиновника, «американцы отличаются чрезвычайной подвижностью национального характера» и мы «должны преклониться пред заатлантической подвижностью»[69]. П.Сокальский, сравнивая русских и американцев, отдавал должное деятельному характеру последних. «Между мыслью и выполнением ее для Американца почти нет промежуточных степеней, – писал он. – Русский, напротив, всю жизнь, все силы может потратить на праздные размышления и мечты»[70].

Таким образом, можно сделать вывод, что некоторые качества американца не только одобрялись русскими наблюдателями, но и были желанны для них. Представители большой культуры, русские общественные деятели понимали необходимость модернизации России, один из источников которой виделся им в чертах национального характера, ценностях социума. Деловые качества американцев казались в этом смысле показательным примером. Поэтому, например, П.Скавронский, корреспондент «Современника», сравнивая Новороссию с американским фронтиром, писал о новороссийских пенсильванцах и каролингцах, отдавая предпочтение первым. Российский публицист всячески приветствовал нарождение деловых черт американского характера в русских людях[71].

---

1 Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 12-40.

2 См.: *Кон И.С.* Национальный характер – миф или реальность? // Иностранная литература. 1968. № 9. С. 215; *Козлов В.И., Шелепов Г.В.*

«Национальный характер» и проблемы его исследования // Советская этнография. 1973. № 2; *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион: Англия глазами русских. 1825-1853. М.,1982. С. 12-13.

3 Цит. по: *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 13.

4 *Шестаков В.П.* Америка извне и изнутри. Очерки американской культуры и национального характера. М., 1996. С. 28.

5 Там же. С. 15, 28; см. также: *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в США сегодня. М., 1996. Т. 1. С. 87-88.

6 Как нам представляется, именно в силу данной специфики восприятия, русские публицисты не указывали в числе черт американского характера религиозность или «высокую мораль, связанную с пуританской этикой», о которых любят рассуждать современные американисты.

7 См. подробнее: *Гаджиев К.С.* Американская нация: национальное самосознание и культура. М., 1990. С. 63-64.

8 Н.А.Добролюбов сформулировал стереотипные представления русских людей об американцах: «Американцы – народ очень практический: деньги для них все... Большей частью полагают, что это та же Англия, только уже до крайности практическая и материальная». См.: Взгляд в историю – взгляд в будущее. Русские и советские писатели, ученые, деятели культуры о США. М., 1987. С. 163.

9 *Шестаков В.П.* Америка извне и изнутри. Очерки американской культуры и национального характера. М., 1996. С. V.

10 См., например: *Герцен А.И.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1955. Т. 18. С. 349; Отечественные записки. 1857. Т. CXII. С. 68.

11 *Сокальский П.* Впечатления русского в Америке // Южный сборник. 1859. № 7. С. 94-95.

12 А. де Токвиль. «Демократия в Америке», Г.Бомон «Мария или Рабство в Соединенных Штатах. Картина американских нравов», Т.Гамильтон «Люди и нравы в Америке», Я.Троллоп «Домашние нравы американцев», М.Гаррисон-Смит «Что такое хороший тон? Северо-американский роман».

13 *Старцев А.И.* Русско-американские этюды. М., 1995. С. 84.

14 *Гуровский А.* Письмо из Америки // Вестник промышленности. 1860. № 4. С. 14.

15 *Лакиер А.* Путешествие по Северо-Американским Соединенным Штатам, Канаде и о. Кубе. В 2-х т. СПб., 1859. Т. 2. С. 133.; *Циммерман Э.* Путешествие по Америке // Русский вестник. 1859. Т. 23. Кн. 2. С. 207.

16 *Циммерман Э.* Путешествие по Америке // Русский вестник. 1859. Т. 23 Кн. 2. С. 210.

17 *Достоевский Ф.М.* Три рассказа Эдгара Поэ // Время. 1861. Т. I. Кн.1. С. 231. См. также: *Ушинский К.Д.* Собр. соч. В 11-ти т. М.-Л., 1948. Т. 2. С. 244; *Лавров П.Л.* Северо-Американское сектаторство // Отечественные записки. 1868. № 4. С. 424; Голос. 1863. № 275. Раздел «Политическое обозрение»; и др.

18 Природа и землеведение. 1862. Т. 1. С. 122.

19 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 10-ти т. М.,1958. Т.7. С. 435.

20 *Белинский В.Г.* Собр. соч. В 9-ти т. М., 1976. Т. 1. С. 254-255.

21 *Циммерман Э.* Соединенные Штаты Северной Америки. Из путешествий 1857-1858 и 1869-1870 годов. М., 1873. С. 172.

22 *Сокальский П.* Общественная благотворительность в Америке // Южный сборник. 1859. № 7. С. 93-94.

23 Благотворительность и богоугодные заведения в Нью-Йорке // Северная пчела. 1863. № 34. С. 156.

24 Между делом // Морской сборник. 1859. № 1. С. 25.

25 *Шестаков В.П.* Указ. соч. С. 18.

26 Голос. 1864. № 355.; *Циммерман Э.* Путешествие по Америке // Русский вестник. 1859. Т. 23. Кн. 1. С. 105.; *Гаурович И.С.* Военно-санитарные учреждения Северо-Американских Соединенных Штатов во время последней войны с описанием страны и населения. СПб., 1868. С. 238.

27 Человек и общество. Культурология: словарь-справочник. Р.н/Д., 1996.

28 *Гаджиев К.С.* Указ. соч. С. 68.

29 *Циммерман Э.* Путешествие по Америке. Флорида // Русский вестник. 1859. Т. 20. № 3. Кн. 1. С. 38.

30 *Лакиер А.* Путешествие... С. 193.

31 *Гаурович Н.С.* Указ. соч. С. 238, 239

32 Стасюлевич М.М. и его современники в их переписке. В 5-ти т. СПб., 1911. Т. 1. Письмо Стасюлевича М.С.Куторге. Гейдельберг, 1857. С. 292.

33 *Кавелин К.Д.* Собр. соч. СПб., 1904. Т. 2. С. 670-671.

34 *Лернер М.* Указ. соч. Т. 1. С. 66.

35 *Рейтерн М.* Влияние экономического характера на благосостояние страны и образование капиталов // Морской сборник. 1860. № 5. Кн. 2. С. 60.

36 Московская жизнь // Голос. 1863. № 269; *Кропоткин П.* Дневники разных лет. М., 1992. С. 77.

37 *Щетинина Г.И.* Из истории публичной лекции об Америке // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 142.

38 Замечания Главного правления РАК на отчет действительного статского советника Костливцова // Приложение к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб., 1863. С. 510.

39 Между делом // Морской сборник. 1859. № 1. С. 12, 53.

40 *Сокальский П.* Впечатления русского в Америке // Русское слово. 1860. № 11. С. 220, 222.

41 Современная летопись. 1859. № 49. С. 382.

42 Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб., 1863. С. 115-116.

43 См. подробнее: *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834-1864. М., 1990.

44 Заноза. 1864. № 17. С. 185; см. также № 7, 8.

45 *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». М., 1897. С. 300.

46 Письма М.Бакунина А.Герцену и Н.Огареву. М., 1896. С. 76.

47 Революция в Северной Америке // Русский инвалид. 1861. № 112; Санкт-Петербургские ведомости. 1862. № 3. С. 15; Там же. 1862. № 2. С. 9; Морской сборник. 1862. № 3. С. 199-200.

48 *Гуровский А.* Письмо из Америки. Положение евреев в Соединенных Штатах // Вестник промышленности. 1860. Т. III. № 1. С. 18.

49 Между делом // Морской сборник. 1859. № 1. С. 52.

50 *Бунге Н.Х.* Политико-экономическое обозрение. 1856-1857 гг. // Отечественные записки. 1858. № 4. С. 387.

51 *Лакиер А.* Путешествие... С. 5.

52 *Сокальский П.* Общественная благотворительность в Америке // Южный сборник. 1859. № 7. С. 94.

53 *Благосветов Г.Е.* Политика // Взгляд в историю... С. 189-190.

54 Русское слово. 1860. № 10. С. 213-214; Отечественные записки. 1859. № 2. С. 111.

[55] *Циммерман Э.* Соединенные Штаты... С. 110,119; *Он же.* Флорида // Русский вестник. 1859. Т. 20. № 3. Кн. 1. С. 44-45.

[56] *Сокальский П.* Впечатления русского в Америке // Русское слово. 1860. № 10. С. 216; *Рейтерн М.* Влияние экономического характера народа... // Морской сборник. 1860. № 5. Кн. 2. С. 64.

[57] Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в. М., 1998. С. 9; *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 10; *Babey A.M.* Americans in Russia. 1776-1917. N-Y., 1938. P. 124.

[58] *Бурстин Д.* Американцы. В 3-х т. М., 1994. Т. 2. С. 140.

[59] *Гаджиев К.С.* Указ. соч. С. 72.

[60] Обычаи в Северо-Американских Штатах // Природа и землеведение. 1862. Т. 1. С. 121.

[61] Между делом // Морской сборник. 1859. № 1. С. 218.

[62] *Рейтерн М.* Влияние экономического характера народа... // Морской сборник. 1860. № 5. Кн. 2. С. 59-60; *Каченовский Д.И.* Мои встречи и беседы с г-жою Джемсон // Русская речь. 1861. № 70. С. 269.

[63] Американский флибустьер Уокер // Современная летопись. 1858. Т. 13. С. 352.

[64] *Беллюстин.* О религии в Северо-Американских Соединенных Штатах // Русский вестник. 1866. № 7. С. 216.

[65] См. подробнее: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. Л., 1966.

[66] Голос. 1863. № 275.

[67] *Благосветов Г.Е.* Политика // Взгляд в историю... С. 190; *Рейтерн М.* Влияние экономического характера народа... // Морской сборник. 1860. № 5. Кн. 2. С. 64.

[68] *Сокальский П.* Впечатления русского в Америке // Русское слово. 1860. № 10. С. 216.; *Рейтерн М.* Влияние экономического характера народа... // Морской сборник. 1860. № 5. Кн. 2. С. 64.

[69] *Беллюстин И.* О религии в Северо-Американских Штатах // Русский вестник. 1866. № 7. С. 220.

[70] *Сокальский П.* Впечатления русского в Америке // Русское слово. 1860. № 10. С. 216.

[71] *Скавронский А.* Пенсильванцы и каролингцы // Современник. 1859. № 9.

Давыдова Т.Т.

ОБРАЗ АНГЛИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕВГЕНИЯ ЗАМЯТИНА

По словам американской поэтессы Б.Дейч, знавшей Замятина, этот высокий, стройный, гладко выбритый блондин с небольшими усами и голубыми глазами, был «больше похож на представителя англо-саксонской расы, чем на русского»[1]. После возвращения из Англии писателя даже прозвали англичанином. Инженер-кораблестроитель, Замятин был командирован туда в марте 1916 г. и провел там около двух лет. Впечатления от жизни в Великобритании, преимущественно в Ньюкасле на Тайне, отразились в произведениях писателя на английскую тему. Они интересны попыткой воссоздать особенности английского характера и менталитета, хотя их художественная задача более широкая – творческая рецепция сформулированных немецким ученым XIX в. Р.Ю.Майером законов сохранения и превращения энергии и ее «вырождения» (равномерного перераспределения), энтропии, а также ницшеанской теории двух общебытийных начал – аполлонического и дионисийского. Последнюю теорию Замятин воспринимал через близкое ему творчество символистов. Сквозь призму этих двух научных концепций и раскрывается у Замятина неоднозначный образ Англии. В английском «уездном» Замятин, бывший до Октября большевиком, увидел то же, что не устраивало его в русской провинции: власть традиций, лицемерие и ханжество, однообразие и регламентированность существования. Мотив ханжества появляется уже в замысле повести «Островитяне» (опубликована в 1918 г.), возникшем из рассказа одного англичанина о том, «что в Лондоне есть люди, живущие очень странной профессией: ловлей любовников в парках». Первый вариант развязки «Островитян» позже стал жить самостоятельно, в виде рассказа «Ловец человеков», напечатанного в 1921 г., как признавался Замятин в статье «Закулисы»[2].

По письмам Замятина жене из Англии видно, что жизнь английского Ньюкасля показалась ему однообразной и тоскливой. «Сам Нью-Кастль – какой противный. Все улицы, все жилые дома – одинаковые... Город большой, но скучный непроходимо... Глупейшие театры – нечто вроде живого кинематографа, добродетельная английская публика... Тоска» (письма от 4 марта, 17 апре-

ля, 7 мая 1916 г.)[3]. Эти впечатления художественно преломились в образе города Джесмонда.

Для буржуазно-дворянской среды Джесмонда, где происходит действие повести «Островитяне», характерны аполлоническое (в ницшеанском смысле) чувство меры, самоограничение, покой, тенденция к застыванию внешних форм существования[4], или, по Замятину, энтропия. Это видно, в частности, в пронизанном иронией коллективном портрете представителей джесмондской среды, а также в образе викария Дьюли. Викарий, автор книги «Завет Принудительного Спасения», подчинил своей власти религиозную общину, постепенно перерождающуюся в тоталитарную секту, члены которой ведут аскетический образ жизни, ратуют за строго моральное поведение, часто посещают церковь и пытаются приобщить к ней окружающих. «Праведны как... устрицы, и серьезны — как непромокаемые сапоги», — иронизирует по поводу англичан адвокат-ирландец О'Келли, а вместе с ним и автор. Почему? Английский литературовед Д.Й.Ричардс, считает, что наиболее явно энтропия проявлялась в религиозной сфере, и поэтому писатель, враг «всякой установленной религии», принял показное благочестие за специфически английскую или западную черту и сатирически изобразил его в «Островитянах» и «Ловце человеков»[5].

Среди персонажей данной группы выделяется Дьюли, как бы претендующий на роль бога, приписывающий себе право спасать, наказывать своих ближних, всячески ограничивать и регламентировать их жизнь.

Цель такой регламентации — сделать из людей послушных, лишенных индивидуальности человекообразных роботов. Замятин-сатирик находит для выражения сухой рассудочности супругов Дьюли, а также идейных сторонников викария гротескную метафору «человек-машина», основанную на сравнении жизни этих персонажей с механизмами. Метафора «человек-машина» раскрывает бесчеловечность героя-идеолога, намеревающегося создать земной рай с помощью огня и меча: «мы, мы каждый из нас — должны гнать ближних по стезе спасения, гнать — скорпионами, гнать как рабов. Пусть будут лучше рабами господа, чем свободными сынами сатаны...»[6]. В «Островитянах» показано несоответствие между благородной целью и средствами ее достижения. Желая спасти пытающегося «выломаться» из джесмондского общества сэра Кембла, «праведник» вместе со своими сторонниками следит за невестой и другом молодого джентльмена, что приводит в конце концов не к спасению, а к гибели героя.

Персонажам анализируемого типа присущи «аполлоническая» определенность и внутренняя застылость, которая передается через внешнюю статуарность. Герой, рассказа «Ловец человеков», «апостол» Общества борьбы с пороком Краггс постоянно сравнивается с чугунным монументиком, а его жена, до тех пор, пока она не изведала чувства любви, с мрамором. Приведенные сравнения воссоздают здесь бедность психологического типа и способствует созданию примитивистских образов. Предельное выражение эта аполлоническая, или энтропийная, тенденция получает в передающем позицию автора высказывании О'Келли: «Через несколько лет любопытный путешественник найдет в Англии объизвестленных неподвижных людей, известняк в форме деревьев, собак, облаков...»[7]. Слова О'Келли – философски-символическое обобщение всего негативного, увиденного писателем в «Островитянах».

Если в образах своих английских и шотландских героев писатель больше акцентирует рациональное, сознательное, то поведением его ирландцев (циничного, умного скептика О'Келли, артистки Нанси), а также людей искусства (очаровательной танцовщицы Диди, одаренного органиста Бэйли) управляет дионисийское – иррациональное, стихийное, бессознательное начало. По Замятину, полная энергии ирландская кровь «больше похожа на вино, чем на медленную благоразумную жидкость, которая течет в жилах у англичан»[8].

Автор симпатизирует героям второго типа, так как им присущи наслаждение нетривиальными размышлениями, свободное проявление чувств, пренебрежение общественными условностями и моральными нормами, непредсказуемость поведения. Эти герои по-настоящему раскрываются не в уныло энтропийном, однообразном Джесмонде, а в загородном Санди-Бае с его вызывающим страсть бурным морем и кипятящим кровь солнцем. Замятин по-своему художественно преломляет здесь ницшеанское понимание дионисийства, соединяя его, по словам американского исследователя А.Шейна, с майеровским понятием солнечной энергии, которые у Замятина становятся символами пылких страстей, разрушающих вялое мещанское равновесие[9]. В восприятии героев творческого склада поэтизируются тонущие в тумане Джесмонд и Лондон. Так рождаются волшебные видения в духе полотен К.Моне.

Особенно значим образ О'Келли. В нем синтезированы лучшие, с точки зрения Замятина, качества народа Великобритании, проявившиеся у представитедей разных сословий в разные периоды национальной истории, Здесь и свободолюбие сапожника Джона, сожженного за верность Лютеровой ереси, и отвага аристократа Риччио, влюбленного в Марию Стюарт, и бунтарство Оливера Кромвеля.

Эти разные события из английской истории объединены общими понятиями ереси и бунта. Еретики и бунтари всегда импонировали Замятину, даже если они взрывали лишь устои личной жизни.

О'Келли еще потому так близок писателю, что способен критически воспринимать аполлонические, или энтропийные явления в жизни общества. Слова О'Келли – «счастье – одно из наиболее жирообразующих обстоятельств»[10], обращены против агрессивно утопической теории Дьюли. О'Келли словно Мефистофель, девиз которого – вечный бунт, разрушение, возмущение покоя. Рыжий адвокат обладает своеобразной неореалистической гармонией порока и безобразия, он явно подражает имморалисту О.Уайльду, который упоминается в повести отнюдь не случайно. Как и он, О'Келли проповедует свободу поведения, даже если эта свобода связана с несчастьем и гибелью.

По точной оценке А.Шейна, «Островитяне» – несомненная художественная удача писателя. Подтверждение тому оригинальная трактовка старых тем любви, революции и мещанства[11].

После «Островитян» и «Ловца человеков» вернувшегося на родину Замятина стали считать антизападником. Однако, как справедливо замечает Ричарде, «Замятин был оппонентом не Запада, а энтропии, попыток сдерживать спонтанное и свободное проявление человеческой индивидуальности»[12].

В трудные послереволюционные годы Замятину пригодилось прекрасное знание английского языка, понимание английской и американской культуры. С 1918 по 1924 г. он является членом редколлегии и заведующим редакцией в издательстве «Всемирная литература». Он пишет яркие и глубокие предисловия к изданиям сочинений Г.Уэллса, Дж Лондона, О'Генри. В 1931 г. Замятин посвящает статью творчеству Р.Б.Шеридана. Писатель не случайно обращается именно к этим именам. Его привлекает родственный собственному психологическому складу тип индивидуальности бунтаря и «еретика», ломающего литературные каноны. Особенно близкой своеобразным сочетанием фантастики и интеллектуализма, на основе чего зарождалась антиутопия, была русскому писателю проза Г.Уэллса.

Все эти годы образ Англии продолжал жить в творческом сознании Замятина и получил новое художественное воплощение в пьесе «Блоха» (1924), написанной по мотивам лесковского сказа о Левше. Оставаясь по-прежнему неоднозначным, образ Англии стал здесь более игровым и колоритным, что обусловлено самим жанром пьесы-игры, укорененной в почве русского народного балагана и в то же время творчески преломляющей традиции итальянского театра dell'arte.

В письме от 22 ноября 1924 г. из Ленинграда Д.Д.Дикому, режиссеру МХАТа 2-го, драматург подчеркивает, что в замысле его будущей пьесы для него самое важное ***«русская сказка»*** и что пьеса задумана «в виде скоморошьей игры, русского Гоцци». А скоморохи из его пьесы – «гоццивские Панталоне, Тарталья и Бригелла»[13]. Как видно, Замятин активно искал некий русский аналог классической «комедии масок».

Затронутая в этом произведении проблема «Россия и Запад» раскрывается с помощью противопоставления России и Англии.

Сюжетная основа пьесы – состязание между английскими мастерами, которые сделали стальную блоху-нимфозорию, и тульскими оружейниками, подковавшими ее, из-за чего она перестала танцевать. Если в «Островитянах» велось исследование разных оттенков внутри одного национального типа, то в «Блохе» показаны различия национальных менталитетов двух народов.

Англичан отличает профессионализм, зиждящийся прежде всего на образованности, а техническое творчество русских, чуждое строгих расчетов, – результат одаренности. Иначе говоря, Англия в пьесе – символ европейской цивилизации, а Россия – художественный знак, указывающий на дикарскую культуру. При этом две страны в «Блохе» не только противопоставляются, их объединяет то, что они показаны в восприятии не автора, а «русского мужика». Это блестяще передал в художественном оформлении спектакля во МХАТе 2-м Б.М.Кустодиев. Английские «химики-механики» из третьего действия походили на русских купцов, негр-половой – на трактирного «Ваньку»[14]. Жизненные реалии, раскрывавшиеся в репликах «аглицких» мастеров, также были и английскими и русскими: «А это для топоту, когда казачка, или нашего аглицкого комаринского плясать. Мы это очень уважаем... Ну, камрад, нашей русской горькой для прокладочки? А?»[15]. Такой же колоритно-синтетичной являлась речь английских персонажей. В третьем действии пьесы даны в русской транскрипции английские «ес», «донтандерстэнд» и «камрад», разговор англичан и Левши представляет собой удачную словесную игру, основанную на созвучии английского «камрад» с русским «кому рада, а кому и не рада». Пересказанная туляком-сказителем, речь англичан вобрала в себя образность и шутливость разговорной русской речи. С помощью подобного макаронического языка воплощается идея необходимости синтеза научных и культурных достижений России и Запада (в данном случае Англии).

Изображая жизнь в Лондоне, писатель, с одной стороны, прибегает к реалиям, свидетельствующим о высоком уровне развития ци-

вилизации – науки и техники, автоматически двигающихся стола и стульев, «буреметра» (барометра), радиотелефона, часов и т.д. С другой стороны, в «Блохе», как и в повести «Островитяне» и ее сценической версии – трагикомедии «Общество почетных звонарей», гротескно заострены неприятно поразившие писателя рационалистичность и строгая регламентированность поведения англичан. Эти качества раскрываются в лейтмотивном для третьего действия эпизоде сверки часов английскими мастерами. Образ часов превращается здесь в символ рационалистической западной цивилизации.

«Англия все – техника, ад» – писал Замятину о концепции третьего действия пьесы режиссер МХАТ 2-го А.Д.Дикий[16]. Такие ассоциации укреплялись в сцене в «пищеприемной комнате» с помощью образов железной трубы с вырывающимся из нее пламенем, пудинга с зажженным ромом, а также искр и грохота, вызванных неумелым обращением Левши с техническими приспособлениями. Как видно, в этой сцене все должно было напоминать об адском пекле. Есть у Замятина и материализованный образ нечистой силы – негр-половой. В каламбурном диалоге с ним Левши звучит одна из главных тем третьего действия: «*Половой*: Ес, ес. *Левша:* Бес – истинно! Чистый бес»[17]. Образ полового-беса резко отличается здесь от скрыто инфернальных образов героев повести «Островитяне» и романа «Мы». Он не связан с центральной замятинской философской концепцией энергийно-дионисийского, революционного начала, а близок тому значению, которое придают бесу деятели христианской Церкви. Однако образы полового-беса и адского пекла лишены метафизического содержания. Они указывают на скрыто метафорическое изображение технократической Англии как ада.

Опаснее всего здесь для Левши «аглицкие» мастера, старающиеся выманить у него тульский секрет и доказать ему превосходство английской науки и техники над русской, но получающие с его стороны отпор, хотя Левша живо интересуется достижениями английской науки и техники и нередко испытывает в Лондоне чувство профессиональной гордости.

Примечательно, что в сцене спора с «аглицкими мастерами» у Замятина отсутствует важный для Лескова – автора «Соборян» мотив превосходства православной веры над другими христианскими конфессиями. Вновь сказывается неприязнь писателя к любой «установленной религии».

В четвертом, последнем, акте завершается сопоставление двух разных национальных укладов – Англии и России. Именно здесь неоднозначно оценивается русский жизненный уклад и возникает образ России – отсталой азиатской страны. В неразвитости науки,

равнодушном и жестоком отношении к способным людям – причины драматичной судьбы Левши. Драматизм прорывается наружу в кульминации, когда Левша узнает, что подкованная туляками блоха не танцует:

«*Левша* (в ужасе); Из...из...изгадили, значить? Мы? Я?

Химик-механик: Ты. Что я тебе про арифметику-то говорил, помнишь? Оно самое»[18].

Позиция Замятина, мечтающего, подобно Лескову, о синтезе достижений западной цивилизации с русской культурой, раскрыта в мнении аглицкого мастера о Левше: «Ну, если бы он и правой взялся, да образование ему мало-мале – так наше дело табак!»[19].

Несколько изменив мысль Ричардса, скажем, что образ Англии в творчестве Замятина отражает присущий писателю синтез разных мировоззренческих традиций: подобно западникам, он восхищается развитием западной науки, техники, искусства; подобно славянофилам, отрицает западные социальные и экономические структуры и испытывает особую вражду по отношению к западноевропейскому среднему классу, в котором усматривает квинтэссенцию мещанства. И все же условие будущего процветания России Замятин видел в соединении ее собственных достижений с западными, прежде всего английскими.

Синтез двух научных концепций – майеровской и ницшеанской, а также обращение писателя к традиции театра масок в произведениях на английскую тему обнаруживает близость творчества писателя философско-эстетическим исканиям «серебряного века», особенно русскому символизму.

---

1 *Давыдова Т.Т.* Евгений Замятин. М., 1991. С. 25.
2 *Замятин Е.И.* Закулисы // Как мы пишем. Л., 1930. С. 34
3 *Замятин Е.И.* Рукописное наследие // Рукописные памятники. СПб., 1997. Вып. 3. Ч. 1. С. 196, 197.
4 См.: *Ницше Ф.* Соч. М., 1996. Т. 1. С. 61, 92-93.
5 См.: *Richards D.J.* Zamyatin: A Soviet Heretic. Lnd., 1962.
6 *Замятин Е.И.* Собр. соч. Т. 3. М., 1929. С. 65.
7 Там же. С. 69.
8 *Замятин Е.И.* Избр. произв. М., 1990. Т. 2. С. 333.
9 *Shane A.* The Life and Works of Evgenij Zamyatin. Berkely; Los Angeles,1968.
10 *Замятин Е.И.* Собр. соч. Т. 3. С. 78.
11 См.: *Shane A.* Op. cit.
12 *Richards D.J.* Op. cit. P. 54.
13 *Дикий А.Д.* Избр. М., 1976. С. 336.
14 *Эткинд М.Г.* Б.М.Кустодиев. Л., 1960. С. 169.

[15] *Замятин Е.И.* Собр. соч. Т. 1. М., 1929. С. 223-224.
[16] *Дикий А.Д.* Указ. соч. С. 357.
[17] *Замятин Е.И.* Собр. соч. Т. 1. С. 220.
[18] Там же. С. 247.
[19] Там же. С. 224.

Сергеев Е.Ю.

«УГРОЗА С ЗАПАДА» В ОЦЕНКАХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (начало XX века)

Проблема оценки роли и места властных элит в структуре социальных общностей XX в. продолжает оставаться актуальной, вызывая дискуссии специалистов[1]. Особый интерес исследователей вызывает оценка влияния военно-политических элит различных государств на процесс выработки и принятия решений по ключевым внешнеполитическим вопросам в такие переломные эпохи исторического развития, каким являлся период 1900-1914 гг.

Вполне понятно, что изучение этого вопроса невозможно представить себе без анализа совокупности факторов внутреннего порядка, обусловленных «анатомией» правящих «верхов», а также рассмотрения комплекса внешних воздействий, создававших у представителей властной элиты довольно устойчивую систему представленческих образов.

Настоящая статья является попыткой исследования одного из ее сущностных элементов, а именно, образа «внешней угрозы» для безопасности государства, в нашем случае – Российской империи начала XX в. Ведь, как показывают работы отечественных и зарубежных авторов по этой проблеме[2], реконструкция процесса формирования и эволюции оценок «угрозы с Запада» среди окружавших царя и близких к правительству кругов позволяет добиться более глубокого понимания особенностей стратегического планирования и осуществления конкретных внешнеполитических шагов официального Петербурга.

В этой связи автор поставил перед собой три главных задачи: во-первых, рассмотреть структуру российской военно-политической элиты накануне мировой войны, во-вторых, раскрыть понятие «угрозы с Запада» как своеобразной квинтэссенции в представленческой модели правящих верхов империи, в-третьих, проследить трансформацию этого образа на протяжении 1900-1914 гг.

Современное понимание термина «элита» (от франц. *elite* – отборный, лучший) обусловлено реальным существованием в обществе особого, высшего слоя, пользующегося набором привилегий в силу социального происхождения, административного статуса, имущественного состояния. Философы, социологи и политологи, внес-

шие наибольший вклад в разработку теории элит – В.Парето, Р.Михельс, Х.Ортега-и-Гассет, Й.Шумпетер, сформулировали наиболее общие закономерности их генезиса и эволюции в условиях индустриальной цивилизации XX столетия.

Относительно ситуации в нашей стране накануне мировой войны можно выделить как общие с другими европейскими государствами, так и специфические моменты внутреннего развития российской элиты.

К первым относится ***особая роль аристократии вообще и крупных земельных собственников в частности***, что являлось характерным явлением не только для России, но и, например, для Великобритании, Германии, Австро-Венгрии, Швеции. Далее, укажем на ***особую роль высших офицеров и карьерных дипломатов***, которые и составляли во многих странах Старого Света ядро военно-политической элиты. Наконец, подчеркнем ***имперскую идеологию***, лежавшую в основе системы восприятия окружающего мира представителями социальных «верхов», будь то англичанин, немец или русский.

Практически для всех европейских государств, не исключая России, были типичны две тенденции: невысокая степень контроля за принятием решений по военно-политическим вопросам со стороны законодательных органов и повышение роли специалистов-экспертов в их разработке. Даже в таких, казалось бы традиционных демократиях, как британская или шведская, где на протяжении XIX в. произошло замещение монарха в качестве высшей государственной инстанции де-факто, период 1900-1914 гг. характеризовался ослаблением эффективного парламентского руководства внешней политикой, особенно с точки зрения обеспечения национальной безопасности[3]. Пожалуй, единственным реальным рычагом, имевшимся в руках депутатов, будь то Палаты Общин, Риксдага, Рейхстага или Государственной Думы, оставалась процедура вотирования бюджета и налогов, поступления от которых могли идти на военно-политические цели. Однако существование негласных фондов, а также практика утверждения чрезвычайных расходных статей, существовавшая в большинстве европейских стран, сводила на нет эту прерогативу парламентов. Как справедливо отмечал один из современников, «русские Основные законы не представляют Государственной Думе и Государственному Совету никакого непосредственного воздействия на эту политику. Министр иностранных дел может никогда не появляться в стенах Таврического и Мариинского дворца, ему не нужно отвечать на обращаемые к нему запросы. Заключение международных договоров точно также совершенно изъято из ведения законодательных учреждений»[4].

В то же время расширявшаяся бюрократизация всех сфер государственного управления, обусловленная дифференциацией и усложнением его функций, особенно в области защиты от внешних угроз, превращала выборных представителей общественности — членов законодательных органов в малокомпетентных дилетантов, не способных обсудить и принять решение по тому или иному вопросу без аналитических разработок и оценок экспертов, которые, таким образом, в качестве ***референтной группы*** получали возможность решающего воздействия на процесс осуществления повседневного политического руководства[5]. Это обстоятельство обусловило изменение социального состава правящей элиты, среди которой в первые десятилетия XX столетия появляется слой специалистов высшего уровня, получивших не столько традиционно гуманитарное, сколько техническое образование, отвечавшее требованиям новой эпохи.

Что касается российской специфики процесса становления современных властных элит, то прежде всего бросаются в глаза попытки Николая II и его ближайшего окружения законсервировать ***доминирующие позиции традиционной наследственной земельной аристократии в структуре высших государственных органов*** (в отличие, например, от реформ Д.Ллойд Джорджа в Великобритании). Именно столичное дворянство, обладавшее крупной собственностью в аграрном секторе экономики, продолжало служить опорой фактически неограниченной власти российского самодержца, упорно стремившегося к новым захватам на Дальнем Востоке, в Центральной Азии и районе черноморских проливов. Иллюстрацией особенностей натуры Николая II и самостоятельной роли царя в вопросах внешней политики может служить беседа С.Ю.Витте с А.Н.Куропаткиным, записанная последним 23 апреля 1901 г. в своем секретном дневнике: «Витте говорил, что характер государя, склонный к авантюре и весьма хитрый, может повести нас и к европейский войне... Конечно, тут были преувеличения, но, несомненно, что государь, отлично владея собой, умеет скрывать свои мысли и по самым важным вопросам имеет иногда разные взгляды со своими министрами, не исключая и Ламздорфа. Витте еще сказал мне, что однажды после игры в карты государь сказал полковнику Оболенскому: "Если бы я не был императором, то мог бы сделаться азартным игроком"»[6]. Весьма характерное признание, опровергающее мнение некоторых историков о неучастии царя в формировании внешнеполитического курса[7].

С одной стороны нельзя не признать, что реформы 1905-1907 гг. еще шире, чем преобразования 60-70-х гг. XIX в., приоткрыли двери

для политической карьеры мелкопоместного дворянства, земских деятелей и представителей разночинной интеллигенции (особенно через выборные органы государственной власти), однако основной сдвиг, на наш взгляд, произошел все же по линии ***замены наследственной, земельной аристократии – служивой, чиновничьей бюрократией*** Данный вывод обосновывается изучением послужных списков особого слоя российского офицерства – военных агентов. Биографические материалы на более чем 100 лиц этой категории отложились в фондах Российского государственного военно-исторического архива[8]. Дополнительную информацию дают ежегодники Главного и Генерального Штабов военного ведомства России[9].

Излишне говорить о том, что в начале XX в. более 90% российских военных дипломатов по своему социальному происхождению принадлежали к потомственному дворянству, причем значительная часть – к его высшему слою[10]. Среди них выделялись князья П.Н.Енгалычев, Н.А.Трубецкой, А.М.Волконский, графы А.А.Игнатьев, Г.И.Ностиц, В.В.Муравьев-Амурский, бароны Г.А.Розен, А.Г.Винекен и др. В правящих кругах тогдашней России бытовало мнение, что «хорошее воспитание, родственные связи и принадлежность к высшему обществу могут только украсить военного агента»[11]. Поэтому было характерно стремление большинства офицеров Генерального Штаба, намеревавшихся получить назначение за рубеж, составить выгодную брачную партию, женившись на дочерях придворных вельмож, представительницах старинных дворянских родов и (на худой конец, или) наследницах миллионеров. Таковыми, согласно послужным спискам, можно считать браки военных агентов: в Берлине В.Н.Шебеко (его избранницей стала урожденная баронесса М.-А.К.Шиллинг), Гааге и Брюсселе С.Н.Потоцкого (баронесса С.Н.Корф), Риме Е.-Л.К.Миллера (фрейлина двора, дочь генерал-адъютанта Н.Н.Шипова); Париже Г.И.Ностица (американская гражданка, бывшая супруга берлинского банкира Л.М. фон Нимич)[12].

Однако и в этом наиболее элитном слое офицерского корпуса к 1914 г. наблюдались изменения. И происходили они именно в связи с появлением в составе офицеров Генерального Штаба и «дипломатов в погонах», рекрутировавшихся из них, незнатных по социальному происхождению лиц. Примерами могут служить биографии обер-квартирмейстера Главного Управления Генерального Штаба, одного из руководителей военной разведки России генерал-лейтенанта В.Е.Борисова, происходившего из крестьян Ярославской губернии[13], или военного представителя России в Стамбуле с августа 1899 по ноябрь 1904 г., впоследствии генерал-квартирмейстера

Одесского военного округа, генерал-лейтенанта Э.Х.Калнина, анкетные данные которого содержат запись о происхождении «из солдатских детей г. Санкт-Петербурга»[14].

Другой особенностью эволюции военно-политической элиты Российской империи являлось ***незначительное присутствие в ней представителей финансово-промышленных кругов*** по сравнению с западноевропейскими странами, не говоря уже о США. Как известно, попытка С.Ю.Витте расширить прерогативы министерства финансов, обеспечив высшим чиновникам этого ведомства место рядом с военными и дипломатами, окончилась неудачей[15]. И только критическая ситуация 1915-1917 гг. вывела на авансцену российской политики людей типа А.И.Гучкова, А.И.Коновалова, М.И.Терещенко.

Наконец, подчеркнем ***второстепенное***, с нашей точки зрения, ***положение военных моряков среди имперской элиты*** по сравнению с представителями сухопутного офицерского корпуса, который выполнял также функции обеспечения правопорядка внутри страны. Само континентальное геополитическое положение России, флот которой, несмотря на всю значимость защиты морских рубежей, был в состоянии, особенно после разгрома на Дальнем Востоке в 1904-1905 гг., выполнять лишь вспомогательную роль при осуществлении стратегических операций, диктовало приоритет армии перед морскими силами. Свидетельством этому служит тот факт, что бюджетные ассигнования на флот значительно уступали расходам казны на сухопутные войска[16].

Таким образом, состав российской властной элиты начала XX в., принимавшей непосредственное участие в формулировании задач обеспечения национальной безопасности, отличался доминированием высшей, дворянской по своему происхождению бюрократии, служившей, главным образом, в военном и дипломатическом ведомствах и фактически неподконтрольной парламенту России – Государственной Думе. Влияние остальных бюрократических структур, таких, как министерства внутренних дел, финансов, торговли и промышленности, а также местных органов – генерал-губернаторов и чиновников их аппарата, не говоря уже о Государственной Думе и земских выборных структурах, на выработку внешнеполитической доктрины следует признать косвенным и малозначимым.

Сказанное отнюдь не означает, что военно-политическая элита России отличалась монолитностью. В отношении внешней политики разногласия внутри нее прежде всего связывались с ***определением критериев достаточности территориального расширения империи***. И если одна часть правящих верхов во главе с самим царем, как уже отмечалось, продолжала ориентироваться на внешние за-

хваты, то среди другой части властной элиты, не исключая и наиболее трезво мыслящих представителей офицерского и дипломатического корпуса, постепенно утверждались идеи ***естественных границ России***. Приверженцы точки зрения о завершении экстенсивного пути развития в истории Российского государства и необходимости перехода к политике ***сохранения статус-кво***, особенно в Европе, следующим образом обосновывали свои взгляды: «Много веков народные силы направлялись главным образом вширь, уходили на борьбу с ***пространством и за пространство*** (курсив мой. – *Е.С.)*, и это накладывало особый отпечаток однообразия и повторения на наше прошлое». Но теперь, после имевшего знаковый смысл поражения России на Дальнем Востоке, ситуация изменилась. «Наши помыслы и заботы должны направляться не вширь, а вглубь», – пишет все тот же сторонник политики «разумного консерватизма» в отношениях с Западом[17].

Еще одной «линией водораздела» между представителями российской элиты стал в начале XX в. вопрос о ***славянском единении***, который, по мнению некоторых публицистов, задавал определенную направленность внешнеполитическому курсу страны в Европе и на Балканах[18]. Существо проблемы состояло на самом деле в том, чтобы сочетанием различных воздействий политического, хозяйственного и культурного характера привлечь славянские народы к союзу с Россией для сдерживания пангерманизма[19].

Наконец, ***возрастание экономического фактора*** в международной жизни также вызывало разногласия адептов модернизации по западноевропейскому образцу и традиционалистов, которые делали акцент на специфическом пути развития империи. Стремясь убедить последних в актуальности для реализации идеи «Великой России» либерализации хозяйственных отношений, П.Б.Струве обращал внимание правительственных кругов на, казалось бы, совершенно банальную по сегодняшним меркам вещь – влияние экономического потенциала любого государства на уровень его безопасности. Так, в частности, он писал, что «чем выше экономическое развитие страны, тем, при прочих равных условиях, выше ее боевая готовность, и тем значительнее та сила, которую данная страна может развить в военном столкновении»[20].

Нельзя не упомянуть и о типичной проблеме любой бюрократической системы в стадии реформирования – трениях и даже конфликтов между военными и дипломатами, которые хотя и были характерны также и для других держав, но временами приобретали в России гипертрофированную форму. Не случайно британского посла в Санкт-Петербурге Дж.Бьюкенена так поражало «отсутствие

какой-то солидарности или коллективной ответственности среди членов русского кабинета»[21]. Дело в том, что офицеры Генерального Штаба по сравнению с чиновниками МИД получали, как правило, более высокую профессиональную подготовку, включавшую длительные командировки за рубеж, присутствие на маневрах и посещение различных стратегических объектов, что позволяло им лучше понимать реалии соответствующих стран. Кроме того, хотя родственные связи и светские знакомства продолжали играть свою роль в карьере представителей военной элиты, все же не до такой степени, как в продвижении по служебной лестнице чиновников внешнеполитического ведомства, где ключевые должности, несмотря на реформаторские потуги А П Извольского и С.Д.Сазонова, зачастую попадали в руки весьма посредственных по способностям, но родовитых аристократов[22].

Традиционное соперничество военных и дипломатов в попытке заручиться «высочайшей» поддержкой и добиться увеличения бюджетных ассигнований также препятствовало эффективному взаимодействию двух ведомств. Положение дел не исправила и попытка создания высшего координирующего органа – Совета Государственной Обороны, бесславно закончившего свое существование в 1909 г. В отличие от примеров конструктивного сотрудничества Главного управления Генерального Штаба с Морским Генеральным Штабом, пограничной стражей и министерством внутренних дел, антагонизм между военным и дипломатическим ведомствами так и не был преодолен вплоть до начала Первой мировой войны, кстати сказать, с молчаливого согласия Николая II.

Указанная дифференциация отдельных групп внутри российской военно-политической элиты, конечно же, сказывалась на восприятии ими «угрозы с Запада» как характерного элемента в комплексе представлений о внешнем мире и вытекающих из него задачах проведения имперской внешней политики. Важно отметить, что само понятие «враждебного Запада» распространялось в начале XX в. только на ***часть крупнейших европейских государств*** – Великобританию, Германию, Австро-Венгрию. Так называемые «малые державы» Старого континента, типа Швеции, а также балканские страны и малозначимые для России государства, вроде Испании и Португалии, в расчет обычно не принимались.

Оставляя в стороне генезис стереотипного образа «Запада, враждебного России»[23], рассмотрим его эволюцию с начала XX в. до кануна Первой мировой войны.

Итак, к 1900 г. в сознании военно-политической элиты Российской империи «угроза с Запада» связывалась прежде всего с ***колос-***

сальной территориальной протяженностью страны, вызывавшей «зависть и недоброжелательство» других держав. Во всеподданнейшем докладе А.Н.Куропаткина от 14 марта 1900 г. подчеркивалось, что Россия достигла естественных географических пределов в процессе расширения своей территории, окончательную точку в котором могла поставить китайская экспедиция в Маньчжурии и присоединение к империи ее северной части[24]. Необходимость защиты столь протяженных рубежей от Северного Ледовитого океана до Желтого моря, по мнению большинства дипломатов и военных, требовала крайней осмотрительности в осуществлении внешнеполитических шагов и значительных бюджетных затрат.

Вторым моментом, который был характерен для оценки сложившейся ситуации российской военно-политической элитой, являлось ***двойственное отношение к нормам международного права,*** причем не только с азиатскими странами, как подчеркивает известный отечественный специалист в области истории внешней политики России рассматриваемого периода А.В.Игнатьев[25], но и с теми европейскими государствами, которые не входили в узкий круг «великих» держав, например, Швецией, Норвегией, балканскими странами. К ним можно добавить США и латиноамериканские республики. Да и с такими «первоклассными» государствами, как Великобритания, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Италия отношения строились прежде всего на основе пресловутого «баланса сил», и только вслед за этим с учетом норм международного права. Конечно, в гораздо большей степени отмеченная амбивалентность была присуща военным, чем дипломатам, однако недоверие к соглашениям и союзам при уповании на неисчерпаемые людские, материальные и финансовые ресурсы империи выступало знаковым признаком менталитета правящих верхов России начала XX столетия.

Далее, следует отметить влияние ***исторического опыта страны*** со времен освобождения от монголо-татарского ига, вошедшего в национальный генотип служилой дворянской элиты, а именно, представления об «опоре на собственные силы» в качестве ключевого фактора сначала достижения, а потом и обеспечения суверенитета и территориальной целостности Российского государства. Согласно глубокому убеждению большинства представителей высшей бюрократии, только усилившемуся в результате неудачной войны 1904-1905 гг., никакая помощь со стороны других стран не могла иметь решающее значение для России с точки зрения обеспечения ее безопасности. Только сами россияне были способны отстоять рубежи страны[26].

Для периода преобладания «азиатской» составляющей внешнеполитического курса официального Петербурга воплощением врага являлась морская держава № 1 – Великобритания, остававшаяся неуязвимой для «сухопутной» России. Характерной иллюстрацией того раздражения, которое вызывала эта страна у царских сановников, служит следующий отрывок из аналитической записки министра иностранных дел М.Н.Муравьева, датированной январем 1900 г.: «За истекшие полвека Англия, вследствие своей алчной, корыстной и эгоистичной политики успела возбудить против себя неудовольствие почти во всех государствах континентальной Европы; пользуясь своим исключительным островным положением, первыми по силе и могуществу военным и коммерческим флотами, англичане сеяли раздор и смуту среди европейских и азиатских народов, извлекая для себя из этого всегда какую-либо материальную выгоду»[27].

Основываясь на донесениях русских военных агентов и дипломатов с берегов Темзы[28], нетрудно увидеть первопричину традиционного негативного восприятия Англии правящей элитой России в ***практическом отсутствии совместимости*** (***гомогенности***) всех основных составляющих государственной и общественной жизни этих стран, подразумевая политику, экономику, идеологию, культуру, традиции)[29]. Чуждая, непонятная, абсолютно отличная от привычного стереотипа страна угрожала Российской империи повсюду, оставаясь фактически вне досягаемости Петербурга. Именно поэтому на протяжении многих десятилетий правящая верхушка Романовской России лелеяла замысел нанесения удара по единственной уязвимой для русского оружия британской территории – Индии, кстати сказать, передав этот так и нереализованный прожект «в наследство» большевикам.

Что касается Германии и Австро-Венгрии, то они на протяжении первого пятилетия XX в. рассматривались скорее как «скрытые, потенциальные» противники России в центре Европы и на Балканах. Постоянные реверансы Вильгельма в отношении «кузена Ники», эпизод в Бьорке и Мюрцштегское соглашение убеждали российскую военно-политическую элиту в гораздо более низком уровне опасности со стороны континентальных государств, чем морских держав, типа Англии, Японии или США. Главная угроза империи виделась им в объединении усилий первых и вторых, поскольку такая комбинация практически не оставляла шансов сохранить территориальную целостность империи и существовавший автократический режим.

Однако и в эти годы, как уже отмечалось, все слышнее становились голоса сторонников «общеславянского дела», подвергавших

резкой критике германофилов в России. На протяжении 1906-1910 гг. происходит постепенная трансформация образа «враждебного Запада» в восприятии российской правящей элиты. Любопытно отметить, что негативизм восприятия англичан уходит как бы на «второй план» менталитета военно-политической элиты, подобно тому, как конфликтность двухсторонних отношений все больше вытесняется на периферию мировой политики. «Да, Великобритания – это по-прежнему чуждая нам по духу страна, но не опасная в настоящее время, потому что причины для столкновения с ней после провала дальневосточной авантюры, потери флота и либерализации внутри страны значительно уменьшились», – так или примерно так рассуждали дипломаты и военные России, настроения которых вплоть до лета 1914 г. не развеяли тревоги Лондона по поводу возможности восстановления «добрых отношений» между Петербургом и Берлином за счет «дружбы с англичанами»[30].

Неудачи русской дипломатии на Балканах и нарастание сепаратистских движений в западных частях империи (Польше, Финляндии), пользовавшихся тайной поддержкой австрийцев и немцев, превратили к 1909 г. Австро-Венгрию, а через год-два и Германию в главных «врагов» славянского мира вообще и его лидера — России, в частности. Важно подчеркнуть, что на смену «династической солидарности» в Европе окончательно пришли национальные интересы, которые заставляли военно-политическую элиту России пересматривать привычные оценки в поисках новых ориентиров. И вот уже такие авторитетные, но «несовременные» с точки зрения задач ускоренной модернизации страны по западному образцу деятели, как Р.Р.Розен или П.Н.Дурново[31], оказываются в меньшинстве перед прагматичными сторонниками, особенно из числа офицеров ГУГШ и сотрудников С.Д.Сазонова, еще более тесного сближения с республиканской Францией и демократической Англией. Верность традициям уступает место трезвому расчету, а воспоминания о благословенных временах «Союза трех императоров» – проведению регулярных совещаний начальников Главных Штабов стран Антанты и разработке сценариев военных действий против Германии и Австро-Венгрии.

Однако «полная оборонная беспомощность» России в период 1906-1910 гг., используя выражение руководителя русской военной разведки генерала Ю.Н.Данилова[32], в значительной мере сдерживала германофобию, хотя по отношению к австрийцам в столице уже не стеснялись. Это объяснялось некоторой переоценкой военного потенциала Германии, что особенно заметно при ознакомлении с путевыми впечатлениями русских офицеров по итогам служебных коман-

дировок в эту страну[33], и гораздо более сниженной тональностью восприятия Австро-Венгрии, которая среди военно-политической элиты России характеризовалась как нежизнеспособное государство, обреченное на скорый распад, прежде всего благодаря внутренним, этно-конфессиональным противоречиям, ускорить разлагающее воздействие которых и была призвана ставка Петербурга на сербских националистов[34]. Так, в частности, австро-венгерская армия, по оценкам представителя русской военной разведки полковника М.К.Марченко, оказалась доступной для проникновения «политики на почве внутренних, национальных вопросов», когда антагонизм между немцами-офицерами и нижними чинами – мадьярами и славянами достиг к 1910 г. значительных размеров (во многих случаях дело доходило до открытого неповиновения и саботажа)[35].

Важным психологическим элементом заниженных оценок боеспособности австро-венгерских войск, по-видимому, являлись исторические реминисценции из эпохи Наполеоновских войн и революции 1848-1849 гг., во время которых армия Габсбургской монархии ничем выдающимся себя не проявила.

Заключительный хронологический отрезок рассматриваемого предвоенного пятнадцатилетия (примерно с 1911 по июль 1914 г.) характеризовался уже стойкой ассоциацией «угрозы с Запада» в представлениях российской военно-политической элиты с опасностью установления германо-австрийской гегемонии в Европе и перспективы окружения страны враждебными тевтонскими и мусульманскими государствами. Балканские войны, активизация Германии в Османской империи, усиление немецкого проникновения в Скандинавию (особенно в Швецию) – все это выстраивались в причинно-следственную цепочку, основные звенья которой воздействовали на представленческие модели правящих верхов, формируя зловещий образ «тевтонского меча, занесенного над Россией и славянскими народами». В качестве дополнения к этой мрачной картине следовало отнести и агрессивные замыслы Японии, готовой, по мнению Генерального Штаба, открыть «второй фронт» против России на берегах Тихого океана при малейших симптомах ослабления империи[36].

Свою роль при завершении складывания «образа внешнего врага» в сознании российской военно-политической элиты на протяжении этого хронологического отрезка сыграли еще два обстоятельства: нарастание внутренней социальной конфликтности в государствах Тройственного Союза на фоне стабилизации режима Третьей республики во Франции и реформаторской деятельности Д.Ллойд Джорджа, а также усиление экономических противоречий,

находивших свое отражение в неприязненном, чтобы не сказать больше, отношении правящих кругов накануне войны к германо-австрийским компаниям и предпринимателям, действовавшим в России. Теперь уже именно он – коварный и хитрый противник, германский или австрийский лавочник, врач или колонист усилиями государственной пропагандистской машины был превращен в виновника социальной напряженности и конфликтов между правящими кругами и нижними слоями общества, а достижение «гражданского мира и согласия» следовало рассматривать как итог сокрушения мощи «тевтонства».

Неслучайно поэтому те меры, которые были приняты в стране сразу же после начала боевых действий на фронтах по т.н. «борьбе с немецким засильем» получили горячее одобрение прежде всего в среде высшей военно-политической бюрократии в отличие от простого народа, который, по свидетельству уже знакомого нам Ю.Н.Данилова, «оказался психологически к войне неподготовленным», поскольку «главная масса его – крестьянство едва ли отдавала себе ясный отчет, зачем его зовут на войну», а в кругах интеллигенции наблюдалось «обилие лиц, искавших случая или возможности уклониться от призыва вовсе или в крайности – избежать тягостей службы на фронте, пристроившись в тылу»[37].

Таким образом, представленческий образ Запада, «угрожавшего безопасности» России как государственного образования в оценке ее элиты на протяжении 1900-1914 гг. претерпел эволюцию в направлении опасности прежде всего для ***традиционных социальных*** (монархия и дворянство) и ***этно-конфессиональных*** (православие и славянство) внешнеполитических установок империи, сам процесс модернизации которой в начале XX в. предопределил выдвижение на первый план задачи изменение всей парадигмы ее социально-политического устройства, включая состав и функции властной элиты.

---

1 См. напр.: *Janowitz M.* Military Elites and the Study of War // Journal of Conflict Resolution. 1957. V. 1; *Abrahamsson B.* Military Professionalization and Political Power. Stockholm, 1970; *Aselius G.* The «Russian Menace» to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm, 1994; etc.

2 *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906-1910. М., 1961; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. М., 1973; *Емец В.А.* Механизм принятия внешнеполитических решений в России до и в период Первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в. М., 1998; *Howes J.* The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the

Interaction of Policy and Opinions. Cambridge (Mass), 1950; *Epstein F.* Der Komplex «Die Russische Gefahr» und seine Einfluß an die deutsch-russische Beziehungen im 19 Jahrhundert // Deutschland in der Weltpolitik des 19 Und 20 Jahrhunderts. Düsseldorf, 1973; *Liszkowski U.* Zur Aktualisierung der Stereotype «Die Deutsche Gefahr» im Russischen Neoslavismus // Rußland und Deutschland. Stuttgart, 1974; *Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics. Princeton, 1976; *Ropponen R.* Die Russische Gefahr: Das Verhalten der öffentlichen Meinung Deutschlands und Österreich-Ungarns gegenüber der Außenpolitik Rußlands in der Zeit zwischen dem Frieden von Portsmouth und dem Ausbruch des ersten Weltkrieges. Helsinki, 1976; Belief Systems and International Relations. Oxford, NY., 1988; *Luostarinen H.* Finnish Russophobia: the Story of an Enemy Image // Journal of Peace Research. 1989. V. 26; *Aselius G.* Op.cit.; etc.

3 См.: *Bond B.* War and Society in Europe 1870-1970. L., 1984.

4 *Котляревский С.А.* Русская внешняя политика и национальные задачи // Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам. М., 1911. Кн. 2. С. 43.

5 *Janowitz M.* The Professional Soldier: A Political and Social Portrait. Glenncoe, 1961. P. 38-53.

6 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5435. Л. 28.

7 См. напр.: *Георгиев А.В.* Царизм и российская дипломатия накануне Первой мировой войны // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 72.

8 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1-2. Коллекция послужных списков офицеров русской армии.

9 Общий состав чинов Главного Штаба. СПб.,1900-1906; Общий состав чинов Главного Управления Генерального Штаба. СПб., 1906-1914.

10 По составу офицерского корпуса России, включая его высшие слои, см.: *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX вв. М., 1973; *Он же.* Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 21-29; *Кавтарадзе К.К.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920. М., 1988.

11 *Чернозубов Ф.* Служба Генерального Штаба. Военные агенты // Военный сборник. 1911. № 11. С. 6-7.

12 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с № 148-186 (1917 г.) Шебеко В.Н.; Оп.2. П/с № 344-111 (1907 г.) Потоцкий С.Н.; Оп.1. П/с № 74-807 (1915 г.) Миллер Е.-Л.К.; Оп.2. П/с № 360-829 (1915 г.) Ностиц Г.И.

13 Там же. П/с 165-898. Борисов В.Е.

14 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. П/с № 261-178 (1913 г.) Калнин Э.Х.

15 См.: *Игнатьев А.М.* С.Ю.Витте – дипломат. М., 1989.

16 См.: *Lieven D C.B.* Russia and the Origins of the First World War. N.Y., 1983; *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. М., 1986.

17 *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 58.

18 *Дурново Н.Н.* Русская панславянская политика на православном Востоке и в России. М., 1908.

19 См.: *Вандам А.Е.* Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения. СПб., 1913.

20 *Струве П.Б.* Экономическая проблема «Великой России» // Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам. М., 1911. Кн. 2. С. 144.

21 *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 84.

22 См.: *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. 1893-1922. М., 1959. С. 25-36.

[23] См. серию сборников статей под редакцией А.В.Голубева, посвященных проблемам взаимодействия российской и европейской цивилизации: Россия и Европа в XIX-XX вв. М., 1996; Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в М., 1998.

[24] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 666. Л. 59-61.

[25] *Игнатьев А.В.* Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX-XX вв. // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 38.

[26] *Трубецкой Г.Н.* Россия как великая держава // Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам. М., 1910. Кн. 1. С. 21-138

[27] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 596. Л. 6 об.

[28] Подробнее см.: *Сергеев Е Ю.* Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX – начале XX в. // Россия и Европа в XIX-XX вв. С. 166-174.

[29] Интересные оценки перспектив сотрудничества великих держав в зависимости от высокой, средней или низкой степени «совместимости» их экономики, внутренней и внешней политики можно найти в книге американского исследователя С.Рока. См.: *Rock S.R.* Why Peace Breaks Out. Great Power Rapprochement in Historical Perspective. Chapel Hill, L., 1989.

[30] *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 79.

[31] См.: *Розен Р.Р.* Европейская политика России. Пг., 1917; Записка П.Н. Дурново (февраль 1914 г.) // Красная Новь. 1922. № 6 (10). С. 182-199.

[32] *Данилов Ю Н.* Россия в мировой войне 1914-1915 гг. Берлин, 1924. С. 32.

[33] См. напр.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 600. Л. 12-17 об. Сведения, полученные во время пребывания в заграничной командировке в г. Касселе в 1909 г. Генерального Штаба капитана Чернавина. Вильно, 31 марта 1910 г.

[34] Там же. Д. 680. Л. 89. Донесение военного агента полковника В.М.Марченко в ГУГШ. Вена, 26 мая 1910 г.

[35] Там же. Л. 32-33. Марченко – в ГУГШ. Вена, 13 марта 1910 г.

[36] *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. М., 1926. С. 210.

[37] *Данилов Ю Н.* Указ. соч. С. 112.

Кулешова Н.Ю

И.В.СТАЛИН О «КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОКРУЖЕНИИ»: 1920-1930-е годы

В последнее время в ходе непрекращающейся дискуссии о том, к какой войне готовилось сталинское руководство накануне нападения Германии на СССР[1], внимание историков было привлечено к идее наступательной войны в советской пропаганде 1939-1941 гг., которая напрямую увязывалась с достижением стратегической цели – уничтожением «капиталистического окружения»[2]. Введенные в научный оборот новые факты привели к существенным изменениям в сложившихся представлениях о военно-политических замыслах советских лидеров. Однако не меньшую значимость для уяснения данного вопроса имеет анализ политических установок предшествовавшего периода, 1937-1938 гг. При этом ключ к пониманию сути высказываний высших руководителей страны о внешнем мире и «поворотных моментов» проводимого в отношении него курса лежит во внешнеполитической концепции И.В.Сталина, основные положения которой были изложены им еще в середине 1920-х гг.

Читая лекции «Об основах ленинизма» в Свердловском университете в начале апреля 1924 г., он фактически представил собственную интерпретацию ленинской теории пролетарской революции. Генеральный секретарь ЦК РКП(б) заявил, что в период империализма как кануна социалистической революции «меняется... самый подход к вопросу о пролетарской революции, характере революции... меняется схема революции вообще»[3]. Если раньше, отмечал он, принято было учитывать наличие объективных условий для революции в отдельных странах, то теперь их отсутствие не является непреодолимым препятствием к ее свершению. Определяющим моментом стало то, что система мирового империалистического хозяйства, звенья которой составляют национальные хозяйства отдельных стран, «в целом уже созрела для революции». Следовательно, заключал он, если раньше пролетарскую революцию рассматривали «как результат исключительно внутреннего развития данной страны», то теперь ее надо рассматривать, «***прежде всего*** (курсив мой. – *Н.К.*), как... результат разрыва цепи мирового империалистического фронта в той или иной стране»[4].

К чему сводились данные утверждения? Их суть состояла в том, чтобы обосновать уменьшение роли внутренних факторов развития революции и перемещение центра тяжести на внешние. Для Ста-

лина это имело важнейшее значение, тем более, что он вовсе не собирался ограничиваться экономической сферой. В работе «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», написанной в декабре 1924 г., генсек указывал, что в условиях развитого империализма и победы революции в одной стране «появился такой новый фактор, как... закон неравномерного развития капиталистических стран, говорящий о ***неизбежности военных столкновений...*** и возможности победы социализма в отдельных странах», а также «такой новый фактор, как огромная ***Советская страна***» (курсив мой. – *Н.К.*) Эти факторы, подчеркнул Иосиф Виссарионович, не могут быть не учтены при изучении путей мировой революции, которые теперь «не так просты, как это могло бы показаться раньше»[5].

Сколь принципиален был для Сталина вопрос о внешних факторах, становится ясно, если учесть его сомнения относительно революционности европейского пролетариата и скептицизм по поводу перспектив социалистической революции на Западе. Некоторые историки считают, что такое отношение Сталин продемонстрировал уже в 1918 г., в период дискуссии о Брестском мире, затем в 1920 г., в ходе советско-польской войны, а также накануне германских событий осени 1923 г.[6] По мнению американского журналиста и историка Луи Фишера, Сталин перестал мечтать о «мировой революции» после поражения восстания в Германии в 1923 г. и неудачной попытки повернуть ход войны в Китае в 1924-1925 гг.[7] Указание на последний период представляется весьма спорным, поскольку уже в это время генсек акцентировал внимание на высказывании Ленина, относящемся к 1920 г., что при отсутствии специфических условий 1917 г., как внешнего (империалистическая война), так и внутреннего порядка, помимо ряда других причин, «***начать*** социалистическую революцию Западной Европе труднее, чем нам»[8]. Данное утверждение не могло не навести на определенные размышления. Действительно, в 1915 г. Ленин сделал вывод, что в результате действия закона неравномерности экономического и политического развития пролетариат даже одной или нескольких европейских стран мог начать революцию[9], а уже после окончания мировой войны он констатировал: как раз начать-то ее на Западе будет сложно. Получалось явное противоречие, которое Сталин разрешил в соответствии с собственными взглядами на революционность европейского пролетариата. Сделав упор на трудность (или невозможность) последнему развязать революцию собственными силами, решающее значение в данном процессе он придал внешним стимуляторам – новой империалистической войне и СССР.

Фиксировать внимание на войне, как благоприятном моменте для «прямого штурма твердынь капитализма»[10], генсек стал в том же 1924 г., когда в стране активно велась пропаганда ужасных последствий войны 1914-1918 гг. В опубликованных газетой «Правда» материалах, посвященных ее десятилетию, звучал призыв к пролетариям всех стран воспрепятствовать новой готовящейся бойне, которая, как ожидалось, будет еще разрушительнее предыдущей: «идите, восстаньте против империализма!... и если вы для своего дела понесете хотя бы незначительную часть тех жертв, каких от вас через короткое время неизбежно потребует дело империализма, вы не можете не победить. Так, и только так, вы действительно уничтожите неизбежную при капитализме перспективу новых войн и новых кровопролитий»[11].

Однако отношение Сталина к империалистической войне было проникнуто совсем иным духом и содержанием. Он рассматривал ее не с точки зрения всеобщей трагедии, а с точки зрения того, как она «замечательна», ибо «ведет к взаимному ослаблению империалистов, к ослаблению позиции капитализма вообще, к приближению момента пролетарской революции, к практической необходимости этой революции». Будущий вождь зачислил войну в разряд таких «резервов революции», которые, как подчеркнул он, «имеют иногда первостепенное значение». Поэтому важнейшая задача стратегического руководства состояла в том, чтобы «правильно использовать все эти резервы для достижения основной цели революции...»[12].

Таким образом, исходя из одинакового признания неизбежности новой империалистической войны, Сталин и официальная пропаганда того времени, тем не менее, делали различные выводы об отношении к ней в связи с достижением главной цели – уничтожением капитализма. Пропаганда утверждала о возможности предотвращения мировой войны путем мировой революции, то есть ставила революцию на первое место, чтобы избежать новую страшную бойню, а Сталин, осознав значение войны как важнейшего внешнего фактора развития революции, в очередности данных событий расставил акценты совсем по-другому. Он проводил идею «войны-революции».

Но какая роль в данной схеме отводилась СССР? Одни историки считают, что Иосиф Виссарионович, не веря в мировую революцию, совсем не помышлял о выступлении с вооруженной силой для помощи, и уж тем более для стимулирования, революционного движения в других странах, стремясь лишь «примером» социалистического строительства оказывать на них революционизирующее воздействие[13]. Другие оценивают подобного рода суждения как

спорные[14]. На самом деле такие утверждения просто противоречат фактам. Например, М.В.Александров утверждает, что генсек, не разделяя концепцию пролетарского интернационализма, расходился во взглядах с Лениным на внешнеполитические задачи, обозначенные последним еще в статье 1915 г. «О лозунге Соединенных Штатов Европы»[15]. Однако сам Сталин на вопрос, в чем должна выражаться помощь первого социалистического государства трудящимся массам всех остальных стран, в качестве ответа сослался как раз на цитируемую автором ленинскую работу. Эта помощь, открыто заявлял он в 1924 г., должна выражаться в том, чтобы победивший пролетариат одной страны, «экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал... ***против*** остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»[16]. По признанию Иосифа Виссарионовича, эти действия были необходимы для того, чтобы «ускорить и двинуть вперед дело свержения мирового империализма». Примечательно, что именно в них он видел суть «интернациональной природы» Октябрьской революции и «своеобразие» внешней политики советского государства[17]. Отсюда очевидна несостоятельность утверждений о несогласии Сталина с данной ленинской работой, тем более, что она получила у будущего вождя характер программного документа, на который он неоднократно ссылался и которому неотступно следовал.

Приверженность указанным ленинским высказываниям свидетельствует об одном: генсек отдавал предпочтение военной силе в вопросе о средствах стимулирования революционного процесса, применяемой к тому же на основе инициативных действий со стороны единственного социалистического государства против всего буржуазного мира. Это означает также, что он разделял идею революционной наступательной войны, с которой открыто выступил партийный лидер. Но, следует сказать, что эту идею принципиально признавали все большевики. Однако данный факт, сам по себе, еще не дает оснований утверждать, что революционная война стала для Ленина чуть ли не «единственным средством осуществления мировой революции», что «большевики всегда готовились только к наступательной войне» – (читай: экспорту революции), а Сталин, «усвоив идею мировой революции ... оказался наиболее прилежным учеником Ленина»[18]. Заявлять о единстве взглядов всех большевиков и проводимой ими единой линии – еще одна крайность, не подкрепленная историческими фактами.

В 1915 г., когда Ленин и не помышлял о приходе большевиков к власти, им была дана лишь общая умозрительная схема революционной наступательной войны без уточнения условий ее ведения и роли в развитии мировой революции. Однако именно от последнего зависела та грань, которая отделяет вооруженную интервенцию в другое государство от интернациональной помощи борющимся за свое освобождение народным массам. В первом случае происходит экспорт революции, когда армия победившего пролетариата несет ее на своих штыках, то есть идет утверждать свои порядки в других странах. Во втором, она лишь оказывает поддержку идущей или уже свершившейся где-либо революции. Разумеется, что, с точки зрения буржуазного права, и «интернациональная помощь», и экспорт революции квалифицировались как военное вторжение в суверенную страну. Но, с точки зрения пролетарского революционного сознания, капиталистические государства, будучи преходящим явлением истории, должны были уйти в небытие только посредством революции, требующей, в той или иной степени, совместных усилий пролетариата разных стран.

Конкретно вопрос о ведении революционной наступательной войны встал перед большевиками после завоевания власти. И уже в 1918 г. Ленин подчеркивал, что «тактика социалистического пролетариата не может быть одинакова тогда, когда есть налицо революционная ситуация, и тогда, когда ее нет»[19]. Тем более поучительным для большевистских лидеров стал опыт советско-польской войны, связанный с переоценкой ими революционности внутреннего положения Польши, который, по признанию Л.Д.Троцкого, позволил сделать дополнительный вывод: «революционная война, неоспоримое орудие нашей политики при известных условиях, может – при других условиях – дать результат, противоположный тому, на какой была рассчитана»[20]. Но особенно остро вопрос, брать ли пролетарскому государству инициативу на себя в развязывании мировой революции или отдавать приоритет внутреннему процессу в капиталистических странах, был поставлен в ходе дискуссии о военной доктрине 1921-1922 гг., то есть в период мирного строительства и спада революционной волны в Европе[21].

Троцкий, как главный оппонент сторонников ведения революционной наступательной войны в тех условиях, отстаивал позицию, что идея указанной войны «может быть связана лишь с идеей международного пролетарского наступления». При этом он отмечал вероятность, но совсем не обязательность ее развертывания, допуская, в случае необходимости, переход советской республики и к оборонительной войне. Но, принципиально признавая наступа-

тельную войну, нарком по военным и морским делам утверждал, что «роль военного вмешательства извне может иметь только сопутствующее, содействующее, вспомогательное значение». Поэтому он резко высказался против того, чтобы «переложить тяжесть международного или хотя бы только европейского "последнего решительного боя" на плечи Красной Армии»[22]. В том же духе высказывался и Ленин. Еще в ноябре 1920 г., на московской губернской конференции партии, он заявил, что большевики не обещали и не мечтали «силами одной России переделать весь мир... до такого сумасшествия мы никогда не доходили»[23]. Однако десять лет спустя, когда на международной арене партийное руководство прогнозировало новый тур войн и революций, а получивший уже единоличную власть Сталин подчеркивал, что он «*за* освободительную, антиимпериалистическую, революционную войну»[24], Г.Е.Зиновьев вновь обратил внимание на важность учета некоторых факторов, без которых такая война могла принять форму обычной экспансии. «Разумеется, – отмечал он, – "нести на штыках" свободу и социализм в ту или другую страну можно только – состоя в тесной связи с революционным классом данной страны, идя рука об руку с ним, т.е. при таких условиях, когда трудящиеся массы обеих стран действительно воспринимают "вмешательство", как братскую помощь. Политика международного пролетариата в этих вопросах должна быть тем строже, тем бдительнее, что попытками насилия, захвата, закабаления под видом "освобождения" полна история, – в частности история империалистской войны 1914-18 гг.»[25].

У Зиновьева, видимо, были основания для подобных предостережений. Еще в 1924 г. Сталин заявил, что только Красная Армия может быть орудием «освобождения народа от ига буржуазии, своей и чужой»[26]. Свои далеко идущие в отношении нее замыслы он откровенно изложил в марте 1925 г.: «Будем надеяться, что нам удастся превратить нашу Рабоче-Крестьянскую Красную Армию из оплота мира, каким она является теперь, в оплот освобождения рабочих капиталистических государств от ига буржуазии»[27]. Присваивая РККА «освободительную» функцию, генсек тогда же взял на вооружение ленинскую статью 1915 г., в которой не было ссылок ни на учет революционного процесса в капиталистических странах при переходе к наступательной войне государства победившего пролетариата, ни на ее вспомогательное значение. Но именно такие указания и не нужны были Сталину. Не веря в возможность «самостоятельного» начала мировой революции, главную, решающую роль в ее развитии он предназначил для Красной Армии.

В соответствии с этим Иосиф Виссарионович определил порядок основных сил этой революции: «диктатура пролетариата в одной стране, революционное движение во всех странах». Закрепленное за СССР «первое» место напрямую увязывалось с обозначенной им стратегической целью, которая, в отличие от часто меняющейся тактики, должна была оставаться неизменной вплоть до ее достижения. Она состояла в том, чтобы «упрочить диктатуру пролетариата в одной стране, используя ее как опорный пункт для преодоления империализма во всех странах»[28].

Уже в данной формулировке прослеживается постановка двуединой задачи: решить внутренние проблемы, чтобы с тем большей уверенностью приступить к борьбе с капиталом на международной арене. Поэтому вполне закономерным было отстаивание Сталиным понятий «полная» и «окончательная» победа социализма, каждое из которых соответствовало своему этапу пути к заветной цели. На первом из них, при построении полного социалистического общества, предстояло решить внутренние классовые противоречия, что, по мнению генсека, высказанном в работе «К вопросам ленинизма» (январь 1926 г.), было возможно «без предварительной победы пролетарской революции в других странах». Лишь на следующем этапе преодоление противоречий между страной социализма и капиталистическим миром требовало «усилий пролетариев нескольких стран»[29].

Тем самым им отвергалась отстаиваемая Л.Д.Троцким, Г.Е.Зиновьевым и Л.Б.Каменевым зависимость победы социализма в СССР от свершения мировой революции, ее значимость принижалась, а ставка в построении нового общества была сделана на собственные силы. При этом Сталин сместил акценты с понятия «мировая революция» на «окончательную победу» социализма в СССР. Последняя отождествлялась с полной гарантией от интервенции и становилась делом, главным образом, самого пролетарского государства. Недаром генсек подчеркивал, что характерная особенность военной «помощи» трудящимся буржуазных стран, о которой писал Ленин в работе «О лозунге Соединенных Штатов Европы», состоит не только в том, что она «ускоряет» их победу над капиталом, «но также и в том, что, облегчая эту победу, она тем самым обеспечивает ***окончательную*** победу социализма в первой победившей стране»[30].

Поэтому построение социализма в СССР должно было стать лишь необходимым условием, материально-технической и социально-классовой предпосылкой для его дальнейшей борьбы с международным капиталом. Обосновывая свою позицию в ходе партийной дискуссии, развернувшейся по вопросу о возможности по-

беды социализма в одной, отдельно взятой стране, Иосиф Виссарионович вновь сослался на известную ленинскую статью, где выделил мысль о том, что победивший пролетариат, сначала ***«организовав у себя социалистическое производство***, встал бы ***против*** остального, капиталистического мира»[31]. И в дальнейшем генсек продолжал отстаивать свою точку зрения: «Для того, чтобы добиться окончательной победы социализма в нашей стране, нужно еще догнать и перегнать эти (капиталистические. – *Н.К.*) страны ... в технико-экономическом отношении»[32].

Таким образом, признание возможности построения социализма в СССР приобрело для будущего «вождя» принципиальное значение. По сути, речь шла о главном – об утверждении его схемы борьбы с империализмом, по которой победа социализма в СССР должна была служить подготовкой к его борьбе за преобразование всего мира. При подходе к решению столь глобальной проблемы Иосиф Виссарионович подтвердил данную ему Н.И.Бухариным и Л.Б.Каменевым характеристику «дозировщика». Это выражение имело в виду способность Сталина «выполнять свой план по частям в рассрочку», постепенно вовлекая «аппарат и общественное мнение страны в иные предприятия, которые, будучи представлены сразу в полном объеме, вызвали бы испуг, негодование и даже отпор»[33].

Вывод о построении, в основном, социализма был сделан Сталиным уже в ноябре 1936 г.[34] Данное заявление, по воспоминаниям очевидцев, произвело на поколение 1930-х гг. «шоковое впечатление». Один из переживших его рассказывал, что в тот момент он только вернулся из своей вятской деревни, заброшенной в глуши лесов, отрезанной от мира бездорожьем. «Там в избах – грязь, тараканы, из-за отсутствия керосина пришлось вернуться от лампы к лучине». Но он как будто ничего этого не замечал, ибо ему, как и многим другим, светил впереди маяк – светлое будущее, ради которого он готов был трудиться с напряжением всех сил еще пять, десять лет. «И вдруг оказалось: то, что меня окружает, – это и есть социализм... Никогда – ни до, ни после – не переживал я такого разочарования, такого горя». Человек отнюдь не мягкий, по его собственному выражению, он «плакал навзрыд»[35].

Между тем для «отца народов» столь быстрая констатация победы социализма стала подчеркнутым завершением первого этапа борьбы с классовым противником. Изменения международной ситуации, исходя из его концепции, свидетельствовали о наступлении «благоприятных условий» для перехода к решению главной задачи – ликвидации капитализма в мировом масштабе. Уже в 1934 г. в официальных выступлениях советских политических лидеров (Ста-

лина в том числе) были обозначены два очага военной опасности — Япония и Германия[36] — грозивших перерасти в новую мировую войну. Дальнейшему усилению международной напряженности способствовали агрессия Италии против Абиссинии (октябрь 1935 — май 1936 г.) и итало-германская интервенция в республиканской Испании летом 1936 г. В руководстве СССР они получили оценку знаковых событий, с которыми в дальнейшем — в «Кратком курсе истории ВКП(б)», изданном осенью 1938 г., было непосредственно увязано начало «второй империалистической войны»[37]. И хотя это произошло несколько позднее, в середине 1930-х гг. широко пропагандировался тезис о подготовке агрессивных государств к такой войне, а осенью 1936 г. было отмечено резкое смещение акцентов в их политике с решения внутренних проблем на международные. Прежде всего, это касалось Германии, «расовая» пропаганда которой, как подчеркивалось в партийной печати, «более резко, чем прежде, с рельсов внутренних перешла на рельсы «международные». Если на сентябрьском съезде 1935 г. фашистской партии «расовые выкрики служили непосредственной прелюдией к принятым затем антисемитским законам», то на сентябрьском съезде 1936 г. «наиболее дикие "расовые" выступления были связаны главным образом с выпадами против других стран», в том числе и СССР[38]. На том же съезде впервые было открыто выдвинуто требование колоний, а подписанное 25 ноября германо-японское соглашение, которое официально направлялось «против коммунизма», трактовалось не только в советской, но и иностранной прессе, как яркое выражение захватнических планов в отношении Китая и Европы со стороны государств, решивших «вплотную заняться авантюрами внешнего порядка»[39].

Примечательно, что одновременно с отмеченной переориентацией агрессивных держав на международные проблемы аналогичная тенденция стала набирать силу и в СССР. В речи на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 29 ноября 1936 г., посвященной принятию Конституции СССР, председатель Совнаркома В.М.Молотов особо подчеркнул, что, сломив классового врага внутри страны и построив социализм, «мы отнюдь не забываем о внешней опасности, которая является теперь главной опасностью для трудящихся нашей страны». При этом внешний враг был представлен в образе окружающих кольцом СССР «непримиримо враждебных социализму империалистических держав»[40]. Данные заявления прозвучали на фоне начавшей пропагандироваться идеи о коренной противоположности линий развития двух миров: социализма и капитализма, о роли рабочего класса СССР как авангарда

мировой революции, о начале новой эпохи, в которой советский народ будет идти «к полной победе коммунизма в СССР и во всем мире». При этом утверждалось, что в «решающих битвах грядущего» СССР поддержит все передовое человечество, и эксплуатируемые массы скажут свое веское слово «при решении вопроса "кто кого" на международной арене»[41].

Вместе с тем во внешнеполитической пропаганде продолжали развиваться появившиеся в середине 1930-х гг. антифашистские мотивы, которые оказали заметное воздействие на общественное сознание. В то время гитлеровская Германия, наряду с Японией, вполне определенно обозначалась как возможный противник СССР[42]. Поэтому «освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров», официально трактовавшееся как «общее дело всего передового и прогрессивного человечества», а также «помощь» трудящихся Советского Союза «революционным массам» капиталистического государства, понималось воевавшими там советскими людьми как «непосредственная защита нашей родины»[43].

У определенной части командного состава армии возникло острое желание ехать в Испанию, чтобы бороться с фашизмом. Показателен пример с командующим 14-й кавалерийской дивизией А.И.Еременко (будущим маршалом), о котором спустя много лет вспоминала О.И.Чечеткина, член делегации ВЛКСМ с конца 1937 по февраль 1941 г. в Исполкоме Коммунистического Интернационала молодежи, шефствовавшего над этой дивизией. В феврале 1938 г. она вместе с членом ЦК испанского комсомола Федерико Пита выступала перед подшефными с рассказом о борьбе молодежи мира против фашизма, об Испании. И после выступления Чечеткина стала свидетельницей того, как «командир дивизии самым ласковым, самым просящим и, прямо-таки, заискивающим голосом говорил: "Федерико, голубчик (Федерико понимал русский), тебе приходится встречаться с Долорес Ибаррури, а? А с Диасом? Голубчик, прошу тебя, скажи им, пусть затребуют меня... Что вам, военные не нужны, что ли?"»[44]. Случай с Еременко являлся отнюдь не единичным. По заявлению Сталина на расширенном заседании Военного Совета при наркоме обороны 2 июня 1937 г., М.Н.Тухачевский и И.П.Уборевич также «просили отпустить их в Испанию»[45], но получили категорический отказ.

Действительно, их ожидала совсем иная участь. «Отцу народов» было недостаточно понимания армией и, прежде всего, командным составом угрозы фашизма. Ему требовалось осознание ими смертельной опасности, исходящей от всего капиталистического мира. Поэтому судьба названных, как и десятков тысяч других репресси-

рованных командиров, а также бойцов РККА, должна была послужить доказательством такой опасности и необходимости достижения окончательной победы социализма в СССР.

Решительный поворот в строну первоочередного решения внешнеполитических задач был обозначен в выступлении Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Он указал на недопустимость забывать о том, что «Советская власть победила только на одной шестой части света, что пять шестых света составляют владения капиталистических государств». Коммунисты же, по его мнению, настолько увлеклись хозяйственным строительством, что «стали видеть в этом деле начало и конец всего, а на такие дела, как международное положение Советского Союза, капиталистическое окружение... не стали просто обращать внимания, полагая, что все эти вопросы представляют второстепенное или даже третьестепенное дело». Между тем, подчеркнул он, капиталистическое окружение является «основным фактом», который определяет международное положение Советского Союза и имеет «первостепенное значение для судеб нашей страны»[46]. Данную установку подтвердил В.М.Молотов в конце 1938 г.: «Сегодня, когда в нашей стране социализм в основном уже построен, приобретает особое значение вопрос о взаимоотношениях нашего государства... с капиталистическим окружением»[47].

При этом основная проблема была сфокусирована на угрозе военного нападения, безопасности страны. Исходя из заявлений вождя в начале 1937 г., войны можно было ждать в любой момент. Он прямо утверждал, что буржуазные страны выжидают только случая, чтобы напасть на СССР, «разбить его или, во всяком случае, подорвать его мощь и ослабить его». В этих целях они засылают в него вредителей, шпионов, диверсантов и убийц. Сталин подчеркивал, что последние «обычно приурочивают главную свою работу не к периоду мирного времени, а к периоду кануна войны или самой войны»[48]. Основной целью агентов международной буржуазии, с его точки зрения, было приближение войны с СССР, подготовка его военного поражения, а по заявлению на пленуме Молотова, – подготовка к нанесению «главных ударов к началу войны»[49].

Таким образом, если раньше, говоря о военной угрозе, руководители страны ссылались на Германию и Японию, то теперь в обозначении возможного противника Советского Союза произошло смещение акцента с фашистских государств на весь капиталистический мир. Фашистские государства, безусловно, не потеряли своего особого статуса, на них, как на привычные образы агрессоров, продолжали ссылаться в официальных выступлениях, однако их опас-

ность превратилась лишь в составную часть общей опасности всего «капиталистического окружения». Причем, по утверждению руководства, она реализовалась в непосредственную готовность нападения на социалистическое государство.

Примечательно, что выдвижение данной проблемы в качестве центральной было сделано в то время, когда реальная возможность войны против СССР еще не существовала и явно не осознавалась в стране. Война в Испании ни личным составом армии, ни населением не ощущалась как непосредственная угроза их безопасности. Даже в июне 1938 г. нарком иностранных дел М.М.Литвинов, выступая в Ленинграде, подчеркивал: «Однако у нас нет оснований особенно тревожиться за наши собственные интересы, за наши собственные границы»[50]. В таких условиях, да еще при господстве в вооруженных силах и обществе оборонного сознания, фиксирование внимания на угрозе нападения со стороны мирового капитала являлось эффективным средством убеждения, прежде всего, коммунистов и армии, в необходимости переноса классовой борьбы на международную арену.

На пленуме вождь прямо назвал ошибочным мнение, что «сфера классовой борьбы ограничена СССР» и пояснил, что если «один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств»[51]. Поскольку именно «агенты» последних выступали уже в роли главного врага СССР, выдвинутый Сталиным тезис об обострении классовой борьбы в стране приобрел не столько внутреннюю, сколько внешнюю направленность. На это посчитал необходимым обратить особое внимание Молотов в ноябре 1938 г.: «В самом деле, внутренние силы классового врага в нашей стране сломлены и разбиты... Поэтому наша борьба со всякого рода вредителями является не просто внутренним делом, это – борьба с классовым врагом, который не разбит еще нами, так как он за пределами Советского Союза, так как это борьба с буржуазией других государств, так как эта задача победоносно осуществима только в соединении сил пролетариата ряда стран»[52].

Данные установки имели целью ликвидировать мирные настроения в стране и ее вооруженных силах и повысить их боевую готовность. Еще в 1928 г., когда Сталин впервые выдвинул тезис об обострении классовой борьбы, он следующим образом отметил «громадное воспитательное значение» начавшихся судебных процессов: «они встряхнули все наши организации ... лишний раз подчеркнули наличие классовых врагов, которые существуют, которые не дремлют и против которых необходимо крепить силы рабочего

класса, его бдительность, его революционность, его боевую готовность». Он сделал тогда главный вывод: «задача усиления боевой готовности пролетариата должна проникать всю нашу работу, пока есть классы в нашей стране и пока мы имеем капиталистическое окружение»[53]. Именно на эти слова вождя, как актуальные уже на новом этапе борьбы, ссылалась советская военная пропаганда конца 1930-х гг.[54]

Поэтому вполне закономерным в новых условиях стал отказ высшего руководства от прежней политики мирного экономического соревнования с международным капитализмом. Ранее (1933 г.), подчеркивая огромное значение советского хозяйственного строительства для победы социализма в мировом масштабе, генсек ссылался на следующие ленинские положения: «Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой... На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу – и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно»[55]. Теперь же на пленуме Сталин утверждал, что «никакие хозяйственные успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения». Следовательно, отмечал Иосиф Виссарионович, они «не исчерпывают всего дела нашего социалистического строительства». Он сориентировал большевиков, поднявших «великое знамя мирового коммунизма», на достижение военных успехов над всеми врагами, внутренними и внешними, уверенно заявив, что «мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом»[56].

На основе взятого пленумом курса, в вооруженных силах развернулась широкомасштабная пропагандистская кампания по воспитанию ненависти к «капиталистическому окружению». В директиве начальника Политического управления РККА Л.З.Мехлиса, касающейся вопросов подготовки к двадцатой годовщине Красной Армии, указывалось, что проводимые мероприятия должны способствовать повышению у красноармейской массы, командно-начальствующего состава и всех трудящихся «революционной бдительности, ненависти и непримиримости к... наймитам иностранных разведок»[57]. На совещании преподавателей военных академий (февраль-март 1938 г.), посвященном методике преподавания предметов социально-экономического цикла, констатировалось, что важнейшая задача семинаров – «воспитать ненависть к капитализму на конкретно-историческом материале»[58]. Капитализм представал виновником вредительства, шпионажа, войн. Характерно, что в партоорганизации отдела ПУ РККА по работе среди комсомольцев был по-

ставлен вопрос о необходимости знакомить красноармейцев-членов ВЛКСМ с историей Отечественной войны 1912 г. и войны 1854-1956 гг., показывая при этом, что «источником войн является капитализм»[59].

Однако подготовке армии к борьбе с главным противником значительные помехи создавало явное непонимание в политическом и карательном аппаратах важнейших, с точки зрения внешнеполитической концепции Сталина, теоретических положений. Показательны в данном отношении события, связанные с арестом в июне 1937 г. командира дивизии Д.Н.Нешина из города Кривой Рог. Пройдя через невероятные пытки, во время которых следователи требовали от него «добровольных» признаний в контрреволюционной деятельности, он лишь в ходе судебного заседания (декабрь 1937 г.) узнал, что она заключалась в следующем его высказывании на партсобрании в 1934 г.: «окончательная победа социализма в одной стране не мыслится, а мыслится на мировой арене». Это было расценено как «неверие в победу социализма в одной стране». И после указания Нешина на то, что он читал об этом у Ленина, судья ответил: «мы с собой тома Ленина не возим и не наше дело разбираться, почему вы так говорили». В результате командир был приговорен к 10 годам лишения свободы, однако в апреле 1938 г. освобожден и во время встречи со следователем, причастным к его делу, услышал от него признание: «мы сами недопонимали этого вопроса»[60].

Аналогичную картину раскрыл в своем письме Сталину (январь 1938 г.) пропагандист РК ВЛКСМ Курской области И.Ф.Иванов. Его высказывание о том, что «окончательная победа социализма может быть в мировом масштабе», работники обкома ВЛКСМ квалифицировали как «троцкистскую вылазку» и отстранили Иванова от работы. Сами же они утверждали, что «мы теперь имеем окончательную победу социализма и имеем полную гарантию от интервенции и реставрации капитализма»[61].

Последнее прямо противоречило сталинским постулатам. Поэтому он счел необходимым публично разъяснить спорные моменты, подчеркнув тем самым, сколь актуальное значение приобрело понятие «окончательная победа» социализма в СССР. В своем ответе Иванову вождь, отметив неизменность отстаиваемых им в 1926 г. положений[62], заявил, что вопрос о победе социализма в одной стране содержит две различные проблемы: проблему внутренних отношений, то есть построения социализма, которая уже разрешена в советской стране, и проблему внешних отношений, которая «пока не разрешена и ее придется еще разрешить». Он утвер-

ждал, что последнее возможно «лишь в порядке соединения серьезных усилий международного пролетариата ***с еще более серьезными усилиями всего нашего советского народа*** (курсив мой. – *Н.К.*), подтвердив тем самым, что окончательную победу придется завоевывать, главным образом, собственными силами социалистического государства. Сталин вновь обратил внимание на опасность «капиталистического окружения» и заявил, что отрицать угрозу военной интервенции и попыток реставрации буржуазных порядков «могут только головотяпы или скрытые враги... старающиеся демобилизовать народ»[63].

После данных разъяснений, а также в связи с публикацией «Краткого курса истории ВКП(б)», широкое пропагандистское освещение получила основная идея «отца народов», отражавшая понимание им вставшей перед обществом задачи: «трудящиеся массы СССР... уже построили в основном социалистическое общество. Но наша борьба далеко еще не окончена. Нам предстоят решающие бои за окончательную победу социализма, против капиталистического окружения»[64]. В обоснование данной мысли приводилось утверждение, что победа социализма в стране знаменовала собой крупнейший сдвиг в соотношении сил на международной арене в пользу социализма, в ущерб капитализму, начало нового этапа в развитии мировой революции.

Логичным следствием данных установок стал новый поворот пропаганды, обозначенный Сталиным 1 октября 1938 г. на совещании пропагандистов, – в сторону идеи революционной наступательной войны. Иосиф Виссарионович вновь заострил внимание на том, что «в международном разрезе классы не уничтожены», в других государствах хозяйничают эксплуататоры, и только у нас – трудящиеся, следовательно, «столкновения между нами возможны, вероятны». В связи с этим он обвинил идеологических работников в неверном освещении позиции большевиков в вопросе об отношении их к войнам. Он потребовал разъяснять, что большевики отнюдь не пацифисты и не только оборонцы, а «видят разницу между различными войнами и вовсе не исключено, что при известных условиях они сами начнут выступать». Вождь потребовал вспомнить слова Ленина из статьи «О лозунге Соединенных Штатов Европы», где тот «прямо говорил, что пролетариат, взяв власть в одной стране и организовав социалистическое производство, вынужден будет силою обстоятельств предпринять поход против других отставших, реакционных капиталистических стран для того, чтобы помочь пролетариату этих стран освободиться от буржуазии»[65].

Таким образом, Сталин подтвердил свои внешнеполитические замыслы, определенные в середине 1920-х гг. Главная стратегическая цель – уничтожение «капиталистического окружения» оставалась неизменной и в 1938 г., так же, как неизменными оставались средства ее достижения. К «стимулированию» революций в других странах на основе развертывания «революционной» наступательной войны руководство стремилось подготовить Красную Армию не только технически, но и психологически. В этих целях широко использовалась пропаганда, с помощью которой «вождь мирового пролетариата» пытался сформировать у командиров и бойцов классовую ненависть к будущему противнику, классовое видение предстоящих сражений. Учитывая господствовавшее у них оборонное сознание, он сделал упор на опасность военного нападения со стороны всего буржуазного мира, не забывая повторять об угрозе фашизма, а также использовал лозунг помощи трудящимся остальных стран в освобождении их от ига капитализма.

---

1 См.: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов. М., 1995; *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999; *Невежин В.А.* Стратегические замыслы Сталина накануне 22 июня 1941 года. (По итогам «незапланированной дискуссии» российских историков) // Отечественная история. 1999. № 5. С. 108-120; *Бобылев П.Н.* Точку в дискуссии ставить рано. К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940-1941 гг. // Отечественная история. 2000. № 1. С. 41-64; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. М., 2000; и др.

2 См.: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939-1941 гг. М., 1997. С. 67, 134; *Кулешова Н.Ю.* Сталинское руководство конца 30-х годов: пропаганда в духе революционной наступательной войны в Красной Армии // Столетие РСДРП (материалы межвузовской научной конференции). М., 1999. С. 287–2963

3 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 95.

4 Там же. С. 96.

5 Там же. С. 397, 396.

6 См.: *Александров М.В.* Внешнеполитическая доктрина Сталина. Canberra, 1995. С. 13, 18, 23.

7 *Молодяков В.Э.* Начало второй мировой войны: некоторые геополитические аспекты // Отечественная история. 1997. № 5. С. 132.

8 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 361; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 48.

9 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354.

10 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 74.

11 Правда. 1924. 26 июля. С. 3.

12 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 73,1 56, 157.

13 См.: *Александров М.В.* Указ. соч. С. 44-45; Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?... С. 32.

14 См.: *Невежин В.А.* Советская пропаганда и идеологическая подготовка к войне (вторая половина 30-х – начало 40-х гг.). Автореферат диссертации доктора исторических наук. М., 1999. С. 20.

15 См.: *Александров М.В.* Указ. соч. С. 9-10.

16 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 399-400; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354-355.

17 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 371, 401.

18 *Мошкин С.В.* Революция извне: Историко-политологические очерки. Екатеринбург, 1997. С. 30, 9, 13.

19 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 300.

20 *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. Т. III. Кн. 2. М., 1925. С. 223.

21 См. подробнее: *Кулешова Н.Ю.* Какой доктриной руководствовалась Красная Армия накануне нападения Германии на СССР? // Преподавание истории в школе. 1998. № 1. С. 25-31.

22 *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 263, 227, 225.

23 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 24.

24 *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. С. 176.

25 *Зиновьев Г.* Учение Маркса и Ленина о войне. М.-Л., 1930. С. 220.

26 *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 6. С. 121.

27 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 396. Л. 279; Нижегородская Коммуна. 1930. 23 февраля.

28 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 153.

29 Там же. Т. 8. С. 65,62.

30 Там же. Т. 6. С. 400.

31 Там же. Т. 8. С. 68.

32 Там же. Т. 11. С. 248.

33 *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. М., 1996. С. 158.

34 См.: Правда. 1936. 26 ноября.

35 *Антонов М.* О хлебе насущном и пище духовной // Правда. 1988. 28 августа.

36 См.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 184.

37 См.: История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1946. С. 316-318; *Наджафов Д.Г.* СССР в послемюнхенской Европе. Октябрь 1938 г. – март 1939 г. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 68, 70.

38 *Сергеев Б.* Колониальные претензии Германии // Правда. 1936. 2 октября.

39 Большевик. 1936. № 23. 1 декабря. С. 31, 33-34, 64; № 18. 15 сентября. С. 86, 87.

40 *Молотов В.М.* Конституция социализма. Речь на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 29 ноября 1936 г. // Большевик. 1936. № 23. 1 декабря. С. 26.

41 Большевик. 1936. № 24. 15 декабря. С. 26; № 21. 1 ноября. С. 9, 25; 1937. № 1. 1 января. С. 2.

42 См.: Россия и Запад. С. 94-95, 184, 193.

43 *Сталин И.* Мадрид. Центральному Комитету Коммунистической партии Испании. Товарищу Хозе Диасу // Правда. 1936. 16 октября; РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 380. Л. 217-218.

44 РГАСПИ. Личный фонд О.И. Чечеткиной. Дневник-воспоминания. КИМ. 1937-1941 гг. Тетрадь 1. Л. 10-10 об. Диас Хосе – генеральный секретарь коммунистической партии Испании, член Иполкома Коммунистического Интернационала, сыгравший выдающуюся роль в созда-

нии Народного фронта и организации Народной армии. Ибаррури Долорес — член Политбюро ЦК КПИ, одна из организаторов Народного фронта и борьбы против итало-германской интервенции

45 *Сталин И.В.* Соч. Т. 14. С. 232.

46 Правда. 1937. 29 марта.

47 Красная звезда. 1938. 10 ноября.

48 Правда. 1937. 29 марта.

49 Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 46.

50 *Наджаров Д.Г.* Указ. соч. С. 78.

51 Правда. 1937. 29 марта.

52 Красная звезда. 1938. 10 ноября.

53 *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 70.

54 См.: Пропагандист и агитатор РККА. 1938. № 19. С. 45.

55 *Сталин И.* Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 362.

56 Правда. 1937. 29 марта.

57 РГВА. Ф. 9. Оп. 40. Д. 53. Л.15 об.

58 Там же. Оп. 29. Д. 377. Л. 94.

59 Там же. Оп. 34. Д. 17. Л. 28.

60 Там же. Оп. 29. Д. 410. Л. 289, 291.

61 Правда. 1938. 14 февраля.

62 Имелась в виду работа Сталина «К вопросам ленинизма»

63 Правда. 1938. 14 февраля.

64 Там же. 9 сент.; Пропагандист и агитатор РККА. 1938. № 17-18. С. 3; № 21. С. 5.

65 Исторический архив. 1994. № 5. С. 21, 13.

Невежин В.А.

ОЦЕНКА СТАЛИНЫМ ГЕРМАНИИ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ПРОТИВНИКА НАКАНУНЕ 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Вопрос о том, насколько адекватными были оценки И.В.Сталиным Германии как потенциального военного противника накануне германо-советской войны 1941-1945 гг. имеет большое значение для понимания причин поражений Красной Армии в начальный период этой войны. Этот вопрос в той или иной степени поднимался в исследовательской литературе, однако, с учетом трагических для СССР реалий лета 1941 г., все сводилось преимущественно к выявлению ошибок и перечислению промахов, которые были допущены большевистским лидером и, в конечном счете, привели Советский Союз к чудовищным потерям в живой силе и технике.

Для раскрытия данного вопроса несомненную ценность имеет содержание выступлений И.В.Сталина перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 г.

Прежде всего, Сталин дал в своей речи характеристику причин поражений западных союзников (Англии и Франции) в войне против Германии и побед последней в 1939–1940 гг. Дело в том, что его не могли не беспокоить успехи вермахта в войне против западных союзников, о чем, в частности, свидетельствуют «застольные» речи, которые велись в узком кругу его соратников 7 ноября 1940 г., в день очередной годовщины Октябрьской революции. На праздничном обеде в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП(б) и видных военачальников Сталин взял слово и, в частности, заявил: «Необходимо постоянно учиться и каждые 2-3 года переучиваться. Но у нас не любят учиться. Не изучают уроков войны с Финляндией, уроков войны в Европе... Мы не готовы для такой войны, которая идет между Германией и Англией. Оказалось, что наши самолеты могут задерживаться только до 35 минут в воздухе, а немецкие и английские по несколько часов! Если наши воздушные силы, транспорт и т.д. не будут на равной высоте наших врагов (а такие у нас все капиталистические государства и те, которые прикрашиваются под наших друзей!), они нас съедят... Только при равных материальных силах мы можем победить, потому что опираемся на народ, народ с нами» – констатировал советский вождь[1].

Эти сталинские сентенции знаменательны во многих отношениях. Во-первых, Сталин, хотя и эзоповским языком (он охаракте-

ризовал Третий рейх как враждебное государство, которое «прикрашивается» под дружественное СССР), но выразил явное недовольство немцами. Это недовольство и раздражение пришло на смену прежним заявлениям о приверженности дружбе с Германией[2]. Во-вторых, Сталин по существу признал, что германские люфтваффе превосходят советские ВВС. Кроме того, ему пришлось констатировать, что руководство Красной Армии не изучает опыта Второй мировой войны.

Неудачный в целом ноябрьский 1940 г. визит В.М.Молотова в Берлин, где он вел переговоры с А.Гитлером и министром иностранных дел Третьего рейха Й. фон Риббентропом, еще более раззадорил советского вождя. Вечером 14 ноября 1940 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором были рассмотрены результаты этого визита. После пространного доклада Молотова, подробно остановившегося на содержании своих бесед с Гитлером и Риббентропом, слово взял Сталин. Он вынужден был отметить: «Гитлер сейчас упивается своими успехами. Его войска молниеносными ударами разгромили и принудили к капитуляции шесть европейских стран. Этот факт можно рассматривать только как огромный стратегический успех фашистской Германии. Ведь в Европе не нашлось силы, которая могла бы сорвать агрессию гитлеровского рейха...». Сталин также развил свою мысль о важности технической оснащенности армии, высказанную 7 ноября 1940 г. На сей раз он подчеркнул, что в предстоящей войне не техническое равенство, «а вопросы технического превосходства будут определяющим моментом»[3].

К маю 1941 г. напряженность во взаимоотношениях между Германией и СССР еще более возросла по сравнению с ноябрем 1940 г. Германские войска были введены в Финляндию и Болгарию, что непосредственно затрагивало интересы Советского Союза. Сталин пытался добиться сближения с Югославией. 5 апреля 1941 г. в Москве был подписан «Договор о дружбе и ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Королевством Югославия». После подписания этого договора югославский посол Гаврилович заявил Сталину, что немцы готовят нападение на СССР. В ответ Сталин сказал следующее: «Мы готовы, если им угодно – пусть придут»[4]. Спустя несколько часов после заключения советско-югославского соглашения немцы напали на Югославию и Грецию и в ходе блицкрига нанесли поражение этим странам.

Все эти события вызвали определенный резонанс прежде всего в среде военных. Они хотели как можно скорее услышать речь Сталина либо кого-либо из его соратников, чтобы получить оценку сложившегося положения. Подобную возможность получили те из

них, кто принял участие в традиционных торжествах по случаю выпуска военных академий Красной Армии, состоявшихся 5 мая 1941 г. в Кремле. Вначале Сталин выступил на этих торжествах с сорокаминутной речью. Затем, уже по завершении торжественного приема, состоялся праздничный банкет, где вождь неоднократно брал слово и провозгласил несколько тостов[5].

Понятно, что Сталин, обращаясь к представителям элиты РККА, не мог обойти вниманием важные вопросы: почему Германия смогла победоносным маршем пройти по Европе; в чем причины побед вермахта и поражений его противников? Эти вопросы были сформулированы им не от своего имени, а от имени военных «академиков», что лишний раз свидетельствовало о сталинской озабоченности и понимании всей остроты момента.

В своем выступлении 5 мая 1941 г. Сталин прежде всего акцентировал внимание на том, что основные противники Германии Англия и Франция оказались недостаточно сильными. Во-первых, руководители Франции и Англии способствовали созданию атмосферы «пренебрежения к армии, к военным». Об армии недостаточно заботились, не оказывали моральной поддержки, к военным относились пренебрежительно. В интерпретации Сталина получалось, что военнослужащий в этих странах по социальному статусу находился ниже лавочника, фабриканта, рантье. Во главе военных ведомств Англии и Франции «стояли люди случайные, малопонимающие».

Во-вторых, Франция «почила на лаврах». Ее армия стала после 1918 г. сильнейшей на европейском континенте. Но военная мысль в ней не двигалась вперед, оставаясь на уровне Первой мировой войны. По выражению советского лидера, у французов «закружилась голова от побед, от самодовольства», в результате чего они «потеряли своих союзников».

Иное дело в Германии. Сталин очень много внимания уделил в своей речи 5 мая 1941 г. тем положительным изменениям, которые произошли в подготовке и вооружении германской армии после 1918 г. Прежде всего, немцы критически пересмотрели причины своего разгрома и нашли пути для лучшей организации своей армии. Военная мысль германской армии двигалась вперед. Армия вооружалась новейшей техникой, обучалась современным приемам ведения войны, приобрела большой опыт. Сталин отметил в качестве неоспоримого факта, что на тот момент у Германии была лучшая и по технике, и по организации армия.

Германское руководство извлекло политические уроки из франко-прусской войны 1870 г. и из Первой мировой войны 1914-1918 гг. В 1870 г. немцы воевали против одной Франции, имея в

тылу нейтрализованную, «даже сочувствующую Россию», и разбили французов. В 1914-1918 гг., наоборот, Германии пришлось воевать на два фронта – на западе против Англии и Франции, а на востоке против России, в результате чего она потерпела поражение. В 1939 г., начиная войну, немцы «привлекли на свою сторону Италию» и «нейтрализовали» СССР с помощью пакта Риббентропа-Молотова. Тем самым, резюмировал Сталин, германское руководство политически хорошо подготовилось ко Второй мировой войне. Вступило же оно в эту войну «под прогрессивным лозунгом борьбы против Версальского гнета», что позволило найти сочувствие у многих немцев. Именно под антиверсальскими лозунгами, как отметил Сталин, «Гитлер одержал ряд успехов».

Однако, перечислив преимущества военной и политической организации германской армии, советский вождь категорически заявил, что Германия лишь до известного момента «шла в гору». Задача, которую он поставил в своей речи 5 мая 1941 г., конечно же, не сводилась к простому перечислению достоинств вермахта и недостатков его военных противников. Аудитория ждала от Сталина оценки дальнейших перспектив мировой войны, определения места в ней Красной Армии.

И Сталин в каком-то смысле оправдал подобного рода ожидания. Он многозначительно заявил, что, несмотря на несомненные успехи, достигнутые Германией в боевых действиях, впереди ее ждет «большая борьба». Данный вывод оказался тесно увязанным в речи Сталина с попыткой ответа на коренной вопрос о «непобедимости германской армии». По свидетельству присутствовавших в Кремле 5 мая 1941 г., он ответил на данный вопрос резко отрицательно. Для него не было никакого сомнения в том, что «непобедимых армий» не бывает. «Бывают армии лучше и хуже, а непобедимых армий нет и быть не может», – заявил Сталин в речи перед выпускниками военных академий.

Очевидцы вспоминали о негативной реакции вождя на попытки «восхваления» успехов вермахта и на любые упоминания о «непобедимости» германского оружия. Во время банкета 5 мая 1941 г. один из участвовавших в нем генералов предложил тост за дружбу с Германией. Сталин немедленно взял слово и заявил следующее: «Некоторые офицеры очень хвалят германскую армию, ее руководителей. Эти офицеры Красной Армии недальновидны, сильно заблуждаются и обманывают не только себя, но и своих подчиненных. Эти болтуны на каждом шагу говорят о каких-то победах германской армии. Им время понять, что Германия до сих пор имела дело с недостаточно подготовленными армиями евро-

пейских государств, когда не требовалось стратегии, чтобы уничтожить или пленить их. Пора кончать с этим ненужным восхвалением германской армии, ее оружия»[6].

Позднее, 19 мая 1941 г. Сталин разъяснял народному комиссару обороны С.К.Тимошенко и начальнику Генерального штаба РККА Г.К.Жукову: в речи перед выпускниками военных академий он стремился «подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чем трубят газеты всего мира»[7].

Приведенные свидетельства могут служить подтверждением того, что советский вождь находился в состоянии крайнего раздражения от пропаганды, которая подняла на щит тезис о «непобедимости» вермахта.

Имея целью опровергнуть данный тезис, Сталин подробно обрисовал в своей речи 5 мая 1941 г. безрадостные для Германии и вермахта перспективы дальнейшего хода войны. Его аргументация сводилась к следующему. Политическая обстановка по сравнению с 1939 г. изменилась. Германия начинала войну под прогрессивным, вызывавшим сочувствие не только у немцев, но и у других народов, лозунгом освобождения от «цепей Версаля». Весной 1941 г. она перешла к военным действиям «под флагом покорения других народов», «под флагом гегемонии». Немцы, по словам Сталина, «стали завоевателями», поставили перед собой задачу «главенствовать в Европе». Однако, отметил он, германская армия не будет иметь успеха под лозунгами захватнической, завоевательной войны, поскольку «эти лозунги опасные».

Солдаты и офицеры вермахта оказались среди завоеванных народов, не встречая у них сочувствия. Армия, которая должна воевать, имея под собой и в своем тылу враждебные территории и массы, подвергается серьезным опасностям, сделал вывод Сталин. В этом месте своей речи он прибегнул к историческому экскурсу, приведя пример с Наполеоном. Пока французский полководец вел войну за освобождение от крепостничества, он побеждал, но когда он стал поработителем, посадив на престолы завоеванных государств своих родственников, против него стали восставать и немцы, и итальянцы. Как только Наполеон начал войну для покорения других народов, его армия стала терпеть поражения, у него нашлось много врагов, что и предрешило падение первого французского императора.

В германской армии, уверял Сталин выпускников военных академий, стала преобладать самоуспокоенность, и она начала отставать. У немцев (как когда-то у французов) появилось «головокру-

жение от успехов», зазнайство. Германским офицерам и солдатам стало казаться, что они все могут, что их армия достаточно сильна, и незачем дальше ее совершенствовать. Однако, по утверждению Сталина, в смысле военного роста «германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники». Действительно, рассуждал вождь, в вооружении германской армии нет ничего особенного, ни в танках, ни в артиллерии, ни в авиации. «Сейчас такое вооружение имеют многие армии, в том числе и наша», – заверял Сталин военных «академиков» РККА.

Развивая свою мысль, он настаивал на том, что Красная Армия вооружена артиллерией и минометами, которые не только не уступают, но и превосходят немецкую артиллерию и минометы. Как отметил Сталин, немецкие танки действительно в массе превосходили советские танки. Однако он разъяснял следующее: конструкторы СССР создали средний танк «Т-34» и тяжелый танк «КВ», которые превосходили по своим боевым качествам аналогичные германские машины. Но советская промышленность лишь осваивала серийное производство этих танков. Сталин с сожалением констатировал, что их было произведено «еще мало». Вождь уверял, что делается все возможное для замены в кратчайший срок устаревших танков новыми.

Оценивая боевую авиацию немцев, Сталин, по одним свидетельствам, был вынужден признать, что пока она «лучшая в мире». По другим данным, он доказывал, что боевые самолеты советских ВВС «лучше немецких», и вообще, Германию в отношении авиации начинает обгонять не только СССР, но и США. В частности, советские авиаконструкторы, по его словам, ускоренными темпами создали образцы самолетов различного назначения, которые превосходили немецкие.

Сталин констатировал: не только СССР, но также Англия и США изучают опыт войны, немецкую военную технику, создавая образцы артиллерийских орудий, танков и самолетов, которые были лучше германских. Германия же, по мнению вождя, упорно игнорировала эти факты, продолжая верить, что ее армия имеет превосходное вооружение и ни одно государство не способно создать более совершенную военную технику.

Все вышеизложенное, по мнению Сталина, показывало, что германская армия не является непобедимой.

Советский вождь присовокупил к своим аргументам и такой вывод: значительная часть германской армии теряет свой пыл, имевшийся в начале войны. В ее ряды якобы проникло хвастовство, самодовольство, зазнайство. Но напрасно немцы считают, что

их армия идеальная, непобедимая. «Непобедимых армий нет», – еще раз категорически провозгласил Сталин.

Вышеприведенные свидетельства, касающиеся сталинской оценки боевых качеств вермахта накануне германо-советской войны, наводят на следующие размышления. Сталин в своей речи перед выпускниками военных академий РККА явно стремился скрыть раздражение военными победами германской армии. Об этом, в частности, свидетельствует излишний крен в сторону «поиска» действительных и мнимых причин поражений основных военных противников Германии в Европе – Англии и Франции.

Вряд ли стоит доверять категоричным утверждениям советского вождя о том, что французская и английская армия после 1918 г. «застыли» в своем развитии, почивая на лаврах своих побед в Первой мировой войне. Карикатурным кажется созданный Сталиным образ представителей командного состава армий западных союзников как изгоев общества, лишенных материальных благ, за которых якобы даже девушки не выходили замуж[8].

Естественно, следует учитывать, что в боевой подготовке английской и французской армий к 1939 г. имелись существенные упущения и недостатки. Но важно другое: излишне подробно и, как представляется, не вполне объективно остановившись на них, Сталин мимоходом, лишь намеком затронул одно немаловажное обстоятельство, которое сказалось на исходе военной кампании Гитлера против Англии и Франции в 1940 г. Нацистскому руководству удалось не просто «нейтрализовать» СССР перед началом военных действий против западных союзников, но и добиться дружеского нейтралитета со стороны Советского Союза. Со всей откровенностью об этом заявил В.М.Молотов в ходе своего визита в Берлин в ноябре 1940 г.: «Что касается Германии, то она в результате этих (советско-германских. – *В.Н.*) соглашений (1939 г.) получила надежный тыл, что имело большое значение для развития военных событий на Западе, включая поражение Франции...»[9].

Сталин в качестве одной из причин военных поражений англичан и французов назвал в речи перед выпускниками военных академий «головокружение от успехов», якобы характерное для французского и английского руководства после 1918 г. Однако этот, столь любимый советским лидером термин, он использовал, как указывалось выше, и при характеристике руководства вермахта.

Бросается в глаза еще одна деталь. Оценивая техническую оснащенность вермахта, Сталин, в частности, отметил, что боевые самолеты ВВС РККА если не превосходят, то, уж точно, не уступают по своим тактико-техническим качествам люфтваффе. Одна-

ко, как уже указывалось, в ноябре 1940 г. вождь в тесном кругу своих соратников признавал, что советская авиация не готова к современной воздушной войне. Позднее, 9 апреля 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли беспрецедентное постановление «Об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии», где в частности, приводились факты о гибели ежегодно «из-за расхлябанности» до 900 боевых самолетов ВВС Красной Армии[10].

Косвенным образом об этом же свидетельствуют и показания майора Письменного. Письменный следующим образом передавал характеристику боеготовности советских ВВС, данную Сталиным 5 мая 1941 г.: «Летчики не готовы к ночным полетам и полетам по приборам. тем не менее, в этой области мы добились определенных успехов. В течение двух ближайших месяцев у нас ***будут*** (выделено мной. — *В.Н.*) отличные типы (марки) самолетов, в том же, что касается скоростных качеств, это будут лучшие самолеты в мире»[11].

Закономерен вопрос: на чем основывается сталинское утверждение о качественном превосходстве советских боевых самолетов над германскими? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, можно обнаружить в одном из донесений на имя Сталина, Молотова, Тимошенко и Берия, посланном наркомом безопасности СССР В.Н.Меркуловым 24 апреля 1941 г. В донесении, составленном на основании агентурных данных из Берлина, в частности, говорилось: «В качественном отношении советские самолеты, по оценке штаба (германской. — *В.Н.*) авиации, не уступают немецким...»[12]. Нет ничего невероятного в том, что Сталин, ознакомившись с названным донесением НКГБ, использовал приведенную в нем фразу в речи перед выпускниками военных академий РККА.

Содержание этой сталинской речи не оставляло сомнения, что ближайшим военным противником Красной Армии станет вермахт. Похвала, которой удостоил его Сталин, на деле оказалась лишь основанием для последовавших затем критических оценок. Вождь даже прибег к манипуляции уже знакомым тезисом «непобедимых армий не бывает». В апреле 1940 г., подводя итоги «Зимней войны» против Финляндии, Сталин выступил с критикой установки о «непобедимости» Красной Армии, которая господствовала перед началом этой войны[13]. В мае 1941 г. он уже нацеливал на разоблачение тезиса о «непобедимости» вермахта.

Весной 1941 г. Сталин получал по каналам разведки информацию (оказавшуюся, в конечном счете, дезинформацией) о «пораженческих настроениях» в немецкой армии, о «нежелании солдат воевать на востоке». Так, в Москву направлялись донесения, составленные на основании данных частей пограничных войск

НКВД. В донесениях отмечалась усиленная подготовка немцами театра военных действий в пограничных с СССР районах. В то же время, в документах подобного рода делался характерный вывод о моральном состоянии немецких солдат: «Чувствуется (*?! – В.Н.*) неуверенность рядового состава в успехе в случае военных столкновений с Советским Союзом». НКГБ также сообщал в Москву, что, «по показаниям дезертиров» из германских войск, в частях вермахта высказывалось «нежелание воевать» против СССР. Хронологически эти сообщения охватывали период конца апреля – начала мая 1941 г.[14]

Такого рода данные, доводившиеся до сведения Сталина и призванные доказать факт ослабления морального духа германской армии, дополнялись информацией, полученной по линии заграничной разведки и по дипломатическим каналам. Так, сотрудник главного штаба ВВС Германии Х.Шульце-Бойзен («Старшина»), один из самых ценных источников советской внешней разведки, сообщал в Москву, что «подавляющее большинство немецкого офицерства оппозиционно настроено по отношению к Гитлеру». Кроме того, по утверждениям «Старшины», среди немецких солдат «проявляются настроения усталости» от войны. Что касается ударной силы германской армии, то названный агент отмечал ее сильное снижение по сравнению с 1939 г.[15]

15 апреля 1941 г. в беседе с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР С.А.Лозовским американский посол в Москве Л.А.Штейнгардт, в частности, утверждал, что среди немецких солдат в оккупированных Германией странах «растет недовольство»[16].

Несомненно, получение подобного рода информации повлияло на тон сталинской речи перед выпускниками военных академий. Достаточно напомнить о прозвучавших в ней утверждениях о потере значительной частью германской армии имевшегося в начале войны пыла, отставании ее военной техники от советской, чтобы понять: Сталин несомненно, предпочитал брать на вооружение данные, негативно характеризовавшие потенциального противника СССР.

Сталинская речь 5 мая 1941 г. носила антигерманский характер[17]. Слышавшие Сталина поняли из его слов, что противником Красной Армии в будущей войне станет вермахт[18]. В данной связи не вызывает сомнений та часть показаний майора Письменного, которая касается данного сюжета. По версии Письменного, Сталин заявил присутствовавшим выпускникам военных академий РККА: «Гитлер сумел создать армию, которая действительно представляет опасность для Европы, а также для Красной Армии, которая вскоре скрестит с ней оружие на поле брани, померяется с ней силами»[19].

Однако советский лидер, вероятно, не хотел, чтобы подобного рода формулировки дошли до германского руководства, поскольку

в мае 1941 г. СССР и Германия были связаны Договором о дружбе и границе. Именно поэтому Сталин и запретил воспроизводить в средствах массовой информации свою формулировку: «Дело идет к войне, и противником будет Германия»[20].

Однако письменные источники сохранили другое сталинское высказывание на сей счет, однозначно характеризующее его отношение к вермахту и к перспективам вооруженного столкновения между СССР и Германией. Так, согласно показаниям плененного в 1941 г. немцами генерала-майора Наумова, Сталин уже после своей официальной речи, на банкете в честь выпускников военных академий провозгласил следующее: «Германская армия добилась на сегодняшний день таких больших успехов, потому что еще не сталкивалась с достойным противником... Посмотрим, на что будет способна германская армия, когда столкнется с настоящим противником»[21].

Анализ использованных источников позволяет сделать следующие выводы. Накануне германо-советской войны Сталин был определенно озабочен тем, что вермахт одерживал победы в боевых действиях против ряда государств Европы в 1939-1940 гг., в числе которых были крупнейшие державы Англия и Франция. В то же время он понимал, что в будущем неизбежно открытое вооруженное столкновение между Германией и Советским Союзом. Отсюда вытекала двойственность Сталина в оценках боеспособности вермахта, особенно характерная для весны 1941 г., ярким подтверждением чему явились сталинские выступления перед выпускниками военных академий РККА. С одной стороны, советский вождь не мог не признать, что германская армия находится в зените славы, имея большой опыт боевых действий и будучи практически полностью укомплектованной и технически оснащенной. С другой стороны, Сталин всячески стремился принизить в глазах командного состава РККА значимость успехов и побед вермахта, развеять утверждения о его «непобедимости». На первый план выдвигалась идея о превосходстве Красной Армии и в численном, и в техническом, и в морально-политическом планах, которое якобы должно стать определяющим фактором победы в грядущей войне с Германией. Подобные сталинские установки брались на вооружение в деятельности большевистских пропагандистских структур.

---

1 *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 200-201.

2 В этом смысле особенно характерны приветственные телеграммы Сталина Гитлеру и Риббентропу от 25 декабря 1939 г. Во второй из них говорилось следующее: «Дружба народов Германии и Советского Союза,

скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной» (Правда. 1939. 25 декабря).

3 *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. Встречи, беседы. Интервью, документы М., 1999. С. 405-406.

4 1941 год. Документы. Кн. 2. М., 1998. Док. № 370.

5 Подробнее об этом см.: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939-1941 гг. М., 1997. С. 157-176.

6 *Вишлев О.В.* Западные версии высказываний И.В.Сталина 5 мая 1941 г. По материалам германских архивов // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 113.

7 *Анфилов В.* Долгий путь к Берлину // Независимое военное обозрение. 1999. № 17 (40). 7-13 мая.

8 *Димитров Г.* Указ. соч. С 230; *Куманев Г.* Указ. соч. С. 406-408; Источник. 1997. № 5. С. 115-116; *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1995. С. 374-375; 1941 год. Документы. Кн. 2. Док. № 437.

9 Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн 2. М., 1998. Док. № 498.

10 1941 год. Документы. Кн. 2. Док. № 375.

11 *Вишлев О.В.* Указ. соч. С. 114.

12 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 110.

13 Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. М., 1998 С. 275-276.

14 Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 1 Кн. 2. М., 1995. Док. № 196. Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. Сборник документов и материалов. М., 1970. Док. № 360, 367.

15 1941 год. Документы. Кн. 2. Док. № 394, 407.

16 Документы внешней политики. Т. 23. Кн. 2. Док. № 777.

17 *Лященко П.Н.* С огнем и кровью пополам... // Военно-исторический журнал. 1995 № 2. С. 23; *Муратов Э.* Шесть часов с И.В.Сталиным на приеме в Кремле // Нева. 1993. № 7. С. 283.

18 Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995. С. 229; *Лященко Н.Г.* Указ. соч. С. 123; *Куманев Г.А.* Указ. соч. С. 408.

19 *Вишлев О.В.* Указ. соч. С. 115.

20 *Радзинский Э.С.* Сталин. М., 1997. С. 485.

21 *Вишлев О.В.* Указ. соч. С. 111.

Фатеев А.В.

СОВЕТСКИЙ ВАРИАНТ ОБРАЗА ВРАГА: 1945-1954 гг.

Проблема взаимного восприятия народов актуальна именно сегодня, в период, когда Россия ищет новое место в системе мировых связей и вынуждена решать сложные внутренние проблемы межнациональных отношений. Рассматривать проблему можно только с учетом воздействия государства, политических сил, которые его возглавляют, на социальное познание и этнические представления граждан. Изучение исторического опыта позволит избежать исторической ограниченности политиков прошлого, ошибок, которые могут трагически сказаться на судьбах миллионов людей. В предлагаемой статье ставится проблема воздействия насаждаемого советским государством образа врага на этнические представления граждан, их социальное познание и самопознание.

Образ врага существует на протяжении всей российской и мировой истории. В XX в. пропагандистские органы индустриально развитых государств начали планомерно и систематически внедрять его в массовое сознание не только в военное, но и мирное время. Источником возникновения любого варианта образа врага является наличие внутренних – социально-экономических, политических, идеологических и международных противоречий.

Под «образом врага» автор понимает динамический символ враждебных государству и гражданину сил, инструмент политики правящей группы общества, который является идеологическим выражением общественного антагонизма. Образ врага и державный патриотизм в своей совокупности были важнейшей составной частью психологической войны, которую вели советские органы пропаганды во время Отечественной и холодной войн[1].

Предпосылки и причины возникновения послевоенного образа врага можно условно разделить на общецивилизационные и конкретно-исторические. Массовые, индустриальные общества основаны на иерархии и авторитете, их важнейшими принципами являются «стандартизация, централизация, максимализация, гигантомания, дезинформация, специализация, синхронизация» (О.Тоффлер). Правящие группы используют дезинформацию для решения как частных, так и общегражданских интересов, которые они понимают в соответствии со своим видением мира и историческим опытом нации. Соответственно, советская номенклатура была движущей силой, способствующей формированию образа врага. По-

тенциальную угрозу, возникшую для государства и народа в послевоенный период, бюрократия сумела использовать себе на пользу. Ее интерес состоял в контроле за мыслью и поведением широких масс населения в условиях сложившейся административно-командной системы, роста количества грамотных и культурных людей. После Второй мировой войны эта потребность усилилась. Борьба с Западом за сферы экономического и политического влияния в мире, за свое геополитическое пространство, которая привела к «холодной войне», необходимость обеспечить обороноспособность страны за счет новых, ядерных вооружений в условиях послевоенной разрухи, нищеты населения и невозможности в широких масштабах материально стимулировать эффективный труд, приводили к необходимости задействовать духовные стимулы с целью обеспечить трудовую активность и политическую лояльность граждан.

В силу исторической ограниченности и геополитической конкуренции, основанной на разнице социально-экономического и политического строя, и советская номенклатура, и американский истеблишмент не могли предложить гуманистическую политику трансформации послевоенного мира, инстинктивно воспроизвели тот тип внутри- и внешнеполитических отношений, который обеспечивал прежде всего их существование и выживание. В этой политике образу врага отводилась значительная роль.

В эволюции послевоенного советского варианта образа врага можно выделить следующие этапы: два первых послевоенных года (1945 – июнь 1947); осень 1947 – август 1949; период с осени 1949 по март 1953 можно разделить на три подпериода, границами которых являются события июня 1951 и января 1953 г.; наконец, период разрядки международной напряженности с апреля 1953 по декабрь 1954 г., в котором можно выделить два подпериода с границей в мае 1954 г.

В течение двух лет после окончания Второй мировой войны правительство США сформировало образ врага в лице Советского Союза. В то же время в СССР сложились предпосылки для возникновения советского варианта образа врага.

В сентябре 1947 – августе 1949 г. образы «внешнего» и «внутреннего» врага прошли период становления. Во время идеологических кампаний в советском общественном сознании были сформированы три его формы.

Главная форма образа врага – американский империализм, который олицетворял все ужасы капитализма. В ее окончательном становлении в апреле-мае 1949 г. большую роль сыграл агитпроповский «План мероприятий по усилению антиамериканской про-

паганды на ближайшее время»[2], который нацеливал пропагандистов на длительную и систематическую дискредитацию всех сторон жизни и политики США. В содержание образа американского врага вошли: представление о предкризисном состоянии экономики; господстве монополий, вскармливающих в США фашизм; маразме и растленности американской культуры и нравов; ущербности американского образа жизни; наличии в стране расовой дискриминации· продажности печати; росте преступности; агрессивности внешней политики США, для проведения которой был создан Северо-Атлантический пакт (НАТО); о космополитизме как идеологическом оружии агрессивных кругов США и других западных стран и тому подобное. Часть этих стереотипов, впрочем, соответствовала действительности.

Пропагандисты изображали американский империализм как единую систему, в каждом элементе которой отражаются все ее свойства. Они внедряли в общественное сознание психологическую установку по каждому из элементов таким образом, чтобы любая из них способствовала воспроизведению в сознании людей всего стереотипа образа врага. По этой же схеме разоблачались другие державы-соперницы: Великобритания, Франция.

Становление образа внутреннего врага, унифицированного в термине «космополит/космополитизм», проходило с лета 1947 г. и было связано с деятельностью Генерального секретаря ССП СССР А.А.Фадеева и главного редактора «Литературной газеты» В.В.Ермилова, которые выполняли указания И.В.Сталина, секретарей ЦК ВКП(б) М.А.Суслова, А.А.Жданова, Г.М.Маленкова. В содержание образа внутреннего врага вошли социально-политические, нравственные, культурные, эстетические антиценности (с точки зрения советского общества): буржуазность, национализм, антипатриотизм, «пресмыкательство» перед Западом и его культурой. После антикосмополитической кампании 1949 г., политическими разновидностями космополитизма считались: сионизм, панамериканизм, панируанизм, панисламизм, пантюркизм; в искусстве — декадентство, формализм, «искусство для искусства»; в биологической науке — «вейсманизм-морганизм»; в быту — «пережитки капитализма в сознании». Термин «космополит» стал использоваться для изображения предателей Родины, «пятой колонны» США во всех странах.

С мая 1949 по январь 1953 г. крайние формы образа внутреннего врага исчезли со страниц советских газет. Остается только одна разновидность — образ сомнительного советского человека, имеющего пережитки капитализма в сознании. Чрезмерное использование образа внутреннего врага могло подорвать веру в морально-

политическое единство общества. Однако термины, обозначающие внутренних врагов, уже вошли в политическую лексику, активно использовались следователями МГБ, чиновниками и рядовыми советскими гражданами в доносах.

С лета 1944 г. складывались предпосылки возникновения образа югославского врага. В мае 1949 г. агитпроп приступил к его формированию в массовом сознании. Основной удар направлялся против «клики Тито-Ранковича» с целью противопоставить правящую верхушку народу и лишить ее власти. С точки зрения пропагандистов, руководство Югославии переродилось в буржуазном духе, организовало фашистский террор внутри страны против истинных коммунистов, подчинило страну милитаристским планам США и Великобритании, превратилось в «отщепенцев» демократии и социализма. В идеологическом плане маршал И.Б.Тито и его соратники были квалифицированы как «троцкисты», «злейшие враги социализма», «штурмовой отряд империализма». Систематическое использование образа югославского врага закончилось весной 1953 г., практически сразу после смерти И.В.Сталина.

Внедряя образ врага в сознание и мышление миллионов людей, пропагандисты опирались на устойчивые стереотипы общественного сознания, характерные для части русского и других народов СССР: националистические, в частности, антисемитские, пережитки в сознании; стремление к примитивной уравнительности; ненависть к чиновнику-бюрократу; веру в доброго вождя; авторитаризм. Во внешнеполитической пропаганде агитпроп учитывал рост антиамериканских настроений в Западной Европе после войны, отрицательное отношение западной социал-демократии к советской системе, страх народов Восточной Европы перед возрождением германского милитаризма.

Все формы образа врага объединены сущностным признаком: враждебностью советскому обществу и государству, гражданину.

На становление и развитие форм образа врага в 1947-1949 гг. воздействовали следующие факторы международных отношений: крушение антигитлеровской коалиции, переход Израиля, возникновению которого содействовал Советский Союз, на сторону США; самостоятельная внешняя и внутренняя политика югославского руководства, вызвавшая недовольство советского правительства. Важным внутриполитическим фактором был рост разочарования советских людей в связи с так и не наступившими послевоенными изменениями в социально-экономической сфере[3].

В сентябре 1949 – июне 1951 г. образ врага развивался в связи с новыми поворотами в международных отношениях: образованием

ФРГ, ГДР, победой китайской революции, началом корейской войны, развитием военной и экономической интеграции государств Запада и Востока. Новой формой образа врага стал образ немецкого врага-неофашиста, а его олицетворением канцлер ФРГ К.Аденауэр. Психологический стереотип немецкого врага создавался при помощи тех же установок, что и образ американского врага, но с учетом специфики объекта.

В течение второй половины 1947-1954 г. пропагандисты планомерно, комплексно и систематически дискредитировали все стороны общественной жизни и политики государств-противников, достаточно гибко реагируя на изменение конъюнктуры. Значительный эффект внешнеполитической пропаганды достигался за счет координации действий пропагандистского и дипломатического аппаратов с движением сторонников мира. Успеху внутриполитической пропаганды способствовала совместная деятельность агитпропа, Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, Русской православной церкви и ССП СССР.

Управление (отдел) пропаганды и агитации ЦК КПСС использовал любые приемы для разоблачения политических противников, в том числе: бездоказательное наклеивание ярлыков; апелляции к «простому народу»; подтасовка фактов; дозирование информации о достижениях противника, преподнесение ее в негативном контексте или игнорирование; доведение до абсурда; сравнение государственных деятелей западных стран с фашистами и животными. Публикация фактов сопровождалась теоретическими статьями, которые прививали гражданам определенный стиль политического мышления. Желаемое советской номенклатурой часто выдавалось за действительное. Постоянным явлением было использование двойных стандартов в оценке действий своего правительства и руководства противника. Пропагандисты проводили три взаимосвязанные операции: наполняли новыми материалами информационную реальность[4]; не допускали позитивной информации о противнике; изымали из обращения материалы с информацией, которая противоречила идеологическим установкам, включая плоды своей предыдущей деятельности. Важнейшими средствами оперативной пропаганды были газеты, радио, долговременной – журналы, книги, художественные и публицистические, кинофильмы. Что бы ни читал, ни смотрел, ни слушал советский гражданин, он постоянно усваивал идеологические установки и стереотип образа врага, определенный ЦК ВКП(б).

Разрядка международной напряженности способствовала изменению стереотипа образа врага. В частности, она прервала процесс

создания новой формы образа врага в лице государства Израиль. В марте 1953 – мае 1954 г. был дискредитирован образ внутреннего врага: многие советские люди, после недавнего «дела врачей» и их реабилитации, с недоверием восприняли его новое олицетворение, Л.П.Берию. Чиновничество, незаинтересованное в возобновлении массовых репрессий в своей среде, после казни Берии также не проявляло активности по возрождению образа внутреннего врага. Свою роль сыграла и разрядка, породившая иллюзию возможности сотрудничества государств с различным общественным строем, и вступление мира в эпоху научно-технической революции, потребовавшей иной мотивации высокопроизводительного труда, использования новой техники, а не рабской силы ГУЛАГа, пополнявшегося, в том числе, за счет использования образа врага карательными органами. Кроме того, народы и правительства устали от первого этапа холодной войны. На фоне этих важных причин смерть Сталина – повод, воспользовавшись которым советское руководство начало переход к новой политике. Вместе с тем, разрядка не остановила психологическую войну. С мая 1954 г. и советские, и американские пропагандисты начали новый этап конфронтации[5].

Образ внутреннего врага стал историческим анахронизмом. Советская бюрократия навсегда потеряла возможность проводить масштабные идеологические кампании с его использованием. Но спецслужбы использовали образ внутреннего врага вплоть до середины 80-х гг.

Вместе с тем, постоянные конфликты супердержав способствовали сохранению образа внешнего врага. Заявляя о необходимости сохранить разрядку, супердержавы продолжали гонку вооружений. Пропагандисты активно использовали образ внешнего врага в психологических операциях как внутри СССР, так и в других странах. Сказывалась и политика изоляции страны. Советские люди в повседневной деятельности не сотрудничали с американскими и западногерманскими гражданами, политиками, не имели достаточной позитивной информации о жизни за рубежом, а потому не могли объективно оценить сообщения советской пропаганды. Кроме того, со времен Отечественной войны не было изжито негативное отношение к западным немцам.

Содержание форм образа врага соответствовало направлениям политики советского правительства и определяло его функции.

Важнейшая функция *образа* врага – содействие сохранению общественного и государственного строя, господству номенклатуры в условиях «холодной войны».

Образ внешнего врага, прежде всего немецкого и американского, использовался пропагандистами для удержания в геополитическом пространстве СССР населения и правительств стран Восточной Европы, которые опасались возрождения немецкого милитаризма. Образ американского врага систематически применялся в психологических операциях в период предвыборных кампаний в Италии, ФРГ, Франции с целью нейтрализовать американскую пропаганду, добиться выгодной для себя расстановки политических сил в стране[6].

Для воздействия на общественное сознание сограждан ЦК ВКП(б) использовал и образ внешнего, и образ внутреннего врага. Связанные друг с другом, эти формы имели и специфические функции. С помощью образа внутреннего врага чиновники осуществляли политику «разделяй и властвуй», развивали взаимное недоверие и конкуренцию между гражданами, а при помощи образа внешнего врага сплачивали отчужденных друг от друга индивидов вокруг ЦК ВКП(б), вождя И.В.Сталина. Подобная тактика способствовала эффективному манипулированию общественным сознанием и поведением граждан, пресекала рост классового самосознания советских рабочих, крестьян, низших слоев бюрократии и таким образом тормозила возникновение предпосылок гражданского общества в СССР.

Привязка признаков бюрократизма к враждебной деятельности «врага-космополита», с 1948 г. способствовала активизации деятельности хозяйственных кадров. В их нерадивости, бюрократическом разложении высшие советские руководители и граждане видели главную причину невыполнения планов развития страны. В свою очередь, советские ведомства, недовольные использованием образа внутреннего врага против хозяйственников, оказывали давление на пропагандистские органы[7].

Образ врага в виде «отдельного несознательного гражданина, имеющего пережитки капитализма в сознании», пропагандисты использовали для дискредитации «мелкобуржуазных» форм хозяйствования – артелей, а также для пресечения деятельности теневых в рамках существующего законодательства экономических структур. Таким образом, правительство защищало монополию государственной собственности, сохраняло свое экономическое господство. Этот идеологический ярлык служил и прекрасным поводом для общественного и юридического давления на граждан, которые выражали социальное недовольство[8].

Все формы образа врага способствовали утверждению в общественном сознании важнейшей идеологической установки ЦК

ВКП(б) о превосходстве советского строя над капиталистическим, отсутствии в СССР причин для возникновения буржуазных отношений. Противопоставляя лучшие образцы советской действительности и мифы о ней мифам о Западе и его негативным реальностям, пропагандисты формировали «советский патриотизм», морально-политическое единство народа на основе ценностей номенклатуры. Важнейшей ценностью считалась преданность гражданина чиновникам, возглавлявшим государство.

С точки зрения автора, необходимо строго различать навязываемый номенклатурой державный вариант «советского патриотизма» и патриотизм миллионов советских людей, которые отстояли свою родину в борьбе с фашизмом, восстановили ее экономику после войны. Важнейшая черта державного варианта патриотизма – слепая ненависть к государствам-противникам и инакомыслящим соотечественникам, ненависть, которая приводила к дискредитации всех сторон жизни других наций, к современным формам невежества и догматизму. Эта ненависть отсутствовала в широкий кругах советских людей, и государство было вынуждено искусственно воспитывать ее в людях.

Важным условием формирования «советского патриотизма» было недопущение идей и явлений, сущность которых расходилась с идеями и практикой партии и правительства, С помощью образа врага ЦК дискредитировал их носителей – советских граждан, зарубежных философов, социологов, политические партии. Образ врага был эффективным средством изоляции страны: он использовался как средство пресечения связей советских людей с зарубежными гражданами, особенно журналистами, которых агитпроп изображал шпионами[9].

Образ врага способствовал поддержанию «бдительности» граждан – социально-психологического напряжения, готовности реагировать на любые подозрительные факты и лица. Мероприятия правительства по развитию бдительности имели определенное основание – США и другие державы расширяли разведывательную деятельность против СССР[10]. Вместе с тем, каждое мероприятие имеет меру, выход за которую говорит либо об ошибках руководителей, либо о сущностных чертах политического режима. Развитие гипертрофированной бдительности было средством и для защиты от происков западных разведок, которым в послевоенное десятилетие так и не удалось создать свои разветвленные сети в СССР, и, в первую очередь, для реализации интереса номенклатуры – удержания граждан в повиновении.

Подобная практика имела отрицательные социально-психологические последствия: государство формировало у граждан подозрительность, мнительность и страх, которые сказывались на их сознании. Образ врага – миф, который вытеснял из общественного и индивидуального сознания рациональные приемы объяснения противоречий советского общества, смещал фокус внимания людей на действия «капиталистического окружения», «буржуазных перерожденцев-космополитов», а также «головотяпов» и «ротозеев» из числа местного начальства.

Часто за «бдительностью» стояли карьерные и материальные интересы отдельных лиц и групп, а также стремление свести счеты с конкретными гражданами или представителями власти за допущенные ими унижения, гонения в адрес доносчиков[1]. Тем самым воспроизводилась политическая культура, характерная для данного периода советского общества.

В числе важных социальных последствий применения образа врага в советской пропаганде можно также назвать дальнейшее отчуждение трудящихся от власти и собственности, рост авторитаризма, антиинтеллектуализма и нетерпимости к инакомыслию, усиление бюрократической невменяемости чиновничества. Спекулятивные заявления о возрастании роли народных масс в истории сопровождались действиями, которые в СССР приводили к обратному результату.

Деятельность пропагандистов по дискредитации граждан была уголовно наказуемым деянием – подпадала под статью 161 УК РСФСР о клевете. Однако в СССР не было политических сил, способных заставить чиновников соблюдать дух и букву закона. Сами же чиновники выполняли политический заказ и не задумывались над такими вопросами. Правовой цинизм и бескультурье идеологической бюрократии распространялось на общество, выжигая предпосылки гражданского общества на корню.

Успешному внедрению образа врага в общественное сознание способствовал ряд сложившихся после войны условий и предпосылок: повышенная внушаемость населения, некритическое отношение к сведениям, которые сообщают газеты; огромное доверие к высшему политическому руководству СССР, прежде всего И.В.Сталину; опыт ведения психологической войны, который приобрели пропагандисты в годы Второй мировой войны; пресечение контактов с иностранцами.

Образ врага и «советский патриотизм» в рамках пропаганды способствовали искусственному воспроизводству у населения провинциальной замкнутости, которую неуклонно преодолевала инду-

стриальная экономика[12]. Пропагандистский аппарат действовал вопреки важнейшим тенденциям мирового развития, которым был подвержен и СССР. И не случайно: идеология способствовала сохранению власти номенклатуры, которая смотрела на народ только как на объект своих манипуляций и всемерно оглупляла его образом врага.

Консервативный характер советской идеологии, негативное воздействие образа врага на социальное познание и этнические представления граждан можно увидеть на следующих примерах.

Для внедрения образа врага в массовое сознание, его мифологизации ЦК ВКП(б) допустил антисемитскую деятельность наиболее косных представителей аппарата и населения. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. термины «еврей» и «сионист» стали синонимами врага. Во имя политической конъюнктуры высшие руководители СССР возрождали пережитки прошлого в сознании граждан под видом «борьбы с пережитками» и «тлетворным влиянием капиталистического Запада». Это был удар по социальному самочувствию не только еврейского, но всего населения СССР, которому прививались идеи избранности, национального эгоизма и шовинизма с целью эксплуатации всех граждан.

Создавая образ американского врага, советские руководители использовали различные способы воздействия на мировое общественное мнение. Важным элементом в советской внешней политике стало движение борцов за мир, первый Всемирный конгресс которого прошел в апреле 1949 г.

Опыт был удачным. Советские люди, пережившие Вторую мировую войну, живо откликнулись на работу конгресса. Некоторые письма, пришедшие в «Правду» и направленные 25 июня 1949 г. в агитпроп, нельзя читать без сожаления и сострадания. «Передо мной портрет погибшего сына, – писала А.Соломатина из Московской области. – Жадным слугам империализма, ненавистным звериным мордам вынести слова проклятия, заклеймить их агрессивные планы позором... Вы, стяжатели долларов, вам война лишь нажива. Ваши дети не дрались на полях сражений... Вы потеряли совесть, вам чужда жалость, лишь себя и отродье свое бережете. Но настала пора. Сила грозная крепнет, растет, поднимается. Не спасут вас пакты...»[13].

В письме выражены чувства, которые были присущи миллионам советских граждан: боль утрат, страх перед новой войной, нежелание считаться с вкладом бывших союзников в разгром фашизма. Низкий культурный уровень и иллюзии, доверие к газетным штампам, чувственное, а не рациональное восприятие мира делало

подобных людей легкой добычей агитпропа в вопросе внедрения образа врага в общественное сознание. Образ врага уродовал восприятие мира и политическое мышление граждан.

Уничижение других наций при помощи образа врага способствовало закреплению у народа иллюзий относительно советского общества. Так, еще в 1924 г. И.В.Сталиным были сформулированы особенности «ленинского стиля работы»: «а) «русский революционный размах и б) американская деловитость»[14]. Однако 2 сентября 1950 г. пропагандист из Одессы Г.И.Золотухин в своем письме на имя Сталина поставил вопрос о замене «американской деловитости» более актуальным словосочетанием «коммунистическая сознательность». В доказательство приводились аргументы из арсенала советской пропаганды, буквально списанные из передовиц газет. «От так называемой американской “деловитости”, выраженной в “плане Маршалла”, “доктрине Трумэна”, “Северо-Атлантическом пакте” и других документах, – писал Золотухин, – большинство народов стран Европы, Ближнего Востока и другие народы терпят разорение, голод и национальное принижение... деловые качества советских людей сейчас воспринимают все народы в своей жизни»[15]. Подобные письма не случайно оказывались в агитпропе. 13 октября 1950 г. в «Правде» в статье «Великая сила социалистической идеологии» профессор Ф.В.Константинов говорил о чертах характера, воспитанных партией в советских людях. На первом месте стояли «широкий революционный размах и большевистская деловитость».

Константинов был опытным пропагандистом, но и сам порой попадал в ловушки пропаганды, сеявшей иллюзии относительно советского общества. В лекции «Формы общественного сознания» он заявил молодым слушателям ВПШ: «В настоящее время, пожалуй, половина крестьянства находится под влиянием, во власти религиозной идеологии». Для людей, «владевших информацией», это не было откровением. Константинов, учитывая, что перед ним будущие партийные работники, которые должны владеть в том числе и правдивой информацией, попытался развернуть объективную картину классового состояния крестьянства. В результате молодые слушатели написали на него донос, в котором отмечали: «Если согласиться с утверждением лектора, то выходит, что для колхозного крестьянства нашей страны социалистическая идеология вовсе не является господствующей идеологией. А это явная фальсификация нашей советской действительности». В результате Константинову пришлось держать ответ перед кафедрой и исправлять «ошибку»[16]. Агрессивное невежество, которое пропаганда воспитывала в молодом поколении, периодически обрушивалось на самих создателей.

Мифологическое мышление идеологов и граждан приводило к искажению фактов всемирной и отечественной истории в угоду политической конъюнктуре[17]; способствовало подмене патриотизма великодержавной гордыней; развитию национализма, а не действительного национального самосознания у народов СССР; вело к неадекватному общественному познанию; неверному самопознанию личности.

Внедренный в массовое и индивидуальное сознание, образ врага превратился в элемент саморазрушения общества и личности. В середине 50-х гг. советский вариант внутреннего образа врага потерпел крах, стал медленно уходить из общественного сознания. Образ внешнего врага сохранился до середины 80-х годов. Развитие производительных сил общества, личности человека, оздоровление межгосударственных отношений и расширение контактов между народами, работа альтернативных СМИ вели к отбрасыванию форм образа врага, порожденных холодной войной.

Серьезными социально-политическими и психологическими издержками чревато использование любого варианта образа врага. Вместе с тем, конкретно-исторические условия, в которых используется образ врага, его содержание и роль в общественных процессах не могут не повлиять на оценку феномена. Так, образ врага-фашиста военного времени – варвара, убийцы, современного рабовладельца – в основном верно отражал действительность, служил инструментом правительства в мобилизации народа на защиту Отечества и всего человечества, и таким образом выполнял прогрессивную роль. Однако пропаганда военного времени, наряду с другими факторами, надолго закрепила в общественном сознании СССР негативное отношение к немцам. После войны же образ врага способствовал в первую очередь консервации существующего режима власти, исторически обреченных общественных и производственных отношений, при помощи которых правительство мобилизовало советское общество на ведение изнурительной гонки атомных вооружений, а также основательному искажению этнических представлений граждан.

Научная актуальность исследования проблемы «образ врага» связана с тем, что в отечественной историографии нет специальных работ, посвященных формированию образа врага советскими пропагандистами после Второй мировой войны. Многие исследователи, употребляя в своих работах термин образ врага, не дают его определения[18]. Только в последнее время появились работы Е.С.Сенявской, в которых исследуется деятельность пропагандистских аппаратов по созданию образа врага в период Первой и Второй мировых войн[19]. Не разработана структура феномена, слабо, спорадично

раскрыты его функции в политической, экономической, социальной и духовной сферах советского общества. До сих пор бытует ошибочное мнение, что появление образа врага связано только с деятельностью отдельных политических лидеров, порождено чисто субъективными причинами, например, стремлением достичь и удержать в своих руках власть в государстве. Отсутствие работ, посвященных данной проблеме, объясняется недоступностью для исследователей до начала 1990-х годов значительной части архивов ЦК КПСС.

В советской и российской историографии не представлены работы о роли образа врага в советской внешней политике, воздействии советской пропаганды на жителей и правительства США, Западной и Восточной Европы. Большой интерес для историков-специалистов может иметь сравнение материально-технических, организационных возможностей советских и американских пропагандистов, их стратегии и тактики внедрения в общественное сознание стереотипа образа врага.

Анализ этих вопросов позволит более конкретно подойти к изучению духовной жизни общества – с учетом влияния государства на социальное познание и этнические представления граждан разных стран.

---

1 См.: *Фатеев А.В.* Державный патриотизм времен позднего сталинизма // Преподавание истории в школе. 1995. № 7; *Он же.* Как создавался образ врага: у истоков холодной войны // История. 1996. № 3; *Он же.* «Литературная газета» в горячей купели холодной войны // Историческая газета. № 2. 1997; *Он же.* Образ врага в советской пропаганде 1945-1954 гг. М., 1999.

2 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 224. Л. 48-52. Документ опубликован автором: История. 1996. № 3. С. 10-12.

3 См.: *Зубкова Е Ю.* Общество и реформы. 1945-1964. М., 1993.

4 Под «информационной реальностью» автор понимает совокупность идей, символов, способов осмысления мира, которая формируется всеми потоками и источниками информации, определяет массовое и индивидуальное сознание и поведение. Пропаганда – один из потоков информации, и успех пропагандистов основывается на их умении «пропитать» своими материалами все поры информационной реальности, «протащить» нужные идеи и убедить граждан.

5 См., напр.: ЦХСД. Ф. 5. Оп. 16. Д. 646. Л. 211; Д. 664. Л. 69.

6 Там же. Д. 645. Л. 120, 121, 132, 149-154. См. также: Литературная газета. 1953. 21 мая, 4, 5 июня; Крокодил. 1953. № 18. 30 июня.

7 Редактор раздела внутренней жизни «Литературной газеты» Н.С.Атаров, объясняя причины прекращения публикации разоблачительных статей в марте 1949 г., заявил в сентябре: «Мы сбавили тон в силу большого противодействия ведомств». См.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 986(2). Л. 154.

8 Заместитель министра юстиции РСФСР И.Перлов в статье «Советский суд в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей» привел так

много фактов подобного рода, что «Литературная газета» отказалась от публикации статьи. См.: РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 4. Д. 210. Л. 17-29 об.

9 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 115. Д. 747. Л. 18.

10 См. об этом: *Даллес А.* О политике // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 105; *Эндрю К., Гордиевский О.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 392-397; *Найтли Ф.* Шпионы XX века. М., 1994. С. 274-276.

11 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 369. Л. 7,7 об., 19, 23, 24, 45 об.,46, 54, 88-92, 168-170 об.

12 Характерно высказывание В.И.Ленина: «***Патриотизм*** – одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями ***обособленных отечеств*** (курсив мой. – *А.Ф.*)». См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 190-191.

13 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 117. Л. 33, 34, 36, 38, 39.

14 *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. М., 1947. С. 186, 188.

15 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 278. Л. 194, 198.

16 Там же. Д. 278. Л. 126,137.

17 Так, на заседании секретариата ССП СССР 12 сентября 1949 г. состоялся диалог между автором сценария «Поджигатели войны» Л.О.Арнштамом и участником дискуссии Г.Д.Мдивани: «Мдивани: "Не знаю, что стоит ли в такой сцене показывать карикатурного Гитлера?... (Арнштам: "А мне кажется не карикатурным, а таким на самом деле")... Он был слишком опасным и сильным врагом, а карикатура это смягчает... Устраивает ли это будущего зрителя?"». См.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 990(2). Л. 140-165.

18 *Лельчук В.С., Пивовар Е.И.* Конфронтация двух систем и менталитет советского общества // СССР и холодная война. М., 1995; *Костырченко Г.* В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. М., 1994; *Волобуев О.В.* Советский тоталитаризм: образ врага // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994.

19 *Сенявская Е.С.* Образ врага в сознании участников II мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 140-156; *она же.* Образ врага в сознании участников Великой Отечественной войны // История. 1997. № 19; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 235-274.

II. РОССИЯ: ВЗГЛЯД ИЗВНЕ

Морозова Л.Е.

ДВА ВЗГЛЯДА СИГИЗМУНДА III НА РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

В исследовательской литературе утвердилось мнение, что план избрания на русский престол польского королевича Владислава возник на рубеже 1609-1610 гг. в Тушинском лагере, когда для многих стала очевидной полная никчемность Лжедмитрия II, а войска Сигизмунда III осадили Смоленск[1]. Однако польские источники свидетельствуют о том, что план захвата московской короны появился у польского короля еще во времена созревания авантюры Лжедмитрия I, но открыто объявлять его он не решался, поскольку не имел прочного положения даже в Речи Посполитой. Поддерживая самозванца, он намеревался с его помощью расчистить поле деятельности для самого себя. Не случайно в последние месяцы правления лжецаря его отношения с Сигизмундом стали весьма прохладными и даже назревал повод (из-за непризнания польской стороной императорского титула) для столкновений.

Свержение Лжедмитрия I и исключительно быстрое воцарение Василия Шуйского, видимо, оказались полной неожиданностью для польского короля. Поэтому он был вынужден признать их законность и даже оставить на произвол судьбы своих подданных, прибывших на свадьбу самозванца и Марины Мнишек в Москву и оказавшихся потом в плену. Лишь позднее в письмах своим европейским адресатам Сигизмунд заявит, что ни Борис Годунов, ни Лжедмитрий, ни Василий Шуйский не имели никаких прав на московский престол, поскольку не принадлежали к царскому роду. Только он сам, потомок великого литовского князя Ягайло, сына русской княжны и женатого на русской княжне, может считать Русское государство своей отчиной и носить его корону[2].

Не имея сил открыто бороться с царем Василием Шуйским, Сигизмунд делал все возможное, чтобы расшатать его трон изнутри. Авантюра нового самозванца вновь начала вынашиваться на польской территории (в Самборском замке) и в приграничных областях России (Путивле, Стародубе). Сигизмунд не препятствовал распространению слухов о новом чудесном спасении Дмитрия и формированию полков под его знаменами. С его молчаливого согласия войско под командованием бывшего австрийского наемника И.Болотникова двинулось к Москве. В его оснащении и вооружении активное участие приняли польские магнаты Вишневецкие.

Многие исследователи полагали, что Лжедмитрий II был порождением польской стороны, поскольку в его окружении оказалось много знатный шляхтичей, да и сам он, видимо, был литовцем. Походы И.Болотникова и Лжедмитрия II расшатывали устои трона царя Василия, способствовали падению авторитета его власти. Впоследствии под руководством патриарха Филарета была создана так называемая «Рукопись Филарета», в которой польский король прямо обвинялся во вмешательстве во внутренние дела Русского государства и способствовании свержению законного государя Василия[3].

В течение всего правления Василия Шуйского Сигизмунд зорко следил за развитием ситуации в стране. Вряд ли он верил в успех Лжедмитрия II, но двоевластие расшатывало централизацию и ослабляло государство, что создавало благоприятные условия для его захвата третьей стороной, т.е. самим королем. Однако союз Василия Шуйского со шведами и полученная им военная помощь показались Сигизмунду опасными для собственных планов, и он решил лично вмешаться в противостояние Тушинского вора и царя.

Уже в феврале 1609 г. лазутчики смоленского воеводы М.Б.Шеина доносили из Мстиславля, что королевич Владислав собирает войско для похода на Москву под предлогом того, что царь Василий стал другом Карла IX, заклятого врага и соперника Сигизиунда в борьбе за шведский престол. Однако поход не состоялся из-за отсутствия у королевича достаточного количества вооруженных сил[4].

Но от плана похода на Русь Сигизмунд не отказался. Всю весну и лето в районе Смоленска проходили порубежные стычки. Часть русских земель даже оказалась захваченной. В лесах поляки стали прорубать просеки, наводить мосты через речки, расчищать уже имеющиеся дороги. Все это говорило о подготовке к наступлению большого войска. Шеин, как мог, пытался этому воспрепятствовать: сжигать мосты, заваливать дороги, вступать в переговоры с

польскими властями по поводу конфликтов, рассылать повсюду лазутчиков для выяснения обстановки в соседнем государстве[5].

В апреле 1609 г. из Велижа донесли, что король разрабатывает коварный план захвата московского престола и собирается отправить к царю Василию исключительно многолюдное и хорошо вооруженное посольство во главе с Владиславом с тем, чтобы оно совершило в Москве вооруженный переворот и захватило власть. Сигизмунд полагал, что русские люди, в случае успеха поляков, с радостью согласятся служить отпрыску королевского дома[6]. Однако и этому плану было не суждено сбыться – обстановка в Русском государстве была непредсказуемой.

Более реальным для Сигизмунда показался захват Смоленска, некогда принадлежавшего Великому княжеству Литовскому. 19 сентября 1609 г. под стенами русской крепости, к тому времени уже каменной, появились первые польские отряды. 21 сентября прибыл сам король. Чтобы придать видимость законности своей агрессии, он отправил защитникам Смоленска «Универсал», в котором, как ближайший родич прежних русских прирожденных государей, обосновывал свои права на московский трон. Целью своего похода он объявлял защиту царского престола от посягательств недостойных людей (Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Василия Шуйского, второго самозванца) и установление в стране мира и покоя. В Москву были отправлены грамоты царю Василию и духовенству во главе с патриархом Гермогеном. Царя он упрекал в нарушении условий перемирия и в сношениях со своим недругом шведским королем. Духовенству Сигизмунд заявлял, что стремится лишь унять «разлитие христианской крови, упокоить великое христианское государство». Он клятвенно заявлял «своим истинным, государским словом», что «веру православную, правдивую, греческую, все уставы церковные и все обычаи старинные цело и нерушимо будет держать, не только оставит старые отчины и пожалования, но сверх того всякою честию и вольностию и многим жалованьем одарит церкви Божий и монастыри»[7].

Грамоты польского короля оказали большое воздействие на тушинцев, среди которых было много поляков. Они стали подумывать о том, чтобы арестовать не достойного престола «царика» и выдать его Сигизмунду. Узнав об их планах, Лжедмитрий II под покровом ночи в мужицком платье тайно бежал в Калугу. За ним последовали только наиболее верные сторонники. Остальные стали еще больше склоняться на сторону короля. В январе 1610 г. они составили текст договора с Сигизмундом и отправили к нему представительное посольство во главе с боярином М.Г.Салтыковым.

Король, безуспешно пытавшийся взять Смоленск, благосклонно встретил тушинских послов, которые предлагали царский престол его сыну без всяких сражений. 4 февраля договор об этом был подписан обеими сторонами. Сигизмунд безоговорочно принял все условия русской стороны. Они состояли в следующем:

1. Владислав должен венчаться в Москве русским патриархом.

2. Православие в Московском государстве должно почитаться и оберегаться по-прежнему.

3. Имущество и права церкви и светских лиц должны быть неприкосновенными.

4. Суд должен совершаться по старине.

5. Владислав никого не должен казнить и наказывать без ведома Боярской думы.

6. Подати собирать по старине.

7. Никого не повышать в звании без заслуг[8].

Все статьи договора должны были гарантировать целостность и независимость Русского государства, процветание православной церкви, незыблемость прежних порядков. Владислав должен был находиться в полном подчинении Боярской думы и Земского собора.

Находясь у Смоленска с незначительным войском, Сигизмунд полностью согласился со всеми условиями русской стороны. Иным путем добиться престола для сына он не мог.

В Москве в это время ждали полководца-освободителя М.В.Скопина-Шуйского. Он оправдал надежды русских людей и в марте как триумфатор въехал в столицу. После небольшой передышки он намеревался окончательно расправиться и с Тушинским вором, и с польским королем. Однако в апреле знаменитый полководец внезапно умер. Народная молва назвала его убийцами царского брата Д.И.Шуйского, считавшего себя наследником престола, и его жену Екатерину. Тень падала и на самого царя Василия.

Сигизмунд сразу же понял, что популярность царя резко пошла на убыль, что в его войске нет ни достойных военачальников, ни порядка и слаженности. Поэтому он направил к Москве хорошо вооруженный отряд под командованием опытного гетмана Жолкевского. Он должен был проверить на прочность режим царя Василия и подтолкнуть бывших тушинцев к решительным действиям в пользу короля.

Расчет Сигизмунда полностью оправдался. 24 июня в битве при Клушине Жолкевский наголову разбил достаточно еще внушительную царскую армию, возглавляемую бездарным Д.И.Шуйским. Путь к столице оказался открытым не только для поляков, но и для Лжедмитрия II.

В Москве в это время началась паника и неразбериха. Дворяне, подстрекаемые сторонниками Сигизмунда, бросились в царский дворец и арестовали Василия Шуйского вместе со всеми его родственниками. Чтобы окончательно лишить его возможности вернуться на трон, мятежники постригли царя (потом и его жену) и отправили в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Следует отметить, что сам Сигизмунд к свержению царя Василия никакого отношения не имел, поскольку все еще безрезультатно стоял под Смоленском. Город не желал ему сдаваться.

В Москве власть перешла к боярскому правительству, состоящему из семи наиболее влиятельных людей во главе с Ф.И.Мстиславским, прозванное «Семибоярщиной». Сразу выяснилось, что отогнать от города Лжедмитрия II и гетмана Жолкевского невозможно – боеспособного войска у бояр не было. Тогда было решено из двух зол выбрать наименьшее: вместо сброда, стоящего за спиной Вора, пригласить в столицу королевских воинов, преимущественно из дворянского сословия. Вместе с ними можно было обговорить условия воцарения Владислава, поскольку своих реальных кандидатур на трон не было. (Хотя желающих было немало, но организовать отпор врагам никто в тот момент не мог).

17 августа после переговоров с гетманом Жолкевским был подписан договор об условиях воцарения королевича Владислава на московском престоле. Во многом его статьи повторяли договор от 4 февраля, подписанный тушинцами и королем Сигизмундом. Главное – Русское государство оставалось полностью самостоятельным и независимым. Владислав, в целом, оказывался в подчинении у Боярской думы и Земского собора и не имел права изменять или нарушать существующие законы и традиции. Дополнительным условием, включенным по требованию патриарха Гермогена, стало обязательное принятие Владиславом православия. Гермоген полагал, что править православным государством может только православный государь[9].

Жолкевский заверил бояр в том, что договор будет подписан и королем Сигизмундом, поэтому следует начать приводить население страны к присяге королевичу. С 27 августа эта акция началась в Москве и других городах. В Смоленск к Сигизмунду было решено отправить представительное посольство для окончательного утверждения всех статей договора.

Послам был дан такой наказ: 1. Требовать, чтобы Владислав принял веру греческого закона уже в Смоленске от митрополита Филарета, главы посольства. 2. Будучи на престоле, Владислав не имел права сноситься с римским папой по вопросам веры. 3. Рус-

ских людей, отступивших от православия, новый царь был обязан казнить. 4. Владислав мог взять в Россию только небольшое число поляков, которым должен был дать земли далеко от западных границ. 5. Прежний титул русских государей умалять было нельзя (это условие было включено потому, что польский король не признавал царский титул). 6. Жениться Владиславу следовало на русской девушке православной веры. 7. Все города, занятые поляками, следовало освободить. 8. Король должен был отойти от Смоленска и не вмешиваться в дела соседнего государства[10].

Если король не соглашался с данными пунктами, то некоторые условия можно было смягчить; например, Владислав мог принять православие в Москве, жениться мог на своей избраннице, но с согласия патриарха и бояр. Изменение всех остальных статей следовало согласовывать с московским правительством.

В конце сентября представительное посольство, состоящее из 1246 человек, прибыло в королевскую ставку под Смоленск. Его членам казалось, что для окончательного утверждения договора особых препятствий быть не должно и новый царь Владислав вскоре займет свой трон. Однако уже первые встречи с королем Сигизмундом показали, что тот вовсе не намерен выполнять условия русской стороны. Приезд сына он откладывал на неопределенный срок: то из-за болезни, то из-за напряженной ситуации в стране. Не желал король и уходить от Смоленска, пытаясь любым путем захватить этот город.

Русских послов поселили на территории польского гарнизона под усиленной охраной. Это превращало их в пленников короля.

15 октября было объявлено, что король согласится отпустить сына в Москву только тогда, когда будет покончено со смутами, истреблены войска самозванца, очистятся города и все государство успокоится. До этого польские войска будут осаждать Смоленск, якобы имеющий сношения с Вором, должны быть введены в столицу и во все крупные города. Это означало, что Русское государство должно было добровольно сдаться польскому королю.

Некоторые члены посольства сразу осознали коварство замыслов короля и сообщили о них в Москву. Узнав об этом, в феврале 1611 г. Сигизмунд сам отправил грамоту боярам, в которой попрежнему утверждал, что пришел в Московское государство только для того, чтобы кровь христианскую унять, государство утишить, чтобы прежние недружбы между русскими и поляками обратить в любовь, прежние войны – в покой и тишину. Король настоятельно подчеркивал, что его цель – не опустошение соседнего государства, не разорение святых Божиих церквей, не нарушение православной

веры греческого закона, а их защита. Он пришел лишь для того, чтобы остановить междоусобие, братоубийственную войну, воспрепятствовать разрушению и запустошению Божиих храмов. Хочет он лишь добра русским людям и готов дать на царство сына, взамен же просит лишь отдать ему Смоленск. Кроме того, послам следовало отправиться в Вильну, чтобы лично просить Владислава принять царский венец.

На самом деле Сигизмунд планировал арестовать строптивых русских послов и отправить их под стражей в один из городов Речи Посполитой. Готовился он и к решающему штурму Смоленска, надеясь присоединить его к своим владениям. Однако боярское правительство в Москве и на этот раз поверило королю и продолжало убеждать сограждан хранить верность присяге, данной Владиславу.

Каковы же были истинные планы Сигизмунда относительно Русского государства? О них можно узнать из его переписки с римским папой и европейскими монархами, которую он вел в 1611-1612 гг., чтобы объяснить свое присутствие в соседнем государстве.

В одном из своих первых писем этого времени к испанскому королю Сигизмунд заявлял, что имеет все права на российскую корону и из оставшихся в живых родственников прежних русских монархов только он может считаться законным наследником. Польского короля не смущало, что его линия родства начиналась в далеком прошлом, во времена великого князя литовского Ягайло, и шла по женской линии[11]. В Русском же государстве было великое множество прямых потомков Рюрика, т.е. князей Ярославских, Ростовских, Одоевских, Суздальских и прочих, которые в этом отношении имели существенно больше прав на московский престол.

В это же время в письме иезуитам польский король называл настоящую цель своего похода па Русь – распространение истинной католической веры среди «диких и нечестивых северных народов»[12].

Летом 1611 г. Смоленск, измученный долгой осадой, был захвачен поляками. Город почти некому было защищать, поскольку гарнизон уменьшился в 10 раз, к тому же оставшиеся воины были ослаблены голодом и болезнями. Однако в письмах своим европейским адресатом Сигизмунд представил взятие Смоленска как необычайно значимую победу. Римскому папе Сигизмунд писал следующее: «Война мною предпринята для искоренения ересей и расколов, для безопасности и защиты своего государства. Все предпринятое сделано на пользу святой католической церкви»[13]. Ни слова не сообщалось в них о договоре с русскими боярами, об обещании дать на российский престол сына, об обязательствах беречь и сохра-

нять православную веру. Напротив, король заверял папу, что будет вводить католичество на всей территории своих владений[14].

Вполне вероятно, что захватом Смоленска Сигизмунд не собирался ограничиваться. Ослабленное Русское государство представлялось ему легкой добычей. Но европейскую общественность следовало убедить в законности и обоснованности его агрессивных устремлений относительно суверенного государства. Поэтому в марте 1612 г. испанскому королю Филиппу он писал, что предпринял справедливую войну против наследственных врагов своего королевства и силой оружия стремится утвердить законные права своих предков. Цель его – не расширение границ своих владений, а «распространение истинной католической веры среди диких варварских народов, врагов всего христианского мира и еретиков»[15].

Король не жалел ярких красок, чтобы представить русских людей грубыми дикарями, чуждыми идей христианства, не имеющими ни малейшего представления о вере. Поэтому свои действия в Московии он сравнивал с походами испанцев в Африку и Америку. По его мнению, русские люди были подобны африканским племенам и американским индейцам, находившимися на ранних стадиях развития и далеким от христианской веры и европейской цивилизации. Более того, он даже объявлял их врагами всего христианского мира, а православие называл еретическим заблуждением или даже безверием[16].

В далекой Испании, не имевшей ни торговых, ни дипломатических контактов с Россией, все эти измышления вполне могли быть приняты на веру. Таким образом, Сигизмунд в лице испанского короля Филиппа получал союзника во всех своих происках против Русского государства. Несомненно, что поддерживали его и папа римский, и иезуиты.

Летом 1612 г. польский король еще надеялся на полный успех в России. В письме к турецкому султану он писал, что «счастливо закончил дела в Московии, покорил всех неприятелей, далеко распространил пределы своих владений и принял весь русский народ в свое подданство, хотя и остаются трудности для полного усмирения непокорных»[17].

Боярское правительство в Москве, очевидно, даже не подозревало о том, как расценивал Сигизмунд итоги своей деятельности в России, поэтому сохраняло верность присяге, данной Владиславу. Только патриоты Первого и Второго ополчения поняли, что польский король – враг их Отечества и вступили с ним и с его союзниками в ожесточенную борьбу. С апреля 1611 г. польский гарнизон находился в осаде, сфера его влияния постоянно сужалась. Окры-

ленный взятием Смоленска Сигизмунд явно недооценил силы ополченцев и полагал, что отправленный к Москве гетман Ходкевич с легкостью расправится с ними и снимет осаду Китай-города и Кремля. Но он просчитался. В августе 1612 г. войско гетмана было отброшено назад объединенными полками Д.Т.Трубецкого и Д.М.Пожарского. Это окончательно решило участь осажденных поляков, а значит, и польского правления в Москве.

Но Сигизмунд все еще не хотел признавать поражение. В августе 1612 г. он отправил в Испанию посла С.Грушецкого, которому следовало в ярких красках рассказать о военных успехах своего государя, а также о России и ее истории в интерпретации польского короля. Чтобы подчеркнуть важность завоеваний, сообщалось, что Русское государство — обширнейшая страна, населенная народами, родственными полякам по языку и происхождению. Однако, по мнению короля, русский народ, хотя и называл себя христианским, но всегда был чужд образованности и кротости нравов; представители его — «зверские и невежественные, напитанные греческою верою или, лучше сказать, суеверием»[18]. Столь отрицательное отношение к православию свидетельствовало о том, что вряд ли польский король стал бы заботиться о русских церквях и духовенстве в случае успеха. Скорее всего, страну ждало насильственное окатоличивание.

По утверждению Сигизмунда, у России никогда не было достойных правителей, все они стремились лишь к тому, чтобы безнаказанно пользоваться своей безграничной властью. В течение 600 лет они вели тяжелые и продолжительные войны с предками польских королей, хотя и были связаны с ними родственными узами. «Будучи часто побеждаемы и разбиваемы, никогда не могли примириться, ибо этот народ, преданный расколу, преследовал латинцев, то есть католиков, по какой-то врожденной ненависти»[19].

Данная характеристика должна была убедить испанцев в том, что и русские люди, и их государи были жестокими, воинственными, чуждыми культуры и образованности существами, которых следовало силой оружия усмирить и поставить «на путь истины», т.е. подчинить польскому королю, поборнику и распространителю католицизма.

Переписывая историю Русского государства, Сигизмунд утверждал, что оно возникло из неизвестности, как бы внезапно, и сразу стало в тягость своим соседям. Многовековая история Киевской Руси им полностью игнорировалась, поскольку корней Московского государства он в ней не видел. Король настоятельно повторял, что после смерти бездетного царя Федора только он, как потомок Ягайло, имел право на московский престол, а Борис Годунов,

Лжедмитрий и Василий Шуйский были лишь узурпаторами и недостойными людьми[20].

Оправдывая свои военные действия против Русского государства, король заявлял, что хотел лишь восстановить свое законное право на наследие предков «отрасли Ягайловой». Силой оружия ему удалось не только вернуть свои собственные владения, отнятые хитростью, и отомстить за недавние обиды, но и разбить войско В.И.Шуйского, свести его с престола, захватить в плен и оккупировать столицу государства[21].

Сигизмунд умолчал, что Смоленск был взят когда-то великим князем Василием III в ходе военных сражений, а не хитростью, что царя Василия Шуйского свели с престола его подданные, обманутые им самим, что бояре впустили польский гарнизон в Москву добровольно, поверив его лживым обещаниям.

После поражения гетмана Ходкевича под Москвой в августе 1612 г. тон писем Сигизмунда европейским адресатам несколько изменился. Он уже был вынужден объяснять, почему его, казалось бы, явный успех вдруг обернулся провалом. В этом, по его мнению, были виноваты слишком обширные просторы Русского государства, не позволявшие полякам контролировать всю территорию, и склонность к вероломству и обману русских людей[22]. Себя польский король обманщиком не считал. В письме к Римскому папе он даже заявлял, что «с народом, чуждым католичества, нужно действовать не только оружием, но также хитростью и видимостью соглашения»[23]. Получалось, что договоры от 4 февраля 1610 г. и от 17 августа того же года были лишь обманом со стороны Сигизмунда, призванным притупить бдительность русских людей и замаскировать его истинные цели – присоединить к своей короне ослабленное государство, искоренить в нем православие и древние национальные устои и навести свои порядки.

Осенью 1612 г., видя, что собственными силами уже не захватить Русское государство, польский король начал искать союзников и помощников. Одним из них, по его мнению, мог стать римский папа Павел V. В письме к нему Сигизмунд решил со всей обстоятельностью обосновать свои права на московскую корону, сделав экскурс в древнейшую историю. Он написал, что великая история Польши и ее королей ведет начало от племени сарматов, которое владело огромной территорией, включая славянские колонии. Славяне тогда были польскими рабами, поэтому и сейчас должны подчиняться польской короне. Объясняя военные действия против соседней страны, он заявлял, что ставил сразу несколько целей: вернуть свои земли, обманным путем отторгнутые 100 лет назад,

утвердить христианство среди варваров и создать оковы для Турции, соединившись с Персией через русскую территорию. Для этих великих задач, писал король, он готов подвергать опасности и себя, и сына. Однако собственных сил у него мало, поэтому он просил у папы денег[24]. Сходное письмо было отправлено и к австрийскому императору, у которого король просил войска.

Но помощь Сигизмунду не пришла. Вместе с сыном и небольшим отрядом он попытался было пробиться к Москве, чтобы занять свой якобы наследственный престол, но уже у Иосифо-Волоколамского монастыря встретил мощный отпор со стороны ополченцев и был вынужден в спешном порядке повернуть назад. На этом его собственный поход на Москву закончился. Правда, в 1617/18 гг. его сын Владислав вознамерился силой оружия завладеть московским престолом, на котором с 1613 г. сидел царь Михаил Федорович, но и на этот раз русские люди не позволили ему это сделать. Ни с чем королевич вернулся домой.

Следует отметить, что лживые обещания польского короля убеждали далеко не всех. Патриарх Гермоген с самого начала был категорически против избрания на престол Владислава. Он просил бояр собрать Земский собор и выбрать достойного кандидата из древних русских родов. Но под давлением обстоятельств был вынужден согласиться с боярской верхушкой и одобрить договор от 17 августа 1610 г.

Узнав, что Сигизмунд категорически против принятия Владиславом православия, Гермоген тут же заподозрил обман: царь-католик не мог быть покровителем православия. Сведения, приходившие от смоленского воеводы М.Б.Шеина, имевшего разветвленную разведывательную сеть в Польше, и от смоленских послов, еще больше подкрепили подозрения. Гермоген стал рассылать по городам грамоты с призывом бороться с поляками за Веру, Отечество и за святой образ Владимирской Богоматери. Его призыв услышали многие патриоты во главе с Прокопием Ляпуновым, Кузьмой Мининым, Дмитрием Пожарским. В итоге поляки были изгнаны из столицы и других русских городов (кроме Смоленска). Все далеко идущие планы Сигизмунда оказались навсегда похороненными.

---

1 *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. III. М., 1937. С. 42-43; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 232-293.

2 Акты времен междуцарствия. М., 1915. С. 152.

3 Сборник П.Муханова. М., 1856.

4 Акты исторические. СПб., 1841. Т. 2. С. 172.

5 Там же. С. 230-233.
6 Там же. С. 230, 241, 272-273.
7 *Соловьев С.М.* Соч. Кн. IV М., 1989. С. 537.
8 *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 293.
9 *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 45-46.
10 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 570.
11 Акты времен междуцарствия... С. 153.
12 Там же. С. 108-109.
13 Там же. С. 110-111.
14 Там же. С. 117.
15 Там же. С. 139.
16 Там же. С. 132.
17 Там же. С. 174.
18 Там же. С. 149-150.
19 Там же. С. 151.
20 Там же. С. 152.
21 Там же. С. 152-153.
22 Там же. С. 153.
23 Там же. С. 168.
24 Там же. С. 189.

Шамин С.М.

ИНОСТРАННАЯ ПРЕССА О БОРЬБЕ РОССИИ И ТУРЦИИ ЗА УКРАИНУ В 1676-1681 ГОДАХ. (По материалам курантов)

В ночь с 29 на 30 января 1676 г. умер царь Алексей Михайлович. На престол взошел пятнадцатилетний Федор Алексеевич. Новое царствование началось в то время, когда ситуация на границах России особенно осложнилась. Еще в 1669 г. гетман правобережной Украины Петр Дорошенко, желая сохранить ее независимость, решил стать подданным турецкого султана. Западная Украина оказалась частью Османской империи. Это привело к заключению союза между Россией и Польшей против Турции. Союзники еще совсем недавно встречались на поле боя, и теперь между ними был не мир, а только перемирие. Они не доверяли друг другу и не координировали своих действий против турок. В 1676 г. основная тяжесть борьбы с османами легла на Польшу. Речь Посполитая все ближе подходила к поражению. К осени стало понятно, что Польша войну проиграла и Украина попадет в руки турок. В этом положении русское правительство твердо решило занять Чигирин, столицу Правобережной Украины. Перед лицом российской армии во главе с Григорием Ромодановским Дорошенко отдался на милость русского царя. 20 сентября в Чигирин вступили московские войска.

Последовавшая за этими событиями война с турками оказалась для России тяжелейшим испытанием. Встает вопрос, была ли она двухсторонним делом Москвы и Константинополя или событием более широкого значения. Анализ степени заинтересованности иностранной прессы борьбой между Россией и Турцией за Чигирин позволяет нам ответить на него.

Следует подробнее остановиться на использованных нами источниках. В 1665 г. предприимчивый голландец Ян ван Свиден по договору с приказом Тайных дел организовал первую в России почту между Москвой и Ригой. Позднее появилась вторая, Виленская почта[1]. Доставлявшиеся через них в Посольский приказ иностранные газеты (куранты) хранятся в РГАДА. Их подробный перечень опубликован[2]. В подавляющем большинстве они доставлялись из немецких и голландских земель.

При нормальной работе и Рижской, и Виленской почт газеты привозили по два раза в неделю, что составляло 8-10 комплектов

газет в разные месяцы. Однако фактическое их количество было меньшим. В среднем, за 1 месяц в 1676-1677 гг. приходило 7,3 почты, за аналогичный период в 1678-1679 гг. – 6,9, а в 1680-1681 гг. – 5 почт с курантами. Как видно, в 1680-1681 гг. куранты стали доставляться реже. Впрочем, на объеме информации это отразилось не так заметно, просто теперь в одной почте приходило больше газет.

По наблюдениям Е.И.Кобзаревой, в 1660-х и 1690-х гг. в русские тексты курантов включалось около 20% информации, содержащейся в европейских газетах. Статьи переводились довольно точно. Автор также отметил, что сообщения европейской прессы о России вызывали в Посольском приказе исключительный интерес и отбирались особенно полно[3]. Эти выводы позволяют использовать для анализа интересующей нас информации не иностранные подлинники, а их русские переводы, которые составлялись в приказе, что значительно упрощает работу с источниками.

Нами использованы переводы курантов за 1676-1681 гг. Они находятся в 155 фонде РГАДА. Сохранились тексты за сентябрь-декабрь 1676 г., март-декабрь 1677 г., сентябрь 1678 – август 1679 г., сентябрь 1680 – февраль 1681 г. и отдельные почты за ноябрь 1679, май и июнь 1681 г. Ноябрьские 1679, майские и июньские 1681 г. куранты до комплектования 155-го фонда хранились отдельно, остальные, до их расклейки в начале XIX в., были свернуты в полугодовых столбцах. Эти отдельные почты, сохранившиеся вне столбцов, содержат большое количество сведений о борьбе за Чигирин. Очевидно, кем-то составлялись специальные подборки, касающиеся данной темы.

Приведенные факты показывают, что из переводов курантов второй половины 1676 – первой половины 1681 г. до нас дошло примерно две трети текстов и, следовательно, примерно такой же процент отобранных для них сообщений европейской прессы. Для известий о войне за Чигирин (учитывая наличие специально выбранных почт, посвященных борьбе с Турцией, и хорошую сохранность переводов за самые острые периоды боевых действий) соотношение должно быть более благоприятным. Сохранившихся материалов вполне достаточно для определения степени заинтересованности европейской прессы ходом войны между Россией и Турцией.

В первую очередь перед нами стоит задача оценить общий объем оказавшихся на страницах немецкой и голландской прессы сведений о русско-турецком конфликте. Всего с октября 1676 г., времени появления первой информации о занятии Чигирина русскими войсками, до мая 1681 г., начала распространения вестей о за-

ключении русско-турецкого мира, отмечено 144 сообщения. Однако хронологически они располагаются весьма неравномерно.

Как правило, поток корреспонденций нарастает волнообразно, по мере обострения ситуации. Занятие русскими войсками Чигирина в конце сентября 1676 г. отозвалось в европейских газетах тремя сообщениями, датированными октябрем-ноябрем. Только с марта 1677 г. в прессе появляются первые публикации о подготовке России и Турции к войне. Количество сообщений о боевых действиях 1677 г. достигло своего пика в октябре (9), когда максимально широко разлетелась весть об августовской победе русских войск над турками. В ноябре уже начинается некоторый спад интереса к событиям на Украине. К сожалению, его не удалось проследить из-за отсутствия переводов с января по сентябрь 1678 г.

Наибольшей остроты война достигла в 1678 г. Указанная выше лакуна в источниках не дает возможности отследить, как нарастал в Европе интерес к происходящему в Правобережной Украине. Сохранившиеся сообщения начинаются с августа месяца. В это время европейские газеты писали об осаде и взятии Чигирина (июль-август 1678 г.) Прежде всего бросается в глаза улучшение оперативности доставки информации по сравнению с предыдущим годом. Ее объем также значительно вырос. В августе отмечено 20 сообщений – более чем в два раза больше, чем публикаций октября 1677 г. Сами тексты значительно увеличились в объеме и содержали массу подробностей, которых не было в прошлогодних сообщениях. Появились даже сведения непосредственно из турецкого лагеря под Чигириным. Обычно газеты удостаивали такого внимания только крупные европейские войны.

После первых известий о поражении России интерес к событиям в междуречье Днепра и Днестра быстро начинает спадать. Уже в сентябре корреспонденций было 9, а в декабре и январе – ни одной. С этого момента, до подписания мира между Россией и Турцией, количество сообщений резко снижается. Периодически публикации вообще прекращаются. Некоторый подъем внимания можно отметить только в марте-апреле 1679 г. (время активизации боевых действий Москвы против татар и казаков Юрия Хмельницкого – 13 публикаций) и апреле-мае 1681 г. (заключение русско-турецкого мира – 10 сообщений).

Проанализировав поступавшие в наибольшем количестве тексты с известиями о победе над турками в 1677 г. и о поражении в 1678 г., можно представить, с какой скоростью информация о борьбе за Чигирин распространялась по Европе. 29 августа 1677 г. по старому стилю (8 сентября по новому) турецкая армия отошла

из под Чигирина, а уже 12 сентября в Белую Церковь приехал сотник с листом, рассказывающим о победе русских. Сообщение из Вены об этом событии датировано 17 октября, из Гданьска 19 октября, из Амстердама 25 октября. Таким образом, информация начала распространяться на четвертый день и через сорок семь суток облетела всю Европу. Новость о взятии Чигирина турками в 1678 г. (11 августа по старому стилю) распространялась следующим образом: первое сообщение об этом событии из Белой Церкви помечено 17 августа (вероятно, ошибка), второе – 1 сентября. Из Корсуни об этом писали 29 августа, из Кракова – 13 сентября, из Венеции – 16 сентября, из Вены – 20 сентября. Таким образом, наиболее позднее сообщение (из Вены) появилось спустя 30 дней после события, хотя различные газеты могли еще долго перепечатывать его с прежней датой. Если сравнивать венские сообщения 1677 и 1678 гг., то получается, что во втором случае известия пришли на девять дней раньше. Это еще раз подтверждает, что в 1678 г. европейские газеты гораздо внимательнее следили за событиями под Чигириным, чем в предыдущем.

Судя по всему, европейская пресса уделяла борьбе России и Турции достаточно серьезное внимание. Особенно пристальным оно было в те периоды, когда турки сосредотачивали против России большую часть своих войск, что оказывало влияние на баланс сил в Европе.

Как уже говорилось, подавляющая часть присылаемых в Посольский приказ газет – немецкие и голландские. Однако особенности структуры газетных статей того времени дают нам возможность гораздо более подробно выяснить, какие именно государства и в связи с чем испытывали наибольший интерес к борьбе за западную Украину. Дело в том, что газеты первоначально возникли из писем, которые представляли интерес для широкого круга людей. Почтмейстеры договаривались с контрагентами о присылке таких писем, печатали их подборки и распространяли среди желающих. Поэтому в XVII в. в газете перед каждым сообщением указывалось, откуда оно прислано и какого числа отправлено (дата описываемого события часто вообще не называлась). В результате заголовки статей дают точные и подробные сведения о путях распространения информации. Кроме того, если помещение статьи в газете свидетельствует о пассивном интересе наблюдателя к данному событию, то составление информационного текста указывает на большее внимание к происходящему.

51,4% перечисленных сообщений имеют польское происхождение. Среди них из Львова – 32, из Варшавы – 12, из Белой Церк-

ви – 10, из Гданьска – 9, по 2 из Кракова и из Яворова и по 1 из Вильно, Корсуня, Навгаузена, Сялы и Трембовля.

Военные действия проходили на территории, которая еще совсем недавно принадлежала Польше. Дозорщики из пограничных городов вели постоянное наблюдение за ходом военных действий. В наибольшей мере это касается Белой Церкви, ближе всего расположенной к Чигирину. Среди десяти сообщений составленных в Белой Церкви, для четырех Чигирин прямо указывается как источник получения информации. Из способов ее доставки упоминаются донесение дозорщиков и рассказ полковника русской армии, «выбежавшего» из Чигирина после его взятия турками. Содержание сообщений ограничивается описаниями боевых действий под Чигириным и продолжившейся после его разрушения борьбы московских войск с татарами и поддерживающими Юрия Хмельницкого казаками. Только в 1677 г. из Белой Церкви приходят новости о подготовке к войне русских и турецких войск и их сосредоточении у границ. Количество белоцерковских корреспонденций за отдельные годы четко отражает степень накала боевых действий на Украине. Первое сообщение приходится на 1676 г., максимум (44,4%) на 1678 г. а последнее относится к 1680 г.

Наибольшее количество известий (32) получены составителями газет из Львова. Этот город, был центром обороны всей юго-восточной Польши. Здесь собирались войска и располагалась ставка гетмана. Сюда стекалась информация из пограничных городов и сопредельных государств. Источниками для львовских корреспондентов были окраинные Белая Церковь (четырежды) и Трембовль, Рашков, Немиров; находящиеся под властью турок Яссы и Каменец Подольский; бежавшие от турок невольники, «московские люди», оборонявшие Чигирин, и польский резидент в Москве. Сведения, приходящие из Львова, были весьма разнообразны – военные действия по обе стороны Днепра, передвижения русских и турецких войск; состав и время их сосредоточения на границах (соответственно в Киеве и на Дунае), проезд русского гонца в Царьград и турецкого посла в Москву, посещение Юрия Хмельницкого крымским послом; внутренняя ситуация на Украине, поведение Хмельницкого в подвластных ему землях и отношение к нему жителей Правобережья. Распределение корреспонденций по годам близко к тому, что мы видели на примере известий из Белой Церкви. Однако есть и некоторые отличия. Пики приходятся на 1677 г. (28,1%, первая осада Чигирина) и 1679 г. (34,3%, боевые действия против Юрия Хмельницкого и татар). В 1678 г. виден некоторый спад количества сообщений (всего 15,6%). Это явление

вполне закономерно, поскольку, как уже говорилось раньше, в 1678 г. европейская пресса испытывала особый интерес к происходящему под Чигириным, и сообщения поставлялись непосредственно с мест боевых действий, о чем свидетельствует резкое увеличение объема сведений из Белой Церкви.

Столичная Варшава информации поставляла несколько меньше. В курантах зафиксировано всего 12 сообщений. В числе их источников названы Белая Церковь, Львов и Азов. Ярко видна специфика содержания. Здесь писали о самых важных моментах боевых действий – занятии Чигирина русскими войсками, начале войны с турками, и т.д. Особое внимание уделяли крупным международным политическим событиям, связанным с русско-турецкой войной – пожалованию султаном Юрию Хмельницкому титула Сарматского князя и назначению его на место Петра Дорошенко, желанию султана помириться с Москвой, реакции русского правительства на слухи о желании Польши заключить с Турцией союз против России. Некоторые сообщения, очевидно, являлись политической дезинформацией, целью которой было достижение определенных политических выгод. Например, когда в конце 1680 г. готовился мир между Россией и Турцией, из Варшавы сообщали, что турки укрепляют против Москвы Каменец Подольский (7 декабря 1680 г.), и что Россия с Польшей заключили союз против Турции. Эти действия были направлены на то, чтобы сорвать мирный договор между Москвой и Константинополем. Распространение дезинформации через прессу не было единичным фактом в русско-польских отношениях. Как отмечал А.П.Богданов, аналогичным способом действовали поляки во время походов В.В.Голицина на Крым[4].

Указанная специфика сообщений из польской столицы четко отражается в их хронологическом распределении. Наибольшее количество известий из Варшавы приходится на начало военного столкновения между Россией и Турцией (май-июль 1677 г., 41,6%) и заключение мира между ними (август 1680 – апрель 1681 г., 33,3%).

Сообщения из Белой Церкви, Львова и Варшавы выявляют три этапа распространения по Польше информации от мест событий. Первый – оперативные сведения из пограничных городов, второй – их обобщение во Львове, главном опорном пункте Польши на Украине, и третий – отбор в столице материалов, важных для судьбы всего государства. Наблюдения за хронологией сообщений подтверждают наши выводы. Весть о переходе Чигирина в руки Москвы датирована в сообщении из Белой церкви 2 октября (новый стиль), из Львова 20 октября, а из Варшавы 25 ноября. При сопоставлении времени, которым помечена корреспонденция, с

датой ее получения в Москве через немецкие и голландские газеты, получается, что в 1676-1679 гг. в Посольский приказ из Белой Церкви сообщения приходили, в среднем, за 54 дня, из Львова за 39 дней, из Варшавы за 28 дней. В 1680-1681 гг. сроки доставки увеличились из-за плохой работы почты. Если сравнить сроки появления в Посольском приказе сообщений из Варшавы и среднее время доставки в Москву ближайшей к ней кенигсбергской газеты за 1676 г. (21-22 дня)[5], то получается, что между составлением текста в Варшаве и выходом газеты, для которой он мог предназначаться, проходило не больше недели.

Относительно крупная группа польских корреспонденций (9 сообщений, то есть чуть более 12% от всех польских) помечена Гданьском. Этот город был центром польской торговли со всеми государствами прибалтийского региона, через него проходила русская корреспонденция в европейские страны. Почтмейстер Вернер Штурм вел из Гданьска переписку с московским почтмейстером Андреем Виниусом. Эти факторы делали Гданьск крупнейшим каналом поставки информации из Польши и России в государства Северной Европы.

В сообщениях, приходивших отсюда, аккумулировались значимые для европейских стран сведения. Среди них – известия о начале русско-турецкой войны, отправке русских войск от шведской границы к Киеву, победе русских в 1677 г., отказе Москвы от борьбы за Чигирин, переговорах между Россией и Польшей. Из Гданьска также присылали новости о желании России заключить мир с Турцией в 1679 г., увеличении претензий Турции к Польше при размежевании земель, отходивших к Турции по Журавскому миру, и надеждах поляков на союз с Россией против Турции. Отсюда же распространялись известия о заключении русско-турецкого мира и дезинформация о союзе против турок между Москвой и Варшавой.

Анализ информации, попадавшей в газеты через Польшу, показывает, что тут очень внимательно следили за войной между Россией и Турцией. Составленные здесь сообщения дают подробную картину всего хода борьбы. Более того, поляки пытались влиять на развитие событий, направляя в газеты ложные сведения. Иногда сам тон сообщений говорит о скрытой недоброжелательности к России и явной неприязни к Турции, что вполне понятно, поскольку русские и турки боролись за земли, которые еще недавно были основой процветания Речи Посполитой.

23,6% сведений о борьбе между Россией и Турцией немецкая и голландская пресса получала из Венеции. Венеция была ближай-

шим соседом Турции на Средиземном море. Совсем недавно, в 1669 г., между ними закончились боевые действия, в результате которых Венеция потеряла о.Крит. Обе стороны готовились к продолжению войны.

Благодаря обширным торговым связям, Венеция могла получать сведения со всей территории Османской империи. В сообщениях, среди источников информации, упомянуты Александрия, Крит, Смирна, Босин. Многие вести приходили непосредственно из Константинополя. В Венеции очень серьезно интересовались всеми сборами турецких войск и флота, ведь они могли быть направлены и против самой республики.

Еще 26 марта (новый стиль) 1677 г. из Венеции писали о том, что султан на Крите собирает войска против Москвы. В том же году последовали сообщения о вызове на Дунай против России македонских, греческих, а затем и босинских войск (последние, в прочем, частично разбежались, не дойдя до мест боевых действий). Говорилось и о том, что турецкий флот разбило на море штормом, после чего он вернулся в Константинополь.

Куранты за первую половину 1678 г. не сохранились. Венецианские корреспонденции говорят уже о дополнительном наборе войск в самый напряженный момент осады Чигирина. Они показывают чрезвычайно тяжелое положение турецкой армии. Из военного лагеря на границе венгерской земли писали о нежелании турецких солдат воевать и о панике, вызванной ударом молнии. Из Смирны венецианские корабли привезли весть, что султану из-за сильной эпидемии не удается набрать здесь войска, на котóрые он рассчитывал. Сообщалось так же о драках в турецком лагере между янычарами и спагами, о том, что эпидемия не дает возможности направить турецкий флот для борьбы с казаками. Последний раз подготовка войск, которые могли бы быть направлены против Москвы, фиксируется в сообщении от 26 ноября 1678 г.[6]

Описание боевых действий занимает в данной группе известий очень небольшое место. Фиксируются только ключевые моменты борьбы между Россией и Турцией – начало похода на Чигирин в 1677 г., взятие Чигирина в 1678 г., какая-то «великая победа московских» над турками (3 февраля 1679 г.), успехи казаков на Черном море и штурм крепости св.Екатерины. Чуть больше внимания уделяется потерям турецких войск в результате войны с Россией. «Московские побили пятьдесят тысяч турок и четыре паши... Турки праздновали победу над московскими, однако те опять многих порубили, чем радость поуняли»[7]. Неоднократно говорится о больших потерях турок и их нежелании воевать с русскими.

Внимательнее венецианцы относились к политическим событиям. Они еще 13 марта 1677 г. писали, что в Константинополе два сына Петра Дорошенко просят султана вызволить их отца из Москвы. Позже они сообщали, что турками выпущен некий гетман (Юрий Хмельницкий), который должен действовать против Дорошенко. В корреспонденциях 1678 г. говорилось, что крымскому хану было приказано идти на помощь турецким войскам под угрозой смертной казни. О поляках сообщалось, что у них с турками мир и они не поддержат Россию. Писали так же о возвращении визиря к султану в Силистрию и воздании ему почестей, о праздновании турками победы над Москвой, о том, что московский царь склоняет персидского шаха к войне с Турцией. Уже 10 февраля 1679 г. из Венеции сообщалось, что турки хотят заключить мир, оставить степную Украину и обратить оружие против более близких венгерских земель. В октябре того же года венецианские корреспонденции отметили прибытие в Константинополь крымского посла, а в декабре следующего года – московского посланника для заключения мира.

В апреле 1681 г. вновь наблюдается повышенный интерес Венеции к политическим событиям, связанным с русско-турецкой войной, что проявилось сразу в четырех противоречивых известиях. В первом случае говорится, что турки хотят идти на Москву войной, хотя и заключили с ней мир, но боятся Польши. Второе известие передает, что у турок с Москвой мир и они хотят идти воевать с цесарем. В третьем сами венецианцы выражают недоумение противоречивыми сведениями из Польши о союзе с Россией против Турции и из самой Турции о мире с Москвой. Наконец, последняя новость этого месяца гласит, что союз Москвы и Польши смутил турок. Очевидно, что подобная путаница вызвана шедшей из Польши дезинформацией. Последняя венецианская корреспонденция, касающаяся рассматриваемого вопроса, содержит информацию о том, что турки, несмотря на мир с Москвой и Польшей, все-таки готовят войска[8].

Если сравнивать временные рамки появления венецианских известий о войне России и Турции с особенностями поступления польских корреспонденций, то обнаруживаются существенные отличия. Если из Польши сведения, хотя и с разной интенсивностью, поступали на протяжении всего конфликта довольно регулярно, то 78,1% сведений из Венеции относятся к периоду походов турок на Чигирин. Они появлялись с марта 1677 по февраль 1679 г. Еще 15,6% датируются апрелем – началом мая 1681 г., временем заключения мира между Турцией и Россией.

Судя по всему, Венеция, не имевшая претензий на украинские земли, интересовалась тем, какие силы Турции отвлечены на борьбу с Россией и насколько утратили боеспособность участвовавшие в ней турецкие войска. Очень внимательно следили здесь и за политическими событиями, которые глубже втягивали Турцию в украинские дела, или, наоборот, развязывали ей руки. Отношение к успехам Москвы в Венеции было иным, чем в Польше. Сообщение о начале турецкого похода на Чигирин венецианский корреспондент заключает фразой: «Подай боже христианам победу»[9]. Каждый успех русского оружия старательно подчеркивается.

Третьим по значимости поставщиком информации о войне России и Турции для немецких и голландских газет была Вена. Цесарская столица давала 11,8% всех известий. Империя заключила мир с Турцией только в 1664 г., а в 1675 г. подписала договор с Россией, по которому цесарь обязался выступить против Турции сразу, как только закончится война в Европе. К конфликту с турками Империю подталкивали и ее внутренние проблемы. Венгры, чьи земли входили в состав цесарской державы, хотели получить самостоятельность. Желавшая ослабить Империю Франция посылала им финансовую и военную помощь. Турция, имея свои планы на эти территории, также поддерживала венгерский сепаратизм (об этом постоянно писали европейские газеты). Постепенно здесь сложилась ситуация, близкая к той, которую мы наблюдали на польской Украине. Роль Дорошенко там играл Текели и другие лидеры повстанческого движения. Конфликт между Священной Римской и Османской империями казался неизбежным. Однако Вена, которая вела тяжелую борьбу с Францией и Швецией, была к ней не готова и пыталась с помощью России отсрочить решающее столкновение.

Все это делало венских корреспондентов особенно внимательными к интересующим нас событиям. Информация приходила сюда через Польшу, Семиградье, Константинополь, а то и прямо от турецкого двора. В Вене, также как и в Венеции, событиями русско-турецкой войны интересовались только тогда, когда на Украину оттягивались значительные турецкие силы. 65% сообщений из Вены относятся ко времени Чигиринских кампаний 1677 и 1678 гг. и 29% – к марту-маю 1679 г. (в цесарской столице ожидали начало третьего похода турецких войск на Украину).

О самих военных действиях из Вены, так же как из Варшавы и Венеции, поступали только самые общие сведения. В 1677 г. оттуда писали о начале войны и победе русских над Турцией. В 1678 г. – о сильном беспокойстве великого визиря по поводу того, что к нему из Азии прибыло только 16 тыс. чел. вместо ожидаемых 30 тыс. Со-

общалось, что несколько его дворовых людей бежали к русским и передали им все сведения о составе и организации турецких войск, что визирь из-за эпидемии не получает подкреплений и, наконец, что Чигирин турки взяли с большими потерями. В следующем, 1679 г., через Вену прошли известия об отправке войск визиря на Украину и подготовке в Царьграде флота для борьбы с казаками на Черном море.

Спецификой венских корреспонденций было серьезное внимание к тому, как борьба России и Турции отражалась на положении дел в Семиградской и Венгерской землях. 26,6% сообщений затрагивали эту тему. В них содержится информация о том, что турецкий султан приказал Семиградскому князю не помогать венграм, а отправить войска в Волошскую землю на соединение с турками против Москвы. В 1679 г., когда накал борьбы между Россией и Турцией ослабел, из Вены писали, что венгерские бунтовщики с нетерпением ожидают примирения турок с русскими и поляками, рассчитывая на турецкую помощь. В мае 1679 г. из Вены пришло последнее сообщение, касающееся русско-турецкой войны. От Семиградья сюда прислали весть, что турецкий султан хочет заключить мир с Москвой и внезапно напасть на Венгрию[10].

Возможно, что именно желанием испугать венгерских бунтовщиков объясняется явно не соответствующая истине статья от 20 августа 1678 г., где говорится, что русские, узнав о море в турецких землях, решили не отдавать туркам Украину, а разделили войска на две части и одну из них направили в молдавскую землю. Такое сообщение могло быть рассчитано только на людей, совершенно не ориентирующихся в ситуации на Украине.

В целом, при равной заинтересованности в происходящих событиях, в Вене меньше, чем в Венеции, писали о войне за Правобережную Украину. Это объясняется тяжелым положением империи на других фронтах. Так же, как и в Венеции, здесь с надеждой ожидали вестей об успехах русских войск.

Некоторое удивление вызывает появление известий о войне России и Турции из городов, находящихся на самом западе Европы (по две корреспонденции из Амстердама и Гамбурга). В двух сообщениях (Амстердам, 25 октября 1677 г. и Гамбург, 19 августа 1678 г.) рассказывается о крупных победах над турками. Еще одно (Амстердам, 29 сентября 1677 г.) – о направлении «ко всем государям» посольства, возглавленного подьячим Гаврилом Федоровым, с предложениями о мире и союзе против Турции. Последнее (Гамбург, 3 января 1681 г.) – о продолжении конфликта между Россией и Турцией и переговорах между русскими и поляками по поводу союза

против турок. Очевидно, эти события могли оказать наибольшее влияние на соотношение сил в Европе. Фактически это оказалось верным только в отношении победы 1677 г., заставившей турок на следующий год собрать против России все свои силы. Посольство не увенчалось успехом, победа, о которой говорилось в 1678 г., была временной, а союза с поляками так и не заключили. Источниками для амстердамских известий названы Москва и Львов, а гамбургского – Гданьск.

Корреспонденций из столиц государств – непосредственных участников войны, было очень немного. Восемь пришло из Москвы (одно московское сообщение повторено в Новгороде) и два из Константинополя. Во всех случаях авторы текстов отражали официальную точку зрения своих правительства на происходящие события. Часто информация передается в них от первого лица, а содержание показывает, что именно хотели сообщить воюющие страны о ходе конфликта.

Пять московских корреспонденций были более или менее подробными реляциями об одержанных над турками победах, а три, включая весть из Новгорода, – реакцией на публикации европейской прессы.

Как уже говорилось выше, в 1675 г. между Россией и Священной Римской империей был заключен союз. По договору Россия обязывалась сосредоточить войска на границе со Швецией, чтобы заставить ее пойти на подписание мира с цесарем[11]. Лето 1676 г. было очень неудачным для шведов. Они терпели поражения на всех фронтах и могли вообще потерять все земли на южном берегу Балтийского моря. Карельская, Ижорская и Финская земли оказались практически незащищенными от вторжения сконцентрированных на границах русских войск. Швеция изо всех сил старалась на посольских съездах разрешить конфликт мирными средствами. Совсем иная ситуация сложилась весной 1679 г. Шведы смогли поправить свое положение в северных немецких землях и собрать крупные военные силы в Прибалтике. Отсюда они в равной степени угрожали Бранденбургскому курфюрсту и московским владениям. Россия же, наоборот, ожидала третьего похода турок, теперь уже прямо на Киев. В этой ситуации наличие русских войск у шведской границы могло спровоцировать чрезвычайно опасную для России войну. 15 февраля из Москвы и 19 февраля из Новгорода были посланы сообщения о том, что здесь (у шведской границы!) вооружаются против турок[12].

Близкая ситуация повторилась при заключении русско-турецкого мира весной 1681 г. Распространяемая полякам дезин-

формация о союзе России и Польши против Турции могла испортить отношения между Москвой и Константинополем. Реакция русского правительства была быстрой и однозначной. Из Москвы сообщили, что с Турцией заключен мир, посол Тяпкин поехал в Константинополь, а татарам заказано ходить на Украину, чему при царском дворе очень рады[13].

Впрочем, Россия и сама использовала прессу для достижения своих политических целей. В начале летней компании 1678 г. из Москвы писали, что переговоры между русскими и поляками практически завершены и Россия с Польшей находятся в дружбе. В этой же корреспонденции упоминалось об отправке посольства в Персию, что должно было насторожить Константинополь. Очевидно, это известие было одной из тех дипломатических мер, с помощью которых Россия весной-летом 1678 г. пыталась предотвратить военное столкновение на Украине[14].

Сообщения из Константинополя очень похожи на корреспонденции из Москвы. В одном из них турки хвастают, что «после того, как наше войско пошло против московских на рубеж, указано во всей их земле молебствовать по своему закону. И с того у нас намеряют, что будет в воинском деле большой промысел»[15]. Во втором (30 октября 1678 г.) сообщается о намерении визиря зимовать у русской границы, поскольку Чигирин не укреплен. Очевидно, турецкое командование боялось, что московские войска вновь займут брошенный город.

С.А.Модестов подчеркивает, что объем исходящего из страны информационного потока напрямую связан со степенью ее развития[16]. В конце XVII в. для рассматриваемого региона понятие «развитие» было тождественно понятию «европеизация».

На земли Западной Украины претендовали Турция, Россия и Польша. Количество передаваемых этими странами в немецкие и голландские газеты сведений четко показывает степень их интеграции в европейский мир. Пропорциональное соотношение поставляемой информации между тремя перечисленными государствами было следующим: на Польшу приходится 87%, на Россию – 10,5%, а на Турцию 2,5% сообщений. Тем не менее, европейское «лицо» Польши и ее первенство в информационных технологиях не давало ей военного преимущества.

Тема вхождения России в европейскую политическую систему в конце XVII в. неоднократно затрагивалась такими авторами, как Я.Е.Водарский, А.П.Богданов, Г.А.Санин и др.[17] Однако анализ материалов европейской прессы позволил более четко определить глубину этой интеграции. Оказалось, что в ситуации, когда подавляющее боль-

шинство европейских государств так или иначе было вовлечено в войну между Габсбургской коалицией и ее противниками, европейская пресса очень внимательно наблюдала за внешней политикой Москвы. Столь глубокий интерес к действиям русского правительства свидетельствует об их значительном воздействии на происходящие в Европе события.

Сильнее всего политическая активность России отражалась на жизни ее непосредственных соседей. Не менее значительное влияние внешняя политика русского правительства оказывала на Венецию и Священную Римскую Империю. Оттягивая на себя от этих стран удары Турции, Москва изменяла общий баланс сил в Европе.

Однако европейские государства еще не рассматривали Россию как равного политического партнера. Ее воздействие на соотношение сил воюющих сторон, при всей его значительности, не было постоянным. Сообщения иностранной прессы о России четко показывают это. Сам факт использования русским правительством газет, а не постоянных резидентов для получения оперативной информации о событиях в Европе, говорит о переходном характере всей российской системы внешнеполитических сношений.

Следует согласиться с мнением Г.А.Санина[18] о том, что, хотя к концу XVII в. Россия становится одной из ведущих политических сил на востоке и юго-востоке Европы, равноправным членом европейского концерта она еще не стала.

---

1 *Козловский И.П.* Первые почты и первые почтмейстеры в московском государстве. Варшава, 1913. Т. II. С. 60-63.

2 *Булгаков А.Я.* Ответ на библиографический вопрос // Московский телеграф. 1827. Ч. 16. № 13. С. 5-33.

3 *Кобзарева Е.И.* Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII в. Дисс. на соиск. уч. степ. канд.ист наук М., 1988. С. 201.

4 *Богданов А.П.* «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе 1687 г. – памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья М., 1982. С. 27-84.

5 РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 1.

6 Там же. 1679 г. Д. 5. Л. 54.

7 Там же. 1678 г. Д. 4. Л. 186-190.

8 Там же. 1680 г. Д. 4. Л. 225.

9 Там же. 1677 г. Д. 7. Л. 315.

10 Там же. 1679 г. Д. 5. Л. 186.

11 *Водарский Я.Е.* Русско-турецкая война 1676-1681 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 520.

12 РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Д. 5. Л. 135-136.

13 Там же. 1680 г. Д. 4. Л. 337-338.

[14] *Богданов А.П.* В тени Великого Петра... М., 1998. С. 138-140.

[15] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Д. 4. Л. 167-171.

[16] *Модестов С.А.* Информационное противоборство как фактор геополитической конкуренции. М., 1999. С. 36.

[17] *Водарский Я.Е.* Указ. соч. С. 518-52; *Богданов А.П.* В тени Великого Петра... С. 108-116; *Санин Г.А.* Внешняя политика России во второй половине XVII века // История внешней политики России. Конец XV-XVII век. М., 1999. С. 322-330.

[18] *Санин Г.А.* Заключение // История внешней политики России. Конец XV-XVII век. М., 1999. С. 411.

Губина М.В.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА РОССИИ И РУССКИХ В СОЗНАНИИ ФРАНЦУЗСКИХ СОВРЕМЕННИКОВ В 1814-1818 ГОДАХ

Крах наполеоновской империи, завершившийся вступлением союзных войск стран-участниц 6-й антинаполеоновской коалиции на территорию Франции, стал одним из самых значительных событий европейской истории начала XIX в. К сентябрю 1815 г. общая численность иностранных войск, находившихся во Франции, достигла 1 226 000 чел.[1]

Наводнение страны огромной разноязычной армией еще недавно побеждаемых противников должно было оказать значительное влияние на моральное состояние французского общества. В этих условиях, несмотря даже на усталость от войн и всеобщее желание мира, царившие в посленаполеоновской Франции, враждебный настрой населения оккупированной страны по отношению к иностранным войскам был бы все же вполне закономерным. Однако исследования, предпринятые некоторыми российскими и французскими историками, показали, что отношение французов к русским было не столь однозначным и часто носило мирный характер[2].

В июле-августе 1815 г. 250 000 русских военных находилось на территории Франции[3]. С осени 1815 по ноябрь 1818 г. русский оккупационный корпус под командованием графа М.С.Воронцова, насчитывавший около 30 тыс. чел., был размещен в северных и северо-восточных департаментах Франции[4].

Обработка фондов Национального Архива Франции (Archives Nationales de France) позволила выявить обширный корпус французских административных документов этого периода и на их основе проанализировать характер контактов французского населения с русскими военными. Источниками для данного исследования послужили такие неизученные ранее материалы, как отчеты префектов, суб-префектов департаментов и округов, мэров городов и сельских коммун оккупированных областей, а также доклады уполномоченных представителей Министерства генеральной полиции, специально направленных в те же районы для наблюдения.

Прежде всего, источники содержат информацию об обстоятельствах прихода русских войск в те или иные населенные пункты и о

реакции местных жителей на непосредственную встречу с самым мощным и самым неизвестным противником.

Эта реакция могла отражать уже сложившиеся ранее довольно прочные стереотипы. Это видно, например, по тому, что донесение о том, что «приход русских в наш городок был ужасным»[5], не сопровождалось описанием конкретных «ужасных» фактов, а даже наоборот, следовал рассказ о вполне цивилизованно прошедшем расквартировании русской части. В другом документе прямо говорится о том, что ожидания жителей, связанные с новостью о приходе русских, не подтверждались при появлении последних. Так, в поселке Като стоял полк казаков, «которые вели себя вполне достойно – вовсе не в соответствии с тем их образом жестоких варваров, который здесь так распространен»[6].

Разумеется, в период встречи французского населения с русскими в 1814-1818 гг., проходившей в условиях послевоенной оккупации, стереотип об «обычной жестокости русского солдата»[7] все же весьма часто подтверждался реальными событиями[8]. Однако, описывая сцены стычек между русскими солдатами и местным населением, французы всегда отмечают их бытовой характер, в отличие от случаев открытого проявления враждебности к представителям других союзных войск, когда поводом становились взаимные оскорбления на национальной почве[9]. В источниках четко прослеживается различие в атмосфере, царившей в районах, где стояли русские и другие союзные войска.

Кроме того, «быстрые», «справедливые» и, самое главное, «очень суровые»[10], даже «жестокие»[11], по мнению французов, наказания, принятые в русской армии, вполне обеспечивали должный порядок. Новизна этого представления о своевременности и справедливости суда в русской армии сопровождалась своеобразной реакцией французов по поводу его суровости. Разнообразные описания «жутких порций шпицрутенов всего лишь за сворованный хлеб»[12] сопровождаются выражением не только эмоций удивления и удовлетворения, но и ощущения некоторой закономерности увиденного.

Судя по всему, французы не всегда отличали ситуации осуществления правосудия от случаев произвола со стороны офицеров. И, делая в результате вывод о «безграничной власти офицеров над солдатами»[13], они еще раз убеждались в своем мнении о «варварстве» русских.

«На одной из карикатур, под названием “Северная дисциплина”... изображены русские офицеры, лично наказывающие солдат. Один из офицеров, вдвое ниже ростом, чем наказываемый им прямой и неподвижно стоящий гренадер, встал на табурет, чтобы до-

тянуться до щеки жертвы, которую он собирается отлупить. Выдержка и бесстрастие наказываемого показались бы нам совершенно невероятными, если бы в период оккупации Парижа союзниками они не демонстрировали бы нам ежедневные спектакли подобных странных наказаний»[14].

Возвращаясь к конфликтам между французами и русскими, надо отметить, что самым распространенным поводом к ним было «воровство, которое особенно причиняло страдания жителям»[15]. Французские современники полагали, что у этого явления было две причины.

Во-первых, по их мнению, корень проблемы крылся в «природной склонности русского к воровству»[16]. Такое объяснение, найденное французами, а также некоторая снисходительность тона описания самих конфликтных ситуаций свидетельствуют об убежденности побежденных в собственном превосходстве над победителями.

Во-вторых, французские власти обнаружили, что русский солдат часто «просто вынужден воровать» в целях обеспечения собственного пропитания и фуража для лошадей, так как командующие чины используют свое положение, торгуя продовольственными и иными запасами армии[17]. Естественно, что подобные неприглядные факты могли только негативно влиять на образ русских.

Важное место в формировании стереотипных представлений одного народа о другом занимает отношение к гигиеническим привычкам.

Стандарты чистоты у русских и у французов явно не совпадали. Сообщая о представившейся возможности разместить кантонировавшую в данной местности часть в казармах, один из французских наблюдателей писал об «облегчении, которую вызвала эта новость у жителей, избегших тяжелой необходимости селить у себя русских, отличающихся особой нечистоплотностью в своих жилищах, так контрастирующей с их блестящим видом “под ружьем”[18]. Любопытно отметить, что и обычай русских париться в бане тоже не получил одобрения французского населения, так как «доставлял слишком много хлопот»[19]. Автор не поясняет более подробно, чем именно русские бани усложняли жизнь местным жителям.

Следует однако заметить, что сами русские ощущали как раз чувство собственного превосходства в области гигиены, единодушно утверждая, что французам присуща «национальная привычка к неопрятности»[20]. Очевидно, что победители и побежденные делали наблюдения, отвергая незнакомые и, соответственно, непонятные обычаи другой стороны.

Возвращаясь к анализу эволюции представлений французов о русских, необходимо указать, что одним из ярких сторон стереотипа о русских являлся миф о варварах-казаках. Не останавливаясь долго на этом достаточно изученном в историографии явлении[21], скажем только, что изучение большого комплекса изобразительных источников, хранящихся в Отделе эстампов и фотографий Национальной библиотеки Франции (Departement des Estampes et de la Photographie, Bibliothique nationale de France) подтверждает этот тезис. Так, факт значительной ограниченности тематики рисунков изображением внешнего вида, главным образом, представителей иррегулярных частей русской армии, вероятно, обусловлен тем, что именно их нетрадиционный стиль экипировки наилучшим образом иллюстрировал, с точки зрения французов, мнение о «варварстве» посланников России.

Архивные материалы также подтверждают предположение о том, что именно внешний вид казаков способствовал закреплению за ними определения «варвары». Источники содержат многочисленные жалобы французских властей на жестокости пруссаков, надменно-унизительное поведение англичан, ясно свидетельствуя о том, что представители всех союзнических армий совершали акты «варварства» по отношению к местным жителям. Описывая эпизод прохождения нескольких частей оккупационной армии, состоящих из военных разных национальностей, комиссар полиции подчеркивает этот контраст между реальным поведением победителей и стереотипными представлениями о них: «Прохождение колонны саксонских войск особенно обратило на себя внимание жителей. Саксонцы отличились неугомонностью, требовательностью, неуважительным и вздорным отношением к представителям муниципальных властей... С этой точки зрения их поведение резко контрастировало по сравнению с таковым бригады казаков, которая проследовала ранее. Несмотря на внешний вид и манеры общения несчастных варваров, казаки продемонстрировали самый мягкий характер и большую непритязательность»[22]. Легко предположить, что «непритязательность» казаков, использовавших сабли в качестве шампуров, также убеждала французов в справедливости их мнения о «северных варварах».

Этот образ был достаточно широко распространен во французском обществе. Образованные слои населения сохраняли представление о недостаточном уровне цивилизованности основной массы русского народа[23], несмотря на значительную популярность идей об активной деятельности российских монархов, главным образом, Петра I и Екатерины II, в интересах распространения просвещения

в России в XVIII в. Кроме того, свидетельства участников кампании 1812 г. способствовали конкретизации и распространению образа «варварской» России в средних и бедных слоях французского общества. Одним из излюбленных примеров «варварства», приводимых французскими военными, побывавшими в России, был эпизод сжигания русскими собственной столицы.

Исследованные источники, таким образом, иллюстрируют процесс подтверждения старых стереотипов французов о русских. Документы отражают также складывание новых представлений, о чем свидетельствуют выраженные авторами эмоции удивления.

Подобные эмоции были вызваны у французов не только строгостью и своевременностью наказаний, но и политикой открытости, продемонстрированной русским командованием.

Освещая вопрос осуществления правосудия в оккупационных войсках, префект Северного департамента докладывал в Париж: «Наши отношения с командирами русской армии отличаются от таковых с другими союзниками. Последние активно препятствуют нашим попыткам узнать о ходе следствия до оглашения приговора, тогда как русские даже настаивают на нашем присутствии на следствии... Я уведомил господина генерала графа М.С.Воронцова в том, что я полностью полагаюсь на справедливость правосудия, осуществляемого в его армии. Было бы невежливо дать другой ответ, принимая во внимание то, что самые мелкие проступки бывают наказаны самым суровым образом»[24].

Русские выражали также готовность сотрудничать с французской администрацией. «Русские незамедлительно ответили своим согласием на просьбу местных властей оказать помощь национальной гвардии в обеспечении общественной безопасности и предоставить для этой цели свои патрули, тогда как англичане дали на подобную просьбу очень общий ответ. Последние, также как и пруссаки, демонстрируют исключительное недоверие, что вызывает шутки русских»[25].

Самым ярким примером дружественной политики русских стал следующий эпизод: «Во время проведения военного смотра русской части, стоявшей в Мобеже, контроль над городом был полностью доверен французскому населению, которое высоко оценило этот акт доверия»[26].

В изложенных ситуациях, также как и в фактах активного участия русских офицеров и генералов в сборах материальных пожертвований в пользу неимущих[27], французы могли усматривать черты политики Александра I, уделявшего большое внимание установлению позитивных отношений между его подчиненными и населени-

ем Франции[28]. Однако участие русских военных в празднованиях местных праздников и карнавалов[29] являлось более непосредственным свидетельством дружественного настроя русских (даже если учитывать, что на это, вероятно, все-таки требовалось согласие командования).

Наконец, самое большое впечатление на французов произвело то, что русское офицерство свободно владело французским языком. В источниках подчеркивается огромное практическое значение этого явления, намного облегчавшего контакты и реально способствовавшего их улучшению[30].

«Контроль над округом перешел к русским с 1 января 1816 года. К счастью, их командиры свободно изъясняются по-французски, и, поэтому, мы смогли понять друг друга»[31]. Неизвестный автор другого отчета сообщает о «французском» духе и настрое русских офицеров, их интересе к Франции[32].

Итак, представляется возможным говорить о том, что в период непосредственной встречи французов с русскими военными в 1814-1818 гг. в сознании первых происходил процесс проверки обобщающего архетипа, наличием которого и характеризовалось представление побежденных о победителях. Этот архетип можно условно назвать архетипом «превосходства-отсталости». Будучи поставленными перед фактом военного поражения, французы оставались убежденными в собственном превосходстве на культурно-бытовом уровне по отношению к противнику.

Анализ особенностей образа русских, складывавшегося в сознании французского народа в 1814-1818 гг., дает практический материал не только для подтверждения общей идеи о существовании архетипических представлений народов друг о друге и об их важной роли в процессе обновления и конкретизации взаимных представлений. Процессы формирования французского общественного мнения о русских иллюстрируют также и механизмы проверки основной идеи архетипа.

С одной стороны, о наличии и сути последнего могут свидетельствовать хотя и новые, но все же вполне укладывающиеся в рамки архетипа представления. В данном случае, новые впечатления французов о распространенности у русских воровства, их обычае устраивать бани и т.д. подтверждали, по мнению побежденных, их мнение о «варварстве» победителей.

С другой стороны, наличие архетипа может быть подтверждено и «от противного» – в случае противоречия реального опыта стереотипному представлению. Этот вариант проиллюстрирован эмоциями удивления, вызванными несоответствием случаев дисципли-

нированного поведения солдат, фактов образованности русского офицерства, дружественного настроя русского командования образу «варваров».

В заключение обзора особенностей восприятия русских французским населением в 1814-1818 гг. необходимо отметить еще один его аспект, который не требует столь же подробного обоснования, но который сыграл важную роль в формировании отношения французов к русским.

Во-первых, выше уже упоминалось такое явление как отсутствие прецедентов стычек на националистической почве между французами и русскими. Представляется возможным считать, что данный факт свидетельствует о такой важной для взаимного восприятия особенности, как отсутствие, с одной стороны, вековой национальной вражды между французами и русскими, и с другой стороны, старых военных «счетов», извечных споров по территориальным вопросам (подобным, например, вопросу об Эльзасе и Лотарингии).

Во-вторых, при всей своей обременительности период оккупации должен был рано или поздно закончиться. И лишь чрезвычайные события могли вновь привести представителей далекой России на французскую землю.

Подобные аспекты позиции русских особенно были заметны на фоне других участников коалиции победителей. По мнению французского населения, пруссаки, как и австрийцы, уходя, обязательно должны были предпринять попытку прихватить ту или иную часть французской территории. Кроме того, близость Австрии, Пруссии и Англии заставляла французов опасаться готовности этих соседей воспользоваться в своих интересах малейшей слабостью Франции. Подобная объективная ситуация (всячески подкрепленная вышеупомянутой специальной политикой русского командования) должна была иметь большое значение для морального состояния французского населения и для формирования его более дружественного отношения к русским военным.

Итак, процессы складывания новых впечатлений и проверки уже сложившихся представлений побежденных о победителях происходили в рамках общего архетипического восприятия русских французами как представителей далекой варварской страны. Эта особенность во многом повлияла на настроение французского народа, которое отличалось большей терпимостью, некоторой снисходительностью по отношению к допускавшимся со стороны победителей злоупотреблениям, как к неизбежным и закономерным проявлениям «варварства».

Кроме того, тот факт, что подобные злоупотребления русскими их положением в оккупированной стране не был вызван национальной ненавистью к французам, а имел скорее сиюминутный характер, обусловленный послевоенной ситуацией, способствовал формированию более дружественного отношения французского населения к русским военным. Важную роль в этом сыграл, конечно, и интерес самих русских к Франции[33].

Таким образом, можно констатировать наличие нетрадиционных аспектов, характеризовавших отношения победителей и побежденных в период пребывания русского оккупационного корпуса на территории французского государства в первые годы Реставрации.

---

1 *Andre R.* L'occupation de la France par les Allies en 1815 P., 1924. P. 51.

2 См. статьи Н.Наумовой, Ж.Клоза, М.Бланпена, Ж.Ф.Буланже в: Les occupations en Champagne-Ardenne: 1814-1944. Reims,1996; *Andre R.* Op. cit.; *Нииевский О.Э.* Культурно-бытовые аспекты пребывания русских войск в Париже в 1814 году // Актуальные проблемы истории русской культуры. М., 1991; и др.

3 *Andre R.* Op.cit. P. 50.

4 Главным образом это были следующие департаменты: Арденны, Верхняя Марна, Марна, Мерт, Мез, Мозель, Северный.

5 Archives Nationales de France (далее – ANF). Le rapport du Sous-Prefet. Departement des Ardennes. Arrondissement Vouziers. Le 3 mars 1817. Dossier 9899. Fond 7.

6 ANF. Le rapport du commissaire special du Ministure de la Police Generale. Le 6 novembre 1818. Dossier 9901. Fond 7.

7 ANF. Le rapport du commissaire special du Ministure de la Police Generale. Le 10 aost 1818. Dossier 9899. Fond 7.

8 См., в частности, подробное описание неприглядной стороны пребывания русских войск на территории Франции: *Clause G.* Les Russes dans la Marne en 1814 et de 1815 a 1818 // Les occupations en Champagne-Ardenne: 1814-1944. Reims,1996. P. 23-50.

9 ANF. Le rapport du Sous-Prefet. Departement du Nord. Arrondissement d'Avesnes. Le 1 mars 1817. Dossier 9899. Fond 7.

10 ANF. La lettre du commissaire special de police en service extraordinaire. Departement du Nord. Cambrai. Le 30 mars 1817. Dossier 9901. Fond 7.

11 ANF. Le rapport du commissaire special de police en service extraordinaire. Departement du Nord. Sedan. Le 30 mai 1817. Dossier 9899. Fond 7.

12 ANF. Le rapport du Sous-Prefet. Departement du Nord. Arrondissement d'Avesnes. Le 9 mars 1817 (?). Dossier 9899. Fond 7.

13 *Dumas Ch.* Les Cosaques a Montdidier. Episode de l'invasion de 1814. P., 1862. P. 6.

14 Цит. по: *Rosset A.-M.* Un siucle d'histoire de France par l'estampe 1770-1871 // Collection de Vinck. Inventaire analytique. T.V. Restauration et les Cent jours. P., 1938. P. 236.

15 ANF. Le rapport du Sous-Prefet. Departement du Nord. Arrondissement d'Avesnes. Le 1 mars 1817. Dossier 9899. Fond 7.

16 ANF. Le rapport № 64 du commissaire special du Ministere de la Police Generale. Le 30 mars 1817. Dossier 9901. Fond 7.

[17] ANF. Le rapport № 89 du commissaire special de police en service extraordinaire. Departement du Nord. Sedan. Le 30 mai 1817. Dossier 9899 Fond 7.

[18] ANF. Le rapport № 71 du commissaire special du Ministere de la Police Generale. Le 30 mars 1817. Dossier 9901. Fond 7.

[19] ANF. Le rapport du Sous-Prefet. Departement du Nord. Arrondissement Douai. Le 2 mars 1817. Dossier 9899. Fond 7.

[20] *Радожицкий И.* Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. М., 1835. Ч. III. С. 45. См. подробнее результаты исследования особенностей восприятия Франции русскими в 1814-1818 гг., осуществленного автором настоящей статьи: *Губина М.В.* Мемуары русских офицеров (1814-1818 гг.): впечатления о Франции или стереотипы о России // Материалы международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов». Вып. 3. М., 1999. С. 226-228; *Она же.* Русская армия во Франции. 1814-1818 гг. Роль стереотипа в восприятии реальности // Текст в гуманитарном знании. Материалы межвузовской научной конференции. М., 1997 С. 100-108; *Она же.* Франция в восприятии русских военных. Эволюция стереотипов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 136-147.

[21] См., например: *Kabakova G.* Mangeur de chandelles. L'image du cosaque au XIX siucle // Sous la direction de K.Dmitrieva. Transferts culturels triangulaires. France-Allemagne-Russie. P., 1996. P. 207-230.

[22] ANF. La lettre du commissaire special de police. Departement des Ardennes. Mezuires. 16 novembre 1818. Dossier 9899. Fond 7.

[23] См.: *Corbet Ch.* A l'ure des nationalismes. L'opinion franzaise face a l'inconnue russe (1799-1894). P.1967; *Lortholary A.* Le mirage russe en France au XVIIIe siucle. P.,1948.

[24] ANF. La lettre du Prefet. Sans date (1817-1818?). Departement du Nord. Dossier 9902. Fond 7.

[25] ANF. Extrait d'un rapport. Departement des Ardennes. Mezuires. Le 5 octobre 1817. Dossier 9899. Fond 7.

[26] ANF. Le rapport № 70 du commissaire special de police. Le 30 mars 1817. Dossier 9901. Fond 7.

[27] См.: ANF. Le rapport du Sous-Prefet. Departement des Ardennes. Arrondissement de Rhetel. Le 19 mars 1817. Dossier 9899. Fond 7. Многочисленные свидетельства подобных фактов с упоминанием конкретных сумм пожертвований содержатся в других документах. См., например, сообщение о 1000 франков, собранных офицерством одного полка: ANF. La lettre № 64. Departement du Nord. Arrondissement d'Avesnes. Landrecy. Le 30 mars 1817. Dossier 9901. Fond 7.

[28] См.: *Andre R.* Op. cit. P. 8, 17, 144.

[29] См.: ANF. Le rapport du Sous-Prefet. Departement du Nord. Arrondissement d'Avesnes. Le 1 mars 1817. Dossier 9899. Fond 7.

[30] См.: ANF. Extrait d'un rapport. Departement des Ardennes. Mezuires. Sans date. Dossier 9899. Fond 7.

[31] ANF. Le rapport du Sous-Prefet. Departement des Ardennes. Arrondissement de Vouziers. Le 3 mars 1817. Dossier 9899. Fond 7.

[32] См.: ANF. Extrait d'un rapport. Departement des Ardennes. Mezuires. Le 5 octobre 1817 (?). Dossier 9899. Fond 7.

[33] См. по этому вопросу публикации автора, указанные в сноске 20.

лагавшей осуществление «освободительной миссии» Америки. Представители англосаксонской школы рассуждали о цивилизаторском долге. Популярные журналы того времени «Independent», «Outlook», «Century», «Harper's Weekle», «North American Review» были полны статей, в которых давалось обоснование империализма с точки зрения выполнения демократических обязательств. Конгресс и исполнительная власть начали поднимать вопрос о правах человека во внешней политике, а внимание общества оказалось сфокусированным на революционных движениях и политических изменениях за рубежом. Подобные настроения находили обоснование как в экспансионистских установках, так и в идеологии прогрессизма, сочетавшей призывы к реформам внутри республики с осознанием ответственности за распространение принципов свободы и демократии в других странах[5]. Можно согласиться с мнением американского историка Н.Сола о том, что на восприятие американцами российской действительности оказывали влияние два фактора: негативное отношение к царизму и бюрократии и вера в торжество «американского пути» в масштабах всего мира[6].

В Соединенных Штатах заговорили о революционных переменах, грядущих в России, в связи с тремя событиями второй половины 1904 г.: убийством министра внутренних дел В.К.Плеве, в целом охарактеризованным прессой как акт справедливого возмездия[7], назначением его преемником П.Д.Святополка-Мирского, предложившего учредить выборный законодательный орган; состоявшимся в Москве съездом земцев, выступавших за введение представительной формы правления и провозглашение гражданских прав. По другую сторону Атлантики складывалось впечатление, что огромная империя готова двинуться по пути конституционализма и сделать шаг в сторону западного парламентарного строя[8]. С этого времени в Америке начал обсуждаться вопрос о «русской революции», увлечение которой достигло своего пика в первые месяцы следующего года. Одной из причин прореволюционной риторики стала реакция американского общества на Кишиневский погром 1903 г.[9] Никогда прежде проявление антисемитизма в России не вызывало за океаном такого единодушного общественного осуждения: шквал публикаций в периодике с резкой критикой и обвинениями в подстрекательстве в адрес царского правительства[10], несколько десятков массовых митингов протеста по всей территории страны (крупнейшие из них прошли в Балтиморе, Нью-Йорке, Филадельфии и Новом Орлеане)[11], сбор подписей под петицией протеста на имя Николая II, организованный «Независимым орденом

Журавлева В.И.

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА В РОССИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ АМЕРИКАНЦЕВ

Известный американский историк Б.Перкинс, рассуждая о движущих силах, определявших внешнюю политику США, заметил, что отношение американцев к зарубежным революциям было по существу проекцией видения их собственной революции, и когда другие народы выходили за рамки допустимого в революционном движении за пределы чисто политической сферы, они теряли поддержку жителей заокеанской республики[1]. Данный тезис подтверждается не только реакцией граждан Соединенных Штатов на европейские революции конца XVIII-XIX в., но и оценкой революционных событий в России начала XX в.

Изучение процесса восприятия американским обществом первой русской революции дает возможность рассмотреть механизм складывания внешнеполитических представлений и стереотипов, способ познания «чужого», зависящий от своеобразия собственного опыта развития. Подобный подход позволяет, с одной стороны, создать более полную и объективную картину взаимоотношений между Россией и США на рубеже веков, обратив особое внимание на истоки идеологических противоречий в двусторонних контактах, а с другой – способствует лучшему пониманию особенностей национального менталитета[2].

Борьба за либерализацию политического строя в Российской империи привлекла внимание американского общества еще в конце XIX в., когда в заокеанской республике оформилась энергичная оппозиция царскому режиму, что наиболее ярко проявилось в ходе борьбы против экстрадиционного договора[3] и кампании в защиту прав русских евреев[4]. Новый всплеск интереса к проблемам внутриполитического развития «другой» страны совпал с периодом революции 1905 г. В это время Соединенные Штаты активизировали свою внешнюю политику, стремясь попасть в число мировых держав, а в обществе оживились мессианские настроения, принесенные в Новый Свет пуританами и ставшие неотъемлемой составной частью национальной традиции. Как следствие, в сознании американцев происходило переосмысление того, каким образом надлежит явить миру идеальную модель государственного и общественного устройства. Теперь уже речь шла не о пассивной позиции, подразумевавшей влияние путем примера, а об активной, предпо-

Б'ней Б'рит»[12]. Комитету помощи жертвам Кишиневского погрома удалось собрать 500 тыс. долл. денежных пожертвований[13].

Под давлением общественности и лидеров Б'ней Б'рит, посетивших Белый Дом, в условиях кризиса российско-американских отношений из-за противоречий на Дальнем Востоке, учитывая влияние еврейской общины на результаты предстоящих президентских выборов, Т.Рузвельт решил представить Николаю II петицию протеста против преследований евреев в империи, подписанную видными политическими и общественными деятелями страны[14]. В декабре 1904 г. президент заявил, что для борьбы с подобными актами насилия, в крайнем случае, может быть оправдано действие, форма которого должна зависеть «от масштаба злодеяний и от нашей способности ответить на них»[15]. Подобные выступления подпитывали мессианские чувства, получившие распространение в американском обществе, ибо, как казалось, продемонстрировали готовность вашингтонской администрации перенести проблему прав человека в сферу международных отношений.

Революция 1905 г. в России воспринималась американцами сквозь призму их собственных представлений о «подлинной», «настоящей» революции. Среди действующих лиц этой исторической драмы они искали образы отцов-основателей, которыми становились то земцы, то П.Н.Милюков, то С.Ю.Витте[16], оценивая ситуацию, проводили параллели с событиями 1776 г. в Америке и 1789 г. во Франции. Основные надежды возлагались на либералов. Им предстояло возглавить процесс преобразований и защитить дело свободы от крайностей, угрожавших ему как справа, так и слева.

В воззвании Американского общества друзей русской свободы, возобновившего свою работу весной 1904 г., говорилось о необходимости оказать моральную поддержку россиянам в их борьбе за права и привилегии самоуправления, не нарушая при этом принципов международной этики. Общество взывало к сотрудничеству всех тех, кто желал покончить с «самодержавным терроризмом и ответным насилием его жертв», содействовать учреждению в России конституционного правительства, созданного народом и существующего для народа. Реальным вкладом в этот процесс могла стать деятельность организаций в различных штатах, проведение агитационных кампаний, распространение литературы и достоверной информации по «русскому вопросу», составление петиций, адресованных конгрессменам[17].

Параллельно политическими и общественными группами, деловыми и религиозными организациями, рабочими союзами, иммигрантскими клубами и филантропическими обществами выдви-

лись более энергичные планы: собрать деньги, достаточные для финансирования нескольких революций, отправить за океан грузы с оружием, продовольствием и медикаментами, наводнить империю брошюрами, призывающими к восстанию и разъясняющими принципы американской демократии и т.д.[18]

С конца 1904 г. в заокеанскую республику в поисках материальной и моральной поддержки начали приезжать визитеры из России, представлявшие интересы различных политических сил. Большой резонанс, особенно после событий Кровавого воскресенья, вызвали выступления «бабушки русской революции», члена ЦК партии эсеров Е.К.Брешко-Брешковской[19] и будущего лидера партии кадетов, историка П.Н.Милюкова[20], организованные русофилом Ч.Крейном[21]. Активную помощь в проведении лекционных турне оказывали члены Общества друзей русской свободы Л.Уолд[22], Э.Блэквелл[23], Дж.Кеннан[24], С.Лоу[25].

Встречи с российскими революционерами-эмигрантами, проживавшими в Нью-Йорке, беседы с Е.К.Брешко-Брешковской и впечатление, произведенное в США известиями о расстреле мирной демонстрации в Петербурге, оказали большое влияние на т.н. «джентльменов-социалистов» – У.Уоллинга, А.Булларда, Э.Пуля, К.Дурланда[26], поспешивших вскоре к далеким берегам, чтобы стать очевидцами подлинной, с их точки зрения, революции – социальной. В многочисленных журнальных и газетных статьях они создавали образ страны, расколовшейся на два лагеря: с одной стороны – бунтующие крестьяне, потерявшие веру в царя-батюшку, восставшие рабочие и матросы, бесправные евреи, поляки, борющиеся за национальную свободу, революционная интеллигенция, готовая к самопожертвованию, с другой – реакционный монарх и продажная бюрократия[27].

В 1906 г. К.Дурланд совершил путешествие по европейской части Российской империи, побывал в Польше, на Кавказе, в Сибири, встречался с русскими либералами и радикалами, присутствовал на тайных сходках в армии и на флоте, посетил в тюрьме Марию Спиридонову. Он поведал американцам об «одной из величайших в истории революций». По его мнению, политическая революция, привычная для Запада и подразумевающая превращение монархии в конституционное правление, не дала России подлинной свободы, не гарантировала основных прав, не защитила общество от репрессий, военно-полевых судов, бесчинств казаков, правительственного террора. В 1907 г. Дурланду казалось, что 90% населения страны находилось в оппозиции режиму, поэтому революционный вихрь должен был вскоре захватить огромную империю, от-

крыв эру подлинного обновления. Эта грядущая борьба народа с царизмом, для которой первичное значение имеют социально-экономические изменения, и будет названа «русской революцией»[28].

У.Уоллинг, самый известный из «джентльменов-социалистов», рассуждал о всемирно-историческом значении событий, происходивших в России, где могло возникнуть общество справедливости и равенства в условиях, когда старая система была уже разрушена, а западные ценности пока еще не восприняты. Для него русская революция являлась не просто политической борьбой против устаревшей формы правления, но, прежде всего, социальным движением за обновление общества. Поэтому она и не имела аналогов в предшествующей истории. У.Уоллинг писал о том, что России не нужна политическая свобода «американского или западноевропейского образца»: политическая революция закончилась всеобщей стачкой, царским манифестом, созданием партии конституционных демократов, созывом Думы. Для возрождения страны необходим очистительный социальный ураган, движущей силой которого станет крестьянство. Ведь именно крестьяне выдвинули лозунг «Земля и Свобода», а сделанная их депутатами заявка на социальную революцию стала главной причиной роспуска Думы, остановившейся на программе социальных реформ[29]. К.Дурланд и У.Уоллинг призывали американцев внести реальный вклад в борьбу за дело русской свободы путем организации общенациональной кампании протеста против предоставления кредитов царскому правительству.

Однако то, что вдохновляло в заокеанской революции «джентльменов-социалистов» и интересовало представителей левого крыла американского социалистического движения, воспринимавших ее как битву, ведущуюся почти исключительно рабочим классом под идеологическим руководством социалистов[30], настораживало большую часть общества. Эволюция настроений происходила по мере того, как, по выражению журнала «Forum», «события за океаном развивались от плохого к худшему»[31].

«Кровавое воскресенье» вызвало в Америке волну негодования и было названо в прессе «варварством», «жестокой бойней», «кровавой баней», «преступлением против рода человеческого». Подавляющая часть периодических изданий осудила кровопролитие, подчеркивая, что десятки тысяч русских людей потеряли свою детскую веру в царя-батюшку[32]. Высказанное мнение, безусловно, не было единственным. Лояльностью по отношению к царскому правительству отличались публикации в «New York Herald»[33]. Однако вряд ли позицию данной газеты можно считать показательной, учитывая тот факт, что с 1901 г. она активно сотрудничала с рус-

ским посольством в Вашингтоне[34]. Сообщения петербургского корреспондента «Associated Press» также были ориентированы на поддержку официальных властей. Президент этого крупнейшего в Америке информационного агентства М.Стоун, получив рекомендательное письмо от российского посла в США А.П.Кассини, сумел добиться на берегах Невы права на бесцензурную деятельность отделения агентства, учрежденного им в России[35].

В первые месяцы 1905 г. на страницах газет и журналов размышляли над вопросами: «Каким путем пойдет русская нация к свободе и демократии? Удастся ли либералам возглавить революционный процесс? Хватит ли у Николая II решимости выполнить требование о введении конституционного правления и тем самым остановить надвигавшуюся гражданскую войну?»[36]. При этом при анализе позиции царя зачастую не учитывались устремления его реакционного бюрократического окружения. Консервативно настроенный журнал «North American Review» предупреждал своих читателей о жестокости разворачивающейся революции и проводил мысль о необходимости постепенного постижения основ парламентаризма[37]. Журнал «Arena», известный своей прогрессивной направленностью, напротив, убеждал американцев в том, что русский народ в состоянии свершить политическую революцию и готов к самоуправлению, а в предстоящих событиях не будет недостатка в мудрых и высокоинтеллектуальных лидерах подобных Т.Джефферсону, Б.Франклину и Дж.Вашингтону[38].

Покушение на вел.кн.Сергея Александровича вновь сделало вопрос о политическом убийстве предметом дискуссии. Николая II по-прежнему критиковали за отсутствие государственной мудрости, слабость и непоследовательность, писали о коррумпированности и бюрократизме государственного аппарата, бесправии русского народа, угнетении национальных меньшинств, однако параллельно заговорили о порочных методах «делателей революции», хотя и признавали, что террор порожден самим самодержавием[39]. В то же время в прессе продолжали появляться статьи, авторы которых считали такой способ борьбы допустимым при деспотическом правлении, ибо конечной целью революционного насилия являлось достижение представительного правления, свободы слова, печати и совести[40]. В целом прореволюционная риторика не ослабевала до конца лета 1905 г.[41] и пошла на убыль лишь в осенние и зимние месяцы, когда 42 из 49 ведущих печатных изданий заявили о необходимости восстановить закон и порядок, коль скоро революционеры не могут совершить радикальных политических изменений[42].

Следует выделить несколько факторов, оказавших влияние на этот поворот в восприятии событий по другую сторону Атлантики.

Во-первых, – энтузиазм по поводу августовского декрета царя о созыве национального представительства и, в особенности, Манифеста 17 октября, охарактеризованного прессой как начало новой эры внутриполитического развития России, возможность для дальнейшей эволюции политического режима[43]. Во-вторых, – надежды, возлагавшиеся на С.Ю.Витте, авторитет которого после переговоров в Портсмуте был достаточно высок. Его считали сильной личностью, человеком, вызывающим доверие всего цивилизованного сообщества, наиболее подходящим для того, чтобы провести реформы и направить революцию в мирное русло[44]. В-третьих, – рост социальной напряженности и насилия вместо ожидаемого гражданского мира в ответ на обещание Николая II ввести национальное представительство и гарантировать права и свободы. Передовицы газет заполнились сообщениями о восстании на броненосце «Потемкин», Всеобщей октябрьской стачке, брожении в армии и на флоте, Декабрьском вооруженном восстании, крестьянских волнениях, еврейских погромах. Авторы статей заговорили о гражданской войне, метаморфозах борьбы за свободу и превращении революции политической в социальную[45]. При этом все чаще использовались слова «анархия» и «анархизм», особенно пугавшие американцев. В 1906 г. в связи с новыми террористическими актами эсеров появилась серия публикаций о «красном» терроре. Известия об убийстве американского вице-консула в Батуми и покушении на П.А.Столыпина стали для американцев лишним подтверждением плохих новостей, приходивших из России[46]. В-четвертых, – охлаждение отношений между токийским и вашингтонским кабинетами и спад японофильских настроений в обществе после Портсмутской конференции. Указанная причина имела немаловажное значение, т.к. в начале и в ходе русско-японской войны идеологические противники царизма по другую сторону Атлантики были сторонниками вставшей на путь реформ Японии в ее борьбе с отсталой Российской империей, надеясь, что поражение последней ускорит процесс обновления политического строя в стране[47]. Подобные настроения не противоречили геополитическим интересам США.

Созыв Думы весной 1906 г. казался многим американским наблюдателям выходом из социального хаоса, предпосылкой для мирной трансформации автократического режима в конституционный, началом реальной борьбы за свободу[48]. Однако при всей симпатии к народному представительству, в условиях продолжавшейся критики в адрес Николая II (или «русского Людовика XVI»), такие радикальные требования депутатов, как всеобщая политическая амнистия, упразднение верхней палаты, принудительное отчужде-

ние земельной собственности без выкупа (программа трудовиков)[49] не вызвали поддержки общественного мнения в заокеанской республике. К тому же выяснилось, что кадеты, на которых возлагались основные надежды, не смогли направить революционное движение в русло парламентской борьбы, проявили безрассудное нетерпение и отказались от постепенных реформ и сотрудничества с правительством[50]. Тем не менее роспуск Думы вызвал негативную реакцию в прессе. В публикациях, появившихся на страницах журналов «Independent», «Outlook», «Harper's Weekly», «Arena», подчеркивалось значение представительной формы правления для политического возмужания нации и модернизации политической сферы, осуждалась «глупейшая ошибка» царя, разрушившего надежду на превращение революции в эволюцию, и предсказывались смуты и кровопролития с последующим ужесточением реакции[51].

В периодических изданиях продолжали появляться сообщения о борьбе поляков за свою независимость[52], звучали призывы предоставить автономию Финляндии[53], осуждались репрессии и правительственный террор[54]. У.Уоллинг приветствовал грядущую крестьянскую революцию[55], в то время как журнал «Outlook» еще в феврале 1906 г., рисуя перспективы развития ситуации в стране, предупреждал своих читателей, что ее будущее зависит от того, какой политической силе удастся увлечь многомиллионное крестьянство: если анархистам, то Московия будет лежать в руинах, если сторонникам порядка, то Россия вновь обретет себя[56]. Однако после роспуска первой Думы интерес американцев к заокеанской революции иссяк. Все чаще повторялась мысль о необходимости усвоить основной урок американского прогрессизма: тщательно подготовленные и продуманные реформы должны не разрушать существующую систему, а совершенствовать ее[57].

Взгляды консервативно настроенной части общества выражал посол США в России Дж. фон Лангерке Мейер, который стал доверенным лицом президента Т.Рузвельта на берегах Невы в период русско-японской войны и революции[58]. По мере радикализации революционного движения, распространения анархии и произвола возрастал пессимизм дипломата[59]. В декабре 1905 г., вернувшись из отпуска, он писал Г.Лоджу о безумии русских, которые «не хотят удовлетвориться никакими уступками, и, встав на путь реформ, желают одним махом достигнуть всего того, к чему другие нации шли в течение жизни нескольких поколений... требуют введения всеобщего избирательного права... не учитывая того факта, что в империи 100 млн. неграмотных»[60]. Оценив созыв Думы как акт прогрессивный, Дж.Мейер пришел, тем не менее, к выводу о низ-

ские и политические права, гарантией которых может стать лишь введение подлинной представительной формы правления при наличии свободы слова в парламенте[66]. Друзья русской свободы продолжали выступать против актов насилия и беззакония, творимых официальными русскими властями и правительственными войсками[67], помогали российским визитерам, приезжавшим в США для проведения агитационных кампаний[68], пытались убедить вашингтонскую администрацию не давать займов Николаю II пока в России не прекратятся репрессии. Настроения именно этой части американского общества помешали выдаче царскому правительству участников революционного движения Я.Пурена и Х.Рудовица, скрывавшихся за океаном[69]. Таким образом, политические эмигранты из России с их радикальными идеями и методами сохранили право на убежище в Америке, несмотря на действие экстрадиционной конвенции.

Отдельно следует сказать о позиции еврейской общины США в период революции 1905 г. В ходе ее событий разрушились надежды на изменение правового статуса еврейского меньшинства в империи, а следовательно, и позитивное решение всего комплекса проблем (гражданско-правовой, иммиграционной и паспортной), возникших в двусторонних отношениях в связи с «еврейским вопросом». В сентябре 1905 г. в Портсмуте состоялась встреча лидеров еврейской общины Д.Шиффа, О.Штрауса, И.Селигмана и А.Крауса с С.Ю.Витте, на которой дискутировался вопрос о положении русских евреев и дискриминации американских граждан еврейской национальности во владениях Николая II[70]. Т.Рузвельт обсуждал проблему «американо-еврейских» паспортов в личных беседах с главой русской делегации, расценивая ее как последнее препятствие для восстановления дружественных отношений между двумя нациями[71], и передал специальное письмо на имя царя. Американских евреев не удовлетворили рассуждения С.Ю.Витте о необходимости медленной эмансипации их единоверцев за океаном, но обнадежило отсутствие серьезных возражений по «паспортному» вопросу. Однако российское законодательство не изменилось[72], поэтому компетентный русский посол в США Р.Р.Розен выражал беспокойство по поводу того, что «паспортный» конфликт наносит серьезный ущерб межгосударственным контактам[73].

Погромная волна, прокатившаяся по России осенью 1905 г., и еврейский погром в Белостоке в июне 1906 г.[74] вновь вызвали в США общественный резонанс, хотя и не такой мощный, как в 1903 г. Р.Р.Розен сообщал в МИД о многочисленных бурных митингах протеста, многотысячной траурной манифестации в Нью-

ком уровне политической культуры в России вследствие длительного господства абсолютизма: об отсутствии как необходимого опыта парламентаризма у думских депутатов, выдвигавших неосуществимые требования, так и ощущения реальности в правительственном лагере, не желавшем идти на необходимые компромиссы. По мнению посла, конфликт между короной и парламентом должен был привести к социальному взрыву и росту левого экстремизма, что делало деятельность П.А.Столыпина необходимой и оправданной, ибо лишь сильная власть могла вывести страну из кризиса и направить по пути медленного обновления[61].

Задачи геополитики и сообщения Дж.Мейера оказали влияние на позицию Т.Рузвельта и его восприятие революционных событий за океаном. Русская революция не вписывалась в концепцию национальных интересов президента США, и он вовсе не собирался реагировать на многочисленные обращения сограждан помочь борьбе за права и свободы в России[62]. Более того, глава администрации, встревоженный военными победами Страны Восходящего Солнца, которые угрожали балансу сил на Дальнем Востоке, выступил посредником в организации мирных переговоров в Портсмуте. В результате царское правительство смогло сосредоточить свое внимание на внутриполитических проблемах[63]. По обе стороны Атлантики сторонники дальнейшего развития революционного процесса назвали Нобелевскую премию Т.Рузвельта курьезом, парадоксом, т.к. его миротворчество, с их точки зрения, дало толчок кровавой гражданской войне. Сам же президент считал, что рост анархии и насилия, активизация социалистов, а также слабость либералов делали революцию бесперспективной[64]. В этом его убеждали не только донесения Дж.Мейера, но и письма давнего и близкого друга С.Спринг-Райса, английского посла в России.

В целом политические и общественные деятели, придерживающиеся консервативных взглядов, а также умеренные прогрессисты пришли к выводу, что в русской революции преобладало деструктивное начало, а общество продемонстрировало низкий уровень правосознания и неподготовленность к представительной форме правления.

Мнение либеральной общественности выражало Общество друзей русской свободы[65]. В данном случае главным достижением революционного движения в России признавалось приобретение бесценного опыта парламентаризма. 4 марта 1907 г. прошел массовый митинг в Нью-Йорке. В своих выступлениях Дж.Кеннан и редактор журнала «Outlook» Л.Эббот призывали собравшихся оказать моральную и материальную поддержку борьбе россиян за граждан-

Йорке, яростной антирусской агитации американских евреев, поддержанной прессой[75].

Еврейская община через своих лоббистов из числа конгрессменов, а также видных общественных деятелей попыталась вновь оказать давление на Белый дом с тем, чтобы побудить президента выразить официальный протест царским властям[76]. В палате представителей в декабре 1905 г. были приняты две резолюции, в которых выражалось сочувствие жертвам погромов и содержалось обращение к главе администрации предпринять конкретные шаги для восстановления справедливости. Резолюция сходного содержания обсуждалась 11 апреля 1906 г.[77] Сторонник радикальных действий Д.Шифф в письме к Т.Рузвельту предложил организовать совместное выступление цивилизованных держав в защиту прав русских евреев. В своем ответе президент подчеркнул бессмысленность подобного рода акций в тот момент, когда в различных частях империи идет война всех против всех и власти бессильны поддержать социальный порядок[78]. На этот раз официальный Вашингтон не предпринял никакого демарша в духе «гуманитарной» дипломатии. В письмах к Д.Шиффу, О.Штраусу, Э.Карнеги Т.Рузвельт заявил о том, что бесполезно и вредно тратить слова на угрозы, коль скоро правила международной этики не предусматривают возможность для эффективной защиты прав армян в Турции, евреев, финнов, поляков в России, ибо для великих свободных народов губительна демонстрация собственного бессилия, укрепляющая деспотизм и варварство[79].

В 1907-1908 гг. российские либералы и радикалы продолжали посещать США в поисках моральной и материальной поддержки, однако были явно разочарованы позицией заокеанской республики в период революции. Вместо реальной помощи, которая, по их мнению, могла бы выразиться в дипломатическом давлении, экономических санкциях, создании международной оппозиции цивилизованных стран, да мало ли еще в чем – рассуждения о правах и свободах, поучения, Портсмутская конференция, критика «русского типа революции». А ведь совсем недавно Америка выполнила «освободительную миссию» на Кубе, и к тому же дух прогрессизма витал над страной. П.Н.Милюков во время своей третьей поездки за океан упомянул об этих обманутых надеждах. Впрочем, известный историк сделал одно любопытное замечание по поводу того, что свобода слова создает сложности для дипломатии Соединенных Штатов и ставит порой администрацию в неловкое положение, а потом с горечью добавил: «Увы, у нас такой проблемы не существует!»[80].

Американцы, в свою очередь, также почувствовали разочарование, т.к. и консерваторы, и либералы, и «левые» зачастую воспринимали революционное движение по другую сторону Атлантики

сквозь призму собственных представлений о подлинной революции. Несмотря на разноголосицу мнений следует заметить, что, с точки зрения большинства американских наблюдателей, русская нация вышла за рамки допустимого в революции. Во многом именно это, наряду с геополитическим фактором, объясняет изменения, происходившие в восприятии русской революции.

Рассмотренные события имеют принципиальное значение для истории российско-американских отношений. Они добавили негативных красок в палитру представлений о России, высветив различия политических систем и национальных традиций, закрепили в общественном сознании сложный и противоречивый образ «другого», который начал складываться еще в конце XIX в. В условиях распространения англо- и японофильских настроений в США, формирования идеологии американского экспансионизма с присущей ей идеей единства и превосходства англосаксонских наций, под влиянием всплеска нейтивизма[81] в контексте общего роста национализма, краски порой сгущались, и на первый план выступал негативный образ отсталой и недостаточно цивилизованной страны, где обычным явлением стали репрессии и погромы, политический террор и анархия, религиозная нетерпимость и повторяющийся голод, где общество было не готово к самоуправлению, а законы не соответствовали современным для того времени правовым нормам. Вышеперечисленные процессы привели к обострению идеологических противоречий. На мой взгляд, именно с этого времени идеологический фактор начинает играть существенную роль в российско-американских отношениях.

Кроме того, революция 1905 г. стала важной вехой в эволюции подходов к решению «еврейского» вопроса, возникшего в двусторонних контактах в связи с политикой антисемитизма в Российской империи. Лидеры еврейского движения больше не полагались на помощь Белого Дома и госдепартамента. Не оправдались и их надежды на либерализацию политической системы в России. Еще в ноябре 1905 г. американский ученый-семитолог С.Адлер писал О.Штраусу о том, что судьба русских евреев зависит не от иностранного вмешательства, а от успехов либерального правления в России, поэтому президенту и английскому королю бессмысленно выражать протесты царскому правительству[82]. Но уже через месяц он вместе с адвокатом Л.Маршаллом стал идеологом Американского еврейского комитета (АЕК) – новой организации, созданной в США в 1906 г. для защиты гражданских и религиозных прав евреев за рубежом, консолидации действий еврейских общин и оказания прессинга на органы исполнительной и законодательной

власти. В 1911 г. АЕК при содействии Американского общества друзей русской свободы сумел организовать общенациональную кампанию по защите прав американского гражданства за границей. В итоге, в декабре месяце, несмотря на противодействие администрации, конгресс провел в одностороннем порядке денонсацию договора 1832 г.[83] Размах и успех этого движения невозможно объяснить без учета особенностей восприятия американским обществом первой русской революции.

И наконец, в ходе рассмотренных событий вырабатывался механизм взаимодействия общественного мнения с органами законодательной и исполнительной власти в решении внешнеполитических проблем[84]. Президент США не только продемонстрировал трезвый и взвешенный подход к проблеме гуманитарной интервенции, предостерегая американцев от бессмысленного вмешательства в дела иностранных государств, но и, памятуя случай с Кубой и его выступление после Кишиневского погрома, подтвердил тезис о невозможности отделить гуманитарные причины вмешательства от политических[85]. Американское общество, со своей стороны, хотя и проявило склонность к риторике, предложило целый набор санкций, который затем будет использоваться вашингтонской администрацией в ответ на нарушение прав человека за границей.

---

1 *Перкинс Б.* Парус и призма // Американский ежегодник. 1992. М., 1993. С. 58-59.

2 В работах отечественных историков, посвященных изучению реакции американского общества на события первой русской революции, основное внимание уделялось позиции правящей элиты США с учетом влияния хода русско-японской войны, а также рабочего и социалистического движения. При этом вне поля зрения исследователей остался «еврейский вопрос», привлекался узкий круг периодических изданий и американских архивных материалов. Прежде всего, речь идет о статьях и диссертации А.А.Трубарова. См.: *Трубаров А.А.* Американская общественность и первая российская революция. Автореф. дисс. к.и.н. М., 1984; *Он же.* Прогрессивные силы США и первая русская революция // Борьба прогрессивных сил с буржуазными идеологическими концепциями политики США в XX веке. М., 1982. С. 55-72. См. также: *Ганелин Р.Ш.* Революционное движение в России и США. 1905 – март 1917 // Современная историография экспансионизма США XIX – нач. XX в. Л., 1985. С. 146-170; История внешней политики и дипломатии США. 1867-1918. М., 1997. С. 258-262. Единственным монографическим исследованием по теме является книга американского историка Р.Харта, написанная на основе собранных А.Томпсоном материалов: *Thompson A.W., Hart R.A.* The Uncertain Crusade: America and the Russian Revolution of 1905. Amcherst, 1970. Однако ее отдельные положения и выводы требуют уточнения и конкретизации. И, наконец, указанную проблему затрагивает в своем фундаментальном труде по истории взаимоотношений между Россией и США американский историк Н.Сол,

высказывая ряд интересных замечаний: *Saul N.E.* Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867-1914. Lawrence, 1996. P. 488-527.

3 Подробнее об этом движении см.: *Журавлева В.И.* Русско-американский договор 1887 г. // Вопросы истории. 1991. № 9-10. С. 252-254; *Она же.* Кого демократическая Америка выдавала царской России? // Американский ежегодник. 1993. М., 1994. С. 116-126.

4 Об этом подробнее см.: *Журавлева В.И.* Еврейский вопрос в России глазами американцев. (Из истории российско-американских отношений конца XIX в.) // Вестник Еврейского университета. 1996. № 3(13). С. 64-87.

5 *Ekirch Jr. A.A.* Progressivism in America. A Study of the Era from Theodore Roosevelt to Woodrow Wilson. N.Y., 1974. P. 177, 187.

6 *Saul N.E.* Op.cit. P. 490.

7 См., например: Review of Reviews. 1904. Vol. 30. Sept. P. 280, 345-346; Independent. 1905. Vol. 58. Feb. P. 349-350; North American Review. 1904. Vol. 179. Sept. P. 473-474 (с оговорками); *Thompson A.W., Hart R.A.* Op. cit. P. 22. Среди тех, кто осудил убийство, был госсекретарь Джон Хэй. См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1904. Д. 130. Л. 53; *Thompson A.W., Hart R.A.* Op. cit. P. 23.

8 См., например: Review of Reviews. 1904. Vol. 30. July. P. 90; Oct. P. 478-480; Nation. 1904. Vol. 79. Dec. P. 473-474; Outlook. 1904. Vol. 78. Nov. P. 700-701.

9 Подробнее см.: *Schoenberg P.E.* The American Reaction to the Kishinev Pogrom of 1903 // American Jewish Historical Quarterly. 1974. Vol. 63. March. P. 263-283; *Stults T.* Roosevelt, Russian Persecution of the Jews, and American Public Opinion // Jewish Social Studies. 1971. Vol. 33. Jan. P. 13-22; *Best G.D.* To Free a People. American Jewish Leaders and the Jewish Problem in Eastern Europe, 1890-1914. Westport-Lnd., 1982. P. 64-90. В 1904 г. было выпущено два сборника документов, посвященных реакции американского общества на Кишиневский погром: The Voice of America on Kishineff. Philadelphia,1904; Russia at the Bar of the American People. N.Y., 1904.

10 См., например: Review of Reviews. 1903. Vol. 27. March. P. 665; Vol. 28. July. P. 15; Aug. P. 139-140, 210-211; Chautauquan. 1903. Vol. 37. July. P. 330-332; World's Work. 1903. Vol. 6. July. P. 3597-3598; Outlook. 1903. Vol. 74. May. P. 262-264; July. P. 722-723; Harper's Weekle. 1903. Vol. 47. June. P. 1051; Forum. 1903. Vol. 35. July. P. 149-160; North American Review. 1903. Vol. 177. July. P. 49-62; Arena. 1903. Vol. 30. Aug. P. 123-144; Living Age (from «National Review»). 1903. Vol. 238. Sept. P. 805-811.

11 Russia at the Bar... P. 32-110. См. также: посол России в США А.П.Кассини – министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу, 21 мая/3 июня 1903 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 113. 1903. Л. 162-165.

12 Документы, связанные с историей подачи этой петиции, опубликованы в сб.: «Russia at the Bar...» P. 111-141. См. также: *Schoenberg P.E.* Op. cit. P. 274-281.

13 *Schoenberg P.E.* Op. cit. P. 266.

14 Первая в истории США официальная нота протеста против преследований евреев за рубежом была передана королю Румынии в мае 1902 г.

15 Цит по: *Шлезингер А.М.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 139.

16 См., например: Arena. 1905. Vol. 33. Feb. P. 213; Outlook. 1905. Vol. 79. Jan. P. 218. См. также: *Tomphson A.W., Hart R.A.* Op. cit. P. 25.

[17] Society of the Friends of Russian Freedom. Aims and Methods. N.Y., 1907 // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 225. Л. 137-138. Президентом общества, к которому примкнули прогрессивно настроенные политические и общественные деятели США, был У.Д.Фульк, а затем Э.М.Шепард.

[18] *Thompson A.W., Hart R.A.* Op. cit. P. 19

[19] О выступлениях Е.К.Брешко-Брешковской в США см.: Independent 1905. Vol. 79. Jan. P. 12-16; Outlook. 1905. Vol 79. Jan. P. 78-88; Review of Reviews. 1905. Vol. 31. Feb. P. 215-216.

[20] О поездке Милюкова в Америку см.: *Милюков П.Н.* Воспоминания М., 1991. С. 172-173.

[21] *Saul N.E.* Op. cit. P. 490.

[22] Давняя сторонница дела русской свободы. Руководила частной благотворительной организацией University Settlement House, созданной в Нью-Йорке для оказания помощи иммигрантам из Восточной Европы.

[23] Одна из лидеров женского движения в США, с восторгом восприняла выдвинутое в ходе русской революции требование всеобщего избирательного права и, подобно Марку Твену, считала, что борцы за свободу в России могут ответить насилием на насилие. Подробнее см.: *Smith S.* From Relief to Revolution. American Women and the Russian-American Relationship, 1890-1917 // Diplomatic History. 1995. Fall. № 4. P. 610-611.

[24] Американский либеральный журналист, с конца XIX в. активный участник движения в поддержку дела русской свободы в США, считался одним из авторитетных специалистов по «русскому вопросу». О его деятельности подробнее см.: *Меламед Е.И.* Русские университеты Джорджа Кеннана. Иркутск, 1988; *Travis F.F.* George Kennan and American-Russian Relationship. 1865-1924. Athents, 1990.

[25] Прогрессивно настроенный общественный деятель США, занимая пост мэра Бруклина и первого мэра «Большого Нью-Йорка», провел серию гражданских реформ.

[26] Хорошо обеспеченные и образованные американцы. Увлеклись социалистическими идеями, т.к. считали, что социальные реформы могли бы разрешить проблему городских трущоб. Все они проживали на Манхэттене в районе, занимаемом University Settlement House, и попали под влияние Л.Уолд. Подробнее см.: *Мэллой мл.* Дж. Уильям Уоллинг и его собратья «джентльмены-социалисты» // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 3. С. 50-59. См. также: *Thompson A.W., Hart R.A.* Op. cit. P. 36-38.

[27] А.Буллард писал для журнала «Harper's Weekle» и «Independent» под псевдонимом А.Эдвардс. См.: Harper's Weekly. 1906. Vol. 50. Feb. P. 228-230, 258-261; March. P. 294-296. См. также: Independent. 1905. Vol. 58. Feb. P. 252-256; 1906. Vol. 60. June. P. 1412-1415; Vol. 61. July. P. 147-152. Э.Пуль отправился в Россию в качестве корреспондента «Outlook». См.: Outlook. 1905. Vol. 79. March. P. 681-689; Apr. P. 989-993; Vol. 80 May. P. 113-118, 219-227; Vol. 81. Nov. P. 653-661.

[28] *Durland K.* The Red Reign: The True Story of an Adventurous Year in Russia. N.Y., 1907. См.также: Review of Reviews. 1906. Vol. 34. Aug. P. 168-169; Independent. 1906. Vol. 61. Oct. P. 864-867.

[29] *Walling E.* Russia's Message. The True World Import of the Revolution. N.Y., 1908. См. также: Independent. 1905. Vol. 59. P. 1040-1042; 1906. Vol. 61. Oct. P. 905-908; Dec. P. 1315-1323; 1907. Vol. 62. March. P. 587-594.

[30] Речь идет о сторонниках анархистки Э.Голдман, членах Социалистической рабочей партии во главе с Д.Де Леоном, Американского железно-

дорожного союза, «Индустриальных рабочих мира», радикальных деятелях нью-йоркского Ист Сайда, продолжавших на протяжении всей революции говорить о значении развернувшейся в России классовой войны и ее всемирном влиянии, собирать деньги и возбуждать общественное мнение против царского режима. Более умеренную позицию в отношении русской революции заняло реформистское крыло социалистического движения, ориентировавшееся на парламентские методы политической деятельности, и руководство Американской федерации труда, выступавшее с позиций «делового трединионизма». Подробнее об этом см: *Трубаров А.А.* Прогрессивные силы США и первая русская революция. С. 60-61, 65-69. См. также: *Hilquit M.* Loose Leaves from a Busy Life. N.Y., P. 107-108; *Goldman E.* Living My Life. N.Y., 1934. P. 359-364. Однако не стоит преувеличивать значение кампании солидарности, организованной социалистами, учитывая тот факт, что в рамках левых идеологий наиболее влиятельным был несоциалистический радикализм. Революционный же социализм остался слабым и малочисленным движением. К тому же американское общество относилось с недоверием к радикальным идеям, обвиняя в распространении анархизма и социализма «новых» иммигрантов из Восточной Европы.

31 Forum. 1905. Vol. 36. Apr. P. 500.

32 См., например: Outlook. 1905. Vol. 74. Jan. P. 201,218; Independent. 1905. Vol. 58. Jan. P. 175. При этом число убитых и раненых во время «Кровавого воскресенья» зачастую завышалось.

33 О позиции этой газеты подробнее см.: *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 150-152.

34 См.: А.П.Кассини – В.Н. Ламздорфу. 11/24 апреля 1901 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 149. Л. 90-91.

35 *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 150.

36 См., например: Review of Reviews. 1905. Vol. 31. Jan. P. 34-38, 108-109; Feb. P. 215-216; March. P. 371-373; Outlook. 1905. Vol. 79. P. 254-255, 261-263, 475-484; Independent. 1905. Vol. 58. Feb. P. 388-390,405; March. P. 563-564, 660-664,675; Nation. 1905. Vol. 80. Feb. P. 87; Fortnightly Review. 1905. Vol. 83. March. P. 418-427; World's Work. 1905. Vol. 9. Jan. P. 5664-5665; Harper's Weekly. 1905. Vol. 49. Feb. P.206.

37 North American Review. 1905. Vol. 180. Jan. P. 19-20; Feb. P. 300.

38 Arena. 1905. Vol. 33. Feb. 1905. P. 210-213.

39 Living Age (from «Spectator»). 1905. Vol. 244. March. P. 695-697; Independent. 1905. Vol. 58. Feb. P. 349-350, 441-443; New York Times. 1905. Jan. 30. Feb. 18, 23.

40 См.: Political Science Quarterly. 1905. Vol. 20. March. P. 15; Arena. 1905. Vol. 33. Apr. P. 440-442.

41 В январе 1905 г. 49 из 56 ведущих газет и журналов были настроены прореволюционно. См.: *Thompson A.W., Hart R.A.* Op.cit. P. VI.

42 Ibid. P. 69.

43 Ibid. P. 100-102. (Цитаты из различных газет). См. также: Independent. 1905. Vol. 59. Nov. P. 1058. Посол России в США Р.Р.Розен в донесении министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу 17/30 ноября 1905 г. писал, что манифест был встречен всеобщим горячим сочувствием, и сообщал о своем выступлении в Американской академии наук, в котором он подчеркнул стремление Николая II и русского правительства установить конституционный строй, опираясь на силы закона и порядка – АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 124. Т. 1. 1905 г. Л. 146-148. О введении национального представительства см. также: Independent. 1905. Vol. 59. Aug. P. 459-460; Outlook. 1905. Vol. 81. Sept. P. 270.

[44] См., например: North American Review. 1905. Vol. 181. Sept. P. 435-447; Nov. P. 782. См. также: Independent. 1905. Vol. 59. Nov. P. 1058, 1115; Outlook. 1905. Vol. 81. Nov. P. 531, 596-598; Dec. P. 596-598. См. также личное письмо Р.Р.Розена В.Н.Ламздорфу от 7/20 сентября 1905 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/I. Д. 192. Л. 40-42. См. также: *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 154-155.

[45] См., например: New York Herald. 1905. Nov. P. 13; Independent. 1905. Vol. 59. Nov. P. 1057-1058, 1115-1117; 1906. Vol. 60. Jan. P. 192-195; Vol. 61. P. 225-226; Nation. 1905. Vol. 81. Dec. P. 498; World Today. 1905. Dec. P. 1255-1256; Review of Reviews. 1906. Vol. 33. April. P. 464-466; June. P. 737-738; Vol. 34. Oct. P. 502-504; Chicago Tribune. 1905. Nov. P. 3. См. также: Revolution in Russia. As Reported by the New York Tribune and the New York Herald, 1894-1921. N.Y., 1967. P.58-64; *Saul N.E.* Op.cit. P. 498-499, 506-507.

[46] См., например: New York Evening Post. 1906. Oct. P. 11; Independent. 1906. Vol. 61. Aug. P. 480-481; Outlook. 1906. Vol. 83. Sept. P. 450; Current Literature. 1906. Vol. 41. Oct. P.385-386. См. также: Saul N.E. Op. cit. P. 520.

[47] См., например: New York Times. 1905. Aug. 17. В поддержку Японии в ее военной борьбе с Россией энергично выступала Э.Блэквелл. См.: *Smith S.* Op. cit. P. 609. О позиции Д.Шиффа см. ниже.

[48] См., например: Outlook. 1906. Vol. 82. Apr. P. 776-777, 814-815, 924; Vol. 83. June. P. 491; Harper's Weekly. 1906. Vol. 50. May. P. 729; Independent. 1906. Vol. 60. May. P. 1125-1126, 1169-1170, 1236; Review of Reviews. 1906. Vol. 34. July. P. 88-90.

[49] Большая часть периодических изданий сообщала о бедственном положении крестьянства и поддержала аграрный проект кадетов.

[50] Р.Р. Розен – министру иностранных дел А.П.Извольскому, 20 июля/2 августа 1906 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 143. Т. 1. 1906 г. Л. 204-206. В подтверждение мнения посла см.: World's Work. 1906. Vol. 12. June. P. 7593-7594; Review of Reviews. 1906. Vol. 33. June. P. 737; North American Review. 1906.Vol. 83. Sept. P. 425.

[51] См.: Outlook. 1906. Vol. 83. July. P. 678-679, Aug. P. 781-784; Independent. 1906. Vol. 61. July. P. 181-182, 225-227$ Aug. P. 243, 360-361, 385-386; Harper's Weekle. 1906. Vol. 50. P. 1088-1089; Living Age (from «Economist»). 1906. Vol. 250. July. P. 182-184. См. также: Nation. 1906. Vol. 83. Aug. P. 114-115. См. также подборку статей из газет «New York Sun», филадельфийской «Halifax Harold», «Washington Star» в коллекции Джорджа Кеннана: Library of Congress (LC). Manuscript Division (MD). The Papers of George Kennan (GK). Box. 99.

[52] Статьи о событиях в Польше в период революции см.: Fortnightly Review. 1906. Vol. 86. Oct. P. 649-657; Outlook. 1906. Vol. 84. Dec. P. 921-925; Review of Reviews. 1905. Vol. 31. June. P. 748-749; Vol. 32. Aug. P. 224-226; 1906. Vol. 33. Jan. P. 90-91; April. P. 484-486; Westminster Review. 1905. Vol. 169. Dec. P. 635-643; Independent. 1905. Vol. 59. Nov. P. 1040-1042.

[53] Статьи по данному вопросу см.: Outlook. 1906. Vol. 82. March. P. 547-549; April. P. 903-906; Vol. 84. Sept. P. 250-251; Review of Reviews. 1906. Vol. 33. Feb. P. 232-233; Nation. 1906. Vol. 82. May. P. 411-413.

[54] LC. MD. GK. Box 99 – подборка статей из газет и журналов о правительственных репрессиях и актах беззакония.

[55] См. статьи У. Уоллинга: Independent. 1906. Vol. 61. Oct. P. 905-908; Dec. P. 1315-1323; 1907. Vol. 62. March. P. 587-593; Apr. P. 777-778; Outlook. 1907. Vol. 85. March. P. 564-567.

[56] Outlook. 1906. Vol. 82. Feb. P. 303-307.

[57] *Thompson A.W, Hart R.A.* Op. cit. P. 141.

[58] См.: Т Рузвельт – Дж Мейеру, 26 декабря 1904 г. // The Letters of Theodore Roosevelt. Cambridge, 1952. Vol. 4. P. 1078-1079. О деятельности Дж. Мейера на посту посла в России и его восприятии революции подробнее см.: *Howe M.A.* DeWolfe. George von Langerke Meyer· His Life and Public Services. N Y., 1920. P. 137-351.

[59] См., например: донесения Дж. Мейера в госдепартамент от 7 и 21 июля 1905 г. // National Archives and Record Service (NARS). Record Group (RG). 59. Despatches from the United States Minister to Russia. (DUSM). M. 35. R. 63. Посол опирался на донесения американских консулов в Варшаве, Одессе, Батуми, Риге, Владивостоке. См., например: донесения консула в Одессе Т. Хинана в госдепартамент за 1905 г от 29 июня, 4 июля, 8 ноября – NARS. RG. 59. Despatches from U.S. Consuls in Odessa. M. 459. R. 7; донесение вице-консула в Батуми У. Стюарта от 6 апреля 1906 г. – NARS. RG. 59. DUSM. M. 35. R. 66; донесение консула в Варшаве от 20 ноября 1905 г. – NARS. RG. 59. Despatches from U.S. Consuls in Warsaw. M. 467. R. 3.

[60] Письмо Г Лоджу от 12 декабря 1905 г. опубликовано: *Howe M.F. DeWolf.* Op. cit. P. 232. Та же мысль высказывалась Дж. Мейром в донесении госсекретарю Э Руту от 11 декабря 1905 г. – NARS. RG. 59. DUSM. Russia. M. 35. R. 65. Подобные настроения присутствовали на страницах журнала «Nation», а в статье, появившейся в «Outlook», подчеркивалось, что значение имеет не только введение всеобщего избирательного права, но и способность людей реализовать его – Nation 1905. Vol. 81. Dec. P. 498; Outlook. 1905. Vol. 81. Nov. P. 543-544.

[61] См , например. Дж. Мейер – Т. Рузвельту, 8/21 мая 1906 г., 2 сентября 1906 г.// LC. MD. The Papers of Theodore Roosevelt (TR). R. 65, 67; Дж Мейер – Г. Лоджу, 7 мая 1906 г. // *Howe M.A. DeWolfe.* Op. cit. P 277-278; Дж. Мейер – Э. Руту, 21 июня 1906 г. // NARS. RG. 59. DUSM Russia. V. 35. R. 66.

[62] В петициях, письмах, передовицах был предложен целый набор санкций: денонсировать торговый договор 1832 г., ввести торговые ограничения, блокировать участие России в работе Гаагской конференции, прервать дипломатические отношения. Тон задавали представители американской еврейской общины, возмущенные волной еврейских погромов в период революции. См.: *Thompson A.W., Hart R.A.* Op. cit. P. 19-20.

[63] О позиции Т. Рузвельта в период русско-японской войны см., например: *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.-Л., 1955; *Dennet T.* Roosevelt and the Russo-Japanese War. N.Y., 1925; *Trani E.P.* The Treaty of Portsmouth. An Adventure in American Diplomacy. Lexington, 1969; *Thorson W.B.* American Public Opinion and the Portsmouth Peace Conference // American Historical Review 1948 № 3 Vol. 53. P. 439-464; *Saul N.E.* Op. cit.. P. 492-498, 500-507.

[64] См.: Т. Рузвельт – Дж. Мейеру, 30 августа 1906 г. // LC. MD. TR. R. 42; Т. Рузвельт – Э. Синклеру, 15 марта 1906 г. // The Letters ... Vol. 5. P. 179.

[65] В апреле 1905 г. в Сан-Франциско при участии Дж. Лондона было создано «Калифорнийское общество друзей русской свободы», более радикально настроенное, чем общеамериканское. Оно имело свой печатный орган «Russian Review», на страницах которого уделялось особое внимание рабочему и крестьянскому движению в революции, а также деятельности РСДРП. Подробнее см.: *Трубаров А.А.* Указ. соч. С. 64; *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 160-161.

[66] Address of Lyman Abbot at a Mass-Meeting in Carnegi Hall. New York, March Fourth, 1907. Печатный экземпляр; Address of George Kennan at a

Mass-Meeting in Carnegi Hall. New York, March Fourth, 1907. Печатный экземпляр // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 225. Л. 115-119, 121-128.

67 См.: Petitions in favor of the resolutions being adopted by the House of Representatives which will deplore the acts of violence and inhumanity by the Russian Government // NARS. RG. 233. Records of the United States House of Representatives Congress 60-th. Committee on Foreing Affairs. H. 11.9. «Petitions and Memorials»

68 См., например, телеграмму Р.Р. Розена в МИД от 3/16 апреля 1907 г. о деятельности в США бывшего думского депутата А.Ф. Аладьина и «отца русской революции», эсера Н.В. Чайковского – АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1907 г. Д. 172 а. Л. 9-11. А.Ф. Аладьин прибыл в США в феврале 1907 г. и развернул широкую политическую кампанию с целью информировать американскую общественность о деятельности I и II Государственной думы и убедить вашингтонскую администрацию не давать займов царскому правительству, пока оно не прекратит политику репрессий. Посол признал, что деятельность Аладьина и Чайковского имела определенный успех, хотя и не принесла особенно много денег в кассу русской революции.

69 См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 136. Л. 88 об.-89; Д. 139. Л. 365-366; Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 636, 639; Foreign Relations of the United States, 1909. Wash., 1910. P. 513-523; LC. MD. GK. Box 103.

70 См: *Bumme C.Ю.* Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 2. С. 395, 402; *Adler C., Jacob H.* Schiff His Life and Letters. N.Y., 1928. Vol. 2. P. 129-133; *Straus O.* S. Under Four Administration. From Cleveland to Taft. Boston, N.Y., 1922. P. 188-191.

71 Т. Рузвельт – С.Ю. Витте, 10 сентября 1905 г. // LC. MD. The Papers of Oscar S. Straus (OS). Box 4.

72 См.: *Энгель В.В.* «Еврейский вопрос» в русско-американских отношениях. На примере «паспортного» вопроса 1864-1913. М., 1998. С. 49-50.

73 Р.Р. Розен – А.П. Извольскому, 12/25 декабря 1906 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1906 г. Д. 143. Т. 1. Л. 222-223.

74 *Klier J.D., Lambroza Sh.* Pogromms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge, 1992. P. 226-239.

75 Р.Р. Розен – В.Н. Ламздорфу, 2/15 декабря 1905 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1905 г. Д. 121. Т. 1. Л. 155-156; Р.Р. Розен – А.П. Извольскому, 10/23 июня 1906 г. // Там же. 1906 г. Д. 143. Т. 1. Л. 56. См. также: Outlook. 1905. Vol. 81. Dec. P. 848; 1906. Vol. 83. June. P. 394-395, 491-492; Independent. 1905. Vol. 59. Nov. P. 1075-1076; 1906. Vol. 61. July. P. 61-62; World's Work. 1906. Vol. 12. Aug. P. 7818-7819; Nation. 1906. Vol. 83. Oct. P. 298; Quarterly Review. 1906. Vol. 205. Oct. P. 586-615.

76 Подробнее см.: *Thompson A.W., Hart R.A.* Op. cit. P. 103-117.

77 59 Congress. Committee of Foreign Affairs. Papers Accompaning. Resolution № 38. 56 // NARS. RG. 233. Records of the US House of Representatives. HR 59A-D6. Box 23; Congressional Record. 59 Congress. 1-st Session. Wash., 1906. Vol. 40. Part 6. P. 5072-5075.

78 Т. Рузвельт – Д. Шиффу, 14 декабря 1905 г. // The Letters... P. 112-113.

79 Т. Рузвельт – Д. Шиффу, 14 декабря 1905 г., 26 июля 1906 г.; Т. Рузвельт – О. Штраусу, 10 апреля 1906 г.; Т. Рузвельт – Э. Карнеги, 6 августа 1906 г. // Ibid. P. 112-113, 207-208, 336, 345.

80 См.: *Thompson, Hart.* Op. cit. P. 143-144. О третьей поездке П.Н. Милюкова в Америку см. также: ЦГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1442; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 139. 1908 г. Л. 419-425 об.

[81] Всплеск нейтивистских (враждебность по отношению ко всем не американцам) настроений на рубеже XIX-XX вв. объяснялся ростом национализма. Движение было направлено против тех этнических групп из числа иммигрантов, которые продемонстрировали неготовность к быстрой ассимиляции. Среди них первое место занимали русские евреи-эмигранты. В 1894 г. в Бостоне была создана Immigration Restriction League, которая видела свою задачу в том, чтобы ограничить въезд иммигрантов из Южной и Восточной Европы и боролась за введение теста грамотности для переселенцев. См.: *Higman J.* Strangers in the Land: Patterns of American Nativism, 1860-1925. New Brunswick, 1955.

[82] С. Адлер — О. Штраусу, 13 ноября 1905 г. // LC. MD. OS. Box 4.

[83] Вопрос о денонсации договора и ее последствиях достаточно подробно разработан в исторической литературе. См.: *Энгель В.В.* Указ. соч. С. 52-123; *Best G.D.* To Free a People... P. 166-205; *Schachner N.* The Price of Liberty. A History of the American Jewish Committee. N.Y., 1948. P. 12-58; *Cohen N.W.* The Abrogation of the Russo-American Treaty of 1832 // Jewish Social Studies. 1963. Vol. 25 Jan. P. 3-10; *Cohen N.W.* Not Free to Desist: A History of the American Jewish Copmmittee. 1906-1966. Philadelphia, 1972; *Saul N.E.* Op. cit. P. 567-588.

[84] Об этом см.: *Hilderbrand R.C.* Power and the People: Executive Management of Public Opinion in Foreign Affairs, 1897-1921. Chapel Hill, 1981. P. 9-92.

[85] Дискуссию по вопросу о гуманитарной интервенции см.: *Sohn L.B., Buergenthal T.* International Protection of Human Rights. Charlottesville, 1973. Ch. 3.

Куликова Г.Б.

СССР 1930-х ГОДОВ ГЛАЗАМИ ВИДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЗАПАДА

По приблизительным подсчетам в 1920-1930-е гг. нашу страну посетили около 100 тыс. иностранцев, т.е. примерно 5 тыс. человек в год или 13-14 человек ежедневно[1]. Наибольшее число иностранных делегаций побывало в СССР в начале и середине 1930-х гг.

По итогам этих поездок и встреч с советскими людьми на Западе вышло огромное количество книг, брошюр, статей, заметок, мемуаров. Оценки были разные – от враждебных и нейтральных до дружественных и хвалебных[2]. Все свидетельства важны и интересны как «зеркало времени», но среди них имеют особое значение публикации известных зарубежных писателей, ученых, публицистов и общественных деятелей. Новые подходы, новые пласты документального материала, появившиеся в последние годы, позволяют более глубоко раскрыть особенности сложившейся к середине 1930-х гг. советской системы. Один из практически не задействованных источников – это заметки, наблюдения, оценки, приезжавших в Советский Союз крупнейших представителей западных интеллигентских кругов.

В нашей стране только в начале и середине 1930-х гг. побывали английские драматург Бернард Шоу (1931), писатель-фантаст Герберт Уэллс (1934), французские писатели Анри Барбюс (1932, 1934), Ромен Роллан (1935) и Андре Жид (1936), немецкий писатель Лион Фейхтвангер (1937) и ряд других[3]. Всех их объединяли подлинная образованность, незаурядный талант, всемирная популярность. Не случайно Р.Роллан, Б.Шоу, и А.Жид стали Нобелевскими лауреатами в области литературы.

В 1930-е гг. СССР находился на подъеме – «в буднях великих строек» осуществлялись первая, а затем вторая пятилетки, возводились сотни новых заводов и фабрик, возникали новые города, с огромным «всенародным» размахом обсуждалась и была принята в декабре 1936 г. новая, «сталинская» Конституция СССР, названная конституцией «страны победившего социализма».

Известный переводчик В.Бережков, начинавший в те годы работать с иностранными делегациями, вспоминал: «В 1934 году, впервые после Октябрьской революции, Советский Союз широко открыл свои границы для иностранных туристов... Сталин любил и умел пускать иностранцам пыль в глаза... Умел “вождь народов” и

накапливать достаточно средств, чтобы обхаживать тех, кого хотел привлечь на свою сторону... Интуристы под бдительным присмотром гидов видели только "процветающее государство", которое им и старались продемонстрировать. В итоге они уезжали из страны, не получив ни малейшего представления о действительных условиях жизни в Советском Союзе»[4].

Все маршруты, все встречи зарубежных гостей находились под строгим и неослабным контролем высших партийных органов и НКВД. Все, написанное о Советском Союзе за рубежом, тщательно изучалось на самом высшем уровне, оценивалось на предмет полезности или вредности существующему строю. Характерна в этом отношении история с двухтомным трудом социалистов, больших почитателей Советского Союза супругов Вебб «Советский коммунизм – новая цивилизация», появившейся в Лондоне в 1935 г. Досконально ознакомившись с изданием, заведующий международным отделом ЦК ВКП(б) К.Радек обратился к членам Политбюро со следующим предложением: «Несмотря на то, что книга Веббов вообще написана в весьма положительном тоне, все же в книге имеется ряд мест, которые делают печатание ее в открытом издании нецелесообразным». Радек предлагал объявить в печати, что книга издается, в витринах выставить несколько экземпляров, а тираж распространить в 2-3 тыс. экземпляров по списку, т.к. «отказ от издания книги для нас затруднителен»[5]. 29 мая 1936 г. члены Политбюро опросом решили: «Принять предложение т. Радека об издании книги Веббов "Советский коммунизм – новая цивилизация" в количестве 2000-3000 экз. для распространения по списку». На оригинале решения за предложение Радека собственноручно высказались Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, а также рукой помощника Сталина Поскребышева было добавлено: за – Калинин, Андреев, Микоян, В.Чубарь, Орджоникидзе[6].

Работавшие с иностранными гостями советские переводчики (чаще всего прикомандированные из ВОКСа) выполняли не только секретарские обязанности, они систематически составляли отчеты и записки (хранившиеся в архивах под грифами «секретно» и «не подлежит оглашению») о характере встреч гостей, фиксировали то, что вызывало недовольство писателей, называли источники получения ими негативной информации о стране, сами вели как, например, прикрепленная к Л.Фейхтвангеру, сотрудница ВОКСа Д.Каравкина, «разъяснительную работу». В одном из своих отчетов она отметила, что к Фейхтвангеру «пролезают иногда люди, которые очень вредно на него влияют»[7].

Сохранились сведения и о секретном наблюдении органов НКВД за передвижениями и встречами иностранных писателей.

Так, в 1936 г. секретный сотрудник доносил, что с приезжавшим в СССР Андре Жидом имели несколько «законспирированных» встреч писатели Б.Пильняк и Б.Пастернак, «во время которых тенденциозно информировали Жида о положении в СССР. Несомненным является, – добавлял сексот, – что эта информация была использована Жидом в его книге против СССР»[8].

Многие писатели, побывавшие в нашей стране, оставили книги и заметки, представляющие большой интерес не только точными бытовыми зарисовками, но и глубоким осмыслением увиденного, неожиданными вопросами, сомнениями, раздумьями. Особенно важны те характеристики и оценки западных авторов, которые относятся к политической системе советского государства, общественной жизни и общественным настроениям. Главное внимание при этом следует обратить на критическое осмысление опыта СССР, т.к. своим свежим, непредвзятым взглядом они сумели увидеть, а иногда и предугадать многие явления и процессы, характерные для советской системы, намного раньше, чем это произошло внутри страны.

Общественно-политические взгляды писателей (при всех особенностях политических пристрастий каждого) были в значительной степени эклектичными, имели «левую окраску», сочетая позиции буржуазного либерализма, социализма и общечеловеческого гуманизма. Поэтому и демократию они понимали как свободу развития индивидуума, социальную защищенность людей, осуждение насилия в любой форме, верили в то, что мир должен изменяться только эволюционным путем, в результате проявления сознательной и доброй воли всех членов общества. Оценки увиденного в СССР с высоты «общечеловеческой истины», особенно в условиях противостояния двух систем, часто носили утопический, а иногда и наивный характер.

Побывавших в нашей стране писателей отличало критическое отношение к современному капитализму, хорошее знание проблем и ценностей западной демократии, международного политического климата 1930-х гг., что сделало их последовательными антифашистами. В этих условиях Советский Союз воспринимался ими как оплот мира, противодействия агрессивным силам.

Всех названных деятелей отличало и еще одно важнейшее качество – они относились к русской революции, к преобразованиям в СССР с огромной симпатией, с верой в то, что Россией найден (пусть и не беспроблемный) путь разрешения острейших экономических, социальных и иных противоречий, раздиравших капиталистическое общество первой трети XX в.

А.Жид называл все свершаемое в Советском Союзе беспримерным экспериментом, наполнившим людей надеждой, порывом, способным увлечь все человечество. «Кто может определить, чем СССР был для нас?» – спрашивал писатель и отвечал: «Не только избранной страной – примером, руководством к действию. Все, о чем мы мечтали, о чем помышляли, к чему стремились наши желания и чему мы были готовы отдать силы, – все было там. Это была земля, где утопия становилась реальностью. Громадные свершения позволяли надеяться на новые, еще более грандиозные. Самое трудное, казалось, было уже позади, и мы со счастливым сердем поверили в неизведанные пути, выбранные им во имя страдающего человечества»[9].

Близкая по содержанию мысль звучит и у Л.Фехтвангера: «Я симпатизировал с самого начала эксперименту, поставившему своей целью построить гигантское государство только на базе разума, и ехал в Москву с желанием, чтобы этот эксперимент был удачным»[10].

Нельзя не обратить внимания и еще на две общие для всех упомянутых западных гостей характерные черты. Будучи в СССР, они стремились увидеть и максимально полно оценить успехи и достижения нашей страны, многие из которых они считали выдающимися, замечательными. Гости отмечали огромное строительство, колоссальную работу в области народного просвещения, здравоохранения, отдыха трудящихся, особенно детей. «Конечно, – делился со своим другом, послом в Великобритании И.М.Майским Г.Уэллс после поездки в СССР в 1934 г., – есть много неполадок, ошибок, глупостей, но это все болезни роста»[11]. Критику в адрес СССР авторы высказывали в крайне деликатной форме, считая ее, однако, не только полезным, но и важным условием дальнейшего развития Советского Союза.

Время пребывания западных гостей в нашей стране было различным и составляло от двух недель до двух с половиной месяцев. Прием известным зарубежным деятелям оказывался великолепный. Но его особая помпезность смущала практически каждого из них и была вызвана не только соображениями гостеприимства. «Конечно, вполне естественно, гостя стараются встретить как можно лучше, показывают ему всюду лучшее из того, что есть, – размышлял А.Жид, – я хорошо понимаю... насколько выгодна Советскому правительству щедрость по отношению к художникам и литераторам, ко всем, кто может ему славословить»[12].

О том, насколько значимым было мнение западных интеллектуалов для высших советских руководителей, а главное – их хвалебные оценки советской действительности, высказанные затем за рубежом, можно судить хотя бы по тому, что Сталин находил время

для встреч с Б.Шоу, Э.Людвигом, А.Барбюсом, Г.Уэллсом, Р.Ролланом, Л.Фейхтвангером.

Встреча Р.Роллана со Сталиным длилась более полутора часов, беседы с А.Барбюсом, Л.Фейхтвангером продолжались несколько часов. Какими интересами руководствовался Сталин, принимая зарубежных писателей? Конечно, свою роль сыграла традиция, заложенная Лениным, который общался с А.Вильямсом и Г.Уэллсом, но не это было главным. Похвала всемирно известных писателей и общественных деятелей была очень важной не только для СССР в целом, но в не меньшей, если не в большей степени для руководства страны. Огромный интерес представляют в этом отношении общение и переписка Сталина с французским писателем - антифашистом Анри Барбюсом. Еще осенью 1927 г. Барбюс побывал в СССР и был принят Сталиным. Тогда же писатель высказал желание написать несколько книг об СССР[13]. Приехав в нашу страну в октябре 1932 г. и снова встретившись со Сталиным, Барбюс предложил написать биографию вождя, для чего просил передать ему необходимые документы. «Я буду счастлив посвятить все мои усилия к тому, чтобы нарисовать эту великую фигуру, которая выполняет сейчас такую гигантскую роль и которая действительно воплощает, как я мог убедиться при моей поездке по всей территории Союза, творческий энтузиазм революции» – обосновывал Барбюс свой замысел[14]. Культпроп ЦК ВКП(б) поддержал это предложение, возложив предварительный просмотр рукописи на заместителя директора ИМЛ И.П.Товстуху и секретаря ИККИ Д.З.Мануильского, который высказал мнение, что «Анри Барбюсу это дело поручить можно и стоит, т.к. он напишет то, что ему посоветуют, в частности, и о борьбе с троцкизмом»[15].

Книга о Сталине была написана менее чем за год. На предварительный отзыв она была послана зав. отделом пропаганды ЦК А.И.Стецкому. «Я восхищаюсь тем, что Вам удалось в такой короткий срок создать книгу подобного масштаба, – отмечал Стецкий, – которая является не просто биографией, а величественной картиной всего нашего движения». В том же письме были высказаны и критические замечания, в основном сводящиеся к тому, что в книге недостаточно показан образ Сталина-человека, его стиль в работе, стиль его языка, не выявлены его многообразные связи с массами, не показано, какой любовью окружен Сталин[16]. В 1934 г. Барбюс заключил договор с А/О «Межрабпомрусь» о написании сценария фильма о Сталине. Но смерть Барбюса в августе 1935 г. не дала его закончить.

Критика же зарубежных авторов воспринималась не просто резко отрицательно, а как фактор компрометирующий и нанося-

щий ущерб Советскому Союзу, а значит нежелательный. Поэтому и судьба книг и заметок названных авторов была во многом схожей, что определялось прежде всего их содержанием, характером имевшихся в них оценок жизни в СССР.

Как много позже писал в своем дневнике А.Жид: «Если некоторые признавали необоснованность моих наблюдений, то кое-кто все-таки считал их несвоевременными. Самое большое, что допускалось среди товарищей, – это признавать: в СССР есть отдельные несовершенства, но говорить о них еще не пришло время. Тогда следовало принимать успехи СССР в целом и закрывать глаза на временные, неизбежные недостатки»[17]. Допускались только положительные характеристики одобрялось только восхищение, критика пропускалась лишь в крайне незначительном, «дозированном» количестве, серьезные же размышления и попытки анализа до советского читателя просто не доходили.

Поэтому автобиографические заметки Б.Шоу впервые увидели свет в 1989 г. Книга Л.Фейхтвангера «Москва 1937 г. Отчет о поездке для моих друзей» была издана на немецком языке в Амстердаме и Москве, затем переведена на русский язык и издана сверхбыстрыми темпами 200-тысячным тиражом (сдана в производство 23 ноября, подписана к печати на следующий день – 24 ноября 1937 г.) Скоро книга была изъята из обращения, в течение многих лет находилась в спецхранах, была переиздана лишь в 1990 г.[18]

О впечатлениях Р.Роллана по поводу его пребывания в Советском Союзе до самого последнего времени было известно крайне мало. Но во время пребывания в СССР с 17 июня по 28 июля 1935 г. Роллан вел (как он сам отмечал, наспех, карандашом) дневник, который по категорическому распоряжению автора не мог быть опубликован даже и частично без его разрешения ранее, чем через пятьдесят лет[19]. Поэтому первая публикация дневников на русском языке была предпринята только в 1989 г.[20]

Судьба книги А.Жида «Возвращение из СССР» была особенно сложной. Быстро изданная большим тиражом во Франции, подвергнутая жесткой критике со стороны коммунистов как в СССР, так и за рубежом, она была впервые переведена на русский язык и опубликована лишь в 1989 г.

Познакомившись с положительными и отрицательными отзывами на только что изданную книгу, Жид набросал в июне 1937 г. «Поправки к моему "Возвращению из СССР"», которые начинались следующими словами: «За публикацию "Возвращения из СССР" меня бранили многие... "Поверхностный анализ, поспешные выводы", – говорили о моей книге. Как будто не поверхностными, не внешними впечатлениями нас очаровывал СССР! И как будто, не вглядевшись

пристальнее, мы стали замечать худшее!... Если бы я только восхищался, вы не сделали бы мне этого упрека (в поверхностности суждений). Но именно тогда я заслуживал бы его больше всего»[21].

Написанные Жидом по горячим следам «Поправки к моему "Возвращению из СССР", содержащие ответы на критику, поражают своей честностью и прямотой. Они интересны не только разъяснением позиции самого автора и его выводами о том, что СССР все больше и больше отклоняется от того, чем, по мнению зарубежных друзей, он должен быть, но и приведенным Жидом рядом отрывков из писем, полученных им от людей, побывавших и работавших в нашей стране и пришедших к тем же выводам, что и сам автор. Жид не раз обращается к этим откликам, в том числе в специальном разделе «Свидетельства».

На какие же черты, особенности развития СССР обращали внимание в разное время западные гости, что их радовало, тревожило, что огорчало?

В июле 1931 г. в нашу страну приехал Б.Шоу. В его беглых автобиографических заметках больше всего живых, непосредственных зарисовок, впечатлений об увиденном, подробное описание встречи со Сталиным. Однако ряд наблюдений драматурга совпадает с оценками других зарубежных гостей. Шоу откровенно признается Сталину, что воспринимает большевизм как религию: «Россия – религиозная страна, – пишет он, воспроизводя беседу со Сталиным. – Они (участники беседы. – *Г.К.*) решили, что мы шутим, когда говорим, что Третий Интернационал – это церковь. Однако мы и не думали шутить»[22]. Посетив множество картинных галерей и музеев, Шоу заметил, что «все шедевры искусства спасены, тогда как жизнь дюдей не ставилась ни во что»[23]. Серьезные опасения вызвало у Шоу «притеснение интеллигенции», а истребление кулаков и преждевременную конфискацию частных магазинов драматург назвал «грубой антифабианской ошибкой»[24].

В июле 1934 г., вскоре после поездки в Соединенные Штаты Америки, где он встречался с Ф.Д.Рузвельтом, в СССР снова приехал Г.Уэллс. На следующий же день у него состоялась встреча и беседа со Сталиным, длившаяся почти три часа. Посетив США, Уэллс сделал вывод о том, что не следует «выпячивать антагонизм между двумя мирами, а стремиться сочетать все конструктивные движения, все конструктивные силы в максимально возможной степени». Сталин спокойно, с подробной аргументацией своих позиций, изложил Уэллсу основы марксистско-ленинской теории о функциях государства в буржуазном и социалистическом мире, о роли рабочего класса и интеллигенции, согласившись с Уэллсом,

что сближение с капиталистическим миром не исключено, но только теоретически. Не менее четко Сталин сформулировал свое отношение к насилию: «процесс смены одного общественного строя другим является для коммунистов не просто стихийным и мирным. а процессом сложным, длительным, насильственным... Коммунисты... с удовольствием отказались бы от метода насилия, если господствующие классы согласились бы уступить место рабочему классу. Но опыт истории говорит против такого предположения»[25]. Такую выверенную в последовательно марксистском духе беседу было вполне возможно публиковать. 2 сентября 1934 г. по поручению Сталина текст с его правкой под грифом «секретно» был разослан для сведения членам и кандидатам в члены Политбюро, которое опросом приняло специальное постановление о публикации беседы в журнале «Большевик»[26].

Как уже отмечалось выше, в опубликованных в СССР статьях и интервью Р.Роллана все оценки происходящего в стране делаются только в превосходной степени. По неопубликованным дневникам Р.Роллана можно проследить, что оценки и выводы писателя не были столь однозначными. Прежде всего, писатель не мог не задумываться о фактах и причинах репрессий, постепенно набиравших оборот после убийства Кирова. Восхищенный приемом у Сталина, писатель, тем не менее, в разговоре с вождем упомянул о расправе над сотней людей после убийства Кирова, о тяжелом впечатлении от обнародования закона о наказаниях детей от 12 лет, считая это варварством. Далее писатель подробно изложил ответ Сталина, в котором содержались крайне красноречивые разъяснения о том, что «это, возможно была политическая ошибка... но нас захватило чувство. Надо было это сделать для примера, для устрашения... Никакого удовольствия нет осуждать и казнить. Это грязное дело. Было бы лучше оставаться вне политики и сохранять руки чистыми. Но мы не имеем права оставаться вне политики, если хотим освободить порабощенных людей. И если уж ты согласился быть политиком, ты думаешь уже не за себя, а за государство; государство требует, чтобы ты был беспощадным»[27]. Ответ Сталина конкретен и ясен – все определяется интересами государства, оно превыше всего, именно оно требует быть беспощадным.

Свои наблюдения и сомнения Роллан неоднократно высказывал в беседах с советскими руководителями. Говорил он об этом и с заведующим бюро международной информации К.Радеком, который дал писателю следующее разъяснение: «После того, как враг, убивая Кирова, стрелял в генеральный штаб партии, приняты меры, чтобы это не повторилось; на государственную полицию возложена

обязанность проверять, очищать и высылать; и, конечно! в этих условиях можно ждать много ошибок и несправедливостей, – одной больше, одной меньше в общей массе – но... это не имеет значения, когда вопрос идет об общественном благе»[28]. И во время пребывания в СССР, и позже Роллана крайне беспокоили методы расправы с политическими противниками, т.к., по его мнению, советское правительство уничтожало «лояльные и здоровые силы», а уничтожение – «это плохое правосудие. Это палка о двух концах. Оно калечит государство или правительство, которое его применяет»[29].

Был и еще ряд явлений, увиденных в СССР, которые беспокоили Роллана. Он констатирует, пожалуй, первый среди посетивших СССР иностранных писателей, наличие неестественно преувеличенного преклонения перед Сталиным, существование обязательных восхвалений, обязательного «припева в честь короля». Упоминает Роллан и бесконечные военные парады с прославлением вождей, искусственную апологетику, которая является вступлением и заключительным аккордом всех выступлений. «Отсюда это вечное наблюдение, подозрительность, порой отравляющая повседневную жизнь»[30]. Повсюду сталкиваясь с преклонением перед вождем, Роллан замечает, что Сталин, несомненно, не испытывает отвращения, когда видит повсюду свои изображения. «Если бы ему это действительно было неприятно, – размышляет писатель, – достаточно было бы одного его слова, чтобы отбросить этот смешной культ... Не видит ли он в этом необходимое средство для поддержания преданности со стороны своих полков, загипнотизированных его изображением? Для подлинных коммунистов это средство весьма опасно, оно пригодно для поддержания в коллективе пагубной веры в личность... Грузинский реалист думает: пусть они мне льстят, лишь бы делали то, что я хочу! (К лести в конце концов привыкают и это убаюкивает!)»[31].

Суммируя все увиденное, писатель задает естественно возникающий у него вопрос – почему это стало возможным, где движущие силы такого обожествления. Ответ Роллана представляет большой интерес: «Все они (население Советского Союза. – *Г.К.*) поддались коллективистскому психозу – психозу веры, радости и уверенности в правде, в победе того дела, представителями которого они являются в мире. Будущее решит. Но настоящее тут. И в его руках все элементы победы. Эти руки повинуются только одной голове: Коммунистической партии и Совету Комиссаров. Эта голова крепка и твердо держится на плечах... В глубине природы их деятельности лежит, как мне кажется, непоколебимая вера (я здесь говорю особенно о первом поколении руководителей, современни-

ков и друзей Ленина, делает сноску Роллан) в доктрину, которая охватывает всю совокупность проблем человечества, как это сделано в Библии»[32]. Несколько позже писатель добавляет: «Они намереваются осуществить идеалистическую человеческую мечту «любыми средствами»[33].

У Роллана мы находим и еще одно наблюдение, схожее с позициями других западных коллег по профессии. Большую озабоченность писателя вызывает то, с чем он столкнулся в Советском Союзе, но «чего не должно быть, – это, чтобы великая коммунистическая армия, ее руководители... не создала бы отдельный класс – и что самое опасное – привилегированный класс. Не следует, чтобы эта избранная часть... отделялась... чтобы она присваивала себе привилегию чести, благосостояния или денег»[34]. Упоминая о таких привилегиях, как квартиры, питание, средства передвижения, Роллан с тревогой пишет об опасности того, что «несомненно может воссоздаться известного рода коммунистическая аристократия из испытанных вождей, лояльных технических кадров, ударников всякого рода и избранников армии рабочих, колхозников и солдат»[35].

Несмотря на неоднократные просьбы Роллана разрешить опубликовать текст беседы, просмотренный и выправленный Сталиным, разрешения получено не было. Роллан писал: «Я никогда не мог добиться письменного слова за или против. Через Аросева неопределенное разрешение передано устно взять на себя публикацию рассказа о беседе таким образом, что Сталин не будет нести за это никакой ответственности»[36]. Дело ограничилось кратким официальным собщением ТАСС в газете «Правда» от 29 июня 1935 г.

Через год в Советский Союз приехал А.Жид. Его книга содержит еще более резкую критику, чем позволил себе в дневнике Р.Роллан. Вместе с написанной через год книгой «Поправки к моему "Возвращению из СССР"» она содержит практически всестороннее рассмотрение реалий советского государства в сферах экономики, политики, культуры, иерархии власти. В ряде случаев наблюдения Жида очень близки по смыслу к наблюдениям и выводам Р.Роллана. И это не случайно, оба пытались взглянуть глубже, а главное, их не смущали существующие в СССР идеологические постулаты.

Прежде всего Жид уловил связь между монопольным положением общегосударственной собственности (как заметил писатель, «у государства нет конкурентов»[37]), что превращает всесильную бюрократическую иерархию в основу всей системы управления, делающей обязательным элементом функций государства применение насильственных методов, репрессий, принуждения. Оценивает Жид и сущность государства в СССР и делает следующий вывод:

«Диктатура пролетариата» – обещали нам. Далеко до этого. Да, конечно: диктатура. Но диктатура одного человека, а не диктатура объединившегося пролетариата, Советов... Нам говорят: диктатура пролетариата. Мы все больше и больше разубеждаемся в этом. Все больше и больше утверждается диктатура бюрократии над пролетариатом. Потому что пролетариат уже не имеет возможности выбирать своего представителя, который защитил бы его ущемленные интересы». Пытаясь разобраться в причинах, приведших к такому положению, автор приходит к выводу, что «народные выборы – открытым или тайным голосованием – только видимость, профанация: все решается наверху. Народ имеет право выбирать лишь тех кандидатов, которые утверждены заранее... Руководители отлично знают, что народ машиной не управляет, между народом и теми, кто назначен его представлять, реального контакта нет»[38].

Жид со всей определенностью разделяет мнение тех своих корреспондентов, которые считают режим в СССР диктаторским, при котором государство управляется небольшой группой людей, а народные массы не принимают никакого участия в управлении страной, или это участие очень незначительно[39].

Столь же резкую характеристику дает Жид профсоюзам, которые «бессильны там, где власть принадлежит бюрократии». Из всего этого автор делает вывод о том, что в стране возникает разветвленный класс бюрократии, «снова общество начинает расслаиваться, снова образуются социальные группы, если уже не целые классы, образуется новая разновидность аристократии... аристократии всегда правильно думающих конформистов. В следующем поколении эта аристократия станет денежной»[40].

Как и Р.Роллан, Жид не мог не увидеть, что «изображения Сталина встречаются на каждом шагу, его имя на всех устах, похвалы ему во всех выступлениях... Я не знаю, что это: обожание, любовь, страх, но везде и всюду он»[41]. Писатель не только констатирует многочисленные факты проявления культа личности, но и поясняет, что «Сталин признает только одобрение всех; тех, кто ему не рукоплещет, он считает врагами... Скоро он будет всегда прав, потому что в его окружении не останется людей, способных предлагать идеи. Такова особенность деспотизма – тиран приближает к себе не думающих, а раболепствующих»[42]. Эта категория вербуется из среды бюрократии, причем, по наблюдению Жида, «чем никчемнее эти люди, тем более Сталин может рассчитывать на их рабскую преданность, потому что привилегированное положение – им как подарок. Само собой разумеется, что именно они горячо одобряют режим. Служа интересам Сталина, они одновременно служат своим собственным интересам»[43].

Критику и свободу мысли, как заметил Жид, в СССР называют «оппозицией». Размышляя о судьбе оппозиции, писатель делает вывод о том, что «уничтожение оппозиции в государстве или даже запрещение ей высказываться, действовать – дело чрезвычайно опасное: приглашение к терроризму. Для руководителей было бы удобнее, если бы все в государстве думали одинаково... это большая мудрость – прислушиваться к противнику; даже заботиться о нем по необходимости, не позволяя ему вредить, – бороться с ним, но не уничтожать»[44]. В своей первой книге об СССР Жид радуется, что Сталину плохо удается уничтожить оппозицию, однако во второй книге он с горечью замечает, что всякое свободомыслие исключено из жизни в Советском Союзе, что для жалоб и несогласия «есть Сибирь». И делает страшный вывод: «СССР – многомиллионная страна, и "прореживание" людского поголовья осуществляется без видимого ущерба. Оно тем более трагично, что незаметно. Лучшие исчезают, лучших убирают. Лучшие не в смысле физической производительности труда, а те, кто отличается от всех, выделяется из общей массы, сила и сплоченность которой в посредственности»[45]. Пытаясь ответить на вопрос, в чем причины такого положения, писатель дает ему следующее объяснение. «В СССР решено однажды и навсегда, что по любому вопросу должно быть только одно мнение. Впрочем, сознание людей сформировано таким образом, что этот конформизм им не в тягость, он для них естествен, они его не ощущают... Каждое утро "Правда" им сообщает, что следует знать, о чем думать и чему верить. И нехорошо не подчиняться общему правилу... подобное сознание начинает формироваться с самого раннего детства». Одним из условий формирования такого сознания является, как думает писатель, надежное перекрытие любой связи с внешним миром. Более того, отмечает Жид, народ убедили, что «решительно все за границей и во всех областях – значительно хуже, чем в СССР. Эта иллюзия умело поддерживается – важно, чтобы каждый, даже недовольный, радовался режиму, предохраняющему его от худших зол». Поэтому счастье советского народа – «в его надежде, в его вере, в его неведении»[46].

«Поправки к моему "Возвращению из СССР"», основанные и на свидетельствах очевидцев, и на фактических данных, полученных автором из советских газет, написаны А.Жидом еще более жестко, даже гневно, чем первая книга. Открытым обвинением сталинскому режиму звучат слова писателя: «С кляпом во рту, угнетенный со всех сторон, народ почти лишен возможности к сопротивлению. Увы, игра велась по всем правилам и уже выиграна Сталиным – под громкие аплодисменты коммунистов всего мира, которые еще продожают верить и бу-

дут верить еще долго, что они, по крайней мере в Советском Союзе, одержали победу, будут считать врагами и предателями всех, кто не аплодирует»[47]. Естественно, что изложенные выше позиции писателя, его откровенные и резкие взгляды на жизнь в СССР были абсолютно неприемлемы для советского руководства.

Через несколько месяцев после пребывания в Советском Союзе Жида и выхода его книги, в нашей стране побывал Л.Фейхтвангер. Он успел познакомиться с книгой своего предшественника и во многом построил свою работу как прямую полемику с Жидом и всеми, кто разделял его точку зрения. «Я считаю, – обосновывал Фейхтвангер свою позицию, – поведение многих западных интеллигентов в отношении Советского Союза близоруким и недостойным. Они не видят всемирно-исторических успехов, достигнутых Советским Союзом; они не хотят понять, что историю в перчатках делать нельзя»[48]. Именно в таком ключе Фейхтвангер рисует картины повсеместного строительства, успехов в области образования и решения социальных проблем. «Чувство безусловной обеспеченности, спокойная уверенность каждого человека в том, что государство действительно существует для него, а не только он существует для государства, объясняет наивную гордость, с которой москвичи говорят о своих фабриках, своем сельском хозяйстве, своем строительстве, своих театрах, своей армии»[49].

Писатель ослеплен фигурой Сталина и подробно описывает его характер, называя вождя поднявшимся до гениальности типом русского крестьянина и рабочего, «которому победа обеспечена, так как в нем сочетается сила обоих классов»[50].

Знакомство по периодической печати, протоколам политических процессов, рассказам очевидцев и личное присутствие на процессе Пятакова и Радека приводят автора к мысли, что эти процессы можно квалифицировать как публичную чистку собственного дома накануне войны, что обвиняемые были изобличены и их признания соответствуют истине, а их действия вызывались честолюбием и жаждой власти[51]. Поддерживая в книге официальную советскую версию, в беседе с переводчицей Фейхтвангер, однако, замечал, что считает процесс над политическими противниками Сталина фальсифицированным и что процесс троцкистов в Европе «произвел потрясающее впечатление и лишил СССР двух третей его сторонников»[52].

Да, книга Фейхтвангера почти не содержит критики, но внимательный читатель критические наблюдения автора заметит весьма легко.

Прежде всего, высокая оценка Сталина не заслоняет того, что сразу же бросается в глаза иностранцу, путешествующему по Со-

ветскому Союзу – поклонения и безмерного культа, которыми население окружает Сталина. Попытки писателя найти основания для такого прославления приводят его к выводу о том, что советские люди «действительно думают, что всем, что они имеют и чем они являются, они обязаны Сталину... Народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование и за создание армии, обеспечивающей это новое благополучие. Народ должен иметь кого-нибудь, кому он мог бы выражать благодарность за несомненное улучшение своих жизненных условий, и для этой цели он избирает не отвлеченное понятие, не абстрактный "коммунизм", а конкретного человека – Сталина»[53].

Писателю нигде не удается услышать критики генеральной линии партии, которая ограничивается тем, что «при проведении всех мероприятий она исходит из убеждения, что построение социализма в Советском Союзе на основных участках успешно завершено и что о поражении в грядущей войне не может быть и речи»[54]. Видит писатель и бюрократизм, существование конформизма, «настоящий психоз вредительства», стандартизацию всей общественной жизни «в широких масштабах», в том числе стандартный энтузиазм, который производит впечатление искусственности, «в особенности когда он распространяется через официальные микрофоны»[55].

* * *

Прошло много лет, но ценность приведенных свидетельств очевидцев событий 1920-1930-х гг. не только не устарела, а многократно возросла.

Не скованные политическими и идеологическими догмами, названные в статье западные авторы (не все одинаково глубоко и последовательно) сумели увидеть в экономическом и политическом строе СССР ряд черт, которые с полным основанием можно охарактеризовать как ***обществообразующие***, т.е. такие, которые составляют и определяют в главном сущность данной общественной системы, ее основные объективные и субъективные параметры.

Они сумели увидеть крайнюю заидеологизированность, однобокость и однолинейность развития советского государства, став тем самым одними из первых разрушителей мифа о постоянном и всеобъемлющем прогрессе социалистического строя. Приблизились западные интеллектуалы и к пониманию роли бюрократии, природы культа личности Сталина, его места в жизни советского общества, роли моноидеологии, близкой к религии, соответствующего ей общественного сознания, которые делают общество одномерным, конформистским, послушным велениям сильного вождя.

Тем самым они еще в условиях тотальной закрытости советского общества обратили внимание исследователей на ряд положений, ставших сейчас такими привычными, даже «хрестоматийными» при оценке строя, существовавшего в нашей стране и получившего в историографии определения «сталинская модель социализма», «бюрократический социализм» и даже тоталитаризм. То, что удалось увидеть и оценить передовым представителям Запада, призвано стать неотъемлемой частью не только источниковой базы, но и историографии, поэтому не может не учитываться при изучении непростых процессов развития СССР в 20-30-е гг.

---

1 *Лельчук В.С., Пивовар Е.И.* Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 75.

2 См., напр., вступительную статью К Радека в сборнике: Глазами иностранцев. 1917-1932. М., 1932; Глазами зарубежных современников // История СССР. 1967. № 2, 3; и др.

3 См.: *Куликова Г.Б.* СССР 1920-1930-х гг. глазами известных представителей Запада // Отечественная история. 2001. № 1.

4 *Бережков В.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1998. С. 193, 194.

5 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1109. Л. 120.

6 Там же. Л. 121.

7 Советские архивы. 1989. № 4. С. 55, 61.

8 *Шенталинский В.* Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 196.

9 Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 64.

10 *Фейхтвангер Л.* Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей М., 1937. С. 5-6.

11 *Майский И М.* Б.Шоу и другие. Воспоминания. М., 1967. С. 78-79.

12 Два взгляда из-за рубежа. С. 66.

13 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 2.

14 Там же. Д. 700. Л. 62.

15 Там же. Л. 65.

16 Там же. Л. 124-125.

17 *Жид А.* Подземелье Ватикана. М., 1990. С. 634.

18 Книги А.Жида «Возвращение из СССР» и «Поправки к моему «Возвращению из СССР», Л.Фейхтвангера «Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей» включены в издание «Два взгляда из-за рубежа» (М., 1990).

19 РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

20 Дневник без приложений опубликован в журнале «Вопросы литературы» (1989. № 3-5). Публикация осуществлена по экземпляру, хранящемуся в архиве М.Горького в ИМЛИ. В данной статье цитируются записки Р.Роллана по тексту рукописи, хранящейся в РГАСПИ, которая в ряде случаев текстуально расходится с журнальной публикацией.

21 Два взгляда из-за рубежа... С. 64, 65.

22 *Шоу Б.* Автобиографические заметки. Статьи. Письма. М., 1989. С. 134, 137.

23 Там же. С. 137.
24 Там же. С. 139, 140.
25 Большевик. 1934. № 17. С.9.
26 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 952. Л. 23. Оригинал беседы с правкой Сталина сохранился в его личном архиве (РГАСПИ. Ф. 558. Д. 3151. Л. 1, 3 и далее).
27 РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 33. Л. 15.
28 Там же. Л. 52.
29 Там же. Л. 115.
30 Там же. Л. 72.
31 Там же. Л. 80.
32 Там же. Л. 69.
33 Там же. Л. 70.
34 Там же. Л. 72.
35 Там же. Л. 74.
36 Там же. Л. 71.
37 Два взгляда из-за рубежа... С. 75.
38 Там же. С. 90-91, 126.
39 Там же. С. 130.
40 Там же. С. 85.
41 Там же. С. 88.
42 Там же. С. 136-137.
43 Там же. С. 127.
44 Там же. С. 136, 91.
45 Там же. С. 136.
46 Там же. С. 78, 79, 89.
47 Там же. С. 127.
48 *Фейхтвангер Л.* Указ. соч. С. 79.
49 Там же. С. 15.
50 Там же. С. 70.
51 Там же. С. 76.
52 Советские архивы. 1989. № 4. С. 55, 58.
53 *Фейхтвангер Л.* Указ. соч. С. 47-48.
54 Там же. С. 31.
55 Там же. С. 28, 29, 32

Игрицкий Ю.И.

ВОСПРИЯТИЕ СССР КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ

Как ни парадоксально, но чем менее идеологизированным становится наше восприятие прошлого, тем отчетливее выявляется духовная, идеологическая и политическая значимость, которую имели взаимное восприятие и взаимная оценка СССР и крупнейших капиталистических держав в качестве фактора, влияющего на их отношения и на мировое развитие в целом. Следует заметить, что данный феномен уникален в человеческой истории. Какие бы иные страны и группы стран, не раз сталкивавшиеся на протяжении длительных отрезков времени, мы не взяли (например, Францию и Германию, Оттоманскую империю и Европу, Китай и колониальные державы), мы не обнаружим формирования стереотипных представлений как существенного элемента мотивации их политической и геополитической стратегии. Там это либо простые «кирпичики» в общем блоке взаимного мировосприятия народов, либо инструменты пропагандистских кампаний, которые велись в конкретных целях только на определенных исторических этапах (конфессиональная нетерпимость представляет совершенно другое явление, объединяющее десятки стран и народов, несмотря на существенные политические противоречия между ними).

В случае с послеоктябрьской Россией дело обстоит иначе. Возникновение Советского Союза с его коммунистическим мессианизмом, идеологическим неприятием буржуазных ценностей, растущей военной мощью и опорой на леворадикальные движения во всем мире, явилось глобальным вызовом Западу. Большевистская идеология, государственный строй и общественная модель изначально предстали как антитеза всем западным институтам, и это обусловило множественность осей и обличий противостояния, семантически выражавшихся в различных антиномиях – «СССР-США», «социализм (коммунизм) – капитализм», «Восток-Запад». Речь шла не о том, каким виделся русский американцу (англичанину, французу и т.д.) и наоборот, а о том, какая система какими средствами одержит победу над другой в глобальном состязании.

Для современного поколения россиян знание представлений, складывавшихся за рубежом об их стране в XX в., важно еще по

одной причине. Советское прошлое, т.е. период 1917-1991 гг., стало предметом радикального переосмысления, в ходе которого обнаружилось, что многие аксиомы, которые мы начали открывать для себя, были давно известны наблюдателям за рубежом (пусть не всем, пусть не целиком, пусть с существенными вольными или невольными аберрациями). С этой точки зрения, можно сказать, что россиянам важнее заглянуть в западное «зеркало», чем европейцам и американцам – в российское, ибо перед теми не стоит задача найти новые ключи к познанию своей истории. Мы же, зная как и почему именно так, а не иначе, складывались эти «внешние» представления о нашей стране, сможем лучше понять самих себя, собственное прошлое и настоящее. Открытость миру, самоосознание в общемировых координатах по определению служат факторами, способствующими изживанию конфронтационной психологии и развитию интеграционных процессов.

Сейчас, когда Россия стремится преодолеть то наследие советского прошлого, которое послужило и причиной, и следствием ее превращения во второстепенную державу по уровню развития экономики, благосостояния народа, социального обеспечения, гражданских свобод и демократической политической культуры, мы не удивляемся негативному, нередко враждебному отношению немалой части мирового общественного мнения к СССР и олицетворяемой им системе. Однако не все знают, что досоветская Россия, та Россия, «которую мы потеряли» (по проникнутому ностальгией выражению наиболее жестких критиков советской системы), также не вызывала особых симпатий у большинства современников на Западе. Образ дореволюционной России служил и продолжает служить протоосновой отношения к России послереволюционной, в том числе к России сегодняшней. Схема восприятия, согласно которой до 1917 г. наша Родина была благостной страной, после 1917 г. стала страной инфернальной, а сейчас пытается вернуться к патриархальной благодати, разделяется кое кем из наших соотечественников (большей частью дворянско-монархической ориентации), но абсолютно чужда мироощущению европейцев и американцев.

Для них Россия всегда была социумом, существенно отличающемся от усредненного европейского социума, особенно с того времени, когда в Европе стали складываться либерально-демократические, плюралистические, гражданские традиции. В самой России многие представители просвещенной части общества, в первую очередь славянофильски настроенная интеллигенция XIX в., также полагали, что их отечество идет своим «особым» ис-

торическим путем. Однако оценочные знаки ее «особости» были полярно противоположными. Та специфика русского пути, которая вызывала восторг славянофилов и нравственную приверженность многих патриотов, как правило, оставалась либо непонятой (это относится прежде всего к пресловутой «русской душе»), либо категорически осужденной западными наблюдателями (максимальная централизация государственной власти, расширение границ, панславянский гегемонизм и мессианизм, крепостничество). В 60-х гг. XIX в. Николай Тургенев сетовал: «Теперь Европа плохо знает Россию, не желает знать ее, не хочет слушать, зажимает уши, когда ей говорят о России что-либо несогласное с ее предрассудками и предубеждениями»[1]. Главным среди таких предубеждений было (и осталось на долгие десятилетия вперед) полурациональное, полуинстинктивное опасение российской экспансии в Европу, основанное на восприятии России как чуждой азиатской державы, внушающей страх уже одними своими колоссальными размерами.

Это восприятие не исчезло и в XX в. «Как историк прошлого я должен заявить, что в истории русской культуры и в русской традиции не очень-то много вещей, которыми можно восхищаться» – признался однажды один из самых известных послевоенных россиеведов Великобритании Хью Сетон-Уотсон, автор книг «Закат императорской России», «Русская империя», «Типология коммунистических революций» и др.[2] Таким образом, речь идет об устойчивой интеллектуальной традиции, обусловленной негативным отношением к нашей стране с теми ее особенностями и в том виде, в котором она формировалась как целостное единство характерных черт государства, общества и народа. Согласно данной традиции, эти черты изначально (в период Киевской и Новгородской Руси) не слишком отличались от европейских, но были изменены в годы монгольского ига, которое гипертрофировало роль государства как бесконтрольного хозяина земли, материальных ценностей и людей, придав с течением времени государству автократический, гарнизонный, а затем и тоталитарный характер. В таком государстве и подданные не могли не отличаться от европейцев: в них переплелись как положительные врожденные человеческие качества, так и привычки, образ мыслей, сложившиеся в результате полной зависимости от государства. Один из современных западных исследователей так описывает натуру россиян: «Они широки душой, но узко мыслят; бездумны, но осторожны; терпимы, но и нетерпимы; свободолюбивы, но рабски покорны; они независимы, послушны, зло-

вредны, добры, жестоки, любвеобильны, способны ненавидеть, энергичны, ленивы, наивны, циничны, вежливы, грубы — эти разные качества берут в них верх в разное время»[3].

Разумеется, такое восприятие России и россиян разделяется отнюдь не всеми за рубежом, в том числе и на Западе. Во всех просвещенных обществах всегда находились люди, понимающие легковесность и недостоверность стереотипов, рожденных на основе поверхностных знаний. Тем не менее возникает вопрос: как могло сложиться такое невообразимо противоречивое представление о русских, которое, похоже, просто вместило все мыслимые человеческие качества в единстве и противоположности добра и зла? Ответ частично кроется в том, что представления о мнимых и действительных чертах характера россиян черпались не столько из личного знакомства и впечатлений, сколько из литературных источников. Ведь интенсивность общения европейцев друг с другом в близких и тесных географических пределах Западной и Центральной Европы всегда была многократно выше, чем с народами, проживающими на расстоянии нескольких тысяч километров. Один из английских литературоведов, знакомый и с творчеством русских писателей, и с европейской литературой о России, заметил в 1916 г.: «Все без исключения мои русские друзья — совершенно здравомыслящие люди; однако почти все русские, о которых я читал в книгах, настоящие безумцы»[4]. Если бы этот литературовед жил в наши дни и ему довелось бы просмотреть фильм «Сибирский цирюльник», а также многие современные западные кинокартины о России, у него сложилось бы аналогичное впечатление.

Итак, в непонятной и чуждой стране, населенной импульсивными людьми, которые сочетали в себе как лучшие, так и худшие человеческие качества, в 1917 г. произошли две революции, которые смели сначала потерявший привлекательность, но все же достаточно привычный институт монархии, а затем и краткосрочную республику, декларировавшую приверженность идеалам европейского парламентаризма и экономического либерализма, основанного на частной собственности. На смену старым порядкам пришла государственная власть, объявившая себя выразительницей интересов городских и сельских низов, а все национальное богатство — достоянием народа, оставив, однако, за собой право бесконтрольно распоряжаться всем государственным и частным имуществом. Так представляли себе суть октябрьского переворота и последовавших за ним событий на Западе. Большевистские идеалы, цели и программы

строительства нового общества в России были настолько чужды Западу, что легко давали основания для фантазий и мифов, еще более далеких от действительности, чем традиционные рассуждения о загадочной «русской душе». В европейской и американской прессе 1918-1920-х гг. можно было прочесть, что Россией правят пьяные казаки и комиссары, издавшие декрет о «национализации женщин»[5]. Стало привычным шаржированное изображение большевика в папахе с бомбой в одной руке и бутылкой водки в другой.

Здесь необходимо оговориться, что такой имидж России формировался у большей части населения стран Запада, но отнюдь не у всего населения. Это достаточно очевидный посыл – никогда, ни в одной стране имидж других стран и народов не был одинаковым у всего населения и во всех социальных слоях. Всегда существенную роль играли такие факторы, как характер межгосударственных политических и экономических отношений, уровень информированности о другой стране (который, конечно же, различался в зависимости от образования и профессиональных знаний, условий деятельности средств массовой коммуникации, государственной информационной политики и т.д.), неформальные контакты людей. В XX в. к этим общим факторам добавились другие, специфические для новой исторической эпохи. Социальные революции в России (целых три), Китае, Мексике, Центральной и Восточной Европе; рост национально-освободительного антиколониального движения, также выливавшийся в революции; мировые войны с применением средств массового уничтожения, вовлекшие в свое горнило огромное число людей; возникновение лево- и праворадикальных режимов, ставящих целью изменить мир и его геополитическую конфигурацию; быстрый технический прогресс средств воздействия на менталитет и психику человека – вот глобальные факторы только первого порядка, характерные для нашего столетия. Применительно к Советскому Союзу действие этих факторов приобретало мощную дополнительную специфику, обусловленную тем, что в России не только свершилась радикальная политическая революция, но и произошли вслед за ней беспрецедентные в истории человечества ломка традиционных общественных устоев, снос старого экономического фундамента, гигантская социальная перетряска, охватившая все классы и слои.

Если, как подчеркивалось выше, правящие элиты Запада восприняли события в России как разрушительный импульс и вызов всем сложившимся ценностям и устоям, то непривилегированные слои в Европе, Америке, да и во всем мире, к которым относились

многие работники наемного труда, увидели в возвышении российских рабочих и беднейших крестьян, в национализации и перераспределении общественного богатства перспективу аналогичного, более справедливого будущего и для самих себя. Советский политический и идеологический истеблишмент по понятным причинам раздувал сочувственное отношение к СССР за рубежом до глобальных масштабов, придавая ему статус поддержки «всего прогрессивного человечества». Это было отчасти самообманом, а отчасти инструментом пропагандистской обработки общественного мнения, прежде всего в самом Советском Союзе. Верно, что многие индустриальные рабочие и представители интеллигенции в Европе, Америке, на других континентах, готовые к политическому действию, приветствовали «Русскую Революцию», коммунистов и коммунизм. Во главе различного рода движений в поддержку Советской России стояли местные компартии и левосоциалистические организации, которые вырабатывали общую платформу в рамках ведомого Советским Союзом Коминтерна. Опять-таки, из этого не следует, что все трудящиеся низы за рубежом находились под влиянием коммунистической пропаганды. Далеко не все из них вообще интересовались политикой и, тем более, занимали активную политическую позицию. Необходимо учитывать и то, что возможностей влиять на общественное мнение своих стран у «красной» и «розовой» пропаганды было неизмеримо меньше, чем у буржуазной прессы.

Тем не менее можно сказать, что в период между двумя мировыми войнами за рубежом параллельно рождались два штампа неадекватных представлений о СССР – миф о государстве, указывающем путь к идеальному освободившемуся от социальных противоречий обществу, и образ страны в которой утвердилась диктатура революционеров у власти, не пользующаяся никакой поддержкой народа. Полярная противоположность этих штампов соответствовала линиям социально-политического раскола внутри капиталистических стран и усугублялась в 1930-х гг. нарастанием международных противоречий в связи с приходом нацистов к власти в Германии и подготовкой ими новой мировой войны. Часть населения стран Запада (основной контингент собственников и средних слоев, некоторое число лиц наемного труда, включая рабочих) воспринимали СССР как несвободное и недемократическое государство, в лучшем случае следующее утопическим курсом, а в худшем родственное фашистскому и нацистскому режимам в Италии и Германии. Другая часть (основной контингент «голубых воротничков» в промышленности, немало представителей научной и творческой

интеллигенции, кое-кто среди собственников и в материально обеспеченном сегменте средних слоев) рассматривала Советский Союз и коммунистов вообще как единственную силу, способную дать отпор практиковавшемуся фашизмом социальному насилию и агрессивным устремлениям гитлеровской Германии на мировой арене.

Действенным фактором, влиявшим на отношение населения зарубежных стран к социальным процессам и событиям в Советском Союзе, было состояние самого западного общества. С одной стороны, по мере того, как уходили в прошлое тяготы и лишения, связанные с Первой мировой войной, – улучшалось материальное положение наемных работников, укреплялись позиции профсоюзов в торге с предпринимателями, уменьшался радикализм мировосприятия масс, усиливалась их аполитичность. С другой стороны, крупнейшая экономическая депрессия конца 1920-х – начала 1930-х гг., вызвавшая как в Европе, так и на американском континенте резкий рост безработицы, обнищание масс и поляризацию общества, усилила привлекательность советской модели развития, избежавшей всего этого благодаря директивным плановым методам ведения хозяйства. «Очень важно, чтобы те черты русской системы, которые доказывают свою ценность, были использованы в системах других стран. Одной из наиболее важных черт является государственное планирование», – заявил один из членов делегации фабианских социалистов Великобритании, вернувшись из поездки в СССР в начале тридцатых годов. В середине тридцатых годов немалую популярность приобрел взгляд на СССР, суть которого отражал заголовок книги английских лейбористов супругов Сиднея и Беатрисы Уэбб – «Советский Союз – новая цивилизация?» (вопросительный знак в конце заголовка был чисто риторическим)[6]. Иными словами, по мере того, как весь мир становился по ходу XX в. все более взаимосвязанным и воспринимаемым как воплощение общего движения человечества от прошлого к будущему, люди, перерабатывающие в своем сознании потоки глобальной информации (разумеется, менее глобальной, чем сейчас, но уже всеохватывающей и массовой), все чаще задавались вопросом, какой из существующих путей развития и образцов государственно-общественной организации является предпочтительным.

С определенной долей условности можно следующим образом схематизировать противостоящие друг другу имиджи СССР в мировом общественном мнении в 1920-1930-х гг.:

Негативный имидж	Позитивный имидж
Отсталая нищая страна с пассивным населением, не имеющим вкуса к частной экономической инициативе. Обречена на перманентно низкий уровень жизни. Хозяйственные планы не выполняются, а отчеты об их выполнении фальсифицируются. Коммунистические вожди готовы принести любые человеческие жертвы ради претворения в жизнь своих идей и сохранения власти. Любое инакомыслие и гражданское неповиновение расцениваются коммунистической верхушкой как государственное преступление и караются смертной казнью, либо помещением в концентрационный лагерь. Принудительное насаждение коммунистической идеологии сопровождается гонениями на церковь и верующих. В основе внешней политики лежат попытки столкнуть крупнейшие развитые страны друг с другом и провести коммунистические перевороты – внутри каждой из них.	Передовая страна, показывающая всему миру, что путь к социальной справедливости и гармоничному обществу лежит исключительно через ликвидацию частной собственности и директивное плановое хозяйство. Эти коммунистические идеалы разделяются практически всеми гражданами, ввиду чего властям нет нужды запрещать свободу слова и оппозицию. В тюрьмах сидят только настоящие вредители. Советское общество является единственно приемлемой альтернативой как западному капитализму, так и фашизму; Запад же стремится канализировать фашистскую агрессию против СССР.

Эти имиджи не были жестко и перманентно «закреплены» за теми или иными социальными слоями зарубежных стран – и среди рабочих, представлявших основную часть электората левых партий на Западе, не все разделяли мировосприятие коммунистов; и в среде интеллигенции, лучше обеспеченной материально, многие искренне считали необходимыми радикальные перемены внутри капиталистического общества по примеру Советской России. Не были данные имиджи и неизменными, поскольку испытывали постоянное давление динамики разноплановых событий и тенденции в мировой политике. Так, огромный урон позитивному образу СССР в Европе и Северной Америке нанесли пакт о ненападении, а затем и договор о сотрудничестве между Советским Союзом и гитлеровской Германией, раздел между ними Польши, советско-финская война, предпринятая Сталиным, чтобы захватить Карельский перешеек и отодвинуть государственную границу с Финляндией подальше от Ленинграда.

Каким образом менялось восприятие СССР у представителей информированной части населения Запада на протяжении турбулентного предвоенного десятилетия, хорошо иллюстрирует пример американского историка и политолога Фредерика Шумана, в чьих работах симпатии к коммунизму зигзагообразно перемежались с неприятием методов и действий сталинской верхушки.

Противоречивость и эклектичность позиций Шумана достаточно прямо увязывается с событиями того периода, что позволяет снова прибегнуть к схематизации причинно-следственных связей в возникновении стереотипов.

1937 год. Выходит книга Шумана «Международная политика». Когда она готовилась к печати, еще не прошумели на весь мир московские процессы и автор еще не успел осмыслить и оценить сталинский террор, его корни и масштабы. Большевистская партия характеризуется в книге как «самая сознательная в классовом отношении часть городского пролетариата», а советское общество — как воплощение «нового образа жизни», который выгодно контрастирует с состоянием пораженного кризисом западного общества[7].

1941 год. Шуман выпускает новую работу — «Ночь над Европой». Позади пакт Молотова-Риббентропа и советско-финская война, но гитлеровская Германия еще не напала на Советский Союз. СССР объявляется агрессором и пособником фашизма, а советская система — «тиранией»[8].

1941-1945 годы. Шуман выступает в периодической печати с призывами всемерно крепить союзнические отношения между западными державами и СССР во имя победы над общим врагом, а к концу войны готовит капитальную монографию «Советская внутренняя и внешняя политика», в которой позитивно оценивает советский опыт, называя его «прогрессивным поиском пути решения человеческих проблем»[9].

Эта оценка явилась лишь одним из свидетельств того, что через два с лишним десятилетия после октябрьской революции 1917 г. в мире возникла ситуация, резко изменившая восприятие Советского Союза за рубежом и в значительной мере поломавшая многие из сложившихся в этот период представлений о СССР и коммунизме. Именно такую ситуацию создали Вторая мировая война и Великая Отечественная война как основная составляющая всемирного военного катаклизма 1939-1945 гг. Когда гитлеровский вермахт вторгся на территорию нашей страны, последняя оказалась естественным союзником западных держав — невзирая на полярность их ценностей и политических систем, а также все острейшие внешнеполитические противоречия между ними, существовавшие до этого. Как видно уже из динамики взглядов Ф.Шумана, население и общественное мнение крупнейших капиталистических стран быстро восприняло СССР как партнера по единой антифашистской коалиции, и это обусловило не только соответствующие изменения в содержании официальной пропаганды, но также серьезные сдвиги в отношении людей к коммунистам и тому государству, которое

считалось оплотом мирового коммунизма. Поражения беспрепятственно захватившей пол-Европы Германии на Восточном фронте, последовавшие одно за другим, начиная с зимы 1942 г., существенно усилили эти сдвиги. Кто-то на Западе пересмотрел свое отношение к «Советам»; кто-то просто оставил более глубокий анализ сущности советской системы на будущее, отдавая должное ее устойчивости и героизму Советской Армии в схватке с самой мощной в мире военной машиной. При этом Запад как бы заново и в ином, чем ранее, свете начал воспринимать россиян и самое Россию. Хорошо известны слова Уинстона Черчилля, которые он как премьер-министр Великобритании адресовал Сталину как премьер-министру СССР: «Будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед»[10]. А вот, без сомнения, искреннее мнение американского генерала Стилуэла: «Американцы выразят чувство своих собственных солдат, воздавая должное в особенности русскому солдату. Мы наблюдали его в этой войне во время упорной, самоотверженной обороны против могущественной германской машины, во время его эпического сопротивления в Сталинграде и его первой великой победы там, когда он уничтожил 6-ю германскую армию и повернул ход войны к окончательной победе. Мы видели, как он гнал германскую армию обратно и очищал свою родину от захватчиков в самом великом и упорном в военной истории наступлении. В течение трех лет постоянной борьбы мы видели, как он вынес на себе всю тяжесть натиска немцев и разбил их. Он превзошел все достижения русских солдат в прошлых войнах, и все солдаты любой национальности горды тем, что они объединились с ним в этой войне. Весь цивилизованный мир должен особенно оценить заслуги центральной фигуры в этой борьбе – русского солдата»[11].

Первая мировая война заставила людей на всех континентах по-новому взглянуть на потенциал России и ее роль в международной политике. Возник гораздо более широкий, чем ранее, интерес ко всему, что происходило и происходит в нашей стране, к ее роли в мировых делах. «Рост этого интереса был настолько головокружительным, что в области изучения СССР обозначились перебор студентов и плачевная нехватка преподавательских кадров, – констатировал журнал «Славоник энд Ист-Юропиэн Ревью», имея в виду положение, сложившееся в США и Великобритании. – Начиная с весны 1943 г. (т.е. после Сталинградской битвы. – *Ю.И.*) интерес к русскому языку стал небывало высоким»[12].

Военные годы проложили новое русло теоретических представлений западной науки о советской системе. Если во второй половине 1930-х гг. коммунизм все чаще рассматривался как антипод либерализма и леворадикальный аналог фашизма, то антифашистский союз западных демократий и СССР дал стимул надеждам не только на внешнеполитическое, но и на внутриполитическое их сближение. Питирим Сорокин, выдворенный из России большевистским правительством в 1922 г. и ставший одной из самых значительных фигур в американской социологии, в труде «Россия и Соединенные Штаты» заявил о наличии двенадцати сфер общественной жизнедеятельности (включая политическую), в которых эти две крупнейшие державы мира будут все более уподобляться друг другу[13]. Так родилась концепция конвергенции полярных социальных систем, которая и впоследствии спорадически проявляла себя в научной печати и публицистике, но никогда, по понятным причинам, не имела преобладающего влияния на Западе.

После разгрома общего врага и окончания Второй мировой войны антагонистическая конфронтация капиталистической и коммунистической систем снова стала главной доминантой в формировании общественного мнения Запада о Советском Союзе, причем со временем ее значение в ряду других внешних и внутренних факторов мировосприятия постоянно возрастало. Во второй половине XX в. социальные противоречия капитализма оказались существенно смягченными, что привело к его кардинальной переоценке огромным большинством представителей всех классов и слоев населения стран Запада. Либерально-демократическая система проявила мощную способность адаптации к требованиям времени, которой не смог обнаружить в себе советский строй. В сфере международных отношений Запад и СССР схлестнулись еще более непримиримо, чем в предвоенный период, поскольку встал никогда ранее не возникавший столь остро вопрос о распределении зон политического, идеологического и экономического влияния в мире, в том числе и прежде всего влияния на будущее той части европейского континента, которая была освобождена от фашизма.

В силу целого ряда причин советская система и модель развития оказались перенесенными, пусть и в модифицированном виде, на страны Восточной Европы, а затем стали приживаться и в неевропейском мире. Причин тому много; на начальном этапе переноса решающую роль сыграли присутствие Советской Армии во многих странах, облегчившее приход к власти местных левых сил, а также резкий рост популярности, влияния и организационных возможностей коммунистов, сражавшихся против фашизма с оружием в руках.

Сложился общемировой феномен, именовавшийся коммунистической пропагандой мировой социалистической системой, а западной пропагандой – советским блоком. Противостояние социальных тенденций и политических движений левой и правой направленности приобрело глобальный характер, усугублявшийся возникновением в результате антиколониальных революций третьего мира и борьбой двух систем-блоков за позиции в этом мире.

Эта принципиально новая глобальная ситуация явилась тем главным фактором, на фоне которого развивались старые и формировались новые представления за рубежом о России и Советском Союзе. Заметим, что именно с конца 1940-х – начала 1950-х гг. в крупнейших странах Запада стала складываться система учреждений, специально созданных для всестороннего изучения нашей страны, ее истории и всех аспектов современной жизни. В этих учреждениях (институты, исследовательские подразделения, центры, ассоциации) возникла отрасль знания, получившая общее название «советология», т.е. «наука о Советах», предмет которой в действительности включал в себя полномасштабный анализ развития послеоктябрьской России, а также тех стран, которые заимствовали советскую модель.

Начиная с этого времени в представлениях о России/СССР на Западе стали различимы разные уровни: концептуальный, научно аргументируемый и обыденный, складывающийся под воздействием средств массовой коммуникации, к которым добавилось (помимо прессы и радио) телевидение. Различия между ними не носили принципиального характера, ибо рождающиеся концепции и стереотипы нередко тесно корреспондировали между собой, отличаясь, во-первых, языком и терминологией, а во-вторых условиями и скоростью формирования (научный анализ фокусировался на устойчивых социальных процессах и системных параметрах, в то время как публицистика реагировала прежде всего на события и быстротекущие изменения). Ценностное содержание концепций и стереотипов всегда главным образом зависело от личной позиции их создателей, хотя фактор «социального заказа» присутствовал и присутствует во всех типах современных обществ. Равным образом сообщаемая и конструируемая на двух уровнях информация воспринималась реципиентами во многом в зависимости от их субъективного мироощущения и ценностных приоритетов, которые в свою очередь могли быть детерминированными социальным статусом, микросредой, политической ангажированностью и другими факторами.

На протяжении нескольких послевоенных десятилетий сложилось восприятие СССР в рамках определенных теоретических по-

сылок, которые фокусировали внимание на тех или иных сторонах советской системы. Выше упоминалась концепция конвергенции, которая не получила широкого распространения в науке и вовсе не прижилась в обыденном мышлении за рубежом. Суммируя все, что ему доводилось слышать и читать о России и Советах, средний европеец и, тем более, американец (будучи более провинциальным и менее восприимчивым к внешнеполитической информации, чем европеец) проникался сознанием, что, хотя все люди одинаковы, жизнь в далекой России существенно отличается от его собственного мира. И в самом деле, кто взялся бы доказать ему, что это не так? Индивидуальный опыт личного знакомства с далеким и незнакомым социумом, нередко долженствующий корректировать изначальные клишированные представления, в западном обществе был практически нулевым в отношении СССР. В тех же не столь уж многочисленных случаях, когда гости из-за рубежа получали реальные возможности увидеть хоть что-то в Советском Союзе вне официальной и жестко регламентировавшейся программы, их выношенные суждения о советской системе оказывались в той или иной степени неблагоприятными для системы; суждения же о советских людях представляли амальгаму позитивных и негативных оценок[14].

Отсутствие полной и подробной информации о повседневной жизни в СССР вкупе с негативным восприятием советской системы облегчало возникновение стереотипов, концепций, понятий, терминов, относившихся к отдельным, как правило, весьма существенным аспектам советской действительности, но не дававших представления о стране в целом. По горячим следам свертывания человеческих контактов и ужесточения цензуры, которые были предприняты советской верхушкой сразу после окончания второй мировой войны, возник устойчивый образ «железного занавеса» – с легкой руки Уинстона Черчилля, употребившего эту метафору в своей известной «фултонской речи» в марте 1946 г.; затем из этой метафоры родилось понятие «закрытого общества», нашедшее широкое применение как в массовой печати, так и в научных исследованиях. Полностью соответствовавшее реальной действительности, это понятие, однако, не претендовало на полную характеристику советской системы в целом. То же можно сказать о многих других терминах с помощью которых западные политологи, социологи, экономисты на протяжении 1950-1980-х гг. стремились определить сущность советской системы: «администрируемое общество», «моноиерархическое общество», «партийное государство» и т.д. Эти термины так и не вошли в сколько-нибудь широкий оборот, оставшись неизвестными большей части населения западных стран.

Отдельно следует сказать о концепции СССР как тоталитарного государства. Впервые термин «тоталитарное государство» появился в Италии, где теоретики – сподвижники Муссолини провозгласили создание такого государство конечной целью фашистского движения («тоталитарный», как и «тотальный» обозначает целостное единство и всеохватываемость, исключающие внутреннюю опозицию). Западные политологи очень быстро взяли термин на вооружение, употребляя его сначала в отношении нацистской Германии, а затем и Советского Союза. После Второй мировой войны появились уже развернутые научные труды о тоталитаризме как государственной и общественной модели (авторами наиболее известных были Ханна Арендт и Збигнев Бжезинский с Карлом Фридрихом[15]). И концепция, и термин на протяжении всей второй половины XX в. оставались на Западе референциями, наиболее часто используемыми для характеристики сути советской системы. Аналогичным образом сейчас они воспринимаются множеством, если не большинством, россиян как самое адекватное определение власти, при которой право принятия жизненно важных для судеб нации решений монополизировано правящей верхушкой (будь то Политбюро или другая узкая группа людей) без консультации с обществом. Однако мало кто в нынешней России задается вопросом, каковы критерии тоталитарной системы помимо этой очевидной, но слишком общей посылки, когда, как и в силу каких условий она сложилась, чем отличается от аналогичных систем в других странах, как избежать ее реставрации. Попытки зарубежных исследователей ответить на эти вопросы трудно признать исчерпывающими.

Несмотря на недостаточную ясность в отношении степени пригодности концептуальных инструментов познания России/СССР, используемых за рубежом, нельзя не признать, что отдельные сферы функционирования государства и общества были на протяжении нескольких последних десятилетий изучены скрупулезно и, в целом, адекватно. В фокусе их внимания оказались основные проблемы политики (от механизма государственной и партийной власти до квазиканалов обратной связи), экономики (от централизованного планирования и управления до практики предприятий), социальной структуры (от социальных слоев и групп до микросреды), культуры (от общих идеологических установок до роли отдельных институтов), этнонациональных отношений (от федеративного государственного устройства до этнического состава и положения меньшинств в отдельных республиках). Результаты исследовательской работы западных советологов стали более доступными общественному мнению благодаря средствам массовой ком-

муникации; вместе с журналистскими репортажами и экспресс-анализом, постоянно проводимым крупнейшими агентствами масс-медиа, они образовали огромную базу информации, которая стала главным источником складывания устойчивых представлений о нашей стране на Западе.

Как и в межвоенный период, на общественное мнение Запада в отношении России влияли конкретные внешнеполитические и внутриполитические события, вызывая флуктуации в ту или другую сторону – усиления или смягчения неприязни у противников советской системы; роста или снижения симпатий у сочувствующих системе, России и ее народу. Наиболее заметные всплески негативных эмоций были связаны с событиями в Венгрии (1956), Чехословакии (1968) и Польше (1980), а также вторжением советских войск в Афганистан, когда даже в среде зарубежных левых немало людей стали воспринимать СССР как имперскую, стремящуюся к мировой гегемонии державу, не отличающуюся от классических империалистических держав. Напротив, запуск первого спутника и первый космический полет Юрия Гагарина превратили многих индифферентных наблюдателей на Западе в искренних сторонников если не коммунизма, то поддержания хороших отношений с Советским Союзом. По принципу зеркального отражения политика самих западных держав также давала основания своим гражданам менять отношение к СССР и коммунистам – так, критики интервенции США во Вьетнаме стали выступать против интерпретации советской политики с позиций жесткого антикоммунизма.

При всех частных случаях коррекции идейно-политических симпатий и антипатий можно говорить о доминирующих представлениях о советской системе и ее отдельных функциях, которые сложились на Западе в последние десятилетия перед ее коллапсом. Представляется совершенно закономерным, что наиболее острое, нередко милитантское неприятие во всех стратах западного общественного мнения вызывали те цели КПСС, которые носили антилиберальный, антизападный характер, и практически вся политика КПСС – во внутренней сфере в силу антилиберализма; во внешней – в силу антизападного импульса. Партия рассматривалась как политическое ядро тоталитарного государства, контролирующее действия всех звеньев механизма государственной власти и превратившееся в «некое сверхправительство, при котором собственно государство выполняет функции административного агентства»; при этом «главная цель партии состоит не в осуществлении какой-то специальной программы усовершенствования общества, а в попытке сохранить власть в руках самоизбираемого меньшинства и

скрыть этот факт»[16]. Общепринятым на Западе стало мнение, что монополия партии на власть породила «коммунистическую бюрократию» – огромный номенклатурный слой, подменяющий интересы социальных групп собственными бюрократическими интересами, обеспечивающий практический контроль партийной верхушки над обществом, располагающий неограниченными средствами индоктринации населения и позволяющий замалчивать любые политические провалы руководства[17].

Вместе с тем среди советологов существовало понимание того, что тотальный характер власти КПСС не в состоянии полностью нивелировать структуру общества, помешать формированию различных социальных и профессиональных групп по интересам – да такая цель и не ставится. Рассматривая проблему политического процесса в СССР с точки зрения роли обратной связи, американские исследователи С.Ротман и Дж.Бреслауэр пришли к выводу о том, что в советскую систему встроены механизмы, позволяющие направить выражение групповых интересов в подконтрольное партии русло при строго регламентируемых условиях: если ставящийся вопрос не является политически острым; если мнение высказывается осторожно, не затрагивая коренные интересы партии; если высказываемые пожелания помогают режиму выполнить поставленные им цели; если рекомендации предлагаются политически благонадежными людьми; если в высших эшелонах партийного руководства есть сторонники этих рекомендаций; если партийное руководство вообще заинтересовано в иных мнениях по данному конкретному вопросу[18].

Взгляд западных аналитиков на другие аспекты жизнедеятельности советского общества соответствовал данной характеристике сложившихся норм и прерогатив партийно-государственной власти в СССР. Само общество со всеми его институтами рассматривалось как поле деятельности власти, как одновременно инструмент и объект реализации программ и политики, конструируемых в соответствии с ирреальными идеологическими установками и поэтому выполняемых лишь в меру текущих потребностей развития.

В этой парадигме и народ лишь в очень ограниченной степени выполнял функции субъекта развития, целиком превратившись в «молчаливое большинство», мобилизуемое на достижение поставленных целей. Такое восприятие советских людей не противоречило более ранним представлениям о «русской душе» за исключением того, что из веера прежних характеристик исчезла такая черта как склонность к непредсказуемому бунтарству – в тоталитарном государстве массовый бунт маловероятен по определению. Что немало-

важно – россиянин, став «новым советским человеком», остался столь же далек и непонятен для западноевропейца как и до 1917 г.

Обострение конфронтации СССР и Запада в начале 1980-х гг., когда наша страна была объявлена президентом США Рональдом Рейганом «империей зла», привело к тому, что в канун «перестройки» и радикальной трансформации советской системы общественное мнение за рубежом воспринимало СССР крайне негативно, причем имело место нарастание отрицательных эмоций. Этому, конечно, способствовали, как уже говорилось выше, война в Афганистане и попытки подавить движение «Солидарность» в Польше. Если в конце 1970-х гг. враждебное отношение к Советскому Союзу выражали 65% американцев, то в 1983-1984 гг. их число выросло до 93%. Опрос учеников в одной из средних школ на Атлантическом побережье США выявил, что русские люди предстают в их воображении как бесчувственные, невежественные, наивные, напуганные, грустные, страдающие манией преследования, регламентированные, запрограммированные, серые, странные и т.д.[19] В этой непрезентабельной палитре оценок были и положительные вкрапления (храбрые, стойкие), но они мало влияли на отношение к стране и ее народу в целом. «Русские стали народом, который западной публике понравилось ненавидеть», – констатировали авторы книги «Русская угроза. Мифы и реальность»[20].

С началом масштабных общественных перемен в СССР такой образ начал понемногу модифицироваться. В западной печати стали чаще встречаться благожелательные высказывания иностранцев о россиянах. В октябре 1987 г. журнал «Тайм» суммировал мнения американцев относительно черт характера, отличающих русских от них самих; такими чертами были названы «присутствие прошлого, трения между индивидуумом и государством, смесь любви и страха в отношении граждан к государству, особая красота в людях, берущая истоки в осознании жизни как юдоли печали»[21]. Мы видим, что оценочный спектр существенно сдвинулся в лучшую сторону по сравнению с опросами начала 1980-х гг. В первые годы перестройки американские психологи, стремясь выявить, как будут вести себя советские люди по мере ее углубления, сходились в том, что население России, подвергающееся большим стрессам, проявляет традиционные стоицизм, терпение и изобретательность. Некоторые американские предприниматели, установившие более тесные контакты с партнерами в нашей стране, отозвались о россиянах как о народе «талантливом» и «превосходно обученном»[22]. К сожалению, по прошествии десятилетия, в середине 1990-х гг. возник и стал все сильнее влиять на зарубежное общественное мнение фак-

тор растущего наплыва в Западную Европу и Северную Америку так называемых «новых русских» с отчетливыми ментальными и психофизическими свойствами, присущими криминалитету. Имидж россиян снова стал меняться к худшему.

Сама перестройка стала для Запада неожиданным и поначалу малопонятным событием, к которому не было готово даже большинство аналитиков. По прошествии некоторого времени, анализируя ее причины, одни акцентировали пагубную роль сверхцентрализованного хозяйственного механизма, неспособного обеспечить переход от индустриальной экономики к постиндустриальной; другие – растущую неспособность партийного руководства осуществлять контроль над гигантским управленческим аппаратом; третьи – неэффективность «общественного договора» между партократическим руководством и основной массой населения страны, позволявшего власти бесконтрольно править в обмен на трудовую пассивность и минимальную защищенность населения. На вопрос о том, что обусловило всесторонний кризис советской системы накануне перестройки, американский советолог Северин Бялер кратко и ясно ответил: «Причины встроены в систему»[23]. Ральф Дарендорф, социолог и экономист с мировым именем, подтвердил это объяснение, придав ему глобальный ракурс: «Реальный социализм – не что иное, как неудачная попытка войти в современный мир, попытка, кончившаяся провалом»[24].

Очень скоро на Западе и сама перестройка стала восприниматься как провал с точки зрения поставленной М.С.Горбачевым цели придать советской системе истинно социалистический облик, деформированный ошибками прежних руководителей страны. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. большинство западных наблюдателей пришло к выводу, что «реальный социализм» был нереформируем; реальные перемены к лучшему в экономике, благосостоянии и социальном обеспечении могли быть осуществлены только в результате смены существующего строя. Страницы газет и журналов запестрели заголовками: «Перестройка не работает», «Капитализм или социализм?», «Конец социализма?».

Распад Советского Союза, демонтаж советской системы, возникновение нового российского государства в географических пределах бывшей РСФСР – события слишком недавние, чтобы можно было с уверенностью сказать, как они оцениваются за рубежом в исторической перспективе. Либерально-демократические предвкушения самих россиян оказались неподтвержденными государственной практикой. Изменившаяся глобальная геополитическая ситуа-

ция оказывает сильнейшее давление на выработку всеми государствами стратегии международного поведения и обеспечения национальных интересов; она влияет и на умы людей как за рубежом, так и в самой России. Какие дальнейшие изменения претерпят представления европейцев, американцев, жителей других континентов о нашем Отечестве и разных этапах его исторического пути, сейчас невозможно предвидеть. Но историческая память цепка, в своих «файлах» она сохранит и те суждения, оценки, концепции, которые складывались на протяжении всего XX в.

---

1 *Тургенев Н.* О нравственном отношении России к Европе. Лейпциг, 1869. С. 34.

2 *Seton-Watson H.* George Kennan's illusions: A reply // Encounter 1976. Vol. 46. № 5. P. 26.

3 *Hingley R.* The Russian mind. N.Y., 1977. P. 34.

4 Ibid. P. 11.

5 Об этом этапе эволюции представлений Запада о послереволюционной России см.: *Manning C.A.* A history of Slavic studies in the United States. Milwaukee, 1957; American research on Russia. Bloomington, 1959.

6 *Webb B., Webb S.* Soviet communism: A new civilization? L., 1935.

7 *Schuman F.L.* International politics. N.Y., 1937. P. 481-488.

8 *Schuman F.L.* Night over Europe. N.Y., 1941. P.VI-VII, 282.

9 *Schuman F.L.* Soviet politics at home and abroad. N.Y., 1947. P. XIV, 322-333.

10 Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 310.

11 Цит. по: *Ржешевский О.А.* Правда и ложь о II мировой войне. М., 1983. С. 54.

12 Slavonic and East-European review. April 1947. P. 53.

13 *Sorokin P.A.* Russia and the United States. N.Y., 1944.

14 Одним из наиболее ярких примеров неоднозначных впечатлений о СССР и советских людях того времени была книга «Русский дневник» Джона Стейнбека.

15 *Arendt H.* The origins of totalitarianism. N.Y., 1953; *Friedrich C.J., Brzezinski* Z.K. Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge (Mass.),1956.

16 *Wesson R.* Lenin's legacy: The story of the CPSU. Stanford, 1987. P. 274.

17 *Hirszowicz M.* Is there ruling class in the USSR? // Soviet studies. 1976. Vol XXVIII. № 2. P. 267.

18 *Rothman S., Breslauer G.* Soviet politics and society. St.Paul (Minnesota), 1978. P. 215.

19 *Shipler D.* How we look at each other: A view from America // The New York Times magazine. 1985. November 10.

20 *Garrison J., Shivpuri P.* The Russian threat: Its myths and realities. L., 1983. P. 10-11.

21 *Rosenblatt R.* Enter the house and let the ice melt: A visitor's impression of everyday life in the USSR // Time. 1987. October 26. Vol. 130. № 17. P. 44.
22 *Нейдер Р.* Валюта демократии: Потребитель на пороге рынка // Диалог. М., 1991. № 16. С. 21.
23 *Bialer S.* Gorbachev draws curtain before the second act // U.S. News and world report. 1987. July 13.
24 *Dahrendorf R.* The modern social conflict. An essay on the politics of liberty. L., 1988. P. 104.

III. РОССИЯ И ЕВРОПА: ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР

Самошина Н.В.

ПРОБЛЕМА «РОССИЯ И ЕВРОПА» В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

В истории России был ряд эпох, когда необходимость осмысления дальнейшего пути развития ставила проблему взаимоотношений с Европой. В очередной раз это произошло во второй четверти XIX в. после неудачной попытки декабристов использовать методы военного давления. Кризисные явления в сельском хозяйстве, заторможенность в развитии промышленности, постоянная политическая напряженность из-за непрекращавшейся борьбы крестьянства делали преобразования насущной потребностью. Тогда не существовало термина «страна с догоняющим развитием». Вопрос ставился иначе – идет ли Россия самобытным или общеевропейским путем, возможно ли вписать национальные особенности в мировые закономерности.

В это время произошло довольно четкое размежевание на сторонников западного и особого русского пути. В отечественной историографии XX в. довольно прочно утвердилась мысль об уникальности и самобытности антизападнических концепций. В настоящее время интерес к данной проблематике вновь усилился. Мы хотим рассмотреть представления этого течения с точки зрения того, насколько они действительно самобытны и оригинальны. Дилемма соотношения общего и особенного, национального и интернационального не менее остро, чем в России, встала еще в одной европейской стране – Германии, в которой с XVIII в. начался процесс объединения. Исторически сложившиеся различия германских земель были весьма велики, как с точки зрения политической организации, так и в области культуры, и даже в языке. Следовало соз-

дать общенациональную культуру, не ущемив интересов ее носителей. Ряд немецких мыслителей уделял особое внимание данной проблеме; так, Шеллинг предложил новую трактовку одной из кардинальных проблем познания: соотношение единичного и множественного. Он заявил, что история позволяет в единичном узреть всеобщее. Человек в своей активной деятельности создает культуру как живой организм, который невозможно расчленить, то есть, подлинная история представляет собой синтез национальных.

По-новому ставился вопрос о движущих силах исторического развития – это человек/народ. Они действуют в соответствии со своим характером, который не выбирают, а получают имманентно, т.к. история не может основываться на личностной воле или решении народа. Кто знает, что ему нужно – действует не выбирая, под влиянием высших трансцендентных сил. Это сразу снимало унизительное понятие неисторических народов, а их особенности оценивались как вклад в общемировые достижения. Такой подход совершал целый переворот в общественной мысли России и, мы позволяем себе утверждать, во многом определил дальнейшую перспективу развития.

Попытку реализовать шеллингианские идеи применительно к русской исторической науке сделал Н.А.Полевой. Непосредственным толчком к написанию этим видным журналистом исторической работы послужил, как известно, труд Н.М.Карамзина. Важнейшим вкладом Полевого в российскую историософию стало провозглашение народа движущей силой исторического процесса и объектом научного исследования. Принципиальное отрицание ведущей роли государства отразилось уже в названии «Истории русского народа». Под историей автор понимал систему знаний, пропитанную духом философии, построенную на едином теоретическом методе. Поэтому задачей исторической науки и историка было не доставление художественного наслаждения читателям, а выявление истины.

Автор обращал внимание на параллельные и сходные события русской и европейской истории как проявление общих закономерностей. К таковым он относил призвание варягов славянами примерно в то же время, когда норманны создавали государственные образования в различных регионах Европы. С этого момента проблема образования государства у славян стала основополагающим моментом в рассуждениях всех сторонников русского пути, особенно в условиях, когда Гизо и Тьерри сформулировали идею образования германских государств в результате варварских завоеваний. Это позволяло доказывать, что в России изначально отсутствовали причины для социальных конфликтов, в то время, как на Западе исторический путь закономерно вел к революциям.

Свою трактовку он давал и удельному периоду. Карамзин, считая самодержавие ведущей силой, видел в раздробленности остановку, разрыв исторической цепи в результате субъективных действий князей. Полевой не признавал субъективизма, а наоборот, подчеркивал, что примерно в это же время феодальная раздробленность появилась в Европе и варяги привнесли ее на Русь.

В татаро-монгольском нашествии Полевой, на наш взгляд, первым в русской историографии увидел эпизод борьбы Европы с Азией, в которой Руси выпала одна из ведущих ролей. Это событие стояло в одном ряду с крестовыми походами по своей сущности, задачам и религиозной форме. Противостояние Европы и Азии трактовалась как борьба человека с природой. Для восточных славян нашествие имело и другое важное последствие: сформировался русский народ, воплотивший в себе европейские и азиатские черты в результате кровного, языкового и культурного смешений. Полевой решительно отверг представление о неизменности, статичности народов в истории (подобную точку зрения восприняли и активно разрабатывали основоположники русской этнографии, современники Полевого – К.М.Бэр, К.Д.Кавелин, Н.И.Надеждин, К.А.Неволин). В ходе борьбы с татаро-монголами крепло православие как идеологическая основа народного духа. Это, по мнению Полевого, придавало особый характер и особую роль русскому народу. Позднейшие исследователи находят в Полевом сильные элементы мессианства, развитые во второй половине XIX в. и теоретически оформленные на рубеже XX в. Труды Полевого стали значительной вехой в осмыслении исторического процесса и новых методологических подходов.

Еще одним известным русским шеллингианцем был Н.И.Надеждин. Он интересен как человек с широким кругозором, затрагивавший множество проблем. На примере его взглядов можно проследить особенности трактовки политической составляющей вопроса «Россия и Европа». Он последовательно постулировал наличие сущностных особенностей исторического пути и народного духа России. Исходной базой его рассуждений было признание того, что европейские народы раньше вышли на историческое поприще и выработали социальные модели поведения. Именно в Европе возникли монархии современного, а не патриархально-азиатского типа – самая совершенная, в представлении Надеждина, форма государственного устройства. Идеализация самодержавия приводила его в стан противников революций и республики. Анализируя, насколько это было возможно в подцензурной печати, опыт революционной борьбы, он приходил к выводу о невозможности достиже-

ния прогресса таким методам. Революции для него олицетворяли «ужасы терроризма», «кровь и слезы», «плачевное зрелище лютейшего междоусобия». Все это происходило из-за вовлечения в политическую борьбу многочисленных масс, что приводило к известной доле стихийности, неуправляемости, политическому радикализму, крайним методам борьбы в виде террора. Своеобразную идеальную модель он нашел в современной ему Англии. Эта страна в свое время прошла через буржуазные революции и учла уроки прошлого. В 1830 г. «дело преобразования, с согласия правительства, совершилось тихо, без насильства и ломки»[1]. Англия и Франция прошли через жестокости междуусобной борьбы для того, чтобы вернуться к прежнему порядку вещей, т.е. к монархии.

Восприняв идеи шеллингианской диалектики, Надеждин искал конкретно-исторические причины и предпосылки явлений, доказывающие их закономерность для конкретных народов. Он глубоко убежден, что революция – часть исторического пути Европы, результат своеобразных отношений государства и общества, корни которого в завоевании. Трактуя происхождение государства на Западе и в России как Полевой и славянофилы, он делал те же выводы. Самодержавие – это форма государственного устройства, не противоречившая русскому народному духу, отражавшая интересы народа во всех своих начинаниях. Таким образом, он сходился со сторонниками официальной народности, но без изоляционистских тенденций и неумеренных восхвалений. Новый период истории, по его мнению, характеризовался стремлением ко всеобщности, использованию достижений других народов. России следовало заимствовать постоянное стремление к развитию и совершенствованию науки, культуры, образования. Европейский опыт политического строительства был неприемлем, а европейские политические институты чужды духу русского народа. Надеждин смотрел на опыт других через призму российской действительности и представлял тот достаточно влиятельный слой русской интеллигенции, который признавал превосходство Запада в экономическом и культурном отношениях, считая достижениями России самодержавие и политическую стабильность.

Оригинальной редакцией шеллингианства нам представляется теория официальной народности. В своих научных трудах министр просвещения, граф С.С.Уваров (он занимался, в основном, древнегреческой культурой) исходил из представлений об истории как едином процессе, имеющим общие закономерности. Обострение политической борьбы в Европе вносило свои коррективы. На фоне этих событий требовалось представить ситуацию в России бескон-

фликтной. Выпячивание особенностей народного духа полностью соответствовало изоляционистским тенденциям. Это сказалось даже в уваровском определении задач исторической науки: «Исцелить новейшее поколение от слепого, необдуманного пристрастия к поверхностному и иноземному, распространяя в оных душах радушное уважение к отечественному».

Триада Уварова органично включала в себя то, что уже разрабатывалось и признавалось русскими мыслителями. Общим местом во всех рассуждениях этого времени было признание православия основой идеологической системы. О роли и значении самодержавной монархии также говорилось и писалось весьма много, возможно, начиная с Филофея. Гораздо более сложным и спорным было понятие народности. Так Надеждин фактически отождествлял ее с простонародностью. У Уварова она сводилась к покорности, терпению послушанию властям. С ним согласен М.П.Погодин: «Народный характер кроткий, смирный и терпеливый до крайности»[2]. Идет идеологическое противопоставление с элементами национальной исключительности и превосходства. Уваров положил начало разработке правительственного варианта особого русского пути, которую продолжил и довел до апогея Погодин. Исходным пунктом рассуждений было следующее: истории различных стран развиваются параллельно. К концу научной деятельности Погодин пришел к выводам, позволившим ему сформулировать своеобразную теорию двух закономерностей – одни для России, другие для Европы.

Главенствующую роль в уваровской триаде Погодин отводил самодержавию. Он много внимания уделял Русской Правде, политической системе феодализма, роли городов в процессе возникновения государственных отношений, образованию и развитию единого русского государства. В своих изысканиях он постоянно стремился обнаруживать и усиливать элементы отличия от аналогичных явлений на Западе. Структура русского общества представлялась Погодину бесконфликтной, бесклассовой. Бояре не были сословием, т.к. не имели особых прав на землю. Они просто княжеские дружинники, постепенно осваивавшие свободные, а не крестьянские общинные земли. Феодальные войны не приносили значительного ущерба трудящимся, так как в них участвовали лишь дружинники и сами князья. В междоусобиях главная задача не захват владений и подчинение населения, а увеличение доходов. Князья учитывали интересы людей и особенно городов, предоставляя им значительные льготы и получая, таким образом, поддержку своих централизаторских устремлений. Феодалы в России исключительно

служилое сословие, поэтому их волновали не феодальные вольности, а сильная государственная власть как источник службы. Элементы сходные с сеньориальными на Руси были, но они уничтожены благоразумными государями при полном понимании служилых людей. Так – спокойно, по требованию царя, отменили местнические книги, главный оплот боярских привилегий. На Западе их уничтожила взбунтовавшаяся чернь. В России те же цели достигались мирными средствами. Идеи Шеллинга использовались Погодиным для обоснования противоположности русского народного духа и западной революционности и конституционализма. Для сторонников теории официальной народности характерны доказательства как бы от противного: историческое прошлое Западной Европы такой опыт, которого следует избегать.

С середины 30-х гг. появляется еще одно направление общественной мысли, для которого вопрос о национальных особенностях стал главным. Мы имеем в виду славянофилов. Обращает на себя внимание тот факт, что философской базой их изысканий стало гегельянство. Одним из первых обратил на это внимание П.Н.Милюков. Данная точка зрения была воспринята как его современниками, так и историографией XX в. А.М.Песков и Н.Н.Старченко обобщили накопленные по этой проблеме материалы и точки зрения[3]. Важным для славянофилов историософским постулатом Гегеля было представление о движении как саморазвитии по внутренним законам. Гегель связывал периодизацию всемирной истории с самовыражением Абсолютного духа посредством сменяющих друг друга «избранных» народов. Достижения культуры передавались как бы по цепочке от Восточного мира к Греции и Риму, затем германским народам. Исторические периоды отличались сущностно, обладая особыми индивидуальными чертами, не воспроизводимыми другими эпохами и народами. Славянофилы корректировали эту периодизацию, выдвигая на высшую ступень мирового развития славян, внося свой вклад в теорию русского мессианства.

Мы не можем говорить о единстве взглядов всех представителей этого течения, тем не менее, некоторые общие моменты выделить целесообразно и возможно. В частности, у К.С.Аксакова мессианство практически отсутствовало, как и вообще преклонение перед идеализированным русским народом. Это не означало некритическое отношение к политическим событиям в Европе. Он даже выдвинул весьма оригинальную теорию «равнодушия» русского народа к вопросам государственного устройства, осуждая не прекращавшееся «ненасытное» стремление западных народов к смене правительственных форм. Настороженное отношение и недоверие

к революционным методам преобразований характерно для всех славянофилов. На наш взгляд, их течение и проистекало из желания избежать революций.

Славянофилы согласны, что Запад выработал некоторые образцы общественных форм, но их использование было возможно на определенном этапе. Диалектика мирового и национального развития требовала новых общественно-политических идеалов. И.В.Киреевский писал, что западные формы философии, гражданского самосознания, общественного устройства исчерпали себя. Западная цивилизация положила в основание народного духа три фактора: христианство в католическом варианте, варварское завоевание, классические традиции в культуре. Россия приняла христианство из рук православной Византии, а не «развратного, еретического Рима». Государство создано не путем завоевания, а призванием, а основа культуры самобытная славянская. Таким образом, основания русского народного духа имманентно и исторически разительно отличались от других.

Важнейшим элементом славянофильской концепции была идея святой православной Руси. Христианство рассматривалось как важнейшая составляющая исторического развития, носитель общечеловеческого начала. В Европе это способствовало развитию прав личности. Данные тенденции достигли апогея в протестантизме, который не только провозгласил полную свободу в земной деятельности, но и отвергал церковную организацию. Славянофилы подчеркивали, что такой индивидуализм даже некоторые европейцы признавали тормозом общественного развития. Православие не разрушило системы существовавших общественных отношений в виде общины. У славян она даже в доваряжский и дохристианский периоды не была чисто родовой. Эта важная форма общественной организации не исчезла с момента возникновения государственного аппарата, который адаптировал ее к новым условиям. Община сохранила свои важнейшие функции органа самоуправления даже при абсолютизме. Ее экономической основой было отсутствие частной собственности на землю, что приводило к примату общественных интересов, сохранению экономического и политического равновесия. Футуристические идеи славянофилов делали общину краеугольным камнем будущего развития страны путем усиления ее роли в социально-политической жизни. Только таким образом можно было избежать последствий капитализма: «язвы пролетариатства» и революций.

Важнейшим элементом славянофильской концепции было осмысление проблемы государства и общества. Государство они отождествляли с самодержавием, личной властью, общество выражало

земские начала. Это приводило к своеобразной трактовке норманнской теории. Призвание свидетельствовало о готовности старшин разрозненных племен подчиниться власти князя, о наличии у них «идеи государства». Схематично политическая структура русско-славянского общества выглядела следующим образом: родовое вече и родоначальник – вече городовое и князь – дума, т.е. вече земское и царь (Ю.Ф.Самарин). Поскольку государство призвано извне, оно не смешалось с общиной, землей, а стало рядом с нею, развиваясь параллельно. В князе видели заступника и ходатая как за общину в целом, так и за каждого ее члена перед миром. Идеализируя общественные отношения у славян, славянофилы были пропагандистами гармоничных общественных отношений при строгом соблюдении обязанностей всеми участниками. К.С.Аксаков писал: «Государь первый защитник и хранитель земли, поддерживал общинное начало, и народ под верховной властью государя управлялся сам собою»[4].

Рассматривая татаро-монгольской нашествие, они усиленно выпячивали угрозу западной католической экспансии. Россия неизбежно должна была быть завоевана и благом было ее покорение монголами для совместной борьбы с Западом. Орда не допустила католичества, сохраняя и поддерживая православие. В результате весьма существенные внешние изменения под влиянием татар не затронули народного духа и не изменили его имманентной сущности.

Другим переломным моментом стали реформы Петра. Большинство славянофилов критиковали не подражание Западу как таковое, некоторые заимствования были необходимы и нестрашны. Важнейшим отрицательным последствием они считали закрепощение крестьян, совершенно чуждое и не нужное. В результате, ранее бесклассовое общество оказалось разрушенным. Славянофилы ошибочно утверждали, что боярство было лишь служилым сословием, охранявшим от внешней опасности. Мужики, в свою очередь, кормили его, и этим ограничивались их обязанности. Петр, якобы, установил личную зависимость и юридическое неравенство, заложив основу для социальных конфликтов.

Следующим отрицательным последствием реформ было создание бюрократии, которая стала между государем и народом непреодолимой преградой. Государь защищал и выражал интересы не народа, а этого паразитического института, озабоченного лишь самосохранением. Исчезла политическая гармония прежнего русского общества. Бюрократизация сопровождалась культурными заимствованиями, которые не коснулись народа. В результате исчезла единая русская культура, приостановилось развитие языка как вырази-

теля народного духа. Общество на культурно-бытовом уровне распалось, возникла заимствованная культура верхов и презираемая и задавленная культура низов. Это еще более усугубило социальную и политическую пропасть между людьми. Первый император нанес огромный вред народному духу, расколов его, а значит, ослабив. Заимствования Петра в экономике и военном деле, которые отвечали его задачам как защитника отечества, высоко оценивались и признавались необходимыми.

Таким образом, славянофилы не отвергали возможности заимствований. Но только таких, которые способствовали, а не разрушали русскую национальную идею. Нововведения должны были помочь нашей политической независимости, созданию крепкой государственной организации без ущемления прав земских органов и личности.

Очень часто, особенно в учебной литературе, присутствует упрощенная трактовка взглядов славянофилов на перспективы развития современной им России как возврат к прошлому, копирование политической системы сословно-представительной монархии. Мы убеждены, что элементы демократизма были более значительны. Главная задача реформ по мнению славянофилов состояла в повышении роли органов местного самоуправления и создании на их основе всесословного учреждения. Сущность славянофильской доктрины в идее национального единения всех русских людей без различия сословий и классов в лоне христианской церкви.

Идеальный путь развития по мнению антизападников: дополнение русской самобытности европейским просвещением и культурой. Не только западники признавали необходимость учиться у более развитых стран. Именно учиться, а не механически переносить на русскую почву достижения европейской культуры. У европейцев надо воспринимать просвещение, широкую образованность, любовь к наукам и искусству, творческую активность, независимость мышления.

Все мыслители данного направления стремились предотвратить распространение революционных взглядов, решительно неприемля этот метод социальных преобразований. Их объединяла борьба за мирные пути развития. Ярче всего это проявилось в теории официальной народности, но и у славянофилов, несмотря на иные представления о движущих силах исторического развития, антиреволюционная тематика была доминирующей.

Таким образом, германская философия определила и сам тип мышления абстрактными категориями, и круг историософских интересов. Ее сильнейшее влияние на духовное развитие русского об-

щества бесспорно. Наши мыслители искали и находили в европейской философии базу для создания самостоятельных концепций. В стремлении к самоопределению важнейшим элементом было противопоставление как основа для своего собственного миросозерцания. Европа давала некие образцы, направления мысли, которые могли использоваться. Европейские теории позволяли выявить основные базисные проблемы, точки отсчета для сравнений и противопоставлений. Русская общественно-политическая и научная мысль второй четверти XIX в. шла в общеевропейском русле. Признавая единое культурно-историческое пространство, они считали необходимым учитывать национальные особенности и достижения народного опыта в социально-политическом развитии.

Даже столь краткий и обобщенный анализ позволяет утверждать, что многочисленные и разнообразные попытки создать идеи русской самобытности, продолжившиеся в течение всего XIX в., не смогли прервать западническую направленность развития страны. Главной причиной этого, как нам кажется, является то, что они развивались в контексте общемировой философской мысли. Не опровергается, а подтверждается обязательность и неизбежность повторения из общечеловеческого опыта не только того, что мы субъективно считаем положительным, но и того, чего хотелось бы избежать.

---

1 Телескоп. 1833. № 1. С.10.

2 *Погодин М П.* Историко-критические отрывки. Т. 2. М., 1857.

3 *Песков А.М.* Германский комплекс славянофилов: о философском наследии // Вопросы философии. 1992. № 8; *Старченко Н.Н.* Славянофилы и классическая немецкая философия // Философские науки. 1989. № 4.

4 *Аксаков К.С.* Соч. Т. 1. М., 1889.

Козлов С.А

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОСКВЫ И ЛОНДОНА В СОЧИНЕНИИ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ КОНЦА XIX ВЕКА

Вопросы социально-экономического, политического и культурного развития Великобритании в середине – второй половине XIX в. (включая и проблемы российско-английских отношений) привлекают в последние годы пристальное внимание отечественных исследователей[1]. При этом в трудах российских ученых не только подробно рассматриваются различные аспекты контактов между двумя великими европейскими державами в рассматриваемый период, но и делаются попытки изучения ментального восприятия государственных, технологических и интеллектуальных достижений друг друга представителями столь различных национальных культур, история взаимоотношений которых к концу XIX в. уже прошла долгий и тернистый путь[2].

Среди отдельных вопросов, касающихся российско-английских культурных связей, особый научный интерес вызывает оценка геополитической роли Москвы и Лондона, а также их отличительных социокультурных особенностей. В отечественной историографии имеются лишь отдельные исследования, в которых затрагиваются вопросы восприятия россиянами образа великого европейского города на Темзе[3]. В то же время отсутствуют работы, посвященные специальному культурологическому либо сравнительно-историческому анализу Москвы и Лондона прошлого века, их своеобразного культурного облика, исторической судьбы. Между тем, недавний 850-летний юбилей нашей древней столицы стал не только важнейшим событием в государственной и общественной жизни России, но и поводом задуматься о месте и роли Москвы в экономическом, политическом и культурном развитии Европы. Поэтому особую ценность представляют для нас попытки сравнить неповторимый жизненный облик Москвы с другим великим европейским городом – Лондоном. Рассмотрим внимательнее единственную в отечественной историографии книгу на эту тему – вышедшее в Москве в 1888 г. сочинение С.Б.Иппо[4]. Автор – «торговый человек» (других сведений о нем обнаружить пока не удалось) сознательно поставил во главу угла «море житейское двух противоположных полюсов человеческой культуры», Москвы и Лондона.

Эта небольшая книга (опирающаяся как на личные наблюдения, так и на широкий круг работ российских и зарубежных авторов[5]) содержит немало интереснейших наблюдений и оценок, многие из которых представляют интерес и для современного читателя.

Почему же именно эти два города стали объектами столь пристального внимания? Москва и Лондон, отмечает С.Б.Иппо, это два полюса политической и торгово-экономической жизни на востоке и западе Европы. С их именами связано прошлое и настоящее «двух самых великих и могущественных» европейских народов. Но, пожалуй, самая важная причина – это необходимость тщательного изучения колоссального торгово-экономического опыта, накопленного Лондоном, и, в первую очередь, борьбы за рынки сбыта товаров: «Эта борьба должна быть особенно поучительна и интересна для нас, русских, и особенно для москвичей: чтобы победить врага, нужно прежде всего знать его...»[6].

Острое соперничество Москвы и Лондона за азиатские рынки сбыта в последней трети XIX в.[7], во многом обусловившее интерес российского предпринимателя к историческому опыту Лондона, не помешало ему дать весьма высокую оценку главному конкуренту. С.Б.Иппо пишет: «Я же, насколько знаю этого благородного врага, никак не могу отказаться от удивления перед характером обитателей Лондона. Это сильные, энергичные, сосредоточенные и несокрушимые, как сталь, люди. Что захочет англичанин начать, то он сумеет и кончить. Никак не более двух веков с небольшим, он... сознательно поставил себе задачею устроить для своей страны всемирное торговое и промышленное могущество, и уже теперь мир в его руках»[8]. Решающую роль в этом процессе сыграл Лондон. «Туманный, сырой, вечно покрытый свинцовым небом, Лондон сделался: мастерской, фабрикой, оптовым складом, базаром, казначеем, банкиром и кредитором целого мира»[9]. Но для достижения указанной цели потребовались «настойчивость пушечного выстрела», «энергическая сосредоточенность слова, мысли, воли и дела». Автор приходит к выводу, что и у москвичей есть все основания для столь же успешного подъема. «Разве прошлое Москвы не должно служить нам верною гарантией ее будущего величия? Разве у нас меньше энергии, способности и выдержки, чем у наших соперников? Да... Примеров много в прошлом нашей жизни...»[10].

Для того, чтобы лучше показать российскому читателю различие между обитателями Москвы и Лондона, С.Б.Иппо умело использует метод сравнительно-исторического анализа. Он дает краткий исторический очерк развития России и русско-английских отношений. Центральное место при этом по праву занимает Москва, историко-экономическое изучение которой, по мнению автора, «не

может не возбуждать интереса, любознательности и назидательности». В чем же причины? «Здесь зерно, из которого развилась сила и крепость русского государства; здесь центр, куда стекались и стекаются соки внутренней народной жизни; в Москве пробился светлый ключ этой жизни; здесь возросла и возмужала Россия»[11].

Как отмечает С.Б.Иппо, внутренняя и внешняя политика России на протяжении последней четверти XIX в. «преследует восстановление экономического значения Москвы». Именно эту деятельность в Лондоне называют «московской политикой России», отличая ее от «русской политики», ибо именно в Москве она родилась. В чем же проявляется значение Москвы для российской политики? Автор выделяет здесь две основные причины. Первая заключается в том, что Москва «не перестает хранить неразрывную политическую и экономическую связь со всеми племенами, обитающими в самых отдаленных уголках и захолустьях нашей великой империи»[12]. Вторая же причина состоит в том, что Москва, как в свое время и Лондон, также движется с помощью железных дорог к Индии – важному рынку сбыта московских товаров[13].

Так в сочинении С.Б.Иппо появляется новая важная тема – Индия, ее древняя история и культура. Это обстоятельство неслучайно, поскольку российские предприниматели и специалисты начинают проявлять пристальное внимание к методам управления этой «бесценной жемчужины» английской метрополии. Известный публицист и экономист С.Н.Южаков, отмечая, что корень успехов Великобритании на Востоке заключается в его экономической отсталости, писал: «Восток доставляет ежегодно громадные средства, проживаемые англичанами среднего и высшего класса и на которые они обставляют себя таким блеском и комфортом»[14]. Подробно остановившись на борьбе России и Англии, он подчеркнул, что, «покуда Англия свою внутреннюю жизнь, свое богатство и свое могущество строит на нынешних основах... до тех пор война между Россиею и Англиею вполне неизбежна и является лишь вопросом времени. Только существенные внутренние преобразования Англии... могут спасти ее и нас от роковой необходимости борьбы на жизнь и смерть»[15].

Отголоски подобных настроений прослеживаются и в работе С.Б.Иппо. Однако, в отличие от большинства отечественных критиков «антирусской» политики Лондона, автор полагал, что и та, и другая великие европейские столицы имеют полное основание на «просветительное призвание» по отношению к другим народам как Европы, так и Азии[16].

Поэтому он считал вполне закономерными и жесткую борьбу между ними за рынки сбыта, и взаимный интерес обеих народов друг к другу. Описывая драматичную историю англо-индийских отношений (включая излюбленную англичанами политику под девизом «Разделяй и властвуй»), автор отмечает: «Англия обладает великим талантом заставить Европу верить, что она распространяет европейскую цивилизацию в своих необъятных азиатских владениях, между тем как в действительности Англия, напротив, поддерживает эти страны в состоянии полнейшего варварства, столь благоприятного для ее владычества»[17]. С.Б.Иппо подробно описывает колонизаторскую политику Англии в Индии, ее жестокие и в тоже время демагогические методы. Особое внимание он обращает на нравственную сторону указанной проблемы. При этом на передний план выходят вопросы «двойного стандарта» жителей метрополии по отношению к коренному населению своей колонии, «человеколюбия на словах и жестокости на деле»: «Англичане не давали себе даже труда вступать в прения с туземцами, не открывали им своей внутренней жизни... они только властвовали и властвуют над ними... Завоеватели отличаются какою-то строгою, ледяною бесстрастностью и бессердечием, которое позволяет им управлять самыми разнохарактерными племенами. Люди, которые у себя дома столь чутко прислушиваются к общественному мнению... умеют казаться равными с низшими, питают уважение к правам личности, вдруг, на стороне, делаются всемогущими судьями, генералами, законодателями, тиранами»[18]. Именно это лицемерие и отвращало российского автора (в менталитете которого важное место занимали милосердие и справедливость) от английского национального характера: «Английское племя гордится и своим мужеством, и всеобщею ненавистью, которые в конце концов заменяют ему уменье и справедливость...»[19].

В работе отмечается, что не случайно первыми путешественниками, как из Руси, так и из Англии, посетившими Индию, стали купцы – тверской купец Афанасий Никитин и представители Ост-Индской торговой компании. «Москва была знакома с Индией гораздо раньше, чем Лондон. Ведь Москва выдержала сильные удары, нанесенные ей разными народами, вышедшими из глубины этой страны и соседних с Индией местностей»[20]. Далеко не бесспорная с исторической точки зрения, но довольно любопытная по своей аргументации оценка!

Автор отмечает, что в развитии торговых отношений с Индией все географические и этнографические преимущества на стороне России: «Московский народ, приближаясь к Индии, идет на встре-

чу своим судьбам к выполнению своей священной миссии, намеченной ему провидением. Мы, русские, более гармонируем с азиатскими народами, чем англичане. Уже одна внешность Джона Булла вызывает отвращение в жителях знойной Ост-Индии. Англичанин аккуратен, как часы, чопорен, угловат, и никак не подходит под вкус азиятцев. Мы же давно знакомы с азиятскими народами, даже переняли у них много нравов и обычаев. Наша словоохотливость, мечтательность, изворотливость дают нам громадные преимущества в наших сношениях с азиятскими племенами»[21]. Последнему, по его мнению, способствуют и предпринятые в России реформы второй половины XIX в., особенно отмена крепостного права и «уравнение сословий в правах», а также дешевизна российских товаров и широко распространенная среди отечественных купцов практика торговли в кредит.

Считая, что господству англичан в Индии наступает конец, С.Б.Иппо детально обосновывает необходимость установления прочных экономических отношений между Россией и Индией, и именно с этой целью, по его мнению, нам следует изучать торгово-промышленный опыт Лондона. Не забывались при этом и культуртрегерские задачи: «Мы твердо убеждены, что просветительная миссия, принадлежащая Москве по отношению к различным народам Восточной Европы и Азии... прежде всего должна выразиться в развитии ее торговых отношений с ними. Живой пример у нас на глазах: этим путем Лондон поднялся до той высоты, на которой он стоит в настоящее время». Вывод достаточно оптимистичен: Москва вполне может в ближайшее время «сделаться для Восточной Европы и Азии тем, чем сделался Лондон для Вселенной». Этот, увы, так и не оправдавшийся прогноз был сделан, исходя из расчетов на широкое железнодорожное строительство в России, в результате которого «рельсовые пути» должны были соединить Москву с главными индийскими городами. В этом случае именно Москва становилась центральным пунктом всей европейской торговли со странами Южной Азии[22].

Особый интерес вызывают у нас содержащиеся в сочинении С.Б.Иппо историко-географические очерки Москвы и Лондона. Сравнительный анализ исторического пути двух великих европейских городов позволил не только впервые в отечественной литературе определить их сильные и слабые стороны, но и всерьез задуматься об их общественно-экономическом и духовном значении.

Характерно, что автор, в отличие от многих других российских историков и писателей, высказывает и обосновывает мнение о том, что именно с эпохой Петра I связаны положительные изменения в

экономическом развитии Москвы. Он пишет, что «Петр ясно понимал возможность для России блестящей экономической будущности и правильно оценил Москву, как центр промышленной жизни государства»[23]. Поэтому, несмотря на «личные влечения» к новой столице, Санкт-Петербургу, царь-реформатор рассматривал Москву в качестве центра всей торгово-промышленной деятельности огромной империи, о чем ясно свидетельствуют высокие темпы развития фабричной промышленности подмосковного региона[24].

Москва предстает в книге как «истинный оплот и твердыня Русского государства», которая для укрепления своего влияния на огромных просторах Евразии прежде всего «должна стараться превратиться во всероссийскую мануфактуру». «Новейшее время доказало, — подчеркивает автор, — что наилучшее средство сплотить в одно крепкое государственное тело все разноплеменные народы — есть мирный труд, а промышленность и торговля представляет более прочный и более удобный цемент, чем всякие политические и гражданские договоры»[25]. С.Б.Иппо выступает за широкое развитие в Москве кредитных операций, основанных на строгом и точном исполнении принятых на себя обязательств. Отвечая на вопросы современников о необходимости завоевания Россией новых рынков сбыта, автор убедительно доказывает, что «никакая другая европейская столица не имеет налицо столько необходимых условий для того, чтобы ***при правильном понимании своих экономических интересов,*** превратиться в величественную торгово-промышленную фигуру, которая, как древний бог Янус. .. могла бы озарить всю Восточную Европу и весь азиатский материк, как Москва»[26]. Основа для этого — значение Москвы как крупнейшего экономического и политического центра Европы. К северу от нее лежит льнопрядильный район с центром в Ярославле, который «без преувеличения можно назвать русским Белфастом» ввиду высокого уровня фабричных технологий. Иваново-Вознесенск — это «русский Манчестер», село Павлово с уникальными стальными изделиями «заменяет нам английский Шеффильд», а оружейное производство Тулы — «русский Бирмингам». В этих условиях Москва должна перенять у Лондона эстафету двигателя прогресса: «После Тира — Карфаген. После Венеции — Амстердам. После Лондона — несомненно Москва!!!»[27].

С.Б.Иппо с тревогой отмечает, что Россия плохо пользуется «плодами московского промышленного оазиса» ввиду резкого несоответствия «между кабинетным мировоззрением и условиями повседневной жизни». Характерный пример — отсутствие в Сан-Стефанском мирном договоре 1878 г. условий предоставления льгот

для русской промышленности и торговли в освобожденной силой русского оружия Болгарии. В связи с этим автор выдвинул ряд конкретных мер по развитию русско-болгарских отношений, включая образование Русско-Балканского торгового товарищества – «самого рационального и дешевого способа расположить в нашу пользу балканские народы» и «вытеснить нашими московскими товарами англичан и австрийцев».

По мнению С.Б.Иппо, благодаря выгодному географическому положению Москва легко могла бы овладеть и азиатскими рынками, однако она уступает Лондону по дешевизне товаров. В то же время Москва не имеет в Европе соперников по обилию сырья и дешевых рабочих рук.

В книге отмечаются в качестве серьезного препятствия для развития экономической жизни России трудности проникновения московских товаров на рынки Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. Главную причину этого положения автор видел в существовании черты оседлости для еврейского населения, разъединяющей отечественных потребителей и производителей. Принимая во внимание издавна характерную для Москвы неприязнь к «инородцам», С.Б.Иппо убеждает читателей, что «евреи никакого вреда не причиняют Русскому государству» и что они, хорошо зная «потребности края, вкус потребителя и кредитоспособность покупателя», открывают новые источники сбыта московских товаров.

«Государство должно на первом плане поощрять развитие средней и мелкой промышленности, а не крупной»[28], – еще один важный вывод автора, вполне актуальный и сегодня.

Другая важная тема, проходящая красной нитью через сочинение С.Б.Иппо, – образ Лондона – нашла яркое отражение на страницах отечественной печати середины – второй половины XIX в.[29] При этом россияне, посещавшие британскую столицу, как правило, неизменно отмечали ее глубоко своеобразный и даже уникальный облик. К.П.Паулович писал: «В Лондоне надобно быть всякому путешественнику, желающему осматривать столичные города, после осмотра всех городов земного шара. В противном случае, Лондон затмевает собою, во многих отношениях, все прочие города... Лондон пред всеми европейскими городами больше всех отличается своею собственною характеристикою во всем»[30].

На страницах книги С.Б.Иппо Лондон также выступает в качестве «метрополии мира», мало похожей на другие европейские города, включая и Москву. «По громадным размерам занимаемого пространства Лондон скорее наш целый уезд, застроенный зданиями...». Автор отмечает, что по сравнению с Москвой Лондон зани-

мает пространство в 25 раз больше (около 1800 кв. верст), а его население (более 5 млн. человек) примерно в 6 раз превышает население Москвы.

Отличия между двумя крупнейшими городами Европы проявляются во всем: в Лондоне нет ни наружных укреплений, ни застав, ни характерных для Москвы многоэтажных «домов-муравейников» с целыми сотнями семейств. Климат Лондона, на который Темза влияет гораздо сильнее по сравнению с Москвой-рекой, резко отличается от московского: туман, дым, «о ярком солнце знают только понаслышке»; в те редкие дни, когда оно появляется на лондонском горизонте, оно больше похоже на луну...». «Общий вид Лондона, – заключает автор, – мало похож на общий вид Москвы». Тем не менее С.Б.Иппо отдает справедливость муниципальным властям Лондона: «благодаря строгим мерам общественной гигиены, которые соблюдаются со всею тщательностью и точностью, Лондон, несмотря на свои губительные туманы, на громадные размеры, все же один из самых здоровых между всеми большими городами Европы»[31]. Не случайно смертность населения Лондона (20,4% на 1000 жителей) вдвое меньше смертности среди москвичей[32].

С.Б.Иппо подробно описывает быт обитателей Лондона. Особое внимание он уделяет жизни чиновников знаменитого Сити. «Здесь каждый без отдыха хлопочет только о своих делах, все люди заняты цифрами и коммерческими соображениями»[33], – отмечает он. Разумеется, для россиянина с его глубокой приверженностью к общинным, коллективистским общественным традициям подобный «эгоизм» был достаточно чужеродным явлением. Впрочем, автор дает высокую оценку необыкновенной практичности и изобретательности англичан. На страницах книги возникает некий собирательный образ «Джона-Булла» – богатого, расчетливого и дальновидного английского предпринимателя. «Уже нет уголка на земном шаре, где бы не пахло Джон-Буллом и его пронырливою изобретательностью. Бросим взгляд вокруг себя: вся мебель в наших комнатах сделана... посредством инструмента, вышедшего из Шеффильда, гардины на окнах из Нотингама. Материя, из которой сшито наше платье, содержит в себе добрую долю химических продуктов из Ньюкастля; сшито оно обязательно нитками из Пизлей или Манчестера. ...машины, на которых приготовляют наши материи в окрестностях Москвы, все привезены сюда из Ланкашира и Иоркшира, деньги, на которые большинство наших фабрик и заводов построены, взяты взаймы у Джон-Булла...»[34]. И подобных примеров «вездесущей английской руки» можно привести еще немало. «При этом, –

подчеркивает С.Б.Иппо, – "Джон-Булл"» занимается и благотворительностью (включая помощь населению юга России, пострадавшему от пожаров, эпидемий и еврейских погромов 1882 г.), однако и здесь (наряду с человеколюбием) проявляется его практическая сметка, связанная с будущими огромными доходами на гигантских просторах российского внутреннего рынка»[35].

Возвращаясь к описанию «сердца Лондона» – знаменитого Сити, отметим, что С.Б.Иппо характеризует этот район как «небывалый анахронизм», «бесполезную игрушку XVI в.», опирающуюся на старинные кастовые привилегии и несовместимую с либеральным духом второй половины XIX столетия. По мнению автора, Сити является своего рода «государством в государстве», которое управляется при помощи олигархических учреждений и «до сих пор бережно сохраняется под стеклянным колпаком старины к величайшему удовольствию антикваров и закоснелых консерваторов»[36]. Сила же этой «маленькой олигархии» заключается прежде всего в ограничении информации о ее деятельности, благодаря чему общество даже не знает о большинстве хартий, принятых корпорациями Лондонского Сити, что позволяет «избавиться от критики беспокойных новаторов».

Лондон – один из важнейших коммерческих портов света, – подчеркивает автор, – «а по несметным своим богатствам, по колоссальному развитию своей торговли и финансовых оборотов... бесспорно один из величайших торгово-промышленных центров всего мира». Разумеется, «белокаменная» столица России серьезно уступала в этом отношении «серокаменной», но более оборотистой и предприимчивой столице Великобритании: «Невольно поражает множество таких разнообразных товаров, – отмечает автор при описании гигантских городских складов в центральной части Сити, – о которых у нас в Москве и понятия не имеют»[37].

Большой интерес вызывает сравнительный анализ московской и лондонской бирж. С.Б.Иппо смотрит на московскую биржу «как на громадный народный совет, в котором каждая нация имеет своих представителей». Он с гордостью пишет: «Каждый русский при посещении биржи нашей первопрестольной должен испытывать какое-то тайное тщеславие, льстящее его национальной гордости при виде той разноплеменной и разнохарактерной толпы, которая слилась в одно живое целое, и, позабыв племенную рознь, работает для одной общей цели на арене развития торговых отношений и скрепления международных уз. Это-то сборище людей, одушевленных такими стремлениями, делает нашу Белокаменную центром торговли между Европой и Азией»[38]. В целом же московская биржа

«замечательно похожа в миниатюре на лондонскую»: и тут, и там, как в зеркале, отражается торгово-промышленное значение страны.

Характерно, что автор твердо уверен, что и население Москвы может с успехом выполнять стоящие перед страной экономические и культурно-просветительные задачи. Не случайно он подчеркивает, что русский народ по своей энергии, способностям и выдержке «именуется в противоположном нам полюсе, Лондоне, Джон-Буллом Восточной Европы и Азии»[39].

Вместе с тем, москвичам было чему поучиться у жителей Лондона. По мнению С.Б.Иппо, и в России в целом, и особенно в Москве, публика все еще с большим недоверием относится к рекламе и прибегает к ней лишь в случае крайней нужды. В Лондоне же «публикации и рекламы... вошли в плоть и кровь английского общества» как «самый усовершенствованный рычаг нашего века»[40]. Автор доказывает полезность и эффективность рекламы, отмечая, что только она дает «не богатым, и не совсем еще окрепшим, но честным, дельным и предприимчивым вступать в борьбу с сильными мира сего и очень часто старания их увенчиваются успехом»[41].

Как свидетельствует С.Б.Иппо, в Англии читают очень много: «в обществе живет насущная потребность идти рука об руку с литературным движением дня». При этом чтение носит чаще всего прикладной характер, «между тем как наше печатное слово так мало преследует практическую тенденцию, больше всего занимается разными отвлеченностями, нисколько не касающимися практической жизни»[42]. Сравнивая духовные запросы жителей двух великих городов, автор приходит к довольно нелицеприятному для россиян выводу: «чтение для лондонца все равно, что постоянное чаепитие для москвича»[43].

Не меньший интерес вызывает и анализ состояния печати в Лондоне. Автор подчеркивает, что пресса не только пользуется здесь полной свободой, но и «имеет настолько такта и благоразумия, что не злоупотребляет своим положением». Прежде всего, она преследует утилитарные цели, умело раскрывая проблемы, интересующие как читателя, так и писателя. В итоге успешно достигается одна из главных задач печатного слова – совмещение полезной информации с идеями гуманизма. И в центре этого процесса стоит именно Лондон – город, где потребность в оперативной информации так велика, как ни в одном другом городе Европы.

В чем же основная причина столь поразительных торгово-промышленных, политических и культурных успехов Лондона? По мнению С.Б.Иппо, прежде всего, в дешевизне английских товаров. Это видно из того, – пишет он, – «что наш противник Лондон,

который дешевле всех продает свои товары, пользуется неограниченным влиянием на политические дела Европы. Его интересы вездесущи, нет границ его честолюбию и алчности, он мирит и ссорит, интригует и повелевает...»[44].

Отмечая, что Лондон раньше Москвы вышел «из пеленок культурного младенчества» и стал фактическим монополистом всей торговли с Востоком, автор обращает внимание на то обстоятельство, что именно этот опыт управления и удержания в подчинении азиатских народов должна прежде всего использовать Россия, учитывая при этом свои собственные национальные задачи и особенности развития. Он пишет: «Мы твердо убеждены, что просветительная миссия, принадлежащая Москве по отношению к различным народам Восточной Европы и Азии... прежде всего должна выразиться в развитии торговых отношений с ними»[45]. При этом ставилась четкая и недвусмысленная геополитическая задача – мирными, торговыми способами вытеснить англичан с богатейших азиатских рынков и добиться ***монопольного*** значения российской столицы в торгово-промышленной жизни этого региона (заняв тем самым место Лондона и переняв от него эстафету «цивилизатора»)[46]. Однако практическому решению указанной задачи препятствовали многие объективные и субъективные факторы. К числу последних относились и недостаточно выраженные в массе великорусского населения черты предприимчивости, инициативы, деловой хватки, а также равнодушное отношение интеллигенции России к развитию национальной промышленности и торговли. Как с горечью писал С.Б.Иппо, «эти предметы, по мнению нашей так называемой интеллигенции, достойны занимать ум и время торгашей и эксплуататоров», поглощенных исключительно собственной наживой[47]. В итоге отечественная промышленность (а с нею и торговля) проигрывала борьбу за важные рынки сбыта.

По мнению российского предпринимателя, одной из главных причин разнообразных успехов жителей Лондона являются такие их личные качества (проявляемые, однако, в массе населения), как поразительная работоспособность, удивительная энергия, рационализм и деловая хватка. Об этом не раз писали и другие россияне, побывавшие в британской столице[48]. Не случайно для некоторых из них образ туманного и хмурого Лондона стал олицетворением как индивидуальной, так и общественной свободы[49]. И хотя сам С.Б.Иппо не разделял подобных категоричных оценок, через всю его работу проходит невольное восхищение автора как человеческими достоинствами многих обитателей Лондона, так и величием

достигнутых здесь успехов в области усовершенствования «вещественного», «материального» мира.

В целом, книга С.Б.Иппо «Москва и Лондон» проникнута огромным уважением к экономическим, торговым и культурным достижениям столицы Великобритании, стремлением перенять у ее жителей не только промышленный и организационный опыт, но и лучшие черты национальной психологии и образа действия. «Лондон, говорят, враг Москвы, – пишет он, – это отчасти верно, но таких врагов давай Бог побольше... Это враг прямодушный, умный, сведущий, а более всего практичный... Словом, это не враг, а противник, соперник, сосед-конкурент. Он действует открыто... никогда не называет себя нашим другом и не отрицает своей к нам неприязни...»[50]. Именно торгово-промышленная деятельность Лондона позволила Великобритании добиться потрясающих успехов на международной арене. «Англия не может политически завоевать целый мир, – подчеркивает автор, – она завоевывает его мирно...». Москва же имеет все необходимые возможности для того, чтобы, творчески использовав опыт Лондона, совершить успешный прорыв на новые рынки сбыта.

Достоинством работы С.Б.Иппо является и то обстоятельство, что для обоснования своих положений он широко привлекает разнообразный экономический, политический и культурно-бытовой материал, связанный с историей как России и Англии, так и других европейских народов. Так, он последовательно выступает против «великорусского шовинизма» в торгово-экономической сфере, используя для этого анализ промышленного развития Царства Польского, особенно района Лодзи. По его мнению, именно запрет для евреев селиться во внутренних «промышленных» губерниях России – это одна из главных причин отставания московской промышленности от польской.

Итак, в сочинении С.Б.Иппо можно выделить несколько важных тенденций. С одной стороны, здесь ярко проявились достаточно характерные для большинства россиян середины – второй половины XIX в. оценки британской столицы и жизни ее обитателей, – оценки, неразрывно связанные с особенностями национального менталитета наших соотечественников, включая и явный недостаток деятельного, рационального, «предприимчивого» начала, а отсюда – и пристальный интерес к жителям Лондона, являвшихся своего рода «живым олицетворением» самого духа буржуазного рационализма. Разумеется, в глазах российского предпринимателя указанные обстоятельства неизбежно выходили на передний план. С другой стороны, книга С.Б.Иппо является одновременно и уникальным памятником российской общественной мысли конца XIX

столетия. Подобного многопланового и всестороннего сравнительно-исторического анализа роли двух великих европейских столиц (с использованием при этом различных теоретических подходов, включая «геополитический» и отчасти «культурологический», в современном их понимании) отечественная историография не знала ни до, ни после выхода рассматриваемой нами работы. Вместе с тем, сочинение С.Б.Иппо убедительно свидетельствует о том, что наиболее дальновидные и реалистичные отечественные предприниматели (нередко занимавшие в конце прошлого века либеральные позиции) никогда не отделяли Россию от остальной Европы, стремясь перенять все лучшее из ее опыта. Не их вина, что большинство предложенных обществу инициатив и ценных начинаний оказались невостребованными.

Необходимо также учитывать и характер международных отношений в период публикации данной работы. В эти годы активно развивался российско-английский межгосударственный и культурный диалог, а одновременно с ним шел сложный процесс, связанный с постепенным отходом от целого ряда взаимных стереотипов[51]. Появление книги С.Б.Иппо, безусловно, способствовало не только более глубокому и непредвзятому знакомству россиян с повседневной жизнью обитателей Лондона, но и заставило многих из читателей серьезно задуматься о ключевых проблемах национальной жизни, в том числе и о развитии промышленности, торговли, о формировании более гибкой и созвучной рациональному духу времени модели поведения.

При внимательном анализе работы российского предпринимателя конца прошлого столетия бросается в глаза то обстоятельство, что многие из отмеченных им национальных задач, стоявших перед Россией, сохраняют свою значимость и сегодня, в совершенно иных исторических и геополитических условиях. Поэтому не вызывает сомнения, что и сейчас, в самом начале XXI в., когда Российская Федерация вступила на путь тесной интеграции с другими европейскими странами, многие выводы, сделанные отечественными учеными и предпринимателями конца прошлого века, должны стать не только предметом внимания историков, но и составной частью комплексного анализа социально-экономических и культурологических проблем современности, гарантией от повторения ошибок прошлого, стимулом поступательного развития экономики, торговли и культуры нашей страны и ее древней, но вечно молодой столицы – Москвы.

[1] См., напр.: Внешняя и колониальная политика Великобритании в XVIII–XX вв. Ярославль, 1993; *Грудзинский В.В.* На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX в.) Челябинск, 1996; *Зашихин А.Н.* Британская Россика второй половины XIX – начала XX в. // Россия и Запад: диалог культур. М., 1996. С. 532-540; *Пинягин Ю.Н.* Великобритания: история, культура, образ жизни: Лингвострановедческий очерк. Пермь, 1996; *Харюков Л.Н.* Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М., 1996; Британия и Россия. М., 1997; *Гелла Т.Н.* Имперские позиции либералов в конце XIX в. в оценке английской и отечественной историографии. Орел, 1997; История внешней политики России. Вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1997; и др.

[2] См.: *Соколов А.Б.* Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI-XVIII вв. Ярославль, 1992; *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 гг. М., 1982; *Орлов А.А.* Русские и англичане друг о друге (1787-1815) // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997. С. 216-229.

[3] *Рогинский З.И.* Лондон 1645-1646 годов. Новые источники о поездке гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию. Ярославль, 1960; *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 168, 201, 211, 289-290; и др. См. также: *Образцов С.В.* О том, что я увидел, узнал и понял во время двух поездок в Лондон. М., 1957; *Махарадзе Ф.М.* Исторические места в Лондоне и Париже, связанные с именем Ленина. Батуми, 1962.

[4] *Инпо С. Б.* Москва и Лондон. Исторические, общественные и экономические очерки и исследования. М., 1888.

[5] См.: Краткий библиографический указатель источников, принятых в соображение и послуживших материалом при составлении книги // Там же. С. 481-483. Автор выражал намерение в ближайшее время опубликовать свой труд и на английском языке.

[6] Там же. С. 13.

[7] См.: *Мартенс Ф.Ф.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880; *Грулев М.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909; *Аблова Н.Е.* Политика России и Англии в Иране после Крымской войны, 1856-1881 гг. М., 1982; *Харюков Л.Н.* Указ. соч. Об обострении русско-английских отношений в конце XIX в. см. также: *Киняпина Н.С.* Средняя Азия во внешней политике России // История внешней политики России. Вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1997. С. 85-130; *Золотухин М.Ю.* Европейская система в 80-е годы. Болгарский кризис // Там же. С. 223-224; *Хевролина В.М.* Проблемы внешней политики России в общественной мысли страны // Там же. С. 329.

[8] *Инпо С. Б.* Указ. соч. С. 13.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 14-15.

[11] Там же. С .4.

[12] Там же. С. 6.

[13] Там же.

[14] *Южаков С. Н.* Англо-русская распря. Небольшое предисловие к большим событиям. Политический этюд. СПб., 1885. С. 27,15-24.

[15] Там же. С. 106. Отметим в этой связи, что подобные выводы, основанные на резком неприятии многими россиянами сугубо «меркантильной» политики Англии, неоднократно высказывались и ранее, в

частности, в середине XIX в. См., напр.: *Лакиер А.Б.* Обзор сношений между Англиею и Россиею в XVI и XVII столетиях. СПб., 1854. С. 33, 66, и др.

16 *Ипполитов С. Б.* Указ. соч. С. 19-20.

17 Там же. С. 126-127.

18 Там же. С. 130-132.

19 Там же. С. 132.

20 Там же. С. 9. Подробнее характеристику Индии см. на С. 110-144.

21 Там же. С. 107-108.

22 Там же. С. 98-99 и др.

23 Там же. С. 54.

24 Там же. С. 62-63 и др.

25 Там же. С. 148.

26 Там же. С. 153.

27 Там же. С. 156.

28 Там же. С. 228.

29 См.: *Паулович К.* Замечания о Лондоне. Отрывок из путешествия по Европе, части Азии и Африке. Харьков, 1846; *Кошелев А.И.* Поездка русского земледельца в Англию на Всемирную выставку. М., 1852; *Боткин В.П.* Две недели в Лондоне // Русский вестник (далее – РВ). 1860. Т. 25. Январь. Кн.1-2. С. 297-333; *Феоктистов Е.* Стачка рабочих в Лондоне // РВ. 1860. Т. 27. Май. С. 217-257; *Водовозова Е.Н.* Жизнь европейских народов. Т. II. Жители Севера. СПб., 1881; и др.

30 *Паулович К.* Указ. соч. С. II-III, 67.

31 *Ипполитов С.Б.* Указ. соч. С. 270.

32 Там же. Ср.: *Новикова Л.Г.* Великобритания на рубеже XIX–XX веков. Чита, 1997. С. 39-40.

33 *Ипполитов С Б.* Указ. соч. С. 303.

34 Там же. С. 180-181.

35 См.: Там же. С. 186-187.

36 Там же. С. 272.

37 Ср. с характеристикой К.П.Пауловича, который при описании лондонских доков отмечал, что «они суть гигантские произведения человеческой деятельности, предприимчивости и находчивости, достойные одних только англичан с капиталами их. Европейцу, не видевшему этих доков, нельзя представить ясной идеи, что они суть. Одни только англичане при помощи всемирной своей коммерции и собранных оною сокровищ, могли устроить такие исполинские произведения зодчества». См.: *Паулович К.* Указ. соч. С. 224.

38 *Ипполитов С Б.* Указ. соч. С. 314.

39 Там же. С. 189.

40 Там же. С. 453.

41 Подробнее см.: Там же. С. 452-480.

42 Там же. С. 429-430.

43 Там же. С. 430.

44 Там же. С. 175.

45 Там же. С. 146.

46 Там же. С. 189-190.

47 Там же. С. 235.

48 Так, А.И.Кошелев отмечал, что «эта земля... если не самая общинная, то, конечно, самая общественная, направила теперь всю деятельность своего ума, сил и капиталов на удешевление товаров и на обобщение употребления всех предметов, служащих для жизни и благосостояния

народа... Одним словом, рассматривая вещественные произведения Англии, исполняешься высокого мнения о нравственном и умственном ее величии». Как писал выдающийся деятель российской культуры и не менее известный рационализатор (последнее еще редко отмечается в научной литературе), «англичане – не как прочие люди; силы их возведены в какую-то степень X; массы, тяжести, пространство и время – повинуются их разуму и воле» (*Кошелев А.И.* Указ. соч. С. 92-93, 94).

49 Видный российский ученый, публицист и общественный деятель В.В.Берви-Флеровский писал, что, живя в Лондоне, «я каждую минуту чувствую, что я могу здесь думать, как я хочу, говорить, что я хочу, и делать, что мне вздумается; – мне кажется, что я вырвался из разбойничьей ямы и попал в среду честных людей». Цит. по: *Флеровский Н.* Три политические системы. Б.м., 1897. С. 529. Чуть позже писатель И.В.Шкловский (выступавший под псевдонимом Дионео) отмечал: «Англия тем резко отличается от континента, что общество упорно не желает признавать, что ***личность*** может быть подавлена и принесена в жертву ***государству***. Английский прогресс – это летопись освобождения ***личности***». См.: Дионео. Английские силуэты. СПб., 1905. С. 92. Ср.: *Боткин В.П.* Указ. соч. С. 299, 306, 309.

50 *Ипполитов С.Б.* Указ. соч. С. 10.

51 Подробнее см.: *Тимофеев В.В.* Некоторые аспекты русско-английских отношений конца XIX в. Харьков, 1990. С. 19-20, 54-55 и др.; *Гелла Т.Н.* Указ. соч.; *Филиппова Т.А.* Великобритания и Россия второй половины XIX в.: диалог политических культур (вопросы методологии) // Британия и Россия. М., 1997. С. 226-233.

Осьмаков М.Н.

«ОБРАЗЫ ЗАГРАНИЦЫ» В КОНТЕКСТЕ МИРА ВЕЩЕЙ. (По материалам провинциальной прессы конца XIX – начала XX века)

Хорошо известно, сколь чувствительным и всепроникающим было воздействие так называемого «внешнего мира», особенно Западной Европы, на все стороны жизни российского общества, начиная с XVIII столетия. «Образы заграницы», возникающие в результате этого воздействия в сознании наших предков, становились реальными участниками «игры» исторических сил. Само это участие, влияние «образов иноземья» на различные аспекты и грани бытия, основные режимы функционирования и особенности эволюции указанных образов получили широкое освещение как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Однако многие проблемы все еще остаются «за кадром». Фактически только начинается разработка темы на уровне местных сообществ, локальных провинциальных миров. А ведь именно прогрессирующий паралич архаичного «местечкового» уклада жизни в общеимперском масштабе обусловил возникновение ее новых форм приоритетов и ценностей. Провинциальные миры на рубеже XIX-XX вв. подвергались интенсивной дезинтеграции, что было связано «с усилением влияния на общественное сознание провинции новых ценностей (рационалистических), вводимых через свои каналы информации (система образования, печать, кино и др.) Основной удар приходится по религиозному сознанию. Причем изменения происходят достаточно быстро, благодаря чему новое поколение уже ощущает себя во многом чуждым «отцам и дедам». Внедряются новые образцы, которые принципиально заземлены, связаны с глубоким преобразованием вещной действительности»[1].

Не последнюю роль в обвальном крушении старых норм и институтов сыграли глубоко провокационные по своей внутренней природе «образы заграницы», фабрикации и тиражированию которых немало поспособствовала газетная реклама, особенно в конце XIX – начале XX в. Эта статья посвящена анализу воздействия рекламного слова, конкретно – имен-названий иностранных вещей на формирование «образов заграницы». В качестве локального примера используются губернский город Орел и соответствующие материалы, опубликованные в «Орловском вестнике» за 1899-

1903 гг. Значение упомянутых образов еще больше возрастает, если вспомнить об энергичном участии России в общеевропейском обмене людьми, идеями, товарами, в строительстве единого экономического и культурного пространства Старого света.

На рубеже XIX-XX вв. тезис о единстве Европы подкреплялся не менее убедительными доводами, чем сейчас. Только тогда это единство не мыслилось без России. Конкретные примеры такого единства приводит немецкий исследователь русско-германских связей К.Шлегель. Он пишет: «движение между Москвой и Берлином, Петербургом и Мюнхеном было чем-то само собой разумеющимся. В крупных городах германской империи существовали русские общины, в российской империи – немецкие... В образованных кругах дву- и трехязычие были не исключением, а скорее правилом. Крупные фирмы имели представительства в промышленных центрах и провинциальных городах... Немец присутствует в Российской империи не только как идея, но как инженер, фабрикант, банкир. В свою очередь, Россия в германском рейхе появляется в виде русских курортников, регулярно наезжающих в Бад-Эмс и Баденвейлер, в образе русских студенческих землячеств. Немецкие фирмы представлены на нижегородской студенческой ярмарке, также как и русские на лейпцигской... В этом едином цивилизационном пространстве существует нечто вроде общих стандартов, которые в Санкт-Петербурге выглядят не иначе, чем в Берлине или Вене»[2].

Феномен общего цивилизационного пространства подпитывал эмоциональной и интеллектуальной энергией такой мощный источник преобразований внутри отдельных обществ и государств, как сравнение себя («мы») с другими («они»). Обладающее чудодейственной силой преображать все, что попадает в сферу его влияния, сравнение себя с другими с равным успехом воздействовало на индивидуальную психологию и массовое сознание. Характеризуя Францию XVI в., подвергшуюся настоящему нашествию идей и вещей из переживавшей возрожденческий подъем Италии, М.М.Бахтин отмечал: «Сознание увидело себя на рубеже эпох и мировоззрений, оно впервые могло охватить большие масштабы для измерения хода времен, оно смогло остро ощутить свое сегодня, его непохожесть на вчера, его границы и его перспективы. Эти взаимоориентация и взаимосвязь... вдруг обнаружили, сколько старого умерло и сколько нового родилось. Современность осознала себя, увидела свое лицо... В этом процессе взаимоосвещения живая современность – новые вещи, новые понятия, новые точки зрения, – достигает исключительно острого осознания, отчетливо прощупываются рубежи времен, рубежи эпох, мировоззрений, быта»[3].

В процитированном отрывке М.М.Бахтин наделяет сопоставимым онтологическим и социокультурным статусом такие не похожие бытийственные формы, как «вещь», «точка зрения», «понятие». По Бахтину, все они – равноправные участники метадиалога, выстраивающего смысловой и образный каркас общества, инициирующего сравнение времен, эпох и мировоззрений, а также умение конкретной культуры смотреть на себя со стороны, осуществлять самонаблюдение, самоанализ, давать самооценку.

Будучи полноправным историческим источником, вещи «могут немало рассказать о породившем их времени». Они – «своеобразный язык, на котором время говорит о себе»[4]. Вещи можно исследовать как видимые, порождающие визуальный образ явления, эстетические и дизайнерские решения, как материализованные мысли и функции культурных технологий, наконец, как носителей имен, манифестующих и саму вещь, и ее место в семантическом поле культуры.

Получая имя-название и включаясь благодаря этому в повседневную языковую практику совершенно новой среды, иностранная вещь радикально вмешивалась в стихийный процесс формирования «образа заграницы». Попытаемся понять, как это происходило.

Интенсификация международных контактов, появление новых идей, образов и представлений, настоящее вторжение целой армии «иностранных» вещей глубоко перепахивало российскую провинциальную почву. Трансформационные процессы затронули общественное сознание, индивидуальную психологию, структуры повседневности. За счет массового притока зарубежных изделий, предметный пласт бытия, или, по определению С.А.Гомаюнова, «вещная действительность» промышленности, транспорта, связи, управления, образования претерпели качественные изменения. Высокопроизводительное техническое оборудование и автомобили, телефоны и пишущие машинки, авторучки и цветные грифельные карандаши, украшенные торговыми марками британских, французских, американских и германских фирм и компаний, резко повышали эффективность любого вида деятельности, вызывали завистливое восхищение и буквально потрясали массовое и личностное сознание настоящим водопадом экзотических ощущений и образов, слов и понятий. Особенно преуспели в «шоковой терапии» мировоззрения и психологии провинциального обывателя бытовые вещи из-за границы. И если в газетной рекламе 70-80-х и большей части 90-х гг. XIX столетия они занимают более чем скромное место, заметно уступая отечественным товарам, то в последние годы XIX – первые годы XX в. заграничные бытовые изделия фактически пра-

вят рекламно-потребительский «бал». Трудно обозначить такой сегмент домашнего хозяйства, повседневного обихода и вообще образа жизни, где бы назойливо не навязывали себя французские, германские, английские и американские товары. От косметики и корсетов до утюгов и примусов, от линолеума и красок до сантехнического оборудования, от продуктов питания и вин до охотничьего снаряжения. Конечно, покупали далеко не все и не всё. Но видели в магазинных витринах, просматривали газетную рекламу, да и просто обменивались вроде бы малозначащими впечатлениями по «поводу вещей» многие провинциалы, особенно жители губернских столиц. В этой тотальной атмосфере видимого, значимого, символического, называемого постоянно мелькали поначалу непривычные, а со временем все более укоренявшиеся имена, названия и слова.

Ведущая тенденция в эволюции «образов заграницы» была связана с их открытостью, информационным обогащением, диалогизмом, сближением народов и культур. В русле отмеченной тенденции имена и названия вещей раскрывались различными гранями своего смыслового и ассоциативного потенциала. Уже звуковая форма имени, его акустика и фонетика принимали самое активное участие в формировании «образа заграницы». Фонетические импульсы попадали в такие точки звуковосприятия, которые могли рождать ощущение чего-то изысканного (например, эликсир «Меланж»). Подобные обертоны автоматически укладывались в стереотипные клише обходительной, куртуазной Европы, особенно ее французского сегмента.

Акустика, звуки, фонетика участвовали в конструировании «образа заграницы» исподволь, косвенно. Само же имя, присвоенное вещи, сопряженные с ним смыслы формировали указанный образ, что называется, напрямую. Необычное для русского слуха сочетание смысловых оттенков и образных «картинок» (допустим, овсяная крупа под названием «Квакер») ориентировало потребительское сознание на алгоритм поиска нестандартных ассоциаций, новых комбинаций вещей, имен и смыслов, индивидуализировало вещь, наделяло ее квазиличностными свойствами. М.М.Бахтин отмечал: «Новизна вещи и ее названия или обновление старой вещи ее новым употреблением и новыми неожиданными соседствами по-особому индивидуализирует вещь и усиливают в ее названии момент собственности, приближают его к имени-прозвищу»[5]. В плоскости конкретики «образ заграницы» насыщается такими штрихами и деталями, которые дополняли и подкрепляли уже сросшийся с североамериканцами и европейцами (особенно с немцами, французами, англичанами) имидж затейников и оригиналов, гораздых соз-

давать технические чудеса и диковинки. Кстати, именно на этом имидже выстраивается основная идейная оппозиция лесковского «Левши».

Имя вещи нередко совпадало с названиями известных фирм-производителей. В результате обогащались представления как о специфических производителях товаров определенного класса, так и о фирмах, работающих со «знаком качества». Несколько примеров из газетной рекламы того времени: револьверы, ружья фирмы «Зауэр и Пипер», безопасные бритвы, машинки для стрижки волос, ножи, ножницы фабрики «Генкельс Золинген», ножи и ложки фабрики Круппа, сгущенное молоко «Нестле»[6]. «Во многих русских городах, – подчеркивает К.Шлегель, – на слуху были имена Оренштайна и Коппеля, Сименса и Шуккерта, Борзига и АЕГ»[7].

Очень высок был удельный вес имен-вещей, связанных с этнографией и географией Зарубежья. В сознании отечественных потребителей возникал настоящий атлас мира, на страницах которого размещались страны и регионы, города и этнокультурные общности. Полистаем страницы этого газетно-рекламного атласа: берлинские маслобойки, американские мороженицы, венские утюги, американская гимнастика «Атлет», американские точилки для ножей, американские замки, американский столярный инструмент, английский садовый инструмент, кофейники венские и испанские, французские судки для стола, кружки мюнхенские с музыкой, японские вазы для цветов, американские мясорубки, минеральные воды Оберзальцбург, Эмс, Карлсбад, Виши Селестен, Виши Гран-Гриль, Контоксевиль, Павильон, прованское масло из Ниццы, ладан афонский и сиамский, мебель венская, индийский мишуй (средство против грызунов), индийский порошок от насекомых, вино Токайское, бергенский тресковый жир, венгерская эссенция для усов, кофе овсяной гималайского жита, перуанский бальзам...

После знакомства с таким «атласом» складывается впечатление, что авторитет отечественного производства у российского потребителя по гипотетической шкале предпочтений колеблется вокруг отметки «абсолютный ноль». Авторы рекламных текстов (и зачастую это – сами владельцы магазинов и оптовых складов, либо их служащие из числа «владеющих пером») не затрудняли себя плетением словесных кружев и выплескивали на газетные полосы языковые штампы, потрафляющие невзыскательным вкусам публики и объективно отражавшие иерархию потребительских интересов. Массированное и акцентированное использование этнических прилагательных и этногеографических имен-маркеров в названиях импортных вещей отражало преобладающую эмоциональную модаль-

ность «образов заграницы», и модальность эта была тревожной, если не сказать, разрушительной для национального самосознания, поскольку возвеличивала реальные и мнимые достоинства иностранных товаров на и так безрадостном фоне результатов сравнения «мы» — «они».

В ряде случаев укорененность вещи в потребительском поле сознания оказывалась столь основательной, что достаточно было только озвучить ее название, произнести имя, чтобы мгновенно актуализировать связь между воспоминаниями о качестве, вкусе, прочих достоинствах вещей, с одной стороны, и определенной политико-государственной, этнографической, культурной областью, ареалом, пунктом земного пространства — с другой (например, прованское масло из Ниццы). Эти ассоциативные зоны, или микродоминанты потребительского горизонта сознания, имели порой весьма почтенный возраст (скажем, ладан афонский, издавна известный на Руси). Имя вещи выполняло функцию кода — ключа, оживляющего спрессованные в образе представления, воспоминания, «картинки», ассоциации; поднимало такие волны памяти, «которые коренятся в социальном подсознании и самим воспринимающим далеко не всегда осознаются»[8].

География и этнография «образа заграницы» дополнялись его «историографией». Вещь и ее имя, обитающее в культурно-историческом пространстве, демонстрировали способность устанавливать связь времен, протягивать ниточку из настоящего в прошлое и из прошлого в настоящее. Герой античной истории Геркулес, именем которого была названа проваренная паром овсяная крупа, появившаяся на российском рынке в конце прошлого века, незримой, но прочной нитью соединял эпохи и культуры, «привкус» античной мифологической истории и вкус овсянки. Причудливые узоры, сплетенные игрой символов, ассоциаций и ощущений, еще больше усложняли процесс конструирования «образа заграницы».

Обогащение его коммуникативно-диалоговой стороны происходило в режиме неугасающего конфликта с альтернативной тенденцией, акцентировавшей «инаковость» иноземья, его закрытость и непонятность. Как уже отмечалось, первый же контакт с именем-названием вещи побуждал воспринимающее сознание реагировать на его — имени — звуковую, фонетическую форму. Иноязычные звуки, их непривычные сочетания осмеивались и пародировались в повседневной языковой практике. В старой Москве особенно популярна была сцена, в которой Петрушка учит немца говорить по-русски. Комические эффекты, связанные с пародированием немецкой речи, неизменно вызывали смех зрителей.

– Доннер веттер! – кричал немец, получив удар палкой. Петрушка переспрашивал:

– Что... дунул ветер? Да ты говори не по-вороньи, а по-ярославски!

– Вас?

– Ква-а-а-с? Какой тут квас? Пошел вон от нас, мы не хотим знать вас.

В подписях к лубочным картинам XIX в., в текстах площадных представлений, в лубочных книжках, юмористических рассказах, пьесках и песенниках встречаем в качестве широко применявшегося приема комическое воспроизведение речи «русских немцев»[9].

Отметим в этой связи, что адаптированность фонетического строя языка местным природе, ландшафту, пространству совершенно справедливо акцентирует Г.Гачев: «Естественные национальные языки трактуемы – как голоса местной природы в человеке. У звуков языка – прямая связь с пространством естественной акустики, которая в горах иная, чем в лесах и степи. И как тела людей разных рас и народов адекватны местной природе, так и звуки, что образуют плоть языка, в резонансе находятся со складом национальной природы»[10]. Чуждый топос порождал принципиально иной фонетический строй. Нерусскость, чужеродность звучащей формы имени-названия вносили свою лепту в структурирование такого «образа заграницы», который нес в себе резко выраженные черты, отличая от своего родного, домашнего, привычного, акцентировал ее – заграницы – непохожесть на исконный русский мир.

Сам феномен чуждости, инаковости нуждается в особом разговоре. Обсуждение разных аспектов этой проблемы уже началось[11]. Ощущение чуждости других культур, языков, этнических групп – не то, с чем в большинстве случаев сознательно борются, преодолевают; с ним едва ли не рождаются и проносят через всю жизнь как нечто само собой разумеющееся. С.В.Оболенская пишет: «Удивительная устойчивость никогда не затухающего в сознании человека представления о “своих” и “чужих”, инстинктивное отталкивание всего чуждого как непонятного и неприемлемого»[12].

Первичный эффект чуждости возникал на базе сугубо эмпирических наблюдений и впечатлений. Несколько взятых почти наугад примеров – миртовый бальзам, дамское косметическое средство, изготовленное на основе извлекаемого из листьев мирта эфирного масла. Кофе Мокко, прочно вошедшее в обиход части наших соотечественников уже с XVIII в. И новинка конца прошлого столетия – прибор Сокслета для определения свежести молока, снабженный вместо бирки чеканной англо-саксонской фамилией.

Мирт, который на территории империи встречался только в Крыму и на Кавказе, то есть неизвестный подавляющему большинству россиян. Кофе – также не произраставший в России. И, наконец, инструментальное образование, прибор, массовое освоение которого только начиналось, едва ли не сказочное сочетание механики и естествознания, вещества и энергии, конструктивных и эстетических решений. Вещи очень разные по «семантике и прагматике», но единые в одном – все они абсолютно чужды национальному интерьеру.

Было бы неправильно оценивать ощущение чуждости как однозначно негативное явление. С позиции психологии эмоций, изучения межэтнических конфликтов негативный «заряд» чуждости, по всей вероятности, следует учитывать. Но подобный подход сразу же обнаруживает свою несостоятельность, когда в этом ощущении усматривается сегмент того бескрайнего информационного ландшафта, который сопровождает любого человека от рождения до смерти и бесперебойно снабжает его визуальными, акустическими и иными сенсорными впечатлениями и идеями. Так понимаемая «чуждость» – благодатный материал для работы души и сознания, для эмоционального переживания встречи с необычным, иным, для сравнения себя («мы») с другими («они»).

Сиам и Афон, Ницца и Берген... Пальмы, жаркое южное солнце, суровое северное море, каменистые фиорды... За названиями стран, городов, местностей действительно таилась вызывающая, гротескная, лубочная нерусскость, которая одновременно и выпячивала, и подвергала ретушерской обработке элементы удивительного конструктора под названием «вселенная образов». Как раз из ее «монад» человек, хотя бы и лишенный непосредственных визуальных впечатлений, но снабженный запасом элементарных сведений, мог конструировать альтернативы, альтернативные миры. Причем никакого значения не имело то обстоятельство, насколько верно и точно сотворенные сознанием миры отражали действительность. Их назначение – обосновывать возможность другого строя бытия во всех его формах и проявлениях, утверждать веру в необходимость «другости» природного и культурного жизнеустройства. «Образ заграницы» и есть один из наиболее распространенных вариантов альтернативных миров.

Альтернативные миры несли в себе богатейшую палитру оценок, впечатлений, «картинок» и реминисценций. В этой палитре в форме осколков и фрагментов были представлены этнические и географические, исторические и антропологические мифы, знания, стереотипы. Спонтанный поиск, выявление и «озвучивание» аль-

тернатив, в какую бы «одежду» они не облекались (миф, сказка, утопия, «образ иноземья») – одна из фундаментальных особенностей нашего мышления: «Мы все живем между утопиями и антиутопиями (читай: альтернативными мирами. – *М.О.*) Они постоянно вторгаются в нашу жизнь и сознание, сменяя друг друга, свергая, дискредитируя, уничтожая – но и переплетаясь самыми хитроумными способами. И это естественно. Жизнь без утопий пресна и лишена надежды, сводится к стремлению твердо занять в мире свою экологическую нишу, пометить территорию, чтобы другим заходить неповадно было, и наплодить потомство, которое повторит тот же пахнущей дурной бесконечностью путь. Без утопий люди стали бы подобны тараканам или акулам – совершенным в плане приспособленности к условиям своего существования тварям, безупречным машинам паразитизма и убийства. Царство "здравомыслия", сухого расчета, рациональности и прагматизма – самое иррациональное царство из всех возможных. Когда перестаешь верить "золотым снам", ***сном становится все***, утрачиваются все ориентиры. Космос обращается в хаос»[13].

В пространстве вещей, их свойств, имен, названий и смыслов контуры альтернативных «проектов» (порой размытые, иногда четкие и резкие) проглядывали почти в каждом, касающемся вещей микротексте – повествовательном, рекламном и любом другом.

Это могло быть навязчивое противопоставление иностранного и отечественного. В рекламном объявлении провинциального аптекарского магазина читаем: «Заграничное (не московское) фруктовое желе, отличающееся приятным вкусом и прозрачностью». Еще более определенно о том же предмете высказывался в своей рекламе другой провизор: «Вкусный и удобоваримый десерт: заграничное фруктовое желе, 10 ароматов (не смешивать с имеющимся в продаже желе московского производства)». Купец Н.В.Васильев, предлагая орловским дамам «французские корсеты Дютоа... модных и удобных с последним усовершенствованием покроев», особо подчеркивал: «Прошу покупателей не смешивать при покупке корсетов в других магазинах фасон и клеймо Дютоа... с корсетами Паве, Арцишевского и Абрамсона, так как эти фабрики не французские»[14].

Образы альтернативных миров насыщались не только непосредственными, живыми впечатлениями, но и мифами, преувеличениями, вымыслами. Один из ярчайших примеров такого рода – мир коренных жителей обоих Америк, ставший в глазах образованной российской публики, особенно молодежи, олицетворением романтической героики и хранителем недоступных рациональной Европе тайн и загадок. «Индейская мода» не обошла стороной и

«населенного» вещами сегмента социального космоса. Отсюда, например, набор ножей и вилок «Альпаки» или кофейники «Сиу». Особый пласт представлений был связан с идеей тайного знания, обладателями которого якобы являлись американские аборигены. И тогда на свет божий появлялись чудодейственная хинно-глицериновая помада на перуанском бальзаме и безотказные индейские средства от грызунов и насекомых.

Итак, альтернативные миры свободно перемещаются во времени и пространстве. Прочерченные ими траектории порой не подчиняются логике и здравому смыслу. Сотканные человеческим воображением красочные гобелены рисуют картины как привлекательные, так и отталкивающие. Порожденные ими чувства, эмоции и настроения оказываются весьма серьезными фигурами на игривом поле истории.

Напомним, что свой анализ мы начинали с вещи. Оказалось, что важнейшая ее особенность – это удивительная способность пробуждать к жизни образы, впечатления и ассоциации. Вещь действительно открыта диалогу, коммуникации с вопрошающим. Но, чтобы диалог состоялся, надо вслушиваться в имя-название вещи. Последнее может рассказать о многом, причем сообщает смыслы не только семантика имени, но и его звуковая форма. В созвездии смыслов вполне различимы некоторые немаловажные черты «образа заграницы», большинство которых стихийно группируется вокруг главного, системообразующего и исторически значимого ядра указанного образа – его альтернативной составляющей. Именно последняя дает возможность национальному «образу иноземья» занять достойное место в длинном ряду выдвинутых человеческой культурой альтернативных проектов: от «идеального государства» Платона или христианской концепции ада и рая до фэнтези Толкиена. Если они – эти проекты – создавались, создаются и, без всякого сомнения, будут продолжать создаваться, значит, «это кому-нибудь нужно».

Впрочем ответы на вопросы «кому» и «зачем» – предмет совсем другого исследования.

---

1 *Гомаюнов С.А.* Общественное сознание российской провинции (методологический аспект) // Русская история: проблемы менталитета. М., 1994. С. 29

2 *Шлегель К.* Немецкий образ России в первой трети 20-го столетия: политика реконструкции // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 50, 51.

3 *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 517.

4 *Кнабе Г.* История и повседневность // Знание-сила. 1987. № 4. С. 66.

5 *Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 511.
6 Орловский Вестник. 1903. 3, 17 января; 23 марта.
7 *Шлегель К.* Указ. соч. С. 50.
8 *Кнабе Г.* Указ. соч. С. 67.
9 *Оболенская С.В.* Образ немца в русской народной культуре. XVIII-XIX вв. // Одиссей. М., 1991. С. 175-176.
10 *Гачев Г.* Национальный космо-психо-логос // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 65.
11 См.: Чужое: опыт преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999.
12 *Оболенская С.В.* Указ. соч. С. 160.
13 *Ахтырский Д.* Революционная ориентология // Независимая газета. 1999. 15 июля. С. 3.
14 Орловский Вестник. 1903. 11,26 февраля; 9 марта.

Звонарева Л.У.

ЕВРОПА И РОССИЯ В 1920 ГОДУ: ВЗГЛЯД ИЗ ВАРШАВЫ

Статьи, написанные Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским для варшавской газеты «Свобода» 80 лет назад, с тех пор никогда не перепечатывались. Многие из них звучат в наши дни как весьма современное, тревожное предупреждение.

Мережковский учил своих читателей изыскивать онтологическую символику даже в таких бытовых деталях, как запах. Так, в эссе «Предчувствия», опубликованном в газете «Свобода» 24 июля 1920 г., он писал: «Грядущий Хам узнается по дурному запаху. Это шутка. Нет, эстетика не шутка, а проникновение в сердце вещей. Некрасота, антиэстетика русской "социалистической революции" – зловещий знак. Жизнь прекрасна: все живое цветет и благоухает; только мертвое тлеет и смердит... Как благоухали наш Февраль и Март, солнечно-снежные, вьюжные, голубые, как бы неземные, горние. В эти первые дни или только часы, миги, какая красота в лицах человеческих. Где она сейчас? Вглядитесь в толпы октябрьские: на них лица нет. Да, не уродство лиц, а отсутствие лица, вот что в них всего ужаснее... Малые-малые, серые-серые, неразличные, неисчислимые, насекомоподобные. Не люди, а тли...»[1].

Через Бобруйск, Минск и Вильно в январе 1920 г. супруги Мережковские бежали из советской России в возрожденную Польшу. Писатели давно сочувствовали полякам, Дмитрий Мережковский в своей лекции о творчестве Адама Мицкевича назвал их распятой нацией.

Жизнь супругов Мережковских в Польше можно условно разделить на четыре периода. В течение двух месяцев, начиная с середины февраля 1920 г., они жили в гостинице «Краковская» в Варшаве. Весной, по любезному предложению опекавшего их молодого друга петербургских времен, художника и литератора Юзефа Чапского, Мережковские поехали на две недели отдохнуть в родовое имение графов Чапских Морды под Минском.

Третий период – Зинаида Гиппиус назовет его «новой варшавской фазой» – продлится до пятницы 31 июля 1920 г. Все это время Мережковские будут жить на улице Крулевской в доме 29а, напротив Саксонского сада. В субботу 17 июля 1920 г. выйдет первый номер созданной ими политической, литературной и общественной газеты «Свобода», девизом которой стали слова «За Родину и сво-

боду». На первой странице газеты «Свобода» объявлялось, что ее ближайшими сотрудниками будут Б.В.Савинков, О.И.Родичев, Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус, Д.В.Философов.

Вернувшись из Гданьска (в своих мемуарах Гиппиус упорно называет его Данцигом) в начале сентября 1920 г., Мережковские поселились в гостинице «Виктория», где провели еще полтора месяца. Этот четвертый период Зинаида Гиппиус характеризует как последний и самый несчастный, что объясняется отчуждением и растущей агрессивностью со стороны многолетнего близкого друга семьи Мережковских Дмитрия Философова, попавшего под обаяние Бориса Савинкова, ставшего фактическим издателем и руководителем газеты «Свобода» и сделавшего журналиста Александра Гзовского полноправным редактором газеты, все меньше считавшимся с мнением других сотрудников, о чем с огорчением и болью пишет в своих мемуарах Зинаида Гиппиус. Именно в это время – в августе-сентября 1920 г. – Гзовский публикует на страницах «Свободы» вторую редакцию повести собственного сочинения «Палачи революции», уже печатавшейся в «Минском курьере». В 1921 г. предприимчивый литератор выпустит ее третьим изданием – отдельной книгой на польском языке под интригующим заглавием «В государстве красных людоедов. Повесть из жизни большевистской России».

Приехав в Варшаву, супруги Мережковские довольно быстро разочаровались в своем близком друге Борисе Савинкове, не выдержавшем испытания конкретной организаторской деятельности на благо России, как его понимали З.Гиппиус и Д.Мережковский. К осени 1920 г. уже было трудно поверить, что еще несколько месяцев назад в очерке «Иосиф Пилсудский» Дмитрий Мережковский писал о нем: «Я назвал Бориса Савинкова как единственного сейчас русского человека в Европе, способного что-нибудь сделать для "третьей" России. Мне трудно было говорить о Савинкове: он мой друг многолетний, человек слишком мне близкий».

В эссе «Иосиф Пилсудский» Мережковский попытался сформулировать важнейшую роль Польши в истории Европы и первоочередную труднейшую сверхзадачу Начальника Польской державы: «идут на вас, на всю Европу несметные полчища варваров; идет нечто подобное царству Антихриста. Не думайте, что я говорю вам пустые слова, пугаю вас детскими сказками: это могут другие народы, но не вы, поляки. Я говорю вам то же, что говорили ваши пророки – три огненных. О начертанных во мраке перстом Божиим для вашего спасения: Август Чешковский, Андрей Товянский, Адам Мицкевич. В эти черные дни не забывайте ваших пророков. Я го-

ворю вам то же, что говорили они: не думайте, что Польша, как Христос, воскресла и уже не умрет. Христос в Польше, но Польша – не Христос... Да, не пустые слова то, что я вам говорю вместе с вашими пророками: идет на весь христианский мир нечто подобное царству Антихриста. И последний оплот от него – Польша, последний бой с ним дан будет здесь. Соединитесь же все, как один человек в этом бою вокруг вашего великого вождя, избранника Божьего, Иосифа Пилсудского. Соедините ваши сердца, как мечи, и вознесите его на такую высоту, чтобы все народы увидели его, как вы его видите, узнали его, как вы его знаете. Если вы это сделаете, то спасете Польшу, и может быть, спасете мир».

Вера в то, что могущественный Пилсудский со своими легионерами разобьет большевиков и освободит Россию от власти советского Антихриста в течение нескольких месяцев 1920 г., была наивной иллюзией супругов Мережковских. За время жизни в Варшаве они постепенно разобрались в тактике и стратегии окружения Начальника Польского государства, мечтавшего, в первую очередь, о великой Польше за счет присоединения белорусских, украинских и литовских земель. Мережковский, как справедливо считает Б.Бялокозович, мечтал, что Пилсудский дойдет до Москвы и «водрузит крест на Кремле». Чапский в своих воспоминаниях констатирует: «И вдруг Пилсудский заключил мир. Мережковский страшно обиделся на Пилсудского из-за того, что он изменил своей исторической миссии. Уехал из Польши и никогда уже в Польшу не вернулся»[2].

Миф о Европе – спасительнице и освободительнице был популярен не только в семье Мережковских, им были увлечены в 20-е гг. многие русские и белорусские журналисты. Так, уже упоминавшийся литератор из Минска А. Гзовский 21 января 1920 г. в статье «Дорогой гость», опубликованной в газете «Минский курьер» писал: «Швейцария, Англия, Франция или другие государства гостеприимно встретят дорогого гостя (имеется в виду Д.Мережковский. – *Л.З.*) и окажут ему самый сердечный прием. Они издадут его произведения и будут гордиться этим. Россия лишилась своего сокровища»[3].

По мнению философа Василия Розанова, близко знавшего семью Мережковских, супруги, относимые им к числу «аптечных людей», «зябли в России», являясь какими-то «заморышами» в европейской цивилизации, и они расцветали «лишь около Тефмина и Сиракуз, своей древней и вечной Родины»[4].

В своих статьях для варшавской газеты «Свобода» супруги Мережковские последовательно разрабатывали и утверждали героиче-

ский миф о Европе-освободительнице, а образ советской, атеистической России рисовался в виде уродливого «антимира», «того света», угрожающего свободной христианской Европе как страшная, смертельная опасность.

Напряженная, многомесячная деятельность З.Гиппиус и Д.Мережковского в варшавской газете «Свобода», созданной и опекаемой ими в 1920 г. как эффективное средство, помогающее, опираясь на публицистику, бороться с большевиками за христианскую Россию, за ее возвращение с «того света» (как назвала свою первую статью в этой газете З.Гиппиус), последовательно не дооценивается в современной научной и литературной периодике. Так, в сборнике докладов, прозвучавших на международной конференции, организованной Институтом мировой литературы РАН в 1991 г. «Д.С.Мережковский: мысль и слово» и изданных в 1999 г., этот важный варшавский период и сама газета «Свобода» упоминаются мимоходом. В статье И.Кукулина, посвященной двухтомному изданию «Дневников» З.Гиппиус, даже нет упоминая о газете. Автор ограничивается замечанием: «В Варшаве 1920 года сформировался повстанческий военный отряд, который должен был сражаться с большевиками, и Гиппиус работала в его «пропагандистском отделе»[5].

В комментариях к «Варшавскому дневнику» З.Гиппиус деятельность писательницы получает более объективную оценку: «В начале июля 1920 г. шла работа по организации "политической литературной и общественной" газеты "Свобода", которую решили издавать в Варшаве Б.Савинков, Д.Мережковский, Д.Философов, З.Гиппиус и А.Гзовский». Но здесь же встречаем и очевидную неточность: «З.Гиппиус печатала в "Свободе" статьи под псевдонимом "Лев Пущин"»[6]. Писательница почти в каждом номере выступала под своей девичьей фамилией – Гиппиус.

Своей задачей мы считаем обработку и осмысление новых архивных материалов, газетных публикаций, хранящихся в Ягеллонской библиотеке, ранее не вводившихся в научный оборот.

Статьи и дневниковые эссе, опубликованные З.Гиппиус и Д.Мережковским на страницах газеты «Свобода», убеждают, что в сознании супругов к 1920 г. прочно укоренился миф о Европе – защитнице и освободительнице России. Европа впервые стала для них спасением от произвола цензоров и преследования политической полиции уже в 1912 г., когда Д.Мережковский был предан суду за пьесу «Павел Первый» (супруги жили тогда в Париже).

В Варшаве в 1920 г. Мережковский был известен и популярен. На его лекциях, организованных младшим другом писателя Юзе-

фом Чапским, можно было встретить таких литературных авторитетов, как писатели Стефан Жеромский и Владислав Реймондт.

По мнению Б.Бялокозовича, во время своих лекций, «ссылаясь на польско-русские традиции дружбы, воплощенные в творчестве Мицкевича и Пушкина, на пророческие видения Мицкевича, на его мистический патриотизм, анализируя в сопостовительном плане мессианизм Мицкевича и Достоевского – Мережковский прославлял мессианистические идеи польского романтизма во имя той Польши, которая противостоит "грядущему хаму", спасая европейскую цивилизацию»[7].

Гиппиус и Мережковский выступали на страницах варшавской газеты «Свобода» против курса Антанты на примирение с большевистским режимом. Мережковский оценивал ситуацию в Европе в 1920 г. в эссе «Предчувствия», опубликованном на страницах газеты «Свобода» 22 июля 1920 г., следующим образом: «Христианство – начало Европы, и конец христианства – конец Европы. Христианство – воля ко Христу, к Абсолютной Личности. "Я есмь" – основа бытия. Большевизм – воля к Абсолютной Безличности, воля к небытию. Но не та же воля у вас? Последнее слово европейского разума – философия Шопенгауера – буддийская мудрость небытия, безличности. А за него – конец разума – безумие личности, безумие Ницше – "Антихриста". Не потому ли вся Европа к большевизму тянется, что у них обоих одна и та же воля к Антихристу. Для вас христианство – "миф". Берегитесь: как бы вам самим не сделаться мифом».

Всякую государственную власть Дмитрий Мережковский оценивал по ее отношению к религии и свободе. В статье «Крик петуха», опубликованной в газете «Свобода» 20 июля 1920 г., Дмитрий Мережковский писал: «Что в тайне совести своей думает Ленин о Великой революции французской? Считает ли ее только малым началом великого конца революции русской или таким же нулем, "буржуазным предрассудком"? Как и самое понятие свободы? Но в обоих случаях, – Свобода и Равенство – два понятия, взаимно друг друга исключающие – такова метафизика, повторяю, не отвлеченная, а реальнейшая, вошедшая в плоть и кровь большевизма. Начало большевизма – конец свободы, убить свободу – родить большевизм, и наоборот. Вот почему большевики – ***свободоубийцы изначальные***. Великая революция французская открыла человечеству небо свободы, под которым мы все еще ходим; дало человечеству воздух свободы, которым мы все еще дышим. Великая реакция русская – большевизм – хочет заменить небо стеклянным колпаком и воздух безвоздушным пространством. В России они это уже сдела-

ли; сделают ли и во всем мире? Вот вопрос. Мы здесь, под вольным небом, дышащие, не понимаем, что значит воздух. Но это понимают все, кто там, в России, под стеклянным колпаком задыхаются. И если скажут им: "воздух!" – разве могут они не ответить? О, только бы туда, в Россию, долетел этот крик: "Свобода!" – И Россия ответит, и расточится большевизм, как дьявольская нечисть от крика петуха».

В этом же номере в статье «Герои в России» Зинаида Гиппиус по сути развивает мысли мужа, иллюстрируя «большевицкую свободу» примерами, за которыми явно встают судьбы ее петербургских знакомых: «Надо знать, как мобилизуют в Совдепии офицеров. Его сразу арестовывают. И не только самого офицера, но и его жену, его детей (всякого возраста, даже грудных), его мать, отца, сестер и братьев, родных и двоюродных, дядей и теток. Офицера выдерживают в тюрьме некоторое время непременно вместе с родными (чтобы понятней было дело). Если увидят, что офицер из "пассивных" героев, – выпускают всех: офицеров в армию, родных – под неусыпный надзор. Горе им, если прилетит от армейского комиссара доносик на данного "военспеца" (так называются офицеры)! Едут дяди и тетки – не говоря о жене с детьми – кудато на принудительные работы или в прежний каземат, где зачастую, теряются в списках...».

Атеизм большевиков Мережковский воспринимал как угрозу духовному будущему России в целом и каждой мыслящей личности в отдельности. Вслед за как Ю.Каграмановым мы считаем, что свое отношение к православию Мережковский формулировал однозначно: «Верую и исповедую». Строки Гиппиус, глубоко переживавшей собственные духовные сомнения и минуты духовного кризиса – богооставленности, сродни афористичной формуле:

Он испытует – отдалением,
Я принимаю испытание...[8]

Эту позицию можно считать принципиальной и для Мережковского[9].

По мнению писателя, Ленины-Троцкие – «слепые орудия тайных сил», большевистская революция – результат метафизического всемирного заговора, идущего со времен Навуходоносора, у которого Бог однажды отнял сердце человеческое и дал ему сердце звериное. Этой проблеме посвятил Дмитрий Мережковский книгу «Царство Антихриста», вышедшую в Мюнхене в 1921 г.

В уже упоминавшемся эссе Дмитрия Мережковского «Предчувствия» с подзаголовком «Из дневника 1919-1920 годов», опубликованном в газете «Свобода» 22 июля 1920 г., автор уверенно предре-

кал: «С русской революцией, рано или поздно, придется столкнуться Европе, не тому или другому европейскому народу, а именно Европе, как целому, – с русской революцией или русской анархией, ибо, что такое в настоящее время совершается в России, переход ли от одной государственной формы к другой, или выход из всех государственных форм в неизвестное, – это сейчас решить трудно».

При этом Дмитрий Мережковский чутко ощущал психологическую и ментальную разницу между католицизмом и православием, о чем писал в эссе «Предчувствия» («Из дневника 1919-1920 годов»), опубликованном в газете «Свобода» 24 июля 1920 г.: «В русском народе только один из двух полюсов религиозная женственность... В противоположность западному католическому христианству – мужественному, восточное, византийское – женственно. Православие на русский народ – женственность на женственность... С византийским христианством принял русский народ византийское язычество! Самодержавие. В самодержавии – начало римской власти, римского мужества. Но как преломляется оно в женственной русской стихии. По Константину Аксакову, сущность русской истории – отречение, открещивание от власти, религиозная анархия, осуществляемая в политической монархии. "Государство, – говорит Аксаков, – никогда у нас не обольщало собою народа, не хотел народ наш облечься в государственную власть, а отдавал эту власть избранному им и на то назначенному государю, сам желал держаться своих внутренних жизненных начал", то есть женственных, жертвенных... В самодержавии русский народ как бы выделяет из себя всю свою мужественность и отдает ее одному – самодержцу».

Вся русская мужественность, с точки зрения Д.Мережковского, сосредоточилась в царе. Пал царь – пала мужественность, осталась абсолютная женственность. Абсолютная женственность – бессознательность. Вместо сознания – инстинкт. Религиозный инстинкт русского народа обманут православием и самодержавием. Царь от Бога. Был царь, был Бог; не стало царя, и Бога не стало. Вот почему «переход в полный атеизм совершился до того легко, точно в баню сходили и окатились новой водой» (В.Розанов. «Апокалипсис нашего времени»). Раскрестились мгновенно. Народ поклонился Царю, как Богу; интеллигенция поклонилась народу, тоже как Богу. Безличный народ обожествлял царя; одинокая личность обожествила безличный народ. Идолопоклонство, обожествление взаимное. Два разных кощунства – человекобожество и народобожество...

Автор капитального философского исследования «Толстой и Достоевский», Мережковский постоянно обращался в своей публицистике к текстам и авторитету Достоевского.

Иван Карамазов сказал: «Человек есть Бог». А Смердяков сделал себя Богом... Когда народ стал Богом, то совершилось над ним то, что сказано о всяком человеке и соединении человеческом, которые становятся на место Божье: «Отнимется у него сердце человеческое, и дастся ему сердце звериное... Страшен Царь-Зверь, но еще страшнее зверь-Народ. Русская революция опрокинула самодержавие, но не разрушила. Самодержавие царя – пирамида острием вверх; один порабощается всеми. Но сила гнета, тяжесть рабства в обоих случаях одинаковая... Религиозная идея самодержавия, та ось, на которой оно вертится, – православие – осталось революцией нетронутой, непонятой. На этой оси пирамида самодержавия с легкостью опрокинулась, повернулась острием вниз, а восстановится, повернется острием вверх... У царя Николая был Распутин, у царя-народа – Ленин. Тот мужик; этот интеллигент; тот блудник и пьяница; этот скопец и трезвенник; тот – изувер с Богом, этот без Бога. Как различны и подобны! Не в глазах, а во взоре, или только в возможности взора – один и тот же русский хмель, русский бес, черный Дионис; одно и то же безумие хлыстовских радений, все равно каких, монархических или анархических...».

В последние дни царя Николая, по мнению Д.Мережковского, необходимо было вглядеться в лицо Распутина, чтобы понять: это бред, наваждение; «это не может длиться долго». В недолговечности большевизма убеждало Мережковского лицо Ленина: «второй Распутин падет и начнется вторая революция – нет, не вторая, а первая...».

Еще в 1905 г. Вячеслав Иванов насмешливо писал о пророческих претензиях Мережковского: «Это – пророк, восхотевший священствовать, и изволению своего пророчественного священства подгоняющий, в конечном выводе, царство...»[10].

Оппонентом Д.Мережковского в российской журналистике какое-то время был Лев Троцкий, которого писатель уже на страницах второго номера варшавской газеты «Свобода» назвал «великим Прохвостом». В этом внезапном, на непосвященный взгляд, выпаде, слышны отзвуки былой газетной полемики, начавшейся в российской периодике еще в 1908 г. Д.Мережковский отвечает на оскорбительные тексты Л.Троцкого, писавшего о творчестве писателя в либеральной газете «Киевская мысль» в 1908, 1911 и 1914 гг.

Впервые Троцкий обратился к произведениям Мережковского в статье «Для красоты слога», опубликованной 2 июня 1908 г. За-

тем – 19 и 22 мая 1911 г. все в той же «Киевской мысли» печаталась большая статья Троцкого, посвященная Мережковскому, в двух частях, с оскорбительными заголовками – «Культурный себялюбец» и «Черт в цитатах». 2 июня 1914 г. Л.Троцкий вновь вспомнил Д.Мережковского в статье «Россия и Европа»[11], в которой он противопоставляет мифу Мережковского о Европе—спасительнице, образ Европы – сосредоточения мирового зла.

Троцкому была глубоко чужда идея космического масштаба, лежавшая в основе творчества писателя. Мережковский попытался проанализировать оппозиции жизнь-смерть, свет-мрак, Дионис-Аполлон, Христос-Антихрист, добро-зло, дух-плоть, небо-земля, гармония-хаос. В публицистике писателя варшавского периода появляется оппозиция – христианская Европа – богооставленная Россия, превращенная большевиками в царство Антихриста, чей уродливый лик к началу 1920 г. уже проступил за пьяной рожей Грядущего Хама.

Д.Мережковский мечтал создать художественный синтез из разорванных на рубеже эпохи начал бытия. Так появляется уникальная религиозно-философская концепция, утверждающая неизбежность грядущего Третьего откровения, Царства Святого Духа, в котором произойдет духовное преображение земной твари, просветление материи через сотворчество человечества с Богом.

Развенчание в сознании супругов Мережковских мифа о Европе – спасительнице и освободительнице происходит постепенно, что отражается не только в дневниковых записях, но и в публикациях на страницах газеты «Свобода». На смену этому мифу приходит другой – миф о духовной миссии русской эмиграции. Общественный, литературно-философский центр возникал вокруг семьи Мережковских в любом европейском городе, где они жили в течение нескольких месяцев или лет – будь то Петербург[12], Варшава или Париж. Литературное общество «Зеленая лампа», созданное Мережковским в Париже, уже на уровне сознательно повторенного названия пушкинских времен выдает стремление супругов-эмигрантов воссоздать в столице Франции дореволюционную Россию в миниатюре.

Гиппиус не ставила своей задачей вписаться в европейский литературный истеблишмент. Она жила в Париже интересами России и мыслями о ней. В характере и мироощущении признанной «европейки» Гиппиус таилось языческое, чисто российское бунтарство. Двадцать один год прожив в Париже, она, тяжело переживая смерть мужа, разбивает керамическую статую «маленькой Терезы», католической святой, столь любимой Мережковским, но позволившей ему умереть раньше жены. А истовая, страстная увлечен-

ность Мережковского то Пилсудским, то Муссолини как потенциальными освободителями России от дьявольской власти большевиков, весьма спорное сопоставление Гитлера с Жанной д'Арк показывают, что Дмитрий Мережковский не был столь холоден и сосредоточен лишь на отвлеченных философских и теологических идеях. «Не Мережковский был холоден, а Мережковскому было холодно», – писал о своем друге хорошо его знавший В.Розанов[13]. Супруги Мережковские, даже живя в Париже, будто следовали давним заветам знаменитого родственника их любимого друга Д.Философова – С.П.Дягилева: «Надо идти напролом. Надо поражать и не бояться этого, надо выступать сразу, показать себя целиком, со всеми качествами и недостатками своей национальности»[14].

Достойным символом противоречивой натуры Мережковского, всю жизнь разрывавшегося между Европой и Россией, стала сама его могила под Парижем, где выполненная в камне русская икона соседствует с надписью по-французски: «Да приидет Царствие Твое».

Что же решительно не принимал Мережковский в современной ему Европе, считая всеевропейской трагедией? В 1920 г. ему было очевидно, что религия в Европе без Церкви существовать не может, а Церковь перестала контролировать социальные проблемы, и их решением занялись бесы-революционеры. Считая необходимым стремиться к синтезу Востока и Запада, Мережковский рассматривал как истинные все догмы и таинства и в католической, и в православной Церкви, хотя мысль об объединении Церквей была ему чужда. Активность католичества он сопоставлял с пассивностью православия, напоминая, что православие располагает своими Божьими дарами и Святыми сокровищами. На прямой вопрос Чапского, в чем конкретно Мережковский видит преимущество православия, писатель отвечал: «В духе свободы, сокровенном в православии, в духе, чуждом католичеству, а также в пророческом божьем даровании, все еще живом на Востоке. Подумайте только – здесь на Западе тишина и спокойствие, а в то же время православные люди в глуби России живут неустанной трагедией их окружения, имеют своих мучеников и святых»[15].

---

[1] Цитаты из разных выпусков газеты «Свобода» приводятся по экземплярам, сохранившимся в библиотеке Ягелонского университета в Кракове.

[2] *Czapski J.* Dzienniki, wspomnienia, relacje. Opracowala Joanna Pollakowna. Oficijna Literacka, 1986. S. 198.

[3] Цит. по: И круг ввивается в круг... // Неман. 1997. № 10. С. 204.

[4] Цит. по: *Розанов В.* Рукописный архив // Роман-газета. XXI век. 1999. № 6. С. 84.

5 *Кукулин И.* Нервная самодеятельность и поиски свободы // Независимая газета. 1999. 23 сентября. С. 4.

6 *Гиппиус З.* Дневники. Т. 2. М., 1999. С. 623.

7 *Бялокозович Б.* Д.С.Мережковский и А.М.Ремизов в восприятии и художественном сознании Юзефа Чапского // Przeglad Rusycystyczny. Rocznik XXVII (1994). Szeszyt 1-2 (65-66). Warszawa, 1994. S. 32.

8 *Гиппиус З.* Опыт свободы. М., 1996. С. 43.

9 *Каграманов Ю.* Божье и Вражье. Вчитываясь в Мережковского // Континент. № 81. С. 312.

10 *Иванов В.* Из области современных настроений. I. Апокалиптики и общественность // Весы. 1905. № 6. С. 37-38.

11 *Михайлов М.В.* Л.Троцкий о Мережковском // Д.С.Мережковский: мысль и слово. М., 1999.

12 В доходном доме потомка древней аристократической семьи из Византии князя Мурузи, построенном на Литейном проспекте А.Серебряковым в 1878 г., до того, как супруги Мережковские устроили здесь свой литературный салон, жили старший сын А.С.Пушкина, генерал-майор А.Пушкин, писатель Н.Лесков, а после бегства Мережковских, в 1921 г. именно здесь Н.С.Гумилев организовал «Дом поэтов». В этом же доме двадцать лет прожил будущий нобелевский лауреат И.Бродский (*Овсянников Ю.* Три века Санкт-Петербурга. М., 1997. С. 229-230).

13 *Розанов В.* Рукописный архив // Роман-газета. XXI век. 1999. № 6. С. 84.

14 Сергей Дягилев и русское искусство. Статьи, открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве. В 2-х т. М., 1987. Т. II. С. 26. См. также: *Пайман А.* История русского символизма. М., 1998. С. 89.

15 *Бялокозович Б.* Указ. соч. С. 38.

Саран А.Ю.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ВНЕШНИЙ МИР: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ В КАЧЕСТВЕ КАНАЛОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР НА РУБЕЖЕ 20-30-х ГОДОВ

Среди движущих сил развития культуры может доминировать одна из двух групп причин – внутренние или внешние. Это доминирование зависит от особенностей конкретной культуры, позволяющих отнести ее к культурам закрытого или открытого типа. На разных стадиях развития, видимо, могут проявляться разные стороны культуры и степень открытости может меняться.

Характер взаимодействия культур может быть одной из типологических черт культур и цивилизаций. Цивилизация, стремящаяся к сокращению связей с внешним миром, на данном этапе носит закрытый характер, который определяет и ряд других черт культуры – политический авторитаризм, ксенофобию и т.п. Цивилизация, имеющая тенденцию к расширению и развитию связей с внешним миром, носит открытый характер, что влияет на ее политическую структуру, носящую в этом случае скорее демократический характер.

Взаимодействие культур может быть даже способом существования культуры открытого типа. Это относится в первую очередь к культурам, сложившимся на «перекрестках цивилизаций», на территориях, пограничных с двумя и более цивилизациями.

Результатом взаимовлияния культур может быть трансформация культуры, проявляющаяся в разных формах – это может быть усвоение заимствованных черт чужой культуры, другой формой является отталкивание, когда отрицание каких-либо продуктов чужой культуры становится движущей силой изменений в собственной. Еще одним результатом взаимодействия культур может стать поглощение одной культурой другой.

Таким образом, взаимодействие культур играет важную, а порой и определяющую роль в жизни человеческих сообществ, что и вызывает необходимость изучения этого явления. Одним из первых этапов такого изучения является определение каналов взаимодействия культур.

Под каналами взаимодействия культур в настоящей работе понимаются конкретные проявления регулярных контактов культур в определенных областях и в стабильных организационных формах. Среди областей контактов можно выделить три: обмен идеями; обмен материальными предметами и технологиями; перемещения людей, представляющих разные культуры, в ареалы иной культуры. А в качестве основных организационных форм в настоящей работе рассматриваются государственные и общественные институты.

На рубеже 1920-1930-х гг. во взаимоотношениях Советского Союза с внешним миром можно выделить явления и институты, относящиеся ко всем трем областям контактов культур, что позволяет рассмотреть и конкретные каналы их взаимодействия.

Среди обмена идей можно, в частности, выделить переносы идей коммунизма, фашизма, сионизма и филологического экуменизма, научный обмен.

Научный обмен СССР с внешним миром, как и большинство каналов взаимодействия в 1920-1930-е гг., контролировался руководством ВКП(б). Так, вопрос о направлении на Всемирный конгресс историков в норвежскую столицу Осло в 1928 г. неоднократно обсуждался на заседаниях секретариата и оргбюро ЦК ВКП(б). 2 марта решение об участии ученых из СССР в работе конгресса принял секретариат, 5 марта – Оргбюро. Почти через два месяца, 24 апреля, речь зашла уже о составе делегации, кроме того, обсудили и планы предстоящих выступлений ученых-историков[1]. Но под контролем партийного руководства находились международные контакты не только исторической науки. Органы ЦК ВКП(б) таким же образом решали и вопрос о поездке на международный конгресс делегации специалистов по социальной гигиене[2].

Для регулярных контактов в области распространения идеи коммунизма в 1920-е гг. государством был создан целый ряд международных организаций: Коммунистический интернационал, Профинтерн, Крестинтерн, Коммунистический интернационал молодежи, Интернационал инвалидов «У.А.С.», даже Спортинтерн должен был напоминать о коммунизме[3]. Атеистическая составляющая коммунистической идеологии распространялась через Интернационал пролетарских свободомыслящих, на заседания его исполкома в Австрии в 1928 г. выезжали представители центрального совета Союза безбожников СССР[4]. Деятельность многих из перечисленных организаций уже являлась предметом исследований и в данном случае их пропагандистскую деятельность рассматривать нет необходимости. Можно упомянуть и о существовании Международного бюро пропа-

В традициях времени филателистов также использовали для международной коммунистической пропаганды. 1 января 1925 г. был образован Филателистический интернационал. Одним из условий членства в нем было владение языком эсперанто[12]. Членом Филинтерна в 1927 г. стал писатель Максим Горький, добавивший филателию к своим многочисленным коллекциям – картинам, книгам, старинному оружию, редким медалям, предметам искусства Китая, Японии, Персии, Сиама[13].

Сворачивание НЭПа, изъятие средств у населения путем многочисленных займов, полупринудительного членства в массовых прогосударственных общественных организациях, а также насаждение уравнительной психологии и общее снижение жизненного уровня жителей СССР подрывали социальную базу коллекционерского движения – слой граждан среднего достатка. В конце 1930 г. НКВД вынес решение о ликвидации ВОФ, но это решение не было осуществлено[14]. Против многих филателистов возбуждают уголовные дела. Так, основатель Курского отделения ВОФ В.В.Левитский был арестован в 1931 г., во время обыска у него было изъято 79 листов международной филателистической переписки. Постановлением коллегии ОГПУ коллекционер был осужден на 10 лет за участие в контрреволюционной организации и антисоветскую агитацию и вскоре погиб в лагерях[15]. А в Орле в 1937 г. был арестован по обвинению в шпионаже член ВОФ К.Э.Фрейденберг[16]. В 1938 г. деятельность общества замирает. Уцелевшие филателисты прекращают не только международные контакты, но и контакты внутри страны. Так пресекается и этот канал взаимодействия культур.

Традиционным каналом взаимодействия в материальной сфере является международная торговля. В 1920-1930-х гг. внешняя торговля оставалась монополией государства и осуществлялась наркоматом внешней торговли (НКВТ) и отдельными предприятиями, получившими лицензии НКВТ.

Начало форсированной индустриализации потребовало резкого увеличения закупок промышленного оборудования за рубежом, а значит, и роста экспорта. Проблема была решена получением экспроприированного при сплошной коллективизации крестьянского зерна: продовольствие и сырье составляли более 90% стоимости вывоза – из 90 млрд. рублей, полученных за вторую половину 1920-х – начало 1930-х гг. только 11 млрд. дал промышленный экспорт[17]. Однако уже в 1932 г. этот источник иссяк, и объемы импорта соответственно падают, резко сужая канал взаимодействия культур в экономической сфере.

Внешняя торговля Советского Союза находилась под пристальным вниманием партийного руководства, что придавало ей полити-

зированный характер. Так, в начале 1929 г. ареной борьбы стал вопрос о закупке за рубежом еврейского ритуального блюда – мацы. Особым решением Совета труда и обороны СССР от 22 февраля 1929 г. постановляется закупать мацу за границей. Однако секретариат ЦК ВКП(б) 25 марта решает пересмотреть вопрос и обращается в Политбюро ЦК с предложением отменить постановление СТО[18]. На заседании Политбюро 28 марта о вопросе докладывали секретарь ЦК ВКП(б) В.М.Молотов и народный комиссар внешней и внутренней торговли СССР А.И.Микоян. Высший партийный орган страны принимается решение: «Признать возможным дать разрешение при уплате валютной пошлины, установленной наркомторгом»[19].

Особое место в системе международной торговли занимает продажа оружия. В 1920-е гг. Советский Союз поставлял вооружение ряду стран – Турции, Германии, Китаю... Эта торговля велась с учетом военно-стратегических интересов страны и исходя из задач коммунистической экспансии. В конце 1920-х гг. невозможность мировой революции обозначилась вполне определенно, а в начале 1930-х бывшие союзники стали противниками, что заставило сократить военное сотрудничество.

Обмен товарами сочетался со встречными финансовыми потоками. Для их регулирования создается сеть советских банков за границей. Созданием этого канала взаимодействия занимался Внешторгбанк СССР под контролем партийного руководства. Так, по представлению Внешторгбанка, секретариат ЦК ВКП(б) 18 мая 1928 г. утверждает состав правления Эйдобанка в столице Франции[20]. А в Лондоне в конце 1920-х гг. действовал филиал Московского народного банка. В октябре 1928 г. секретариат ЦК ВКП(б) пересмотрел состав правлений целого ряда заграничных банков[21].

Другим каналом экономического взаимодействия культур была сфера совместного производства. Она была организована в СССР через систему концессий, возглавляемую Концессионным комитетом ВСНХ, образованным 30 июня 1922 г. постановлением СНК[22]. А в следующем году был создан Главный концессионный комитет[23], который в 1925 г. возглавит проигравший борьбу за власть в стране Л.Д.Троцкий. Концессионные комиссии имели свои представительства за рубежом, в частности, в Берлине. В период НЭПа целый ряд иностранных концессионеров, в том числе и таких крупных как «Лена Голдфилдс», начал промышленное строительство в СССР. После сворачивания НЭПа и огосударствления всей экономики иностранная собственность была реквизирована, а 14 декабря 1937 г. был упразднен и давно изживший себя к тому времени Концессионный комитет[24]. Таким образом в 1930-е гг. этот канал взаимодействия с внешним миром был полностью перекрыт.

Еще один канал производственного взаимодействия создавался Союзом союзов сельскохозяйственных кооперативов. В течение 1920-х гг. действовала Лондонская контора Союза Союзов. Состав ее дирекции утверждался партийным руководством. Так, 25 мая 1928 г. секретариат ЦК ВКП(б) утвердил членом дирекции Лондонской конторы члена правления Цементотреста А.М.Лашевича[25]. Кроме того, в Англии действовала компания «Лимитед-Лондон» во главе с С.Г.Месхи. А Парижскую контору Союза Союзов в 1928 г. возглавил М.Д.Месич, чья кандидатура была утверждена 24 августа на заседании секретариата ЦК ВКП(б)[26].

Следующей областью контактов культур является перемещение людей. Здесь имеется несколько каналов взаимодействия: миграция; переезды, связанные с работой, учебой, культурными связями и туризмом.

Канал демографического взаимодействия культур в виде потоков людей, меняющих постоянное место жительства, в 1920-1930-е гг., действовал неравномерно. Пик массовой эмиграции из Советской России пришелся на начало 1920-х гг., когда родину покинуло около 2 млн. человек, а в последующий период базы и условий для массовой эмиграции из СССР не существовало. Легальную эмиграцию контролировало ОГПУ через механизм выдачи заграничных паспортов, а нелегальная пресекалась путем организации режима охраны границы. Для иммиграции в Советский Союз, напротив, на рубеже 1920-1930-х гг. сложились относительно благоприятные условия: НЭП создал более респектабельный облик страны, который не успел еще разрушиться, жестокий экономический кризис 1929-1933 гг. и внешнеполитическая пропаганда властей СССР подталкивали иностранцев к приезду в нашу страну. В Советском Союзе появляются американские, немецкие и голландские рабочие, инженеры, в частности, из английской компании «Метрополитен виккерс»[27], иностранцы создают образцовые сельскохозяйственные предприятия. Впрочем, иммиграция не носила массового характера и не могла восполнить убыль населения в результате эмиграции.

Временные перемещения людей для выполнения профессиональных обязанностей организовывал народный комиссариат труда (НКТруд). В начале 1928 г. руководство наркомата создает в Берлине заграничное представительство своего подразделения – Центропосредабиса. Одной из задач постоянного заграничного представительства было проведение регулярных обменов артистическими коллективами между Советским Союзом и странами Европы. По просьбе НКТруда в феврале 1928 г. вопрос о постоянном предста-

вительстве рассматривался на заседании секретариата ЦК ВКП(б)[28]. Эта же инстанция решала вопрос о зарубежных гастролях Государственного еврейского театра. 16 марта 1928 г. было разрешено провести гастроли в Европе и Америке[29].

С профессиональными отношениями связана и работа международных организаций. В 1920-е гг. был создан Интернационал работников просвещения. Связи с ним поддерживала комиссия внешних сношений ВЦСПС. В 1928 г. готовился V конгресс Интернационала просвещенцев в Лейпциге и секретариат ЦК ВКП(б) санкционировал направление в Германию советской делегации[30].

Канал взаимодействия в виде учебных связей также действовал в рассматриваемый период. В Советском Союзе существовали даже особые учебные заведения для иностранных граждан – Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), Университет трудящихся Китая им.Сунь Ятсена, Коммунистический университет национальных меньшинств Запада и др. В отдельных случаях и советские граждане получали образование за рубежом, в частности, а Англии стажировался будущий академик П.Л. Капица. Посещали Англию и студенты – в 1928 г. студенческая делегация из трех человек была направлена на национальный конгресс союза английского студенчества. Разрешение о поездке было получено от секретариата ЦК ВКП(б) 9 марта 1928 г. по просьбе коммунистической фракции ВЦСПС. Для научной стажировки за рубеж направлялись в 1928 г. и слушатели 4-го курса Института красной профессуры[31]. В 1930-е гг. этот канал взаимодействия прекратил свое существование. В частности, в 1936 г. закрывается Университет национальных меньшинств, в конце десятилетия – КУТВ.

Культурные связи можно рассматривать как еще один канал взаимодействия культур. Одной из основных организаций в этой области являлось Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), созданное в 1925 г. и возглавлявшееся на первых порах сестрой Льва Троцкого и женой Л. Б.Каменева Ольгой Давыдовной Каменевой. Одной из задач организации было распространение отечественной культуры. Как писала глава организации полпреду СССР в Китае Л.М.Карахану: «Культурный обмен с Китаем может нам обещать очень немного... Предстоит культуртрегерская работа в Китае»[32]. Через ВОКС в Пекинский университет направлялись преподаватели русского языка, одним из них стал писатель С.М.Третьяков, написавший о поездке популярную книгу. Участвовало общество и в организации культурной программы для иностранцев, посещавших СССР. Так, уже в 1925 г. сотрудники ВОКС знакомили китайского генерала Ху Ханмина с достопримечательно-

стями Москвы, впоследствии для подобной работы было создано бюро по приему иностранцев[33]. В начале 1930-х гг. организуются поездки по СССР Э.Эррио, Б.Шоу, Беатрис и Сиднея Веббов, которые способствовали созданию улучшенного образа страны за рубежом. Организовывало общество и обмен различных организаций с зарубежными учреждениями литературой, для чего организовали бюро книгообмена.

ВОКС организовывал и выезды представителей культуры из СССР за рубеж, как писал секретарь И.В.Сталина Борис Бажанов, «на очередную подкормку»[34].

У ВОКС за рубежом имелись свои опорные базы в виде обществ «Друзей новой России». В конце 1920-х гг. встал вопрос о ревизии деятельности этих обществ, и начать решили с переименования. На совместное заседание Оргбюро и секретариата ЦК ВКП(б) 29 марта 1929 г. были приглашены О.Д.Каменева и Э.Ротштейн, а в обсуждении вопроса приняли участие Г.И.Петровский от Исполкома Коминтерна, заместитель заведующего агитационно-пропагандистского подотдела ЦК Б.Ольховский и Криницкий. Участники совещания «предложили ВОКСу установить новое название "Друзей новой России" и провести работу по ускоренному переименованию этих обществ», при этом было замечено, что следует «считать нецелесообразным переименование их в "Общества друзей СССР", так как это наименование присвоено обществам, созданным по другой линии»[35].

Партийное руководство контролировало и многие вопросы культурного обмена. В частности, именно секретариат ЦК ВКП(б) решал вопрос об участии организаций кинематографистов в международной выставке кинематографистов 1928 г. в Голландии (Гаага)[36]. Подобное решение принимается секретариатом 23 апреля 1928 г. и в отношении участия драматургов из СССР в Берлинском международном совещании драматических писателей[37].

Советский Союз в 1920-1930-е гг. участвовал во многих международных организациях. В частности, в работе Международной организации Красного Креста, и в 1928 г. на XIII международную конференцию направляется делегация Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Этот вопрос многократно рассматривался в Оргбюро ЦК ВКП(б) (2.01.1928, 15.10.1928) и секретариате центрального комитета (21.09.1928)[38].

Ключевую роль в контроле над каналами взаимодействия культур играли в 1920-1930-е гг. руководящие органы ВКП(б). Именно их решения определяли характер внешних связей Советского Союза. Символично в этой связи звучит формулировка 8-го пункта повестки дня Оргбюро ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1928 г.: «О мero-

приятиях по улучшению погранполосы»[39]. Приходит время, когда граница должна быть «на замке».

Краткий анализ трех рассмотренных областей взаимодействия культур — обмен идеями, вещами и перемещение людей между Советским Союзом и внешним миром на рубеже 1920-1930-х гг. позволяет заключить, что каналы взаимодействия в 1930-е гг. находятся под все более полным контролем руководства ВКП(б), сокращаются и сужаются по сравнению с предыдущим десятилетием. Это позволяет подтвердить предположение о закрытом характере развития нашей страны в 1930-е гг.

---

1 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 602, 617.
2 Там же. Д. 603.
3 Там же. Д. 639.
4 Там же. Д. 670.
5 Там же. Д. 648.
6 ЦХДНИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-19.385. Л. 457.
7 Там же. Д. 26427. Л. 267.
8 Советский коллекционер. 1925. № 5. С. 14; Советский филателист. Советский коллекционер. Radio de Filintern. 1926. № 5. С. 36.
9 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 643.
10 *Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны! М., 1997. С. 352.
11 В частности, список коллекционеров, зарегистрированных для обмена с заграницей, см.: Советский коллекционер. 1923. № 3-4. С. 45-46.
12 Radio de Filintern. 1924. № 1. Oktobro-novembro. P. 26.
13 Советский коллекционер. 1931. № 7. С. 180-181; № 10. С. 279.
14 Справка Управления Федеральной службы безопасности РФ по Курской области от 28.10.1996 (личный архив О.В.Левитского).
15 Реквием. Т. 3. Орел, 1996. С. 272.
16 Отчет правления ВОФ // Советский коллекционер. 1931. № 12. С. 348-349.
17 Экономическая история СССР и зарубежных стран. М., 1978. С. 334.
18 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 715. Л. 10.
19 Там же. Л. 218.
20 В составе М.В.Барышникова, В.Ф.Кемпнера, С.К.Познера, С.А.Мурадяна и Г.М.Елина. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 624.
21 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 670.
22 Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. 1922. № 42. Ст. 509.
23 Там же. 1923. № 20. Ст. 246.
24 Там же. 1937. № 76. Ст. 379.
25 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 627.
26 Там же. Д. 649.
27 *Эндрю К., Гордиевский О.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 143.
28 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 593.
29 Там же. Д. 606.
30 Там же. Д. 608.

[31] Там же. Д. 603, 670.
[32] ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 5. Л. 1.
[33] Там же. Л. 6.
[34] *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Кривицкий В Я был агентом Сталина. М., 1997. С. 172.
[35] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 715. Л. 14.
[36] Там же. Д. 603.
[37] Там же. Д. 615.
[38] Там же. Д. 660, 669.
[39] Там же. Д. 688.

Голубев А.В.

«МИРОВАЯ РЕСПУБЛИКА» ИЛИ «ЗАКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО»: СССР В 1920-30-е ГОДЫ

Окно в мир можно закрыть газетой.

Станислав Ежи Лец

В публицистике и историографии последних лет советское общество, особенно применительно к периоду 1930-50-х гг., часто именуется «закрытым». Одни авторы формулируют это достаточно безапелляционно, говоря, в частности, об «информационной блокаде»[1]. Другие подчеркивают, что «административно-чиновничья система особые старания прилагала для изоляции общества от событий и явлений, происходивших в зарубежном мире»[2]. Третьи отмечают лишь создание предпосылок «закрытого общества»[3].

История знает действительно закрытые общества (классический пример – Япония эпохи сегуната), однако СССР в те годы поддерживал дипломатические, торговые, культурные отношения со многими странами. Советские граждане выезжали за рубеж, в СССР существовала достаточно многочисленная (20-30 тыс. человек) иностранная колония. Более того, господствующая идеология претендовала на «всемирность», особенно в первые послереволюционные годы. Впрочем, и накануне Второй мировой войны в официальной пропаганде подчеркивалась перспектива превращения СССР в «мировую республику»[4]. Существовала развернутая инфраструктура, специально предназначенная как для революционной деятельности и пропаганды[5], так и для расширения официальных культурных, научных и общественных связей с заграницей[6]. С другой стороны, на Западе многие интеллектуалы левого толка воспринимали СССР именно как прообраз «новой цивилизации», могущий служить образцом для всего мира. Так, книга видных английских социологов С. и Б.Вебб, вышедшая впервые в 1935 г., называлась «Советский Союз – новая цивилизация?», причем вопросительный знак, содержавшийся в заглавии, снимался всем содержанием книги[7]. Подобные представления активно поддерживались советской пропагандой. Уже поэтому определение «закрытое» на первый взгляд представляется преувеличением.

Более того, в первой четверти XX в. произошли важные изменения в массовом сознании, связанные с восприятием внешнего мира. Помимо традиционных этнических стереотипов, отраженных прежде всего в фольклоре и преимущественно отображающих личные качества, свойственные той или иной нации, появились стереотипы с ярко выраженной политической окраской. Другими словами, образ немца, англичанина, поляка, зафиксированный, например, в фольклоре, в значительной степени сменяется образом Германии, Великобритании, Польши как геополитической реальности.

Этому способствовала всеобщая политизация массового сознания, вызванная потрясениями начала века. Сначала – проигранная русско-японская война, заставившая даже тех, кто никогда не интересовался политическими вопросами, по-новому взглянуть на место России в мире; революция 1905 г. и последовавшие за ней изменения в политическом строе государства и жизни деревни. В еще большей степени на массовое сознание повлияла Первая мировая война, в ходе которой последовательно были зафиксированы невиданный всплеск антигерманских настроений, целенаправленное формирование «образа врага» в лице немцев и их союзников, а к концу войны – стихийные, но все же достаточно распространенные антисоюзнические и даже, хотя в гораздо меньшей степени, прогерманские настроения.

Однако мировая война, при всей своей масштабности, оказалась лишь прологом к гораздо более сильным социальным, политическим, культурным, и, разумеется, психологическим потрясениям – свержению монархии, возникновению Российской республики, большевистской революции, гражданской войне[8]...

Победа революции привела к дальнейшей мифологизации массового сознания, особенно в эпоху существования тоталитарного политического режима, в 1930-50-е гг. Этот режим, как и все режимы данного типа, отличался двумя особенностями. Во-первых, он стремился контролировать не только те или иные действия, но также эмоции и мысли населения. Во-вторых, подобные режимы обладают способностью создавать для себя массовую поддержку. Одним из основных средств достижения этого являлась мобилизация общества или его значительной части для достижения единой цели, имеющей общенациональное значение.

Уже эти особенности тоталитарных режимов указывают на их тесную связь с процессами, происходящими в массовом сознании. С ними связано возникновение этого типа режимов; с другой стороны, тоталитаризм не мог не наложить отпечаток на обществен-

ное сознание. В частности, он способствовал консервации мифологического типа сознания, на который опирался[9].

В качестве общенациональной цели, способствующей его легитимизации, сталинский режим выдвигал программу качественного обновления страны, включающую индустриализацию, преобразование сельского хозяйства и культурную революцию. В сущности это была программа модернизации (хотя сам термин и не употреблялся), ведущая к превращению России в индустриальное общество. Процесс модернизации сам по себе сокращал сферу мифологического сознания, по крайней мере, это происходило в других обществах. Впрочем, эти последствия модернизации проявились лишь какое-то время спустя.

В отличие от режимов авторитарных, тоталитарный режим не стремился держать массы в стороне от политики, напротив, происходила всеобщая, сознательно подталкиваемая политизация массового сознания. Уже в первые годы после революции была создана невиданная в истории система учреждений и механизмов, преследующих чисто пропагандистские цели. Определенная картина внешнего мира представляла собой неотъемлемую часть официальной мифологии. В полном соответствии с описанными выше механизмами мифологического сознания она представляла мир как арену великой борьбы между силами прогресса, олицетворяемыми, в первую очередь, коммунистическим и рабочим движением и силами реакции, причем победа первых была неотвратима, как второе пришествие Христа в представлении верующих.

И новый жизненный опыт, полученный российским обществом, и все расширяющаяся система официальной пропаганды вели к тому, что внешний мир, даже в отдаленных районах страны, в сельской «глубинке», на национальных окраинах, стал восприниматься как некая реальность, имеющая отнюдь не абстрактное, а вполне практическое значение для повседневной жизни (в том числе для ведения крестьянского хозяйства, для уровня жизни рабочей семьи и так далее). Порой еще не до конца осознанное, почти инстинктивное, но уже очевидное понимание целостности мира, частью которого являлась Советская Россия, перестало быть прерогативой лишь образованных слоев населения. Мир выступал либо в качестве ***источника*** вполне реальной ***угрозы*** (угрозы военной, угрозы для установившегося политического строя), либо, напротив, в качестве ***источника благоприятных изменений***, причем не только для противников Советской власти, ждавших извне освобождения от власти большевиков, но и, в ряде случаев, для ее сторонников, например, мог предоставить техническую или продовольственную

помощь, выступить союзником в войне против общего врага или просто путем давления на советское правительство добиться некоторой корректировки политики (скажем, роспуска колхозов или снятия хотя бы части ограничений с деятельности православной церкви).

В таком контексте происходила коренная трансформация образа Запада в массовом сознании. Коммунистический переворот часто трактуется как возврат к изоляционизму, победа антизападной тенденции в развитии. Для подобной трактовки есть некоторые основания, но это лишь первый, поверхностный уровень понимания. Если говорить об идеологии и самоосознании культуры, то изоляционизм и противостояние Западу в конечном счете побеждают. Но одновременно происходили и глубинные изменения противоположной направленности.

На первых порах большевики субъективно выступали как убежденные западники, однако та же историческая логика, которая в условиях господства традиционного сознания вела к окончательной догматизации и мифологизации марксистского учения, способствовала росту ксенофобии, ставшей на несколько десятилетий сущностной характеристикой советской политической культуры. Антиизоляционистская доминанта главенствует в начале становления советского общества и вновь проявляется на последнем этапе его существования. Изоляционизм же доминирует на основных пространствах советского этапа отечественной истории, а во времена кульминации «холодной войны» достигает предельных значений[10].

И вместе с тем тенденция на «закрытость» если не государства (заинтересованного, в частности, в сохранении и расширении сферы политического и экономического влияния, в получении из-за границы современного оборудования и новейших технологий), то, по крайней мере, общества, в политике советского руководства тех лет прослеживается вполне явственно. Это проявлялось в стремлении контролировать и ограничивать как получение достоверной информации о жизни за рубежом, так и всевозможные личные (т.е. существующие помимо официальных) контакты советских граждан с иностранцами.

* * *

Исследователи уже неоднократно отмечали, что советское общество 1930-х гг. «находилось в плену недавно пережитых войн и продолжало оставаться в состоянии “взведенного курка”, ощетинившегося на весь мир и на себя самое»[11]. В полной мере это относилось и к психологии политической элиты[12]. Характеризуя ее, труд-

но найти более удачную формулировку, чем та, что содержится в одном из неопубликованных выступлений М.И.Калинина в ноябре 1934 г.: «Вот, товарищи, зарубите себе на носу, что пролетарии Советского Союза находятся в осажденной крепости, а в соответствии с этим и режим Советского Союза должен соответствовать крепостному режиму»[13].

Несоизмеримо выросший объем информации в современном обществе привел к появлению (в основном уже в XX в.) различных технологий, связанных с ограничением доступа к ней, регулирования, дозирования ее и соответствующей обработки, особенно в условиях так называемых тоталитарных режимов. Не составляла исключения и информация о внешнем мире.

Представления о внешнем мире складываются на основе нескольких информационных блоков[14]. Один из них, историософский, составляют сведения об истории и культуре того или иного государства. Здесь возможности для самостоятельного получения и освоения достаточно объективной информации сохранялись. Классическая культура Запада не только не запрещалась, но, хотя и с существенными изъятиями, активно пропагандировалась; сохранялись музеи, библиотеки, использовалась литература, вышедшая до революции и в первые послереволюционные годы. Фрагментарность представлений об истории, политических традициях, мироощущении, свойственном иным культурам, в какой-то степени компенсировала художественная литература.

Второй важнейший блок, политико-информационный, составляет информация о политической, социальной, культурной ***современной*** жизни других стран. Именно эти сведения должны были играть определяющую роль в создании адекватной картины мира. Однако оба основных канала получения информации, относящейся к данному блоку, а именно система образования и средства массовой коммуникации, находились под жестким политико-идеологическим контролем. «Самоизоляция СССР всегда была весьма относительной. Благодаря книгам, фильмам заинтересованные советские граждане могли ознакомиться с бытом других народов», — пишет российский исследователь[15]. Однако книги или фильмы о современной жизни и быте других стран подвергались тщательному отбору, часто переводились или дублировались со значительными купюрами. Это относилось и к живописи. «Наше искусство искусственно и насильственно оторвано от развития искусства во всем мире. Мы не видели ***современного*** (курсив документа. — *А.Г.*) искусства Европы и Америки вот уже сорок лет», — записал в дневнике в июне 1956 г. историк С.С.Дмитриев[16].

Альтернативных каналов получения информации почти не существовало. Большинство советских граждан, в том числе и большинство политической элиты 30-х годов, не владело в достаточной степени иностранными языками и, следовательно, не могло использовать иностранную прессу или сообщения радио.

В 20-е годы, впрочем, иностранные источники в какой-то степени заменяла эмигрантская пресса, издающаяся на русском языке. В апреле 1921 г. президиум ВЦИК принял постановление о выписке 20 экз. каждой из ведущих эмигрантских газет. Эти газеты выписывали также ЦК и ЦКК РКП(б), крупнейшие обкомы (Ленинградский, Кубано-Черноморский)[17]. Однако подобные издания предназначались лишь для относительно узкого круга, прежде всего партийной элиты.

Как только по окончании гражданской войны была восстановлена почтовая связь с заграницей, среди руководства оживились опасения, связанные с проникновением таким путем иностранной (в том числе эмигрантской) периодики. В январе 1922 г. нарком иностранных дел Г.В.Чичерин выразил озабоченность тем, что «по почте уже посылаются газеты частным лицам. Допускать это значит восстановить возможность печатной агитации против нас. По Москве будут ходить какие-нибудь ярко агитационные номера белогвардейской печати». Однако, признавая, «что неудобно просто декретировать воспрещение ввоза газет из заграницы», Чичерин предложил создать комиссию для рассмотрения этих вопросов из представителей Политбюро, ВЧК и НКИД[18].

Опасения советского руководства отнюдь не были беспочвенными: только на Московском почтамте в 1925 г. в месяц задерживали до 5000 экземпляров эмигрантских газет и от нескольких сотен до полутора тысяч различных листовок и воззваний[19]. В апреле 1925 г. информационный отдел ОГПУ сообщал: «Необходимо отдельно отметить рассылку воззваний различных монархических групп (в частности, она налажена по Ленинградской губернии, откуда письма получаются в ряде губерний)»[20].

Различными, иногда довольно экзотическими путями (например, через сплавщиков леса из Псковской губернии, которые возвращались из Латвии в СССР[21]) подобная почта доходила до адресата и при этом попадала не только в крупные промышленные центры, но и в деревню. Так, в сентябре 1925 г. секретарь Александровского сельсовета Луганского округа (Украина), «разбирая прибывшую почту, обнаружил заграничную белогвардейскую газету «Парижский вестник», присланную одним эмигрантом своему родственнику Калиниченко, и, прочтя газету, заявил присутствующим

крестьянам: «Вот где действительно свобода слова, печати, а у нас бойся рот раскрыть не то напечатать или что-нибудь сказать»[22].

С середины 1920-х гг. круг людей, имевших доступ к иностранной прессе и другим альтернативным источникам информации постепенно сокращается. В 1925 г. резко сужается круг получателей «контрреволюционной литературы»[23]. Если в 1922-1923 гг. чтение подобной литературы разрешалось, например, всем сотрудникам «Правды», то в 1924-1925 гг. для этого требовалось уже специальное разрешение ответственного секретаря редакции М.И.Ульяновой[24]. В марте 1925 г. отдел печати ЦК определил «список враждебных эмигрантских издательств, книги коих, независимо от их содержания, не пропускаются в пределы СССР»[25].

Подобная практика вызывала недовольство не только среди интеллигенции, в том числе партийной, но и в массах. Так, на беспартийной конференции в августе 1925 г. в Иваново-Вознесенской губернии была подана записка, в которой помимо прочего спрашивалось: «Почему у нас в Республике нет свободной печати и почему в Губкоме можно читать заграничные эмигрантские газеты только членам Губкома и Укома, а рабочим нельзя — где же тут собака зарыта. Если у вас все чисто, то и нечего бояться, чтобы не давать»[26].

В 1926 г. информационный отдел ОГПУ направил письмо за подписью заместителя председателя ОГПУ Г.Г.Ягоды на имя секретаря ЦК В.М.Молотова, в котором приводились следующие данные: только через НКИД в СССР выписывалось 1134 экземпляра эмигрантской прессы. Например, «Социалистический вестник» выписывали 240-300 ведомств и лиц. К тому же большинство командированных за границу также покупали его (по сведениям ОГПУ — до 500 экз.) В письме утверждалось, что ряд «белоэмигрантских» изданий вообще существовал только благодаря их распространению в СССР по завышенным расценкам. Предлагалось издать секретный циркуляр с запрещением членам партии покупать эти издания, создать комиссию для установления порядка ознакомления с ними, а количество выписываемой в СССР эмигрантской прессы сократить до 35 экз.[27]

Вскоре, в январе 1927 г., подписка на эмигрантскую прессу была запрещена. До этого момента официально эмигрантскую прессу могли выписывать любые организации и лица. На практике, однако, когда информационный отдел ЦК ВКП(б) в связи с запрещением подписки запросил списки подписчиков, которые уже успели оформить ее в конце 1926 г., в ответах с мест подчеркивалось, что

подписывались на эти издания лишь партийные комитеты, начиная с районных[28].

Вместо эмигрантских изданий в крупнейшие парткомы было решено рассылать специальные обзоры, подготовленные информационным отделом ЦК, причем количество парткомов, имеющих право на их получение, постоянно сокращалось. Так, заместитель заведующего информационным отделом ЦК в октябре 1929 г. в докладной записке на имя секретаря ЦК Л. М.Кагановича перечислял 36 парткомов и 4 другие организации (в том числе ОГПУ), которые просили присылать им обзоры эмигрантской прессы. Составитель записки, однако, рекомендовал рассылать обзор лишь в 16 парткомов и 3 организации; затем кто-то (возможно, сам Каганович, или один из его помощников) карандашом вычеркнул из списка 5 парткомов и 2 организации. Таким образом количество адресатов сократилось с 40 до 12[29].

В 1927 г. по поводу содержания пробных обзоров были получены любопытные отзывы важнейших должностных лиц и организаций. Если в отзыве ОГПУ, подписанном Г.Г.Ягодой, говорилось о желательности использования лишь статей, имеющих политическое значение, и предлагалось не включать в обзоры любые «сообщения сенсационного характера» как «совершенно не отвечающие действительности», то нарком финансов Н.П.Брюханов, напротив, полагал, что есть смысл публиковать наиболее характерные «хроникерские и хронические выдумки» о событиях в СССР, так как «в них подчас удачнее всего отражаются чаяния и вожделения белой эмиграции». Своеобразную точку в этой минидискуссии поставил заведующий отделом печати ЦК С.И.Гусев, решительно указавший: «Белогвардейское вранье не помещать»[30]. Нет необходимости пояснять, что в разряд «белогвардейского вранья» можно было отнести любую информацию, противоречащую официальной.

Постепенно подобные обзоры и сводки «для служебного пользования» стали получать все большее распространение, однако их содержание зачастую мало чем отличалось от материалов, публикуемых официальной советской прессой. Так, в закрытых (они готовились ежедневно в количестве всего 24 экз.) информационных сводках Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), в частности, за май-июнь 1935 г., основное место занимали краткие пересказы сообщений западной печати о различных проявлениях «кризиса капитализма» и нарастании революционных настроений, а также об успехах советской культуры. Лишь изредка встречались нейтральные сообщения о новостях культурной жизни. Никаких материалов, существенно дополнявших сообщения совет-

ской прессы или критически оценивавших советскую действительность, в данных сводках не было[31].

Позднее к таким обзорам (их, помимо ВОКСа, готовил ТАСС и некоторые другие организации) добавились и переводы избранных книг для узкого круга. Так, 29 мая 1936 г. члены Политбюро опросом решили: «Принять предложение т. Радека об издании книги Веббов "Советский коммунизм – новая цивилизация" в количестве 2000-3000 экз. для распространения по списку»[32]. (позднее английские издания книги Веббов оказались в спецхране). Издавалась в СССР «для служебного пользования» и «Майн Кампф».

Советская интеллектуальная элита находилась, с точки зрения доступа к информации, в несколько лучшем положении, чем остальные социальные группы, включая и политическую элиту. Играло роль знание языков, позволявшее читать иностранную прессу и слушать радио. Так, в дневниках академика В.И.Вернадского постоянно содержатся упоминания о прочитанных им материалах западной прессы. Писатель Вс.Вишневский, возглавлявший Оборонную комиссию Союза советских писателей, постоянно слушал сообщения английского, германского, французского радио. «Получая каждый день кучу иностранных газет (а владею английским, немецким и французским, начал изучать испанский и итальянский), ясно вижу, как обостряется международная обстановка», – записывал в своем дневнике «красный профессор» А.Г.Соловьев, работавший в 30-х гг. в Институте мирового хозяйства и мировой политики[33].

В течение какого-то времени для узкого круга сохранялись некоторые независимые каналы получения информации. Так, в докладной записке Г.Г.Ягоды и начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ Г.Е.Евдокимова от 9 января 1930 г. сообщалось, что «наиболее удобным способом сношения с заграницей, широко пользуемым академиками, была переправка корреспонденции и документов через академическое Бюро международного книгообмена». Через это же Бюро академики нелегально получали эмигрантскую литературу[34].

Что касается основной массы советской интеллигенции, она вынуждена была довольствоваться чтением советских газет (что, впрочем, в ряде случаев не исключало возможности достаточно глубокого анализа международной ситуации, чему имеется достаточно примеров[35]).

По поводу возможности и допустимости обращения к передачам иностранного радио существовали серьезные опасения, что, однако, не исключало самой возможности такого обращения. Как вспоминала Л.А.Исаакян, «появилось радио "Филипс" – был такой

приемник в доме, где я жила. И я там, совершенно обезумев, слушала по ночам и музыку, и французов, и австро-венгров, и кого хотите. Этого нельзя было делать в 30-е годы, поэтому хозяйка говорила: "Тихо, тихо, тихо, чтоб тут не было слышно, и чтоб соседи не знали, что ты слушаешь это радио"»[36].

Но и применительно к узкому кругу постоянно проявлялась тенденция к закрытости. С конца 20-х гг. сокращаются бюджетные средства, выделяемые научным учреждениям на закупку иностранной периодики и научной литературы. Возникали и иные, чисто административные ограничения. «Одним из самых основных недостатков научной работы в нашем Союзе, требующим немедленного, коренного и резкого перелома, является ограниченность нашего знакомства с мировым научным движением», – писал академик В.И.Вернадский председателю СНК В.М.Молотову в феврале 1936 г. Он подчеркнул, что с 1935 г. «наша цензура обратила свое внимание на научную литературу... Это выражается, в частности, в том, что с лета 1935 года систематически вырезаются статьи... Целый ряд статей и знаний становятся недоступными нашим ученым»[37]. Еще более резко академик высказался в августе 1936 г.: «Цензура вообще стала бессмысленно придирчивой, небывало глупой и бесцеремонной». Обращения Вернадского к главе правительства возымели, впрочем, действие: начальник Главлита С.Б.Ингулов получил выговор за «превышение власти», и на некоторое время ситуация применительно лично к Вернадскому изменилась к лучшему[38].

В декабре 1927 г. в беседе с членом Коллегии НКИД, впоследствии заместителем наркома иностранных дел Б.С.Стомоняковым, финский посол в СССР, выражая озабоченность малым знакомством советского народа с Финляндией, высказал мысль о целесообразности издания для распространения в СССР книг на русском языке о географии, истории, культуре Финляндии, которые «будут служить целям объективной информации, а не пропаганды». Стомоняков «сослался на свою неосведомленность и на то, что, насколько мне известно, еще не было случая распространения у нас книг о других странах, изданных этими странами»[39]. Как бы предвосхищая предложения финского коллеги, глава чехословацкой миссии в Москве Й.Гирса отмечал в 1926 г., что «сама мысль о каком-либо распространении иностранной периодики в СССР... становится при существующих советских цензурных и административных порядках попросту беспредметной»[40].

Что касается советской официальной информации о внешнем мире, можно с уверенностью говорить, что уже в 1920-е гг. пропа-

ганда была ориентирована на создание «правильной» картины мира. Задача эта облегчалась тем, что еще в первые годы Советской власти возникла партийно-государственная монополия на средства массовой информации. Но в этот период позитивные, лишенные идеологической окраски знания об окружающем мире рассматривались как важная часть общего образования и культуры и в этом качестве – как средство успешного строительства социализма.

В конце 1920-х гг. система международной информации стала быстро идеологизироваться. Место прежних, часто складывавшихся стихийно и лишенных идеологической окраски, стереотипов занимали идеологемы, «возвышающие собственные идеологические и политические ценности и культивировавшие чувство враждебности к "чужим" идеологическим и политическим ценностям»[41].

Практика отбора информации подвергалась резкой критике за «безыдейность», недостаточное включение материала в определенную идеологическую схему, внимание, уделяемое интересным, выигрышным, с точки зрения журналистики, но непринципиальным, с политической точки зрения, деталям. «Было признано: такое положение больше терпеть нельзя. Нужно политизировать информацию. Поставить ее на службу самым насущным вопросам эпохи», – вспоминал один из первых советских журналистов-международников Н.Г.Пальгунов, впоследствии заведующий отделом печати МИД и генеральный директор ТАСС. По его мнению, «последней каплей», переполнившей чашу терпения политического руководства, явилось освещение советской прессой процесса подготовки и подписания «пакта Бриана-Келлога» в 1928 г.[42]

На состоявшемся в июне 1930 г. XVI съезде ВКП(б) речь шла о дальнейшем возрастании угрозы военного нападения на СССР и необходимости в связи с этим всесторонней, в том числе идеологической, подготовки к войне. Оценки и решения съезда послужили толчком к дальнейшему усилению внимания к системе внешнеполитической информации и ужесточению контроля над ней.

В резолюциях состоявшегося в июле 1930 г. 2 Всеармейского агитационно-пропагандистского совещания подчеркивалось, что слабое отражение международных вопросов является серьезнейшим недостатком содержания политических занятий. «Значительно шире и глубже должны быть поставлены вопросы международного положения, экономического кризиса капитализма, мирового революционного движения, ибо этого требует необходимость усиления интернационального воспитания бойцов в РККА»[43].

В августе 1930 г., также отталкиваясь от решений XVI съезда, агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б) провел совещание

редакторов центральных газет по вопросу постановки иностранной информации в печати. В принятом постановлении отмечалось возрастание интереса трудящихся к международной информации и ставилась задача обеспечивать «интернациональное воспитание трудящихся в духе солидарности с борьбой международного пролетариата и внедрение в их сознание правильного понимания процессов внутри мирового капитализма». Для этого требовалось «в максимальной мере использовать те возможности в области углубленного показа отрицательных сторон капиталистической системы и условий революционной борьбы рабочих и колониальных и полуколониальных народов, которые представляет ***широко, систематически поставленная, надлежащим образом комментированная и обработанная внешняя информация*** (курсив мой. – *А.Г.*)» Однако, по мнению авторов постановления, в данный момент состояние внешнеполитической информации оставалось совершенно неудовлетворительным. Ей уделялось мало места, изложение не всегда учитывало уровень читателей, а главное, «освещение отдельных фактов международной политики и интернациональной классовой борьбы носит преимущественно отрывочный характер и не увязывается со всей системой крупных процессов, происходящих в капиталистических странах». В числе мер, предложенных совещанием, были такие, как подготовка квалифицированных коммунистических кадров журналистов-международников, политизация работы корреспондентов ТАСС за границей, укрепление связей с Коминтерном, Профинтерном, иностранными компартиями и др.[44]

Усиливалась централизация в области средств массовой информации (впрочем, как и в других областях). В плане работы ВОКС на 1929-1930 гг. необходимость этого мотивировалась следующим образом: «Во всех областях, в которых соприкасается социалистическое государство с капиталистическим миром, оно выработало особые формы взаимоотношения с ним». Документ разъяснял, что речь идет о монополии внешней торговли и централизованном характере дипломатических отношений. По аналогии и в области культурных связей необходима подобная монополия: «Всесоюзное Общество культсвязи с заграницей должно явиться призмой, отражающей за границей те области культурной жизни народов Союза, которые нам полезно показывать под углом наших политических задач... В виду невозможности допустить безконтрольное проникновение из-за границы спорных или чуждых культурных течений, таким фильтрующим и контролирующим органом должен являться ВОКС»[45]. И впоследствии на протяжении 1930-1940-х гг. руководство ВОКС неоднократно претендовало, впрочем,

без особого успеха, на монополию в этой области. В частности, председатель ВОКС В.С. Кеменов в декабре 1940 г. в обширной докладной записке, направленной секретарям ЦК ВКП(б) А.А.Жданову и Г.М.Маленкову, негативно оценил деятельность всех прочих учреждений и организаций, причастных к культурной пропаганде за рубежом, и в очередной раз предложил предоставить ВОКС монополию в этой области[46]. Очевидно, что установление более жесткого контроля над всеми сторонами жизни советского общества, в том числе и в области внешнеполитической информации и пропаганды, отвечало не только идеологии и общим интересам режима, но и чисто бюрократическим аппетитам отдельных ведомств.

Специальное постановление ЦК ВКП(б) в ноябре 1934 г. объявило ТАСС «центральным информационным органом Союза ССР», наделив его «исключительным правом а) распространения за границей информации о Союзе ССР; б) распространения в пределах Союза иностранной и общесоюзной информации»[47]. В январе 1935 г. последовало соответствующее постановление ЦИК и СНК СССР[48].

Разрастался аппарат, осуществлявший цензурные функции. В декабре 1918 г. вышло Положение о военно-революционной цензуре, которой подвергались все книги, издававшиеся в РСФСР[49]. В июне 1922 г. декретом СНК РСФСР было образовано Главное управление по делам литературы и издательств Наркомпроса РСФСР (Главлит), ставшее главным органом советской цензуры, в функции которого входил предварительный и текущий контроль над издательской деятельностью, а также ввозом литературы из-за границы[50].

Уже в 1922-1923 гг. были созданы отделы специального хранения (спецхраны) в Книжной палате, Румянцевской библиотеке (позднее Библиотека им. В.И.Ленина) в Москве и Публичной библиотеке в Ленинграде для хранения секретной и антиправительственной литературы. С 1923 г. спецхраны из ведения библиотек перешли под контроль Главлита и Главполитпросвета. Постепенно туда же стали поступать практически все эмигрантские и многие иностранные издания. В результате только в спецхране Государственной публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде в конце 30-х гг. было 4 тыс. иностранных книг[51].

Не успели справиться с «чисткой» советских библиотек, особенно в связи с политическими процессами 30-х годов, когда пришлось перевести в спецхраны большую часть политической литературы, изданной в 20-е годы, как возникла новая проблема. В 1939-1940 гг. были присоединены Западная Украина и Белоруссия, Бес-

сарабия, прибалтийские страны, а также часть финских территорий. И везде, как в публичных библиотеках, так и в частных домах, как подчеркивалось в письме в «Правду» в январе 1941 г., «остались десятки и сотни книг на русском языке, изданных в Хельсинки, Риге, Берлине». При этом само собой разумелось, что «содержание этих книг – антисоветское... В кабинете директора ремесленного училища хранятся явно фашистские книги (на финском языке), которые давно следовало бы изъять»[52].

Исследователи уже обратили внимание на значительное сходство между функциями и приоритетами дореволюционной и послереволюционной цензуры. Так, с 1828 по 1917 г. все иностранные издания, ввозимые в Россию, делились на 4 категории – а) разрешенные к свободному распространению; б) запрещенные совершенно; в) запрещенные для широкой публики; г) разрешенные с изъятиями (т.е. из них вырезались или замазывались фрагменты) Причины для изъятия могли быть следующими: 1. Пренебрежение к русскому и другим царствующим домам. 2. Сопротивление существующему социальному порядку. 3. Изображение русских как варваров. 4. Идеи, оскорбляющие религию и нравственность. В советское время были примерно те же категории, причем, «не для публики» – означало помещение книги или периодики в отдел специального хранения, а изъятия стали делаться уже в процессе перевода, и, по мнению американской исследовательницы М.Т.Чолдин, сохранялись те же причины для запрещения[53]. Вместе с тем цензура была гораздо более размытой, закрытой, распространенной, дополнялась самоцензурой, что, в частности, дало М.Т.Чолдин повод ввести новый термин – ***всецензура***[54].

В «Положении о Главном управлении по делам литературы и издательства (Главлит)», принятом в июне 1922 г., определялись следующие критерии для запрещения издания и распространения произведений: агитация против советской власти, разглашение военных тайн республики, возбуждение общественного мнения путем сообщения ложных сведений и порнографический характер произведения[55].

Руководство Главлита время от времени пыталось превратить свое ведомство в некое «сверхминистерство цензуры». Так, в апреле 1933 г. в секретной записке начальника Главлита Б.М.Волина в Политбюро предлагалось «на базе Главлита РСФСР создать Объединенный Главлит Союза при Совнаркоме СССР (или ЦИК) с Главлитами союзных республик (непосредственно подчиняющимися центру) при соответствующих Совнаркомах или ЦИК'ах...»[56].

Предложение не было принято, однако уже в октябре 1933 г. начальник Главлита был одновременно назначен уполномоченным СНК по охране государственных тайн с образованием соответствующих самостоятельных отделов, причем их личный состав считался состоящим на действительной военной службе. Решение было утверждено Политбюро.

В 1936 г. комиссия Оргбюро ЦК ВКП(б) предложила проект постановления ЦК о Главлите. Речь шла о выводе Главлита из системы Наркомпроса и превращение его в Главное управление по делам цензуры при СНК СССР. Еще более функции Главлита предполагалось расширить в проекте, подготовленным руководством управления в 1938 г. В них должно было войти изъятие и конфискация произведений печати и искусства, общий контроль за выполнением решений партии и правительства о печати, зрелищах, радиовещании и т.д. Хотя эти проекты не были реализованы, они достаточно адекватно отражали господствующие тенденции в цензурной политике тех лет. Аппарат Главлита рос так быстро, что в 1938 г. начальник Главлита Н.Г.Садчиков обратился к председателю Совнаркома В.М.Молотову с просьбой дать согласие на строительство специального «дома цензуры», в котором предполагалось разместить Главлит и переданную ему Книжную палату[57].

О масштабах деятельности Главлита свидетельствует тот факт, что, по свидетельству его руководства, по цензурным соображениям в 1938 г. было уничтожено до 10% всей печатной продукции, выписываемой из заграницы, что обходилось государству в 250000 золотых рублей в год[58]. В 1939 г. из-за границы было получено примерно 2 млн 360 тыс. экземпляров газет, журналов, книг и брошюр. Из этого числа цензура проверила около 613 тыс. контрольных экземпляров. В результате 44 тыс. названий были запрещены для широкого пользования, а 17,5 тыс. конфискованы и уничтожены (в сумме – те же 10%)[59].

Ситуация усугублялась крайне низким культурным и образовательным уровнем советских цензоров.

В 1938 г. начальником Главлита был назначен партийный работник из Ленинграда Н.Г.Садчиков, занимавший эту должность до конца 1944 г. Впечатления от личной беседы с ним зафиксировал в своем дневнике 9 февраля 1938 г. академик В.И.Вернадский. Садчиков, в частности, был уверен, что «Манчестер Гардиан» – «английский реакционный журнал». По данному поводу Вернадский иронически заметил в упомянутой дневниковой записи: «И в руках этих гоголевских типов – проникновение к нам свободной мысли!»[60].

Положение на местах было еще более удручающим, судя, в частности, по материалам обследования Удмуртского Облита в марте

1934 г. Предварительной цензурой в районах области занимались 13 человек, из них 12 по совместительству (в т.ч. 7 заведующих РОНО). С высшим образованием – 1 человек, со средним – 8, с низшим 2. Два человека получили свое образование в совпартшколе. В аппарате Облита работали 2 человека, начальник Облита (образование – заочный комвуз, стаж работы 4 года) и цензор (образование низшее, стаж работы 1 месяц)[61].

Если верить начальнику Главлита Н.Г.Садчикову, после репрессий 1937-1938 гг., в ходе которых только в центральном аппарате Главлита была репрессирована треть сотрудников, «качественный состав работников цензуры» был «значительно укреплен»[62]. Однако на практике наблюдалась, скорее, обратная тенденция: в 1938 г. 75,7% работников Главлита имели среднее и высшее образование, в 1939 г. – 73%, в 1940 г. – лишь 55%. При этом 60% работников цензуры имели стаж работы до 1 года, и только 12% работали в цензуре более трех лет[63].

Неудивительны поэтому казусы, когда, например, один из районных цензоров г. Ворошиловска (ныне Алчевск) предлагал изъять из местного музея бюст Аристотеля, а в Московской области был отмечен «случай запрещения передачи по радио произведений Шуберта на том основании, что автор райлиту неизвестен, а он может быть троцкист»[64].

* * *

Как ни ограничивалось поступление информации из-за рубежа, еще больше ограничений с самого начала существовало в сфере личных контактов. «Любая связь с заграницей квалифицируется также как нарушение закона, как и контакты с зарубежными представителями в СССР», – писал в августе 1927 г. глава чехословацкой миссии в Москве Й.Гирса[65] (на самом деле, очевидно, имелась в виду статья УК РСФСР 58-3, где речь шла о «сношениях ***в контрреволюционных целях*** (курсив мой. – *А.Г.*) с иностранным государством или с отдельными его представителями», вступившей в действие в июне 1927 г.)[66].

Значительное число советских граждан поддерживало отношения с родственниками, оказавшимися за границей (чаще всего речь шла о государствах, образовавшихся на окраинах бывшей Российской империи – Польше, Финляндии, странах Прибалтики). По данным наркомата связи, к лету 1941 г. ежедневно из СССР за границу отправлялось в среднем 1,5 тыс. телеграмм и 33 тыс. писем, поступало соответственно 1 тыс. телеграмм и 31 тыс. писем; оче-

видно, что в это число входила и разного рода деловая переписка между учреждениями[67].

При этом вся международная переписка (за исключением правительственной, дипломатической и частной переписки «правительственных лиц РСФСР по особому списку») подлежала обязательной перлюстрации[68]. Занимались перлюстрацией информационный отдел ВЧК, позднее отдел политконтроля ОГПУ, секретно-политический отдел ГУГБ НКВД, 2-й спецотдел НКВД. При этом делались достаточно обширные выписки из писем, некоторые из них, в частности письма «с восхвалениями существующего режима в капиталистических странах», конфисковывались; к проверенным письмам прилагался специальный меморандум, включавший в себя имена и адреса отправителя и получателя, а также отдел ОГПУ-ГУГБ, куда в случае необходимости передавался меморандум. Данные о результатах перлюстрации поступали также (хотя и нерегулярно) в партийные органы[69].

Связи с заграницей, даже родственные, зачастую воспринимались как «пятно» в анкете. Так, в декабре 1937 г. в ходе выборов в Верховный Совет СССР выяснилось, что в одном из московских институтов «из 11 ч. агитаторов не оказалось ни одного человека, у которого не было бы хвостов», а именно: «Мать и сестра в Латвии, с которыми она поддерживает связь... Имеет родственников в Латвии, имеет с ними связь... Мать живет в Польше, с которой он держит связь... два брата за границей, поддерживает с ними связь» и т.д.[70]

Порой информация, все же поступавшая таким путем из-за границы, приходила в прямое противоречие с официальной пропагандой; так, одна из жительниц Вологды осенью 1937 г. заявила: «Зря вы говорите о голоде и нищете за границей, т.к. мне пишут оттуда и там все дешевле, чем здесь, и денег присылают». А некая гражданка Тихонова из Удмуртии рассказывала, что «ее брат живет в Сан-Франциско, он надавит на кнопочку и ему все готово, имеет свою автомашину»[71]. Не случайно в годы «ежовщины» подобные контакты послужили основой для многих уголовных дел с трагическим исходом[72].

Постепенно под жестким контролем оказались все заграничные поездки независимо от их цели[73]. С апреля 1919 г. право выдачи заграничных паспортов принадлежало только НКИД. В июне 1922 г. были введены новые правила, ужесточавшие порядок получения разрешения на выезд. В частности, требовалось получить удостоверение ГПУ об отсутствии препятствий для выезда, а для получения подобного удостоверения необходимо было представить, помимо различных справок и свидетельств, поручения двух граж-

дан РСФСР[74]. Другими словами, речь шла о введении своеобразной «круговой поруки». Примерно тоже самое предлагал в мае 1921 г. нарком просвещения А.В.Луначарский: «установить для всех, желающих выехать заграницу артистов очередь при Главном художественном комитете, отпускать их по 3 или 5, с заявлением, что вновь отпускаться будут только лица после возвращения ранее уехавших. Таким образом мы установим естественную круговую поруку. Отправлять будем только по ходатайству артистов, может быть через профессиональный союз или через госкоммуны, так что они сами будут виноваты, если из первой пятерки кто-либо останется заграницей, и таким образом они автоматически закупорят для себя отъезд»[75].

В соответствии с решением, принятым в 1928 г., членам ВКП(б) для частной поездки за границу требовалось получить последовательно разрешение партийной ячейки, затем уездного или районного комитета, губернского комитета и в качестве окончательной инстанции – одного из 9 крупнейших обкомов, ЦК компартии союзной республики или ЦК ВКП(б)[76].

Таким образом, лишь незначительная часть «политически благонадежных» советских граждан могла выезжать за рубеж, причем, как правило, речь шла о служебных командировках. Необходимо, однако, избегать преувеличений. И.В.Павлова, например, утверждает, что «число желающих временно выезжать за границу, ***в том числе и в командировки,*** чрезвычайно сократилось, а в конце 1920-х гг. ***исчезла сама мысль о возможности таких поездок*** (курсив мой. – *А.Г.*)»[77].

Тем не менее контроль за командировками постоянно ужесточался. В начале 30-х гг. существовала специальная комиссия ОГПУ, в которую входили также представители ЦК и учреждение, которое командировало сотрудника, причем решающее слово принадлежало ОГПУ[78]. Затем была сформирована «комиссия по выездам» из представителей Орграспредотдела ЦК, ЦКК и ОГПУ. В мае 1934 г. она была ликвидирована постановлением Политбюро и образована комиссия ЦК ВКП(б) под руководством секретаря ЦК А.А.Жданова. В нее вошли заместитель председателя Совнаркома В.И.Межлаук, заместитель председателя Комиссии партийного контроля Н.И.Ежов, заведующий Особым сектором ЦК А.Н.Поскребышев, заместитель председателя ОГПУ Я.С.Агранов. В декабре 1934 г. в связи с отбытием Жданова в Ленинград председателем комиссии был назначен Ежов. В апреле 1937 г. был утвержден новый состав комиссии – секретарь ЦК А.А.Андреев, Я.С.Агранов, А.Н.Поскребышев.

Всем наркоматам, центральным и местным организациям запрещалось отправлять за границу представителей, группы или делегации без санкции комиссии, причем та должна была «решать вопрос о командировках заграницу не только с точки зрения политической благонадежности, но и с точки зрения деловой целесообразности»[79].

Порядок работы комиссии, установленный в 1937 г. – сначала рассмотрение вопроса о данной командировке на основе личного доклада соответствующего наркома и заключения НКВД, затем утверждение решения комиссии на Политбюро[80]. Все командированные были «обязаны являться в Комиссию по выездам для получения инструкции как себя держать с иностранцами за границей»[81].

Состав различных (дипломатических, научных, общественных и т.д.) делегаций, вплоть до технических работников, персонально утверждался Политбюро.

Сохранились многочисленные обращения крупнейших деятелей советской науки с просьбой разрешить им заграничную командировку. Как правило, все зависело от личного статуса ученого и от отношения к нему на данный момент влиятельных членов Политбюро. «Право выезда за границу, неразрывно связанное с правом полного научного общения в мировой научной среде, является для меня элементарной необходимостью (подчеркнуто в документе. – *А.Г.*) ***Я могу жить в стране, где этого права нет, только при условии фактического его для меня осуществления, как это было до сих пор*** (курсив мой. – *А.Г.*)», – писал академик Вернадский непременному секретарю АН СССР В.П.Волгину в июне 1930 г. В течение ряда лет «невыездным» был академик Е.В.Тарле. В январе 1935 г. он обратился к В.М.Молотову с письмом, в котором сообщал, что приглашен для чтения лекций в Сорбонну. Однако нарком просвещения А.С.Бубнов счел «нецелесообразным разрешать поездку проф. Тарле... это человек скользкий и политически притаившийся, хотя на словах он чуть ли не марксист». В результате Тарле решением Политбюро было отказано[82].

Но и возвратившись из служебной командировки, советские граждане вряд ли могли широко делиться своими впечатлениями; по крайней мере, разведчикам, вернувшимся из-за рубежа, категорически запрещалось сравнивать советскую и западную действительность[83].

Конечно, зачастую подобная практика приводила к обратным результатам: люди, побывавшие за границей, не могли удержаться, чтобы не поделиться своими впечатлениями. Конечно, их рассказы, порой преувеличенные, воспринимались по-разному. «Вот резуль-

тат нашей дурацкой пропаганды. Твердим, что в капиталистических странах все плохо. Советские люди представляют себе, что в Америке все голодные, раздетые, живут в трущобах, и, приехав сюда, теряют всякое чувство пропорции», – комментировал подобные рассказы современник[84].

Постепенно сам факт пребывания за границей стал рассматриваться как порочащий человека. Уже в начале 30-х годов ни в Политбюро, ни на ключевых постах в правительстве практически не осталось большевиков, прошедших эмиграцию (единственным и вполне объяснимым исключением был М.М.Литвинов). В декабре 1931 г. в беседе с немецким писателем Э.Людвигом Сталин (сделав, правда, исключение для Ленина) заявил, что большевики, не уезжавшие в эмиграцию, «конечно, имели возможность принести больше пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты», и добавил, что из 70 членов ЦК не более трех-четырех жили в эмиграции. Впрочем, по его мнению, «пребывание за границей вовсе не имеет решающего значения для изучения европейской экономики, техники, кадров рабочего движения, литературы всякого рода...»[85].

На встрече с руководством Института мирового хозяйства и мировой политики в марте 1935 г. председатель КПК Н.И.Ежов «сказал, что не доверяет политэмигрантам и побывавшим за границей»[86]. Выступая на февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК, Л.М.Каганович, имея в виду вернувшихся в СССР, многократно проверенных сотрудников КВЖД, говорил: «Конечно, плохо, неправильно делать заключение, что все приехавшие – плохие люди, но, к сожалению, страшно много шпионов среди них»[87]. В записке заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л.З.Мехлиса, датированной октябрем 1937 г., подчеркивалось, что «кадры газетной цензуры засорены политически ненадежными людьми», в частности, один из цензоров иностранных газет «владеет 9 языками, до 1927 г. ездил по различным странам (Литва, Германия, Англия), нуждается в серьезной проверке»[88].

С другой стороны, на протяжении 1920-30-х гг. СССР посетили всего 100 тыс. иностранцев, т.е. примерно 5 тыс. человек в год[89]. Но и тут с самого начала действовали определенные механизмы, позволяющие ограничивать допуск в страну «нежелательных лиц». Осенью 1919 г. американский журналист И.Макбрайд перешел линию фронта, чтобы побывать в Советской России. Он вспоминал впоследствии, что его много раз допрашивали, причем «каждый раз допрос вел пользующийся доверием коммунист, человек, хорошо разбирающийся в вопросах мирового революционного движения,

человек, который знал, какие задавать вопросы, и умевший определять по ответам, можно ли вас допускать в страну или нет»[90]. В 1922 г. был создан Особый комитет по организации заграничных турне и художественных выставок во главе с А.В.Луначарским. Первоначально речь шла об организации гастролей, часть выручки которых передавалась на борьбу с последствиями голода, но вскоре по решению Совнаркома визы на въезд в СССР стали выдаваться иностранным художникам и артистам лишь по представлению этого комитета. Таким образом предполагалось не впускать в СССР «людей с реакционными взглядами»[91]. Тут, как и в случае с цензурой, также прослеживаются определенные параллели с дореволюционной практикой. Согласно «Своду уставов о паспортах и беглых» 1857 г., паспорта, необходимые для въезда в Россию, не давали «неблагонадежным», цыганам, «торговцам зельем и дурманом», существовали ограничения для евреев, а у священников брали подписку в том, что они не входят и никогда не входили в орден иезуитов[92].

«Мы вовсе не хотим, чтобы какая-то официальная делегация или комиссия разъезжала по СССР и претендовала на какие-то полномочия по ознакомлению с документами и по осмотру всевозможных предприятий, как это им заблагорассудится, – писал нарком иностранных дел Г.В.Чичерин в апреле 1928 г. по поводу предложения о посещении СССР группой американских банкиров. – Если к нам частным образом едут те или иные банкиры, мы их примем, если только в числе этих банкиров нет нежелательных для нас лиц... Мы не можем заранее поручиться пустить всех лиц...»[93].

Даже кандидатуры иностранных специалистов, приглашенных в СССР, утверждались на самом верху. Специальное постановление СТО, принятое в августе 1934 г. установило, что «трудовые договоры учреждений и предприятий с иностранными специалистами, приглашенными на работу в СССР, должны быть утверждены соответствующими народными комиссарами и начальниками центральных управлений»[94].

5 сентября 1931 г. СНК принял постановление «О развитии иностранного туризма в СССР и об обеспечении выполнения программы по интуризму в 1932 г.». План на 1932 г. был определен в 75-80 тыс. туристов и 30 тыс. транзитных пассажиров, причем предполагалась получить значительную прибыль[95]. Иностранный туризм рассматривался уже не столько как канал рассчитанной на западное общественное мнение пропаганды, сколько как источник валюты. Однако широкий прием иностранных туристов начался лишь в 1934 г. К нему основательно готовились – открывались курсы гидов, ремонтировались гостиницы и т.д. В ноябре 1935 г.

было принято специальное постановление СНК, разрешающее «в целях развития туризма в СССР и привлечения иностранной валюты» в течение 1936 г. обмен валюты на территории СССР. Госбанку предписывалось организовать необходимое количество меняльных пунктов[96]. Приехавших туристов, как правило, повсюду сопровождали переводчики, предоставленные ВОКСом или «Интуристом», которые должны были в течение 24-х часов представить подробные отчеты о пребывании, настроениях и высказываниях гостей (а одновременно, естественно, и их советских собеседников, хотя официально такая задача перед ними не ставилась). Эти отчеты направлялись руководству ВОКСа, а затем в НКИД[97].

Выступая на совещании по вопросам работы «Интуриста», секретарь ЦК А.А.Жданов подчеркивал: «Общий курс ЦК на то, чтобы не пускать в эти места (т.е. рестораны и гостиницы, предназначенные для иностранных туристов. – *А.Г.*) советских граждан»[98].

Для иностранных моряков, посещавших советские порты, работали специальные клубы. Помимо решения чисто пропагандистских задач, они должны были «проводить политико-воспитательную работу среди иностранных моряков и обслуживать их культурно, ***чтобы отвлечь от хождения по городу*** (курсив мой. – *А.Г.*)»[99].

Принимались меры, чтобы ограничить общение с иностранцами не только рядовых советских граждан, но и тех, кто должен был заниматься иностранцами «по долгу службы». В мае 1935 г. на предложение руководства Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) установить контакты с вновь созданным в Англии Британским Советом, выполнявшим схожие функции, последовал резкий отказ, подписанный далеко не самым высокопоставленным чиновником наркомата иностранных дел[100].

В ноябре 1940 г. руководство ВОКС выступило с новой инициативой – взять на себя работу с иностранными корреспондентами. На это последовал следующий ответ начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александрова: «Зам. наркоминдела тов. Вышинский считает нецелесообразным развивать широкое знакомство и общение иностранных корреспондентов с советскими гражданами. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) поддерживает соображения тов. Вышинского»[101]. Даже в годы войны, когда существовала антигитлеровская коалиция, эта позиция не изменилась. Выступая на заседании Совинформбюро в январе 1944 г., секретарь ЦК, руководитель Совинформбюро А.С.Щербаков заявил: «Мы предупреждали товарищей и хочу еще раз сделать предупреждение, что всякого рода встречи, беседы, советы должны быть только с разрешения и ведома руководства»[102].

Изоляция иностранной колонии в России в этот период невольно вызывает аналогии с ситуацией в допетровской Руси[103]. Это касалось и представителей дипломатического корпуса; так, в январе 1929 г. министр иностранных дел Франции А.Бриан в беседе с полпредом СССР отмечал, что французский посол в СССР «может изучать Советский Союз только на основании советской прессы, ибо он совершенно изолирован от общества и людей»[104].

К началу 30-х гг. в СССР находилось примерно 20-30 тыс. иностранных специалистов и рабочих, а также политэмигрантов. Но их круг общения был ограничен. Как вспоминал известный впоследствии советский разведчик Л.Треппер, «иностранные коммунисты, учившиеся в Москве, жили своим, очень замкнутым мирком. Нам нечасто представлялась возможность попутешествовать и пообщаться с русским населением»[105]. По прибытии в Москву их предупреждали о необходимости быть бдительными в отношении советских граждан и «не смешиваться» с ними, т.к. те могли «оказаться шпионами и саботажниками»[106]. Характерно, что в середине 30-х гг. иностранным коммунистам запрещено было вести партийную работу в ВКП(б). К тому же иностранцы большей частью концентрировались в нескольких крупных промышленных центрах и в масштабах страны не могли служить достаточно существенным источником альтернативной информации.

В 1937-1938 гг. иностранная колония в СССР подвергалась массовым репрессиям. Так, в июле 1937 г. Политбюро предложило НКВД арестовать всех немцев, работающих на оборонных заводах, и часть из них выслать за границу. В январе 1938 г. было решено продлить операцию по разгрому «контрреволюционных национальных контингентов» – поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев, румын, а также «погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных подданных, так и граждан СССР»[107].

Любопытно сравнить, как формировался образ СССР в условиях господства другого тоталитарного режима. В служебном циркуляре СД (апрель 1943 г.) отмечалось, что «до периода открытых враждебных действий против Советского Союза, начавшегося 22 июня 1941 г., немецкий народ, за небольшим исключением, узнавал о его социальной и хозяйственной структурах и культурной жизни только из прессы, кино, пропагандистских выступлений и прошедшей цензуру литературы». В результате подавляющее большинство немцев «видело в Советском Союзе бесчеловечную и бездушную систему подавления и представляло народ Советского Союза как полуголодную и тупую массу». Лишь появление много-

численных рабочих с Востока и военнопленных и личные контакты с ними привели к определенным изменениям в восприятии России и русских[108].

Конечно, реальная жизнь богаче любых схем и обобщений. Достоверная информация проникала иногда самыми неожиданными путями; можно привести множество примеров, когда люди, обладавшие навыками аналитического мышления, как правило, представители старой интеллигенции, на основе материалов советской прессы делали самые неожиданные (и достаточно глубокие) выводы о происходящем в мире.

Представления, бытовавшие в обществе, порой разительным образом отличались от тех, которые рисовала официальная пропаганда, хотя, как правило, были столь же мифологичны[109]. Более того, в массовом сознании, в том числе и благодаря развернутой системе пропаганды, претендующей на «всемирность», а также успехам советской культурной дипломатии, СССР отнюдь не воспринимался как «закрытое» общество. «Советские музыканты, певцы, шахматисты завоевывали лавры на международных конкурсах, и росло ощущение принадлежности к большому миру за пределами наших непроницаемых границ», – писал позднее в своих мемуарах В.М.Бережков[110]. Подобное восприятие мира до сих пор часто воспроизводится в воспоминаниях о тех годах.

* * *

Тенденция на «закрытость» общества отнюдь не была привилегией политического руководства. В 1920-30-е гг. в массовом сознании произошли важные изменения. Казалось бы, давно изжитые на высших этажах культуры стереотипы массового, насквозь мифологизированного, сознания начинают господствовать в обществе. Они в определенной степени проявлялись в сознании постреволюционной интеллектуальной элиты, в гораздо большей степени – в сознании элиты политической, тем более в официальной пропаганде. Образ внешнего мира теперь описывался даже не в категории «иное», а, скорее, в категории «анти-». Возродилось представление о сакральном характере границы, что отразилось в столь привычном штампе – «священные рубежи нашей Родины». Стереотип «капиталистического окружения», постоянно угрожающего СССР, воспроизводил стереотип внешнего мира как «темной зоны», враждебной человеку, и так далее. Очевидно, что к классическому марксизму эти, архаические по сути, представления имели мало отношения.

Вместе с тем сама логика модернизации, осуществлявшейся сталинским режимом, вела к принятию, пусть неосознанному, многих основополагающих западных ценностей, хотя бы тех, что определяли экономический и социальный прогресс. Ранее модернизационные процессы ограничивались определенным сектором общества, и хотя сам этот сектор рос и расширялся, модернизация оставалась локальным явлением. Результатом революции было принятие этих ценностей всем обществом[111].

Период, когда контакты с внешним миром контролировались достаточно эффективно, закончился в 1939 г., когда советские войска вступили на территорию Польши. Увиденное там потрясло многих и, несмотря на все старания пропаганды, рассказы об этом быстро распространялись сначала в армии, а затем и в стране. «Полк, в который я попал после переброски на западную границу страны, участвовал в разделе Польши. Меня поразили трофейные одеяла, которые выдавали даже рядовым бойцам. Они казались признаком неслыханного богатства. И вообще кое-какие слухи насчет более высокого уровня жизни за границей просачивались в нашу среду», – вспоминает известный философ А.А.Зиновьев[112]. Тот же эффект произвело и присоединение Прибалтики.

Затем началась Великая Отечественная война. Сначала в Германию были угнаны тысячи советских людей, в большинстве своем молодых. Вот как они увидели Германию: «...кругом белые дома, обложенные снизу камнем, готические шпили церквей, клумбы с цветами. Вот, говорят, как живет буржуазия! А где живут “труженики”, мы не увидели. Вообще жизнь, открывшаяся из вагона, была так не похожа на ту, в которой пребывали мы и которой гордились, что жилище обыкновенного селянина принимали за палаты буржуя-мироеда»[113].

В 1944-1945 гг., в ходе Великой Отечественной войны, Красная Армия, перейдя границу, заняла территорию сначала стран Восточной Европы, затем Германии, встретилась с американскими и английскими товарищами по оружию. Миллионы советских солдат увидели настоящую повседневную жизнь Запада.

Не впервые в истории России победоносный заграничный поход привел к серьезным изменениям в массовом сознании. «Новое знание представляло для режима реальную угрозу, но это знание уже нельзя было просто перечеркнуть, изолировав от общества всех, кто побывал по ту сторону государственной границы. Тогда пришлось бы помимо репатриированных изолировать еще и всю армию», – справедливо отмечает Е.Ю.Зубкова[114]. После войны советское руководство попыталось свести к минимуму последствия

заграничного похода (отсюда – идеологические кампании конца 40-х – начала 50-х гг., в том числе «борьба с космополитизмом»). Но такие меры давали лишь ограниченный и временный эффект. Последовавшая робкая десталинизация 50-60-х гг., сопровождавшаяся определенным расширением контактов с внешним миром, и «разрядка» 70-х оставили после себя совершенно иную ситуацию, анализ которой выходит за рамки данной работы.

---

1 «Информационная блокада явилась частью общей блокады сферы духовной жизни народа... С начала 1930-х гг. можно говорить о полной информационной блокаде в СССР», – утверждает И.В.Павлова. См.: *Павлова И.В.* Становление советской системы информационной блокады // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика. Новосибирск, 2000. С. 40, 45.

2 *Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991. С. 165.

3 См., напр.: *Шишкин В.А.* Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925-1931 гг.) СПб., 1999. С. 101.

4 Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 90.

5 Помимо Коммунистического (Третьего) интернационала существовали Коммунистический интернационал молодежи (КИМ), Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн), Международный крестьянский совет (Крестинтерн), Красный спортивный интернационал (Спортинтерн), Интернационал инвалидов, Интернационал пролетарских свободомыслящих и т.п.

6 Об инфраструктуре, предназначенной для развития культурных и общественных связей, см.: *Голубев А.В.* Советская культурная дипломатия 1920-1930-х годов // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 339-354.

7 Подробнее см.: *Голубев А.В.* Интеллигенция Великобритании и «новая цивилизация» (из истории советской культурной дипломатии 1930-х гг.) // Россия и внешний мир: Диалог культур. М., 1997. С. 258-272.

8 *Голубев А.В.* Советская Россия и Запад: динамика восприятия // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001. С. 118-125.

9 Подробнее см.: *Голубев А.В.* Мифологизированное сознание как фактор российской модернизации // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI-XX вв.) М., 1994. С. 187-204; *Он же.* Тоталитаризм как феномен российской истории XX века // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20-40-е гг.) М., 1999. С. 7-33.

10 См. об этом: *Голубев А.В., Яковенко И.Г.* Запад глазами русских (межвоенный период) // Россия и современный мир. 1997. № 1. С. 119-135.

11 *Сенявская Е.С.* Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 8.

12 Подробнее см.: *Голубев А.В.* Запад глазами советского руководства в 1930-е годы // Россия XXI. 1997. № 11-12. С. 114-132.

13 РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 508. Л. 11.

[14] *Высочина Т.Е.* К проблеме диалога культур и роли искусства в этом процессе // Искусство и искусствознание на пути преодоления мифов и стереотипов. М., 1990. С. 96-97.

[15] *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. М., 1999. С. 135.

[16] Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 2. С. 144.

[17] *Цакунов С.В.* Нэп: эволюция режима и рождение национал-большевизма // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С. 88.

[18] История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 427-428.

[19] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 181. Л. 76 об.; Д. 182. Л. 9 об.

[20] Там же. Д. 199. Л. 60.

[21] Там же. Д. 182. Л. 85.

[22] Там же. Д. 180. Л. 55.

[23] *Зеленов М.В.* Главлит и историческая наука в 20-30-е годы // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 25.

[24] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 288. Л. 22.

[25] *Зеленов М.В.* Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920-1930-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 131.

[26] РГАСПИ. Оп. 87. Д. 198. Л. 159.

[27] Там же. Оп. 85. Д. 171. Л. 37-38.

[28] Там же. Д. 551. Л. 143.

[29] Там же. Л. 2.

[30] Там же. Л. 178, 180, 184.

[31] Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 588.

[32] *Куликова Г.Б.* СССР 1920-1930-х гг. глазами известных представителей Запада // Отечественная история. 2001. № 1.

[33] *Соловьев А.Г.* Тетради красного профессора. 1912-1941 гг. // Неизвестная Россия. XX век. Кн. IV. М., 1994. С. 187.

[34] См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922-1952. М., 2000. С. 89. Бюро международного книгообмена (точнее, Бюро по книгообмену с зарубежными странами АН) было создано в октябре 1922 г.

[35] Пример такого анализа можно найти в воззвании, подброшенном во время съезда советов в Славяно-Сербском районе Донецкой губернии и составленном, вероятно, кем-то из представителей сельской интеллигенции: «Германия, несмотря на то, что она побежденная, все же промышленность в ней дает 90-95% довоенной производительности и это все покупается населением, значит производительность есть, есть и покупательская способность, страна любая при таких условиях может процветать» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 199. Л. 69). См. также дневники, опубликованные в 1990-е годы: *Куллэ Р.* Мысли и заметки. Дневник 1924-1932 гг. // The New Review – Новый журнал. Кн.189. 1992; *Шитц И.И.* Дневник великого перелома (март 1928 – август 1931). Paris, 1991.

[36] На корме времени: интервью с ленинградцами 1930-х гг. СПб., 2000. С. 259.

[37] *Вернадский В.И.* Из писем разных лет // Вестник АН СССР. 1990. № 5. С. 95.

[38] Week-end в Болшево или еще раз «вольные» письма академика В.И.Вернадского // Минувшее: Исторический альманах. № 23. СПб., 1998. С. 319.

39 ДВП СССР. Т. X. М., 1965. С. 528.
40 Цит. по: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 102.
41 *Чугров С. В.* Идеологемы и внешнеполитическое сознание // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2. С. 40.
42 *Пальгунов Н.Г.* Тридцать лет. (Воспоминания журналиста и дипломата). М., 1964. С. 5-6.
43 Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы. Июль 1929 г. – май 1941 г. М., 1985. С. 80.
44 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 444. Л. 114.
45 ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 100. Л. 119.
46 См.: ВОКС в 1930-1940-е годы // Минувшее: Исторический альманах. 14. М., СПб., 1993. С. 317-318.
47 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 6. С. 181.
48 См.: СЗ СССР. 1935. № 5. Ст. 36 б.
49 *Блюм А.В.* За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917-1929. СПб., 1994. С. 44-45.
50 О деятельности Главлита подробнее см.: *Зеленов М.В.* Указ. соч.
51 Цензура в царской России и Советском Союзе. Материалы конференции. С. 162-164.
52 Цит. по: Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998. С. 226.
53 Цензура в царской России и Советском Союзе... М., 1995. С. 9.
54 Там же. С. 10.
55 История советской политической цензуры... С. 36.
56 Там же. С. 298.
57 Там же. С. 65-67, 10, 313.
58 Там же. С. 311.
59 Там же. С. 326.
60 Цит. по: Совершенно секретно. 1990. № 8. С. 12.
61 ЦГАУР. Ф. Р-195. Оп. 6. Д. 54. Л. 60-61.
62 История советской политической цензуры... С. 319.
63 *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939-1941 гг. М., 1997. С. 45.
64 *Невежин В.А.* Там же; ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 75. Л. 38.
65 Цит. по: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 159.
66 СУ РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330.
67 История советской политической цензуры... С. 86.
68 См.: *Измозик В.С.* Первые советские инструкции по перлюстрации // Минувшее: исторический альманах. 21. СПб., 1997. С. 162-164.
69 См.: *Izmozik V.S.* Voices from the Twenties: Private Correspondence Intercepted by the OGPU // The Russian Review. Vol. 55. April 1996. P. 288.
70 ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 16. Л. 117-119.
71 ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 940. Л. 56; ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3350. Л. 48.
72 См.: Общество и власть... С. 182-183.
73 Об ограничениях, существовавших в этом отношении до революции, см.: *Мэтьюз М.* Ограничения свободы проживания и передвижения в Советском Союзе (до 1932 г.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 26-27.
74 См.: *Павлова И.В.* Указ. соч. С. 44.
75 История советской политической цензуры... С. 422.

76 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 345. Л. 50.

77 *Павлова И.В.* Указ. соч. С. 44-45.

78 *Агабеков Г.* Секретный террор. М., 1998. С. 12.

79 Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 70.

80 Протоколы Политбюро, относящиеся, в частности, к поездкам за границу советских ученых, собраны и опубликованы В.Д. Есаковым. См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922-1952. М., 2000.

81 Сталинское Политбюро в 30-е годы... С. 72.

82 Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б)... С. 97, 192.

83 См.: *Вайль Б.* Судьба Александра Улановского // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 158; *Старков Б.А.* Запад глазами сотрудников ОГПУ // Россия и Запад. Сборник статей. СПб., 1996. С. 205.

84 *Улановские Н. и М.* История одной семьи. М., 1994. С. 102. Любопытно, что подобного, т.е. прямо противоположного желаемому, результата иногда достигала и западная пропаганда, неадекватно освещавшая ситуацию в СССР. Немецкий журналист писал в 1925 г.: «Когда иностранец приезжает в Россию и вместо ужасающих картин, рисуемых этой пропагандой, находит нормальную жизнь, то он бывает так удивлен, что закрывает зачастую глаза на все отрицательные стороны русской жизни». Цит. по: *Кузьмин М.С.* Деятельность партии и советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917-1932). Л., 1971. С. 28.

85 *Сталин И.В.* Соч. М., 1955. Т. 13. С. 121.

86 *Соловьев А.Г.* Указ. соч. С. 178.

87 Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 26-27.

88 История советской политической цензуры... С. 68-69.

89 *Лельчук В.С., Пивовар Е.И.* Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 75.

90 См.: Россия победоносная. Беседа с Исааком Макбрайдом // Иностранная литература. 1987. № 11. С. 189.

91 *Иоффе А.Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры. М., 1975. С. 89.

92 См.: *Мэтьюз М.* Указ. соч. С. 27.

93 ДВП СССР. Т. XI. М., 1965. С. 256-257.

94 СЗ СССР. 1934. № 45. Ст. 358.

95 Советское руководство. Переписка. 1928-1941 гг. М., 1999. С. 159.

96 СЭ СССР. 1935. № 58. Ст.476.

97 Образцы таких отчетов см.: ВОКС в 1930-1940-е годы // Минувшее. Исторический альманах. № 14. М.-СПб., 1993; «Основная цель его приезда...» Отчеты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании. 1934-1936 гг. // Исторический архив. 1996. № 3.

98 РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 817. Л. 6.

99 Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 11. Л. 1.

100 ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 749. Л. 130.

101 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 11. Л. 39. См. также: *Невежин В.А.* Советская политика и культурные связи с Германией (1939-1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 29.

102 РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 998. Л. 46.

[103] См.: Проезжая по Московии: Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов. М., 1991; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов... Гл. 1.

[104] ДВП СССР. Т. XII. М., 1967. С. 50.

[105] *Треппер Л.* Большая игра: Воспоминания советского разведчика. М.,1990. С. 43.

[106] *Блейк О.* Московские будни – 1937 // Коммунист. 1991. № 3. С. 93.

[107] *Девис Р., Хлевнюк О.В.* «Развернутое наступление социализма по всему фронту» // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С. 136-137.

[108] Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. Каталог. Berlin, 1992. С. 183-184.

[109] Подробнее об этом см.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов... С. 145-168.

[110] *Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 262.

[111] Подробнее см.: *Голубев А.В., Яковенко И.Г.* Запад глазами русских (межвоенный период) // Россия и современный мир. 1997. № 1. С. 119-135.

[112] *Зиновьев А.А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999. С. 196.

[113] *Ларин О.* Тогда меня звали Вольдемар и Вилли // Новый мир. 1995. № 5. С. 159.

[114] *Зубкова Е.Ю.* Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. № 3. С. 95; *Она же.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999. С. 18-55.

Большакова А.Ю.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАПАДНОЙ РУСИСТИКЕ 1980-90-х ГОДОВ: К ПРОБЛЕМЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ АРХЕТИПОВ

Поиск причин, смысла и сути масштабного кризиса в современной России относит читателя в прошлое, к началу XX в., знаковой вехой которого стала популярная некогда книга земского врача А.И.Шингарева «Вымирание деревни» (1907 г.)

Знаковое название отметило, однако, лишь преддверие процесса, печальным эхом отозвавшееся в конце столетия, метой которого уже стало историческое, устами и сутью самой жизни сделанное признание в неперспективности «замены» исконной крестьянской и помещичьей, аграрной России на некую «другую» Россию, замешанную на совсем иного рода смыслах и реалиях и, по сути, отрекшуюся от своего деревенского прошлого, но так и не получившую – по-настоящему – какого-либо иного статуса и предназначенья. «Революции и войны, колоссальные сдвиги в жизни страны внесли существенные изменения в дальнейшие (по сравнению с 1907 г., когда была опубликована вышеупомянутая книга. – *А.Б.*) судьбы крестьянства. И как бы мы не относились к этим событиям и переменам в одном, видимо, большинство сойдется во мнении: и спустя многие годы мы вновь констатируем факт вымирания деревни... Дров здесь наломали за 100 лет порядочно, начиная со Столыпина. Затем аграрная революция, коллективизация, послевоенные реформы, освоение целины, строительство агрокомбинатов, ликвидация так называемых неперспективных деревень и т.д. Формулы счастья менялись, а число несчастных и обездоленных росло. Одно лишь оставалось неизменным: неуклюжесть, неумение, некомпетентность руководства, администрирование и насилие. Что это: рок для России?[1]

Закономерный вопрос из разряда «проклятых», поднятый еще русской деревенской прозой в 1960-80-х гг. Один из его аспектов открывал для читателя вопиющее несоответствие между исконной крестьянской ментальностью, в традиционной России во многом зависящей от природных циклов и сезонных временных периодов, от земледельческой практики, и – насильственно насаждавшимися командными методами хозяйствования. Россия крестьянская, со

своей традиционной, ныне уже «несовременной», «отсталой» мудростью (оказавшейся в деревенской прозе уделом бабушек-крестьянок, извечных хранительниц многовековых ценностей народного самосознания) все более уступала место «новой», отрекшейся от себя России, в которой возможно стало затопление родных селений (которые уже можно теперь назвать родными пепелищами – недаром одной из ментальных мет середины 80-х гг. стало название повести В.Распутина «Пожар»), разрушение исконных русских деревень, прозванных «неперспективными» с легкой руки «новаторов» от науки, разворот северных рек, и т.д. Процесс, обернувшийся многими бедами в «роковых» 1990-х гг.

«Мы тако на земле и от земли жить можем»[2], – вздыхали астафьевские герои-крестьяне еще в повествовании, посвященном экспериментам «кукурузной эпопеи» хрущевских времен. Порушенные заливные луга стремительно стали запахиваться, пашни под исконными клеверами стали готовить под «какие-то бобово-чечевичные культуры»[3]. Картины массового безголового разрушения в уральской деревеньке Выдрино не относятся к явлениям сугубо внешнего порядка: по сути, речь идет о пренебрежении к исконному крестьянскому опыту и практике, к ментальным устоям и традициям жизни в соединении с землей-кормилицей, содружестве с братьями меньшими и окружающими людьми. В нынешнее время все более появляются свидетельства укорененного в сознании новых россиян небрежного, уничижительного отношения к крестьянину и деревне – в особенности укрепившегося в период репрессий и раскулачивания, во времена массовой миграции в города.

Одним из таких свидетельств, к примеру, стала публикация в 1990-х гг. ранее не известных архивных дневниковых записей и произведений Федора Абрамова, входящих ныне в разряд «задержанной» литературы.

В приложениях к недавно опубликованному рассказу «Белая лошадь» писатель особо подчеркивает собственную былую подавленность из-за своего крестьянского происхождения (из середняков) в 30-е гг., период борьбы с «двойной природой мелкого буржуа, крестьянина». В записях от 18 октября 1967 г. и 10 июня 1968 г. Абрамов вспоминает о случавшихся в 30-х гг. издевательствах над его крестьянским происхождением даже со стороны интеллигентных однокурсников-студентов: «Больше всего Рогинский донимал меня тем, что издевался над моим крестьянским происхождением. Он имитировал мой окающий говор северянина, при всяком случае обыгрывал мою двойственную природу середняка, мою деревенскую неполноценность... Да, я, крестьянский сын, не чувствовал себя хозяи-

ном жизни... Найдутся, конечно, теоретики, которые будут доказывать, что я ошибаюсь, что это частности моей частной биографии, отнюдь не типичные для советского юношества той поры. Да, но я то все это испытал на собственной шкуре»[4].

Закономерен тот резонанс, который вызвала публикация «задержанных» произведений писателя и сопровождавших их дневниковых записей на Западе – в начале и середине 1990-х гг. делавшего попытку вновь вернуть Россию, возродить ее подлинное, не замутненное идеологами и подцензурными страхами, лицо. К числу подобных попыток относится осуществление фундаментального англо-русско-американского научного проекта, результатом которого стала в 1997 г. американское издание коллективного труда «Жизнь и творчество Федора Абрамова», в который вошли статьи ведущих российских и западных русистов. Идентифицирующей темой сборника стала реабилитация крестьянского образа России со всеми его особенностями, преимуществами и недостатками, слабостями и нежданной силой.

Каковы же основные тенденции к «реабилитации» этого образа, наметившиеся в данном и ряде других западных научных изданий историко-литературного и общеисторического характера?

Одна из основных заключается, на мой взгляд, в обращении к первоосновным, архетипическим понятиям, его составляющим. К примеру, К.Парте в статье «Проза Федора Абрамова: деревня, спасенная в памяти» выводит на первый план – как особую идентифицирующую всю деревенскую прозу черту – уникальный образ деревни, складывающийся в творчестве Абрамова на основе локального образа «малой родины», реальной автобиографической деревни, где проходило детство и отрочество будущего писателя, а также в представлении о людях из его прошлого, настоящего и будущего, которые составляют собирательный образ крестьянского рода, и, наконец, образа детства как необходимо входящего (или связанного с ним) в образ деревни, во многом автобиографический[5].

Впрочем, о сопряжении образов крестьянского босоного детства и деревни в русском литературном и историческом самосознании еще пойдет речь впереди. Здесь же хотелось бы отметить малость и узость употребляемого термина «образ», когда речь идет о фундаментальных, основополагающих категориях национального менталитета – в особенности крестьянского. Очевидно, исследовательский поиск здесь должен идти вглубь, к таким ментальным праосновам и матричным формам, как, к примеру, архетип.

И действительно, отрешившись от сугубо литературного материала обратимся на миг к такому «нейтральному» и универсально-

му жанру, как, скажем, кино, одним из принципов которого является поиск наиболее эффективных коммуникативных моделей и форм воздействия на национальное бессознательное.

Историк Г.Кнабе, обращаясь к творчеству режиссера Тарковского, находит его внутреннее единство не в некоей абстрактно-умозрительной «идее» или «призыве», но в мотиве дома (созвучном, кстати, и образной системе Абрамова и других «деревенщиков»), как лирически переживаемого архетипа внутреннего культурного пространства: «Само воздействие фильмов Тарковского основано на том, что архетип дома, воды дремлют в подсознании читателя и оживают в художественной ткани картины. Язык архетипов отчетливо выступает здесь как язык культуры»[6]. Британский исследователь Д.Гиллеспи в статье «Россия и Запад в фильмах Андрея Тарковского» ссылается на высказывание режиссера о главенстве в его творчестве архетипической темы «корней», связанной с ***сельским домом, деревней***. История России, древняя и современная, воплощена через воссоздание глубинных ментальных архетипов и символов, выходящих к ***общечеловеческой природе крестьянского менталитета***[7]. Так, в киноверсии истории Андрея Рублева распятие на кресте происходит не на Святой Земле, а в Средневековой Руси, зимой, и сам Христос одет, как русский крестьянин.

В кратком очерке о книге «Деревня» (Рассказы для юношества о сельской природе и сельском быте. СПб., 1859) Н.Добролюбов, весьма критически оценив ее недостатки, противопоставляет, в позитивном плане, английский роман о Робинзоне Крузо, как бы приравнивая литературно-ментальную модель острова у Дефо русскому изображению деревни, представленному в одноименном сборнике: «Вот, например, Робинзон Крузо: тут и роман и естественная история, если хотите»[8]. Малоприметная, казалось бы, частность в обширном творчестве критика, между тем, далеко не так случайна, как кажется. Она отражает некую общую тенденцию не только русской, но и общемировой мысли в поиске архетипической модели национального характера.

В поисках методологических подходов к изучению национального характера особенно важен поиск архетипической модели (по историко-культурным источникам). К примеру, американские ученые в качестве такой модели американского характера предлагают модификацию английского литературного героя, знаменитого Робинзона Крузо Даниэля Дефо. Точнее, Крузо, «скрещенного» с реально существовавшим национальным архетипом колониста, пионера и первопроходца, старинного землепашца, высадившегося некогда на огромный «остров» Америка и освоившего огромные про-

странства новых земель. Аналог – если искать его в русской истории и культуре – очевиден. Это тот же самый первопроходец, колонист, пришедший, скажем, на первозданные и дикие земли Сибири и тяжким трудом освоивших их, это старинный землепашец, в вольном размахе заселивший некогда беспредельные пространства центральной России, но, начиная с XV-XVI вв., во многом утративший свой вольный статус, перейдя в состояние оседлости, «прикрепленности» к земле. Наряду с изображением «вольных людей» (т.е. неприкрепленных, «гулящих» крестьян) в таком «новом» состоянии он появляется в классической и последующей литературе, задавая архетипический спектр образа русского землепашца, внутренне сопряженный с возрастной дихотомией мировых архетипов (ср., к примеру, дихотомию старик-ребенок). Вспоминается Лукерья («Живые мощи»), Хорь и Калиныч («Записки охотника») И.Тургенева, Матрена («Матренин двор») А.Солженицына, Катерина Петровна («Последний поклон») В.Астафьева, Дарья («Прощание с Матерой») В.Распутина и другие образы, в которых первозданная духовная чистота (русская идея безгреховности) сочетается с житейской умудренностью, сопричастностью к многовековому опыту предков.

Пример, однако, показателен и в другом плане. Едва намеченное Добролюбовым уподобление внутреннего пространства «остров-деревня», которое спустя века отзовется известным распутинским образом Матеры – острова с деревушкой на нем, отражает некую важную ментальную «матрицу» в национальном сознании и бессознательном, однако мало выявленную и лишь косвенно рассмотренную. Действительно, о Деревне как таковой в аналитических трудах написано мало, специфика этого национального (и мирового) комплекса мало выявлена. О чем обычно идет речь? К примеру, даже в недавней книге М.М.Громыко «Мир русской деревни» речь идет о природе земледелия, о крестьянском мире и его нравственном кодексе, степени образования крестьянства, его нравах и обычаях, о крестьянских праздниках и особенностях жизни крестьянской молодежи. Тем не менее собственно в деревне как особом архетипическом комплексе говорится лишь номинативно, как о чем-то само собой разумеющемся, т.е. как о среде обитания[9]. И это типично для всех исследований, которые обычно посвящены не деревне, но именно крестьянству[10]. Очевидно, одна из причин кроется в недооценке самого феномена Деревня, исконно в русской жизни связанного не только с крестьянской, но и дворянско-помещичьей культурой, образом жизни и мировидения. Разрушение этого комплекса в начале XX в., а также процессы раскулачи-

вания и затем уничтожения так называемых «неперспективных» деревень в 1960-70-х гг. подвели своеобразную историческую черту, обозначив в то же время и новую необходимость изучения уже во многом разрушенного, но оставшегося в национальной памяти, архетипа – в частности и в особенности, в художественной литературе.

Сравнивая значение Деревни во французком и русском обществе, К.Парте отмечает ее огромное значение (для обеих стран) как стабилизирующего фактора, традиционалистского комплекса, обеспечивающего постоянное культурное воспроизводство. Она приводит мнение М. Льюина о Деревне как «живой клеточке сельского общества в России», отмечая, что, к сожалению, о Деревне очень мало еще написано. М.Льюин справедливо предупреждает, что «если мы не проникнем в суть этого феномена, исчезнет нечто очень важное для понимания сельского общества. Возможно, и для понимания России в целом. Именно внутри ***Деревни*** были сосредоточены основные созидающие силы – семейно-родовая система, добрососедские отношения взаимоподдержки, различные трудовые процессы, ценностно-социальные иерархии и т.п. – которые поддерживали огромный материал сельской цивилизации и питали, формировали, подчас блокировали Россию»[11].

Перечень монографий, появившихся в 1990-х гг. в России и на Западе и обозначивших интерес к проблемам русской деревни (хотя и, главным образом, крестьянской), можно дополнить опубликованной в 1988 г. и вызвавшей широкий резонанс статьей К.Мяло[12]. Эта и другие работы появились и как своеобразный ответ на процессы уничтожения российских деревень, и как противодействие укоренившемуся за годы советской власти презрительно-уничижительному отношению к деревне, к так называемому «идиотизму деревенской жизни». Происходящая переоценка ценностей не могла сказаться и в появлении необходимости в новых предметах исследования – в частности, не исследованного до сих пор ментального и литературного феномена Деревня.

Парадокс неосмысления Деревни как литературного (ментального), исторического архетипа в исконно аграрном российском обществе поразителен. Действительно, если обратиться к литературоведческим и литературно-критическим трудам по истории русской литературы, то обычно они включают в себя рассмотрение образа «крестьянского мира», «картин народной жизни», изображений природы и т.п. Деревня здесь в лучшем случае выступает как жизненный фон для действий и размышлений героев – т.е. это именно место действия, и ничего более. Как ни странно, даже если само понятие выведено в заглавие, то никакого разбора «образа деревни»

почему-то не возникает – возможный целостный анализ распадается на «крестьянскую тему», анализ отдельных описаний деревенского быта и нравов и т.п. Во многом здесь «срабатывал» и стереотип восприятия деревни как чего-то убогого и низкого, от чего необходимо отречься как от национального позора. Но существовали, особенно в советской критике, и идеологические установки на борьбу с «лакировкой» действительности, «лубочностью», «идеализацией патриархальности» и т.д. Очевидно, срабатывал и ментальный эффект «железного занавеса», т.к. Деревня как исконный национальный архетип, сложившийся в аграрной дореволюционной России, развивался в насыщенном компаративном поле, входя через художественную литературу в широкие интертекстуальные связи с другими национальными культурами.

1990-е гг. поставили перед многими исследователями – в частности, русской литературы советского периода – вопрос о путях вхождения последней в лоно литературы мировой и, следовательно, об определении идентификационных точек, универсальных литературных моделей, через которые пролегают эти пути и формируются те или иные межлитературные общности.

Одна из возможных типологических моделей – на уровне литературного архетипа – была предложена американским литературоведом Р.Кое в книге о литературном образе Детства[13].

Использование универсальной онтологической модели Детство позволило исследователю осуществить компаративный анализ произведений более ста авторов (в том числе и русских) и выстроить одну из магистральных линий в развитии общемирового литературного процесса. С общетеоретической точки зрения, здесь можно говорить об «архетипе теоретического мышления»[14], т.е. об архетипическом знании как о подлинно фундаментальном, ориентированном на исследование основополагающих, первоосновных явлений, определяющих развитие литературного процесса и природу литературы.

Ряд современных англо-американских исследователей находит много общего между типологической моделью (архетипом) Детство и изображением деревни в русской литературе, объединяя их в литературный архетип «деревенского детства». К примеру, как утверждает русская «деревенская проза» и ее англо-американские исследователи, смысл и значение архетипа «деревенского детства» надо искать не столько в срезе конкретно-исторической действительности, сколько в сфере ментальных ориентаций, отличающихся, как мы знаем из опыта французской историографии, склонностью к очень медленному изменению (в особенности, по мнению Ле Гоф-

фа, это относится к крестьянскому мышлению). Архетип «деревенского детства», во многом альтернативный идеологизированным моделям, которые появились в раскрестьяненной России советского периода, оказался весьма устойчивым, с ментальной точки зрения, еще и потому, что в него входит универсальный, близкий и понятный каждому человеку компонент слияния с природой, противный всяческому насилию и политико-экономическому прессингу: «В конце концов, пастораль детства и кошмар коллективизации могут сосуществовать в каноне деревенской прозы», которая уважительно относится к историческому и публицистическому материалу, но не за счет поэзии и "магии" детства... В целом, русские деревенщики представляют подлинную сказку своих ранних лет, а не провозглашенную Горьким "суровую сказку"»[15].

Как отмечает К.Парте и ряд других англо-американских исследователей «деревенской прозы», представленный ими малый мир села весьма и весьма близок, по своей ментальной структуре и самой уютной малости своей, хронотопу (архетипу) детства. Те же «магические границы» (Р.Кое, К.Парте) замыкают в охранный круг малое пространство воспоминаний обо всем безвозвратно ушедшем, но еще живом в родовой памяти; то же приоритетное значение обретают локальные смыслы и порождения творческой фантазии, которые имеют смысл и понятны только внутри узкого круга посвященных, но не в массовом сознании большого мира. Именно эта творческая раскованность, способность к вольному смещению смысловых норм и составляет основное условие модели «счастливого детства» как подлинного.

Так или иначе, роль архетипа Детства, как и Деревни, в русской литературе трудно переоценить. Являясь одним из основных в национальной модели развития, эти архетипы одновременно становятся универсальными «точками», идентифицирующими русскую литературу с мировой, и составляющими, в своей межнациональной природе, особую область добра, света и красоты. Говоря словами Р.Кое, Детство, как и Деревня, «давно превратились в независимые историко-литературные модели со своими собственными внутренними правилами, условиями и структурой». Они обусловлены, главным образом, поиском глубинных первооснов человеческого существования, «сути внутренней человеческой природы в том виде, в каком она вошла в память о первичном жизненном опыте на самых ранних стадиях человеческого бытия»[16].

Деревня как «сквозная» модель, принадлежащая к разряду «длинных линий» историко-литературного процесса, входит в общеархетипическую структуру и обладает всеми основными свойст-

вами ментального и историко-литературного архетипа. Безусловно, в связи с глубинной укорененностью в российском менталитете, архетип Деревня обладает высокой степенью типологической повторяемости, от Пушкина (и даже ранее) и вплоть до современной «деревенской прозы» определяя развитие русской литературы XIX-XX вв. В ряд его основных компонентов входят сущностные архетипы «мудрого старика/старухи», «дитяти», «матери земли», определяя типологию героя. Излюбленной героиней становится мудрая крестьянка/крестьянин, хранительница/хранитель вековых ценностей. В типологической паре с ней, знаменуя архетипическую идею возрождения, непрерывности бытия, часто выступает ребенок (дворянско-помещичье, крестьянское дитя); либо появляется образ просвещенного дворянина (позднее интеллигента), внутренне близкого крестьянам. Излишне говорить о постоянном присутствии и большой роли природной символики, центральное место в общей картине которой занимает архетип «матери земли».

Параметрические доминанты архетипа включают ***мотив утраты и поиск самоидентичности, тоску по прошлому, ностальгические мотивы*** и т.п., что является достаточно универсальными чертами и русской и западной классики.

Возьмем, к примеру, практически неизвестное в России исследование компаративного характера «Хемингуэй и Тургенев. Природа литературного влияния» М.Уилкинсона. В творчестве и американского, и русского классиков он находит такие сходные черты, как «пафос и тоска по прошлому» – точнее, по тому представлению об удаленной на эстетическую дистанцию и, следовательно, эстетизированной действительности прошлого, «которого, может быть, никогда не существовало»[17]. В сущности, – добавим мы, ссылаясь на опыт М.Бахтина, – речь опять же идет об использовании весьма распространенного в мировой литературе принципа «исторической инверсии», локализующего «в прошлом такие категории, как цель, идеал, справедливость, совершенство, гармоническое состояние человека и общества и т.п.»[18]. Собственно, «пафос и тоска по прошлому, которого, может быть, никогда не существовало», – это «чувство утраты», воплощенное у Тургенева в образе опустевшего родового дома, «дворянского гнезда» (ср. значение родового дома как ведущего хронотопа «деревенской прозы» и т.п.)[19].

Как неоднократно отмечалось в мировом литературоведении, история утраты и обретения идентичности является основой всей литературы. Этот вопрос присутствовал в западной литературе по крайней мере со времен Руссо и Французской революции. В таком культурном контексте человеческая жизнь и движение к самоопре-

делению несут в себе критику общества, в котором человек находится. Точка зрения, возникшая давно. Она включает в свое поле влияния и индивида, отчужденного от социального контекста (и, следовательно, не способного полностью реализовать себя), и индивидуальную духовность, отделенную от естественной окружающей среды, и «человека опоздавшего», который полуосознанно пытается обрести какое-то более возвышенное, более целостное прошлое, – «возможно, никогда не существовавшее»[20].

Уже из приведенных цитат выкристаллизовывается сущностная модель развития или архетип, имеющий универсальный характер и присущий мировой литературе в целом. Отметим, что выведена эта модель не только из теоретических постулатов М.Бахтина, но и из вполне конкретного разбора американским литературоведением творчества американского и русского классиков, а также феномена «деревенской прозы». Отметим и то, что данная модель или литературный архетип имеет также сугубо ментальную природу, принципиально антиидеологичен и основан на чувстве и интуитивных ориентациях. Суть модели состоит в поиске самоидентичности, который неизбежно связан с критикой современного общества и вызван острым чувством потери гармонии, целостности, идеала и необходимости преодолеть возникшую трещину отчуждения от социальной и естественно-природной среды. В результате все основные интенции сходятся в едином целеполагании – поиске идеала в прошлом, удаленном на эстетическую дистанцию, и локализации в нем (точнее, в его образе) идеалов, цели, представлений о совершенстве, гармонии, красоте и т.п. В сущности, это все тот же универсальный архетип «потерянного рая».

Определяя темпоральную природу архетипа Деревня, особо отметим ее циклический характер, основанный на сезонной смене природных циклов с их неизменной повторяемостью и строгим порядком чередования. Специфический ритм, который зиждится на философской основе извечного возрождения и непрерывности жизни, придает модели развития архетипа сущностно-онтологический характер.

Пространственная специфика архетипа особенно важна: Деревня, как правило, обладает, в первую очередь, пространственными характеристиками, выступая как особый традиционный русский мир, для которого свойственен специфический жизненный уклад, обычаи и ритуалы, нравственные и религиозные представления (феномен «двуверия», генезис которого складывается из христианских языческих корневых основ) или же фатализм: как отмечает американский историк Р.Пайпс, «подлинной религией русского

крестьянства был фатализм»[21]. Конечно, по сравнению, скажем, с европейскими литературными пасторальными изображениями, Деревня в русской литературе и менталитете обладает своими особенностями, во многом обусловленными феноменом крепостничества и страданиями крестьянства. Тем не менее, значение Деревни в русской литературе и менталитете (несмотря на порой излишнюю идеализацию, порой излишнюю разоблачительность и сгущение темных красок) трудно переоценить.

Один из признаков архетипичности этого образа проявляется в его постоянной связи с понятиями «родина», «родное». Рассматривая феномен русской деревни, К.Парте отмечает его сопряжение с понятием «малая родина»; Деревня в ее соотношении с Детством часто получает в литературном сознании эпитет «родная». Обращаясь к очерку В.Тендрякова «День на родине» (1964), К.Парте подчеркивает, что понятие и слово «родина» здесь используется для обозначения родной деревни писателя, где он родился и провел первые годы жизни[22] – мотив, возникающий еще в пушкинском архетипе. Примечательно, что «История села Горюхина» начинается с обозначения конкретной даты и места рождения героя, сразу определяя упомянутое в заглавии сельское место как его родину. К.Парте в подглаве «Деревня» характеризует ее как архетип внутреннего пространства, обладавший, согласно изначальным верованиям и поэтическим представлениям русского народа, охранными свойствами: «границы деревни традиционно обладали и магической, и социальной силой. В русском фольклоре выход за границы – порога деревенского дома или деревни в целом – делало человека уязвимым перед злыми духами, которые могли навредить ему и даже убить»[23]. Каждая деревня как бы представляет собой маленькую, отдельную от других родину – «малую родину», ей в высшей степени присуще «лица необщье выраженье». Деревня как бы составляет «живой автопортрет: каждый обитатель ее является одновременно и его создателем, и его изображением»[24]. Говоря так, исследовательница на самом деле цитирует книгу об английской деревне Дж.Бергера, определяя тем самым круг русско-западных схождений.

Пространственные характеристики архетипа Деревня, безотносительно к его национальной принадлежности (и, в особенности, особое чувство родины, родства с родной землей), могут быть переданы через бахтинскую характеристику пасторально-идиллического хронотопа, присущее ему «особое отношение времени к пространству»[25]. Возможная неподвижность, застылость монотонной жизни в замкнутом деревенском мирке внутренне оживляется постоянным

и самозамкнутым движением циклического или сезонного времени, постоянной сменой времен года. Эта универсально-онтологическая, восходящая к мифологеме вечного возрождения, темпоральная модель свойственна мировой литературе в целом; к примеру, структуре знаменитого деревенского романа Т.Гарди «Под деревом зеленым» об английской сельской жизни. Отдельные главы романа Т.Гарди в своем чередовании и названиях соответствуют временам года, смене сезонных циклов: «Зима», «Весна», «Лето», «Осень».

Обычно деревенское время и пространство, исполненное особых ритмов и внутренней музыки, насыщено специфическими символами – естественно-природными и рукотворными – связанными с идеями движения и стабильности. Часто это «лошадь» (настоящая или ее изображение) и «дом» – помещичья усадьба, «дворянское гнездо» или крестьянский дом, изба, двор, подворье. Русский архетип Деревня насыщен свойственными ему настроениями, чувствами, ментальными состояниями и духовной атмосферой, включая сентиментальный строй души (идущий от карамзинской «Бедной Лизы»); умиление прелестью жизни и ее отрицание, вплоть до разоблачения мрачных черт «темного царства» российской глубинки (тенденция, возникающая еще у Радищева); состояние пассивной рефлексии и филосовской созерцательности; сплин или «русская хандра»; особое состояние духовной невинности и чистоты чувств, возникающее в картинах деревенского детства и первородной гармонии человека с природой.

Многоуровневая структура данного архетипа как определяющего образ крестьянской России в целом обладает многосторонними коммуникативно-идентифицирующими функциями, в первую очередь, обусловленными глубинной связью с архетипическими чертами коллективной национальной (шире – общечеловеческой) памяти об общем аграрно-земледельческом прошлом и первичной гармонии между человеком и природой. ***В основе архетипа Деревня лежит коллективный образ земледельческого жизнеустройства, сложившийся в русской цивилизации как преимущественно аграрной, земледельческой и опирающейся на коллективно-бессознательное воспроизводство циклического архетипа, мифологему умирания-воскресения.*** Архетип Деревня проявляет себя и в отношении с идеей первородства, очищения от зацивилизованности: через восстановление первозданной гармонии человека с природой; через высвобождение первобытных инстинктов, изначально свойственных собственно природному комплексу.

Многоуровневая структура архетипа Деревня, уходящая корнями в национальное бессознательное, выстраивается от индивидуально-личностного опыта (здесь доминантными становятся воспоминания о деревенском детстве, проведенном в помещичьей усадьбе или крестьянской избе), через коллективно-собирательный ментальный опыт деревенского сообщества или общины (т.е. собственно Деревни как социально-ментальной и природно-исторической структуры), к обобщенно-символическому уровню, на котором архетипический образ Деревня вырастает до символа всей России, родины.

Начиная с пушкинского «Евгения Онегина» и его эпиграфики («О, rus!... О, Русь!») такая структура сохраняется и развивается вплоть до завершающих строк рассказа Солженицына, дающих укрупняющую проекцию «по нарастающей» – от индивидуального образа русской крестьянки, через образ крестьянского двора, деревни, вплоть до символа всей России, всей земли: «Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша»[26]. Собственно, последнее предложение можно трактовать и более широко, проводя уже параллель с общечеловеческим аграрным прошлым, неизбежно сохранившимся в первичном мифопоэтическом и литературном архетипическом комплексе «мать-земля».

С коммуникативной точки зрения, именно укорененность данного архетипа в коллективной памяти (нации, межнациональных общностей и т.п.) становится основой для формирования матрицы литературного архетипа, которая в процессе чтения дает вспышку мгновенного узнавания, идентификации, соединяя литературные образы и картины со схожими ментальными представлениями, хранящимися в памяти читателя. С другой стороны, рассматриваемый архетип восполняет и другую идентификационную функцию. Изображение деревни у отдельного конкретного писателя входит в архетипический комплекс «Русская деревня», который, в свою очередь, является одним из факторов, идентифицирующих феномен «русская литература». Последняя также, через рассматриваемый архетип в его универсально-общечеловеческой природе, входит в более общее понятие «мировая литература», вступая в самые разные межлитературные общности. И это закономерно. Выявляемая на материале русской литературы многоуровневая модель архетипа Деревня не является ислючительным национальным приоритетом – в своей ментальной природе она свойственна, к примеру, другим народам Запада, органично входя в культурную память.

Опыт литературного развития Европы, США и других регионов свидетельствует о глубинной укорененности и высокой степени выживаемости архетипических комплексов, сложившихся на ранних, аграрно-земледельческих стадиях национального развития. Английский ученый Р.Уильямс в своей известной книге «Деревня и город» отмечает относительную замедленность возможных ментальных и литературных изменений в Англии XIX-XX вв.: английская укорененность в деревне и близость самим идеям сельской жизни обладают невероятной силой выживаемости, так что даже, когда общество стало по преимуществу городским, его литература все еще была по преимуществу сельской, и даже в XX в., в урбанизированной и индустриализированной стране, формы «старых» идей и предыдущего опыта все еще сохранились, выживая с замечательным упорством[27].

Очевидно, этот феномен обусловлен ментальной природой архетипов, их развития в «пластах глубокого залегания»[28] народного опыта, чувств, мыслей и верований, которым свойственно весьма медленное изменение ценностей. Недаром представители школы «Анналов» называли историю ментальностей «историей замедлений в истории»[29]. Ориентация ученых школы «Анналов» на исследование архетипических «пластов глубокого залегания», иррациональной, пралогичной природы человеческого сознания и подсознания делала в их трудах особенно продуктивным изучение крестьянско-земледельческих, связанных с природой корней и предпосылок ментальности, а также исследование собственно крестьянского менталитета.

Уже из рассмотренных ментальных ориентаций, входящих в общее русло мировой литературной традиции в так называемом «изображении деревни», можно выделить два полярных признака, странным образом уживающихся в рамках одного литературного феномена: это суровый реализм, тяготение к «правде факта», резкая критичность и даже обличительность и — идеализация, пасторальность и идилличность, извечная мечта русской интеллигенции о Gemeinschaft (выражение К.Кларк), уход в эстетизированную реальность прошлого, мечту об «иконической версии традиционной русской деревни»[30], поиск русского «утраченного рая», идеальной и, быть может, никогда не существовавшей России. Такая антиномичность весьма типична для русского менталитета — и, очевидно, надо быть очень осторожным в ***отделении*** одной из ее частей для критического разбора. Кроме того, здесь мы сталкиваемся с весьма типичной для всей мировой литературы антиномической моделью совмещения реального и идеального, идеализации и сурового реализма, критичности. Короче говоря, речь идет об извечной пробле-

ме соотношения реальной действительности и ее мыслимого образа, объективной реальности и субъективного мира воображения, духовности и мечты.

Уход в мир мечты и воображения, самоуглубленность, интравертивность, поиск истины в глубинах собственного «я» является отличительной чертой российского менталитета в целом – известна его потаенность и некая скрытость развития, обусловленная во многом насильственным историческим путем развития России. Недовыраженность – в силу объективных причин – духовного потенциала народа, в особенности крестьянства, вытеснение и разворот ментальных ориентаций вглубь, в коллективное бессознательное привела к особенной субъективности русского самосознания, свойственной, впрочем, и другим национальным менталитетам. Ментальные мечты этой субъективности – тоска, мечта не по реальному явлению прошлого, но по определенному духовно-эмоциональному ***состоянию,*** чувству или ощущению, которое было рождено определенным жизненным укладом или реалиями – быть может, самыми противоположными. Эта тоска по ***состоянию*** подмечена, к примеру, многими исследователями творчества В.Шукшина, рассматривающими такой сугубо русский феномен, как ***воля***: особая ментальная специфика выводит его за рамки рационального понятийного ряда и побуждает исследователей искать ***образный*** эквивалент для его характеристики, используя поэтический язык шукшинской «Калины красной» – «праздник души». Характеризуя выражение извечной мечты интеллигенции о Gemeinschaft в «деревенской прозе», К.Кларк отмечает опять ту же тягу к определенному ментальному ***состоянию***: «Ее приверженцы ***тоскуют не столько по деревне*** как таковой, столько по ***чувству*** полноты жизни и органического единства, которое ***ассоциируется с деревней*** и, с их точки зрения, было утрачено. Некоторые ищут этот ***идеал*** в некоем месте, ***русской деревне***, другие во времени, в домосковской Руси, когда города-государства представляли собой маленькие сообщества, еще не подвергнутые порокам московской централизации»[31].

Насколько мы могли заметить (ср. вышецитированную литературную модель/архетип, выявленный М.Уилкинсоном), схождения основного архетипа Деревня и тоски по утраченной целостности, состоянию-чувству полноты жизни и органического единства, локализуемому в национальном прошлом, свойственны мировой литературе и мировым менталитетам тоже. Достаточно провести самое простое сравнение русского и американского менталитетов (и литератур), чтобы убедиться в распространенности данной модели развития (включающей и общинный идеал, как ни странно). Объ-

ективности ради, возьмем такое массовое и не очень новое, универсального характера издание, как «Making America» (1990; возможный перевод – «Создание Америки»), репрезентирующее основные ментальные (и идеологические) ориентации, которые включают и поиск национальной самоидентичности, национального характера (см. введение «Поиск американского характера», главу «Строительство нации»), и поиск ***в прошлом*** национальных архетипов и моделей развития. Присущая американскому менталитету ***ностальгия*** обнаруживает свою универсальную природу: это и свойственная, очевидно, всем народам «ностальгия по тому, чего никогда не было»[32], романтизирующая национальные корни (у американцев – колонистов-первопроходцев, у русских – крестьян-первопроходцев, осваивавших до закрепощения огромные российские пространства) и создающая свою мифологему идеального сообщества как некоей идиллической пространственно-временной сферы, и русский миф «маленькой деревни» как архетип российского менталитета. Не говоря уже о возможности различной интерпретации популярного у американцев термина «community», который мы только что перевели как «сообщество», но возможно и в варианте «община» (ср. русский идеал соборности и феномен русской крестьянской общины), можно найти много общего в тенденциях российского и американского менталитетов в их извечной ностальгии по несбывшейся национальной мечте (ср. американское «желание реализовать концептуальный идеал»[33] и поиски русских мыслителей) и потому локализующих многие национальные идеалы в несбывшимся прошлом. «Придя из Старого Мира в Новый, он (американский первопроходец. – *А.Б.*) привнес с собой как старое религиозно-мифологическое сознание, так и новый эмпирико-научный склад ума»[34]. Говоря о национальном «апофеозе прошлого», пришедшего вместе с цивилизационными процессами, авторы сборника обозначают литературный архетип как воплощение ретроспективной тенденции «локализовать наиболее идеальные ценности в прошлом»[35] и типичной для американской литературы ностальгии – в произведениях М.Твена, Т.Драйзера, С.Фицджеральда, Г.Миллера и др.[36]

Таким образом, и идеализм, и мифотворчество, и поиск своих национальных корней, самоидентичности, особого строя характера, и стремление к национальному возрождению через локализацию идеалов в прошлом и возвращение к традиции, и ностальгия по «Золотому Веку» или «Великому Времени» имеют достаточно универсальную, общечеловеческую природу как типичные черты менталитета цивилизованных и несколько разочарованных в цивилизации, уставших от нее народов.

* * *

Подводя итоги, отметим следующее:

1. В построении общего образа России (в данном случае образа крестьянской России) архетипы и соотносимые с ними символы являются основными, первичными ментальными единицами, обеспечивающими воссоединение данного конкретного национального менталитета с общечеловеческими праосновами, а также его внутреннюю взаимосвязь с другими национальными менталитетами и национальными образами;

2. Лидирующая роль в структуре образа крестьянской России отводится такому ведущему национальному архетипу, как Деревня, имеющему глубинные корни не только в национальной, но мировой истории и литературе и явно выраженную ментальную природу, которая выходит к праосновам крестьянского коллективного бессознательного;

3. С другой стороны, именно ментальная природа является первоосновной для выверения и построения образа традиционной исконно аграрной России, издавна складывающегося в самосознании нации как глубинно обусловленного крестьянским укладом, мировоззрением и типом жизнедеятельности;

4. В этом плане особенно перспективным направлением – в нынешней, первоначальной стадии изучения менталитета России – является исследование земледельчески-крестьянских, глубинных ментальных пластов, в которых наиболее сильно господствует стихия коллективного бессознательного, сопряженная с исконно общинной природой русского крестьянства, «роевым началом» как воплощением национального бессознательного. К тому же, как свидетельствует опыт генезиса понятия «менталитет» (mentalite), на начальной стадии исследования особенно важно обращение к стихийно-иррациональным, пралогическим, довербальным структурам, взаимодействующим с естественными, природными пространственно-временными формами восприятия.

5. Особенно хочется отметить перспективность исследования основных ментальных категорий и понятий – в особенности архетипических моделей и символов – на материале русской художественной литературы, классической и современной, представляющей богатейший материал для изучения ***саморазвития*** общественной жизни, ***органически*** присущих установок сознания, образа мышления и чувствования – того самого обыденного уровня мировосприятия, который очень трудно поддается какому-либо упорядочиванию и рациональному анализу, но между тем составляет решающую силу историко-литературного процесса.

1 См. предисловие В.В.Кабанова: *Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-1980-е годы. М., 1996. С. 3.
2 *Астафьев В.* Затеси. Красноярск, 1982. С. 143.
3 Там же. С. 139.
4 *Абрамов Ф.* Белая лошадь // Знамя. 1995. № 3. С. 129-130.
5 The Lipe and Work of Fedor Abramov. Evanston, 1997. P. 15.
6 *Кнабе Г.С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 117.
7 *Gillespie D.* Russia and the West in A. Tarkovsky's Works // Mobern Languages Review. 1996. № 7. P. 21.
8 *Добролюбов Н.А.* Собр. соч. В 9-ти т. М.-Л., 1962. Т. Ч. С. 423.
9 *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991.
10 См., к примеру, сборник «Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире», составленный английским ученым Т.Шаниным (М., 1992), или книгу российского философа П.И.Симуша «Мир таинственный... Размышления о крестьянстве» (М., 1991).
11 *Parthe K.* Russian Village Prose. The Radiant Past. Princeton, 1992. P. 6-7.
12 *Мяло К.* Оборванная нить. Крестьянская культура и культурная революция // Новый мир. 1988. № 8. С. 245-257.
13 *Coe R.* When the Glass Was Taller. Autobiography and the Expirience of Childhood. New Haven, 1984.
14 *Parthe K.* Op. cit. P. 28.
15 Ibid. P. 21.
16 *Coe R.* Op. cit. P. 1.
17 *Wilkinson M.* Hemingway and Turgenev. The Nature of Literary Influence // Studies in Modern Literature. 59. Ann Arbor (Mich.), 1984.
18 *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 183.
19 *Wilkinson M.* Op. cit. P. 115.
20 Ibid. P. 112.
21 *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 212.
22 *Parthe K.* Op. cit. P. 9.
23 Ibid. P. 5.
24 Ibid. P. 6.
25 *Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 258-259.
26 Русские писатели – лауреаты Нобелевской премии. Александр Солженицын. М., 1991. С. 249.
27 *Williams R.* The Country and the City. L., 1985. P. 11.
28 *Гуревич А.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 217.
29 Там же. С. 194.
30 *Clark K.* The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago, 1985. P. 67.
31 Ibid. P. 121.
32 Making America. Wash., 1990. P. 130.
33 Ibid. P. 38.
34 Ibid. P. 121.
35 Ibid. P. 126.
36 Ibid. P. 133.

IV. ЯПОНИЯ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Молодяков В.Э.

ЯПОНИЯ В РУССКОМ СОЗНАНИИ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Памяти моего учителя и друга
Леонида Константиновича Долгополова

«То было сновидение, легкое и пленительное, сновидение, окутанное лунными туманами, одинокое и грустное, овеянное неуловимой и хрупкой тоской... то было сновидение мимолетное, все насквозь пронизанное светом, тихое и благоуханное, осыпанное цветами или снегом, то была мечта, такая же чистая, как серебристый шелк или как края освещенного солнцем облака... То были сновидение и мечта Европы, до которой ветер впервые донес далекий и тихий вздох с берегов Японского моря»[1]. Так писал о Японии в 1915 г. критик и историк искусства Николай Пунин в лучшем русском художественном журнале того времени «Аполлон».

«Смутное место на небе называли астрологи всех времен драконовым хвостом. Сам Дракон, совершая небесный свой круг, подплывал к нашей бедной планете, и драконово племя собирало силы свои. Мир с Японией был только что заключен, но пята желтолицых продвигалась вперед за отступающей армией; но в невидимых сферах война продолжалась; толпы убитых японцев, осаждаясь в мозглой слякоти сентября, в октябре отвердели и уплотнились с морозом: теперь бегали эти отвердевшие тени по проспектам и островам»[2]. Так писал о Японии всего лишь несколькими годами ранее Андрей Белый в одной из ранних редакций своего лучшего романа «Петербург».

Эти два абсолютно полярных, но в то же время типологически схожих образа принадлежат если не одному и тому же кругу, то по крайней мере, одной и той же среде – интеллектуальной и художественной элите предреволюционной России. В них нашли выражение расхожие, массовые представления того времени о Японии и японцах, но в то же время они – будучи продуктом художественного воображения и результатом обобщения – генерировали дальнейшее восприятие и образотворчество в рамках двух типов, двух ликов восприятия дальневосточного соседа России. Их происхождению и эволюции посвящена настоящая работа.

* * *

«Образ Японии» – это представление о стране, сложившееся за ее пределами, причем безотносительно к «настоящей» Японии. Иными словами, надо поставить два вопроса: какой иностранцы (в данном случае – русские) представляли себе Японию? Почему они представляли ее себе именно такой и никакой иначе? Ответ на первый вопрос будет описательным (прежде авторы этим и ограничивались), на второй – аналитическим. Так что предмет исследования – не история Японии и не история контактов Японии с миром (или мира с Японией), равно как и не история научного знания о Японии, но лишь конечный результат этих контактов, затронувший не только узкий круг дипломатов, путешественников или ученых, но и тех, кто никогда в Японии не был и не имел к ней никакого непосредственного отношения.

Ограничение настоящей работы русским материалом мотивируется как тематикой сборника, так и явно недостаточной изученностью темы, серьезное комплексное исследование которой было начато только в недавней монографии автора этих строк[3].

Некоторых пояснений требует и выбор круга рассматриваемых источников, по существу сводимый к творчеству трех крупнейших писателей и мыслителей эпохи. Это Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900), Валерий Яковлевич Брюсов (1873-1924) и Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев 1880-1934). Почему не Витте и не Столыпин, не Извольский и не Сазонов, наконец, не автор «Штабс-капитана Рыбникова» Александр Куприн? Русские политики, за редким исключением, Японией не интересовались и не придавали реального значения «далекой окраине». Исключением был только Витте, да и тот, после Портмутского мира, положившего конец активному влиянию России на Дальнем Востоке, утратил к ней инте-

рес. Извольский и Сазонов, подписывая соглашения по различным текущим вопросам с японским послом в Петербурге Мотоно, смотрели на это как на дипломатическую рутину далеко не первой степени важности. Наконец, для Куприна его великолепный «шпионский» рассказ был только одним из множества произведений на злобу дня, о которой можно было вскоре забыть. Интересно другое. Исследователям творчества Соловьева не приходило в голову сравнить пророчества «Краткой повести об антихристе» с курсом действий японского Генерального штаба. Авторы, писавшие о Брюсове как поэте, писателе, критике, переводчике и даже историке, совершенно проглядели в нем одного из крупнейших русских геополитиков[4]. Наконец, великолепный знаток русского символизма, особенно Андрея Белого, Л.К.Долгополов, образцово подготовивший и прокомментировавший издание «Петербурга» в серии «Литературные памятники», в свое время резюмировал мои наблюдения над «японскими темами» романа (который он сам изучал четверть века) кратким, но убедительным «Не может быть!», хотя вскоре и согласился с выводами моих работ на эту тему[5]. Дело в том, что ни один из троих не знал, что он только лишь «философ» или «поэт», а об остальном – например, о текущей политике – ему знать и думать «не положено».

* * *

Образ Японии в Европе и в России на рубеже XIX-XX вв. сводим к двум типам – «живописная Япония» (Япония как страна художников и даже как произведение искусства) и страна желтой опасности» или «панмонголизма» (Япония как враг цивилизации, христианства и культуры). Обе формулы сразу же стали расхожими: название «Живописная Япония» появилось в России в 1870 г. как перевод французского заглавия книги Эме Гюмбера; «желтая опасность» вошла в обиход с легкой руки кайзера Вильгельма II, а «панмонголизм» был придуман Владимиром Соловьевым. В первые годы нашего столетия, особенно после начала русско-японской войны, они уже стали достоянием газетных обзоров и передовиц.

Образ «живописной Японии» появился в Европе в конце 1860-х гг. и был связан с ее выходом на мировую арену после двух с половиной столетий добровольного затворничества. Жадно изучая и перенимая все новое – от железных дорог и пароходов, системы министерств и идей либерализма до фраков и курения табака – японцы должны были что-то противопоставить европейской цивилизации, чтобы не выглядеть отсталым и диким народом. Единст-

венным, зато поистине бесспорным, «козырем» в их руках было традиционное искусство, моментально покорившее Европу уже на всемирных выставках в Лондоне (1862) и Париже (1867).

Изобразительное и прикладное искусство Японии, особенно цветная гравюра на дереве, веера, кимоно, лакированные изделия и керамика не только стали популярными атрибутами европейского быта, но оказали существенное влияние на искусство и эстетику Европы, более всего во Франции и в Англии. Впечатляющие коллекции гравюр собрали Эмиль Золя, Эдмон де Гонкур, Винсент Ван Гог; о своем ученичестве у японских мастеров не без гордости говорили Эдуард Манэ и Эдгар Дега, Клод Монэ и Джеймс Мак Нейл Уистлер, Уильям Моррис и Обри Бердсли. А ведь это не просто крупнейшие художники своего времени – это наиболее радикальные новаторы, основатели новейших течений в искусстве второй половины прошлого века. В это же время Япония привлекает и писателей: не только представителей «колониального романа» вроде Пьера Лоти, Клода Фаррера и их бесчисленных и безвестных эпигонов, но и таких новаторов и мастеров, как Эдмон де Гонкур и Стефан Малларме, Хозе-Мария де Эредиа и Оскар Уайльд.

Такой ряд имен исключительно значим как раз в рамках нашей темы: именно эти художники, писатели, поэты, критики пользовались огромной популярностью в России расматриваемого периода, где некоторых из них оценили едва ли не раньше, чем на родине. Парадокс в том, что Россия – ближайший сосед Японии, имевший опыт непосредственных контактов с ней на протяжении десятилетий, – узнала и оценила японскую культуру не просто позже Англии, Франции и Германии, но благодаря им. Знание о японском искусстве, а затем и мода на него пришли в Россию из Европы именно как европейское увлечение, хотя и с явным опозданием. Игорь Грабарь и Мстислав Добужинский открыли и полюбили японскую гравюру в Германии[6], а Максимилиан Волошин и Константин Бальмонт – во Франции. Книги Эдмона де Гонкура об Утамаро и Хокусаи[7] читались в России потому, что они были популярны в Европе (странно, однако, что ни одна из них так и не была переведена), а не в силу особого интереса к Японии. Ведь именно как произведения популярных беллетристов, а не как «книги о Японии» читались в России «Фрегат Паллада» И.А.Гончарова и «В дальних водах и странах» Крестовского – в то время как великолепные «Очерки Японии» М.Венюкова (1869) и «В стране восходящего солнца» Г.Де-Воллана (1903) остались совершенно незамеченными.

Решающую роль в истории русского образа «живописной Японии» сыграла... русско-японская война, вызвавшая к жизни волну публикаций об истории, культуре и быте Японии, среди которых опусы о «желтых макаках» и «коварных самураях» не преобладали ни количественно, ни тем более качественно. Руководимый Брюсовым журнал «Весы» демонстративно посвятил осенью 1904 г. — в разгар боев под Ляояном и осады Порт-Артура — два номера японскому искусству, заявляя: «Мы хотим напомнить читателям о той Японии, которую все мы любим и ценим, о стране художников, а не солдат, Утамаро, а не Ойамы»[8]. Правда, на тех же страницах были перепечатаны и суждения популярного французского критика-эстета Реми де Гурмона о «низшей расе», «народе ремесленников» и «слишком ученых обезьянах, убежавших из зверинца»[9]. На войне как на войне.

Что же касается образа Японии как врага, то он, как ни странно, не только появился, но и выкристаллизовался в России раньше, задолго до войны, причем на сей раз вне зависимости от европейских мод и мнений. Массовым, правда, он стал только в военные годы. Здесь необходимо вернуться на полтора-два десятилетия назад, потому что эти два образа неявно, но несомненно сопровождали друг друга, чтобы позднее одновременно проявиться и «выйти на поверхность».

* * *

«Золотая парча японских ширм» как деталь эстетизированного петербургского быта появляется уже в 1884 г. в стихотворении Дмитрия Мережковского. Десять лет спустя стихотворение «В Японии» пишет молодой Брюсов, но сочтя его неудачным, оставляет «в столе». В 1890 г. «Вестник Европы» печатает статью «Япония. Историческая характеристика» — вполне добротную, основательную, на уровне научных знаний того времени. Она не заслуживала бы упоминания, если бы не принадлежала перу Владимира Соловьева[10].

В этой статье, как и в опубликованной в том же году работе «Китай и Европа», автор развивает идею борьбы двух начал — «прогресса», который он в целом отождествляет с Европой и христианством, и «порядка», воплотившегося для него в китайском государстве и учении буддизма (непреклонным критиком буддизма он остался до конца жизни). Японию он относит к силам «прогресса», замечая, что она «нуждается в христианстве», и противопоставляя ее косному и омертвевшему, но тем не менее агрессивному Китаю.

Пройдет всего четыре года, и японо-китайская война – агрессия Японии и разгром Китая – приведут Соловьева в священный ужас, мало понятный тогда даже его близким друзьям. Он понял, что искал врага не там, и что молодая и динамичная Япония в стремлении к экспансии опаснее, чем действительно «дряхлый» – и в моральном, и в военно-политическом отношении – Китай.

Соловьев увидел в японо-китайской войне не столкновение двух непримиримых противников, но борьбу за гегемонию в одном и том же лагере, среди потенциальных союзников. Именно тогда он создал знаменитое стихотворение «Панмонголизм» о завоевании Китая и всего мира «вождями восточных островов», а пятью годами позже развил свои апокалиптические видения в «Краткой повести об антихристе», вошедшей в состав его последней крупной работы «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899-1900).

Все писавшие об этой удивительной книге уделяли главное внимание истории возвышения и падения антихриста, но для нас более интересен сюжет о новом «монгольском нашествии» в первой половине XX века, основой которого стало «возникшее еще в конце XIX в. в Японии умственное движение панмонголизма»[11]. В «Трех разговорах» Соловьев со всей ответственностью заявляет: теперь «всемирная история... переносит центр своей тяжести» на Дальний Восток. Это суждение «визионера» полностью совпадает с несколько более поздним выводом трезвейшего аналитика, одного из создателей геополитики как научной дисциплины Карла Хаусхофера. Повествование Соловьева о японских завоеваниях верно и в деталях предсказывает не только географию, но идеологию и методы экспансии Японии в Корее, Китае, а затем и на Тихом океане. Учение «панмонголизма» точно соответствует паназиатским концепциям выдающегося философа Окава Сюмэй и политико-экономическому проекту «Сферы сопроцветания Великой Восточной Азии», разработанному в конце 1930-х гг. под руководством крупнейшего японского политика того времени принца Коноэ Фумимаро[12]. Соловьев точно предсказал свержение маньчжурской династии в Китае (Синьхайская революция 1911 г.), создание прояпонского режима (правительство Ван Цзинвея 1939-1940 гг.), игру на противоречиях политических сил, особенно в Китае, и, наконец, роль первых побед Японии над «белыми» в России для дальнейшего «пробуждения Азии».

Ограниченный объем статьи не позволяет мне подробно разбирать «Краткую повесть». Отмечу лишь, что публика приняла эти пророчества со смехом и глумлением – как причуды визионера или

вовсе бред душевнобольного[13]. Но всего четыре года спустя, после начала войны с Японией, популярный справочник издательства Брокгауз-Ефрон писал: «Ныне эта идея панмонголизма начинает переходить из области мечтаний на почву практической политики. Опасность, которую предвидел Вл.Соловьев, становится все более близкой и грозной. Япония смело выступает вперед и решительно берет на себя миссию возрождения и объединения народов Азии для будущей «мировой борьбы»[14].

Идеи Соловьева нашли свое продолжение у двух учеников — столь различных и по своим взглядам, и по типу личности — Валерия Брюсова и Андрея Белого. Брюсову было чуждо религиозно окрашенное соловьевское визионерство (хотя он в числе первых оценил по достоинству «Краткую повесть об антихристе» и откликнулся на нее стихотворением «Брань народов») — он учился у Соловьева как аналитика и политического мыслителя. Андрей Белый (тоже весьма пристально следивший за политическими событиями) был, напротив, именно визионером и мистиком, развив другую сторону дарования своего учителя.

Тонкий вкус и любовь к прекрасному сочетались у Брюсова с холодным и острым аналитическим умом. Но политик в нем был сильнее эстета, о чем свидетельствует одно из его писем времен начала войны с Японией: «Россия должна владычествовать на Дальнем Востоке. Великий Океан — наше озеро, и ради этого “долга” ничто все Японии, будь их десяток! Будущее принадлежит нам, и что перед этим не то что всемирным, а космическим будущим — все Хокусаи и Оутомара вместе взятые... Я люблю японское искусство. Я с детства [!] мечтаю увидеть эти причудливейшие... храмы, музеи с вещами Кионаги, Оутомара, Йейши, Тойкуны, Хирошимы. Но пусть русские ядра дробят эти храмы, эти музеи и самих художников, если они там еще существуют. Пусть вся Япония обратится в мертвую Элладу, в руины лучшего и великого прошлого — а я за варваров, я за гуннов, я за русских!»[15].

Признание красноречивое, но требующее пояснений. Перед нами не просто проявление воинствующего патриотизма, захватившего Брюсова в начале войны, но прежде всего стремление к разрушению «позорно-мелочного, неправого, некрасивого» уклада современной жизни, к стихии очистительного огня, за которым должно последовать возрождение (отмечу, что это одна из главных тем поэзии Брюсова 1899-1905 гг.) Именно с этими строками из частного письма соседствовали «японские» номера «Весов», выглядевшие явным вызовом. Сам он так объяснял мотивы рискованного

решения: «["Весы"] должны во дни, когда разожглись политические страсти, с мужеством беспристрастия исповедать свое преклонение перед японским рисунком. Дело "Весов" руководить вкусом публики, а не потворствовать ее инстинктам»[16]. Думаю, это заявление в комментариях не нуждается. Интересно и то, что ряд японских рисунков и гравюр был воспроизведен в журнале с пометой, что они являются собственностью редакции «Весов».

Отношение Брюсова к Японии в годы войны (особенно после эйфории первых месяцев) можно определить как уважение к противнику. В августе 1904 г. он написал примечательное стихотворение, которое по ряду причин увидело свет только девяносто лет спустя[17]. С безусловной верой в победу («Не может отступать Россия – торжествовать она должна») он, тем не менее, заявляет: «нет греха на слитых в бое: мы правы и противник прав». Он признает историческую миссию обеих сторон (а не только России), видя в Японии авангард Азии – силы враждебной «прогрессу» (в соловьевском понимании): «ветхих стран передовой». Это перекликается с неизданной статьей начала 1905 г. «Метерлинк-утешитель (о "желтой опасности")»: «Поскольку Россия хочет быть представительницей Европы, поскольку Япония – передовой боец Азии, их борьба может окончиться только порабощением одного из противников»[18]. Но события развивались слишком быстро и не в пользу России, поэтому сам автор счел публикацию подобных деклараций неуместной, как не перепечатал ряд своих военных стихов из ранних книг в трехтомнике «Пути и перепутья» (1909), когда память о поражении была еще слишком свежа.

Стихотворения Брюсова отражают его глубокое разочарование царским правительством и военным руководством, их неспособностью вести и победоносно завершить войну во исполнение исторической миссии России. Его симпатии к первой русской революции хорошо известны, но главную их причину: неприятие власти, ***проигравшей войну***, – в советское время предпочитали не называть, хотя в середине 1920-х гг. критик Г.Лелевич прямо говорил о «пути Брюсова к революции через военные иллюзии»[19], точнее, через их крушение.

Опыт и итоги минувшей войны остались неотъемлемой частью размышлений Брюсова о современной истории и судьбах России и европейско-христианской цивилизации, с которой он ее отождествляет (см. стихотворения «Служителю муз», «Наш демон», «К моей стране» и др.) Историософские и геополитические воззрения Брюсова нашли наиболее полное отражение в статье «Новая эпоха во всемирной истории» (1913)[20], первым вариантом которой была упо-

минавшаяся статья «Метерлинк-утешитель» (Брюсов возвращался к ней на протяжении нескольких лет).

Исходя из необходимости политического единства христианского мира на основе культурно-исторической (в меньшей степени – чисто религиозной) общности перед лицом общего врага, Брюсов говорит о неизбежности будущего столкновения с «пробудившимся Востоком» (так называется его стихотворение 1911 г., написанное «в пару» к статье). Первой – и на этот момент главной – враждебной силой он считает мир ислама, обновившийся и ставший более динамичным после младотурецкой и младоперсидской революций, второй – Дальний Восток во главе с Японией. Предвидел Брюсов и массовое восстание Африки против европейцев, идеологией которого стал «негритюд». «Панмонголизм и панисламизм – вот две вполне реальные силы, с которыми Европе скоро придется считаться. Третья такая сила должна зародиться в черной Африке».

Брюсов особо отмечает роль победы Японии над Россией в деле «пробуждения Азии» (термин В.И.Ленина, точка зрения которого на события во многом совпадает с брюсовской): «Гул японских побед пронесся далеко по Азии, всколыхнул не только Китай, но даже, казалось бы, чуждую Индию, нашел свой отголосок и в странах ислама, почувствовавших, что борьба идет с общим врагом».

А что же «живописная Япония»? Неужели «образ врага» полностью заслонил ее? Нет, они причудливо переплелись на одном и том же узком пространстве, в одно и то же время. Веера и кимоно настолько вошли в быт даже «среднего слоя» (правда, в основном столичного), что уже стали восприниматься не как экзотика, но как примета времени – смутного времени проигранной войны на Дальнем Востоке и первой революции. Художник К.С.Петров-Водкин не без иронии вспоминал: «В столицах появились модные японские духи, кимоно и некоторые чувственные замашки»[21]. Увлечение Японией перестало быть достоянием узкого круга эстетов – оно стало необходимым для всех, желавших и старавшихся быть comme il faut.

Пошлый, мещанский вариант «русского японизма» едко высмеял в романе «Петербург» Андрей Белый. Здесь это и примета времени (действие происходит осенью 1905 г.), и способ характеристики персонажа, отрицательного, но не инфернального: «Софья Петровна Лихутина на стенах поразвесила японские пейзажики, изображавшие вид горы Фузи-Ямы, – все до единого; в развешанных пейзажиках вовсе не было перспективы; но и в комнат-

ках, туго набитых креслами, софами, пуфами, веерами и живыми японскими хризантемами, тоже не было перспективы... Когда Софья Петровна Лихутина в своем розовом кимоно по утрам пролетала из-за двери к алькову, то она была настоящей японочкой. Перспективы же не было»[22].

Блестящая сатирическая зарисовка не исчерпывает, однако, всего значения приведенного фрагмента. Во-первых, эпитет «японский» у Белого неизменно окрашен отрицательно и является синонимом ненатурального и фальшивого. В рецензии на книгу рассказов писательницы Нины Петровской (она известна историей трагической любви, связавшей ее с Белым, потом с Брюсовым), герои которых сами называют себя «куклами» и насыщают свою жизнь японскими атрибутами, Белый не без сарказма пишет: «Это японский рисунок, а не святая любовь» (книга называлась «Sanctus Amor») и далее: «Японский пейзаж ее творчества сбивается часто на картинку из журнала дамских мод»[23]. Неудивительно, что Николай Аблеухов, главный герой «Петербурга», в сердцах называет Лихутину «японской куклой», вкладывая в это максимум раздражения и даже презрения. Соловьевская «греза милая счастливого японца» для Белого превратилась в абсолютно отрицательный символ.

Во-вторых, квартира Лихутиных в романе непосредственно связана с его важнейшими темами – темой революции и темой провокации, неотделимыми друг от друга. Но провокация в свою очередь показана как бесовщина, явление инфернальное, причем сугубо восточного (в том числе японского) происхождения. Как отметил лучший знаток «Петербурга» Л.К.Долгополов, «общее назначение в романе квартиры и семейства Лихутиных – в карикатурном, сниженном виде воспроизводить то, что происходит со всей страной»[24]. В таком свете японские «пейзажики» без перспективы (здесь несомненная игра слов, столь любимая Белым) выглядят не просто принципиально важной, но далеко не безобидной деталью.

Образ Японии в «Петербурге» можно в целом истолковать как образ врага, но это в равной степени продукт образа «живописной Японии». Толки о «японских деньгах» в русской революции, о японцах, «спаивающих народ» и т.д. звучат в «Петербурге» как фон, опять же как примета времени, не более. Кажется, что самый опасный враг – не коварные шпионы и не жестокие самураи (персонажи не только «желтой», но и вполне респектабельной прессы), а пресловутые «пейзажики», за которыми таится нечто непонятное, необъяснимое и тем более грозное. В отличие от Брюсова, Гумилева, Волошина и, особенно, влюбленного в «живописную Японию»

Константина Бальмонта (в 1916 г. он – единственный из своих собратьев по символизму – совершил путешествие в страну своей мечты и долгие годы воспевал ее в стихах и прозе), Белый остался чужд очарованию японской культуры и искусства, хотя, несомненно, неплохо знал их. В чем же причина этого?

Визионерство Белого с самого начала, с юности имело однозначно апокалиптический характер, несомненно усиленный личной духовной близостью с Соловьевым периода «Трех разговоров». По свидетельству С.М.Соловьева, племянника философа и одного из ближайших друзей молодого Бориса Бугаева, философ «с радостным удивлением следил за этим молодым человеком, разделявшим его идеи, которые для всех в то время казались безумием»[25]. Не случайно в программной статье Белого «Апокалипсис в русской литературе» (1905) мистическое восприятие и переживание русско-японской войны соседствует с воспоминаниями о Соловьеве: не видевший войны Белый как бы смотрит на ляоянские бои глазами своего учителя.

«Грозно вырос призрак монгольского нашествия. Над европейским человечеством пронесся вихрь... Ужасы современной войны с Японией – войны, в которой видим явившийся нам символ встающего хаоса... Япония – маска, за которой невидимые»[26]. Подобного мистического ужаса военная литература того времени практически не знала. Можно вспомнить разве что «Красный смех» Леонида Андреева, но у него это ужас от войны вообще, от массового убийства людей. У Белого носители ужаса конкретно не определены, но это не проявление японофобии, а метафизический страх перед «новыми монголами», которые теперь приняли облик солдат Ноги и Ояма. Стихией абсолютного зла выступает Восток и в «Петербурге» в двух своих ипостасях: «японско-монгольской» и «туранской» (я остановлюсь на первой). Нетрудно заметить, что обе они – как и роман в целом – откровенно мифологичны. Но здесь необходимы уточнения по существу.

Во-первых, именно Белый и его лучший роман наглядно демонстрируют мифологичность образа Японии в русской культуре и русском сознании рубежа веков – как сказочной страны самураев и гейш, так и «желтой опасности». И в этой своей мифологичности образы типологически идентичны, как по сути одинаково и их происхождение.

Во-вторых, миф не есть продукт чистого вымысла и художественного воображения. Стоит обратится к классической «Диалектике мира» А.Ф.Лосева (называвшего себя последователем Соловь-

ева и принадлежавшего к младшему поколению эпохи Брюсова и Белого), в которой постулируется: «Миф не есть выдумка или фикция»; «существует особая мифологическая истинность»; наконец, «с точки зрения самого мифического сознания ни в коем случае нельзя сказать, что миф есть фикция и игра фантазии»[27]. Так что образ Японии не «придуман» Белым, но «провиден» им: на основании его знаний о реальной Японии (не столь уж скудных – Белый был энциклопедистом) и общего понимания того, что он называл «мировой мистерией».

«Петербург» – это конгломерат мифов, большинство которых тем не менее однозначно соотносится с реалиями текущей политической, идеологической и социальной жизни России 1904-1905 гг. и с реалиями города Петербурга, причем оба этих ряда «пересекаются» («Медный Петр» – «политический» символ тлетворного европейского влияния и «видимый», узнаваемый символ созданного им мистического, «искусственного» города). Мифы образуют единую цепь: переживаемые Россией потрясения имеют источником проигранную войну, а конечным результатом – революционную катастрофу; война проиграна не только в военном, но в мистическом отношении; в основе революции лежит провокация, заговор дьявольских сил, а не просто людей; эта провокация имеет «восточное» происхождение и антихристианский характер (именно это объединяет «монголов» и «туранцев»); наконец, населившие невскую столицу «злые тени» (один из вариантов заглавия романа) – призраки убитых японцев, живущие теперь особой, абсолютно потусторонней и абсолютно сатанинской жизнью.

Последнее указание – именно оно процитировано в начале этой статьи – Белый из окончательного текста романа убрал, вероятно, не желая связывать себя злободневностью («Петербург» был опубликован в 1913 г., т.е. через восемь лет после описываемых событий) и однозначностью трактовки ключевого образа. Впрочем, появились эти строки в печати при жизни и, разумеется, с согласия автора – в статье его друга, критика и историка литературы Р.В.Иванова-Разумника о разных редакциях «Петербурга», в которой использованы черновые рукописи и варианты романа. Белый не дезавуировал такую трактовку, а скорее дал понять, что считает ее одним из возможных вариантов. Но этот вариант – исходный авторский.

Белый продолжает и развивает мифы Соловьева. Это «Солнце», приравниваемое даже к Христу (по верному замечанию Л.К.Долгополова, это «главный идеальный символ» романа[28]), – соловьевское «Солнце Любви». Это «буддизм» – как враг христианской религии и

цивилизаци... Это «Старинный дракон», который «в испорченной крови арийской должен был разгореться... и все пожрать пламенем» – из стихотворения Соловьева «Дракон», написанного по поводу восстания ихэтуаней в Китае, незадолго до его смерти. Это «богдыхан» из «Краткой повести об антихристе», который возникает в первом романе Белого «Серебряный голубь» (по первоначальному, полностью не осуществленному замыслу, он и «Петербург» были первыми частями трилогии «Восток или Запад»): «Россия – монгольская страна; у нас всех – монгольская кровь, не ей удержать нашествие: нам всем предстоит пасть ниц перед богдыханом»[29].

В «Петербурге» все восточные мифы и «лики» замыкаются на Японии. И даже оборотень-«младоперс» (примечательная деталь!) Шишнарфнэ говорит террористу-мистику Дудкину: «Наши пространства не ваши; все течет там в обратном порядке... И просто Иванов – там японец какой-то, ибо фамилия эта, прочитанная в обратном порядке, японская: Вонави». В японском языке такая фамилия невозможна, и ничего японского в ней нет. Важно другое – принцип анаграммы, устойчиво связанной у Белого с силами Зла. Надо, конечно, вспомнить и сцену встречи Дудкина с автомобилем, в котором он увидел «желтые монгольские рожи», которые оказались «именитыми японскими гостями». Нетрудно понять, что осенью 1905 г. никаких «именитых японских гостей» в реальном Петербурге не было и быть не могло. Это и есть «особая мифологическая истинность», о которой писал Лосев.

То же можно отнести и к теме провокации, которая, как известно, сыграла значительную, но противоречивую роль в первой русской революции – от Азефа (один из прототипов Липпанченко в романе) до «японских денег». Стихией провокации захвачены все: сановник Аполлон Аблеухов, его сын и неокантианец Николай, террорист Дудкин, семейство Лихутиных. «Восток проник в самое сердце России, объединился и с политической реакцией, и с террористами. Создалась, по мнению Белого, единая сеть провокации, грозящая России полным внутренним перерождением. В атмосферу восточных видений, призраков, деталей быта прочно втянуты все персонажи романа... Между всеми этими людьми существует какая-то странная связь»[30]. К этому совершенно верному выводу Л.К.Долгополова остается только добавить, что главным – хотя бы внешне – проявлением этого Востока выступает в романе мифологическая, но в то же время безошибочно узнаваемая Япония.

В заключение остается сказать еще об одном нюансе. Перерабатывая и сокращая «Петербург» в начале 1920-х гг. (так называе-

мая «берлинская» редакция), Белый убирает из него почти все упоминания о Японии. Дело даже не в том, что они утратили злободневность: Белый перестраивал, переориентировывал роман – с осуждения революции (к которой вольно или невольно приравнивался «монголизм») на ее приятие, пусть в другой форме и в другом качестве. «Кошмарному каменному сну монголизма» (выражение Р.В.Иванова-Разумника) пришлось потесниться, но абсолютное большинство читателей и друзей автора тем не менее отдали предпочтение «старому» «Петербургу».

* * *

Бытование образа Японии в русском сознании и русской культуре конца XIX – начала XX в. в целом сводимо к двум крайностям: прекрасной, сказочной стране художников и красавиц-гейш – и коварной, агрессивной островной империи, угрожающей христианству и европейской цивилизации. Такой же двойственный образ сложился и в Европе в течение второй половины XIX в., но там «страна вееров» и хронологически, и содержательно предшествовала призраку «желтой опасности». В России же оба образа возникли и проявились практически одновременно, а катализатором этого процесса стала русско-японская война.

Образ Японии в России рассматриваемого периода (как и в Европе) был исходно мифологичен, но это было вызвано не только и не столько недостаточностью знаний о реальной Японии, сколько особенностями мышления и творчества основных его создателей. Это относится к обеим ипостасям образа и не противопоставляет, но по существу объединяет их, как две стороны медали.

Если образ Японии как страны художников, гравюр укиё-э и гейш возник в России исключительно под влиянием Европы и европейской моды, то русский образ Японии как врага надо признать совершенно оригинальным. Был он и в Европе, но там он остался достоянием «желтой прессы» и бульварной беллетристики в самом пошлом своем выражении, в то время как в России он вырос в глобальный миф. Как страшный призрак нашествия новых монголов рисовалась Япония наиболее выдающимся писателям и мыслителям того времени, новаторам и законодателям вкусов. Русская интеллектуальная элита Серебряного века создала уникальный, неповторимый миф о Японии, имевший для нее гораздо большее зна-

чение, чем было принято считать потом. Не исследовав его, мы не сможем в полной мере оценить ее богатое и многогранное наследие.

---

1 *Пунин Н.Н.* Японская гравюра // Аполлон. 1915. № 6-7. С. 1.

2 Фрагмент ранней редакции романа «Петербург». Цит. по: *Иванов-Разумник Р.В.* Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С. 145-146.

3 *Молодяков В.Э.* Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М.-Токио, 1996.

4 Подробнее см.: *Молодяков В.Э.* Геополитика Валерия Брюсова // Библиография. 1993. № 3; *Он же.* Историософия и политика: Валерий Брюсов о Востоке // Общественные науки и современность. 1994. № 4.

5 *Молодяков В.Э.* Япония и русский символизм (отражение и влияние) // Вестник МГУ. Востоковедение. 1990. № 2; *Он же.* Концепция «двух Востоков» и русская литература Серебряного века // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 49. 1990. № 6; *Он же.* «Восток Ксеркса» (Япония в философии истории Владимира Соловьева и Андрея Белого) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 1.

6 См.: *Добужинский М.В.* Воспоминания. М., 1987; *Щербатов С.А.* Художник в ушедшей России. Нью-Йорк, 1955; *Грабарь И.Э.* Японская цветная гравюра на дереве. М., 1903 (первая профессиональная работа на эту тему).

7 *Outamaro.* Le peinture des maisons vertes. Paris,1891; *Hokoussai.* La peinture japonaise du XVIII-eme siecle. Paris, 1896. См.: *Молодяков В.Э.* Далекий и тихий вздох с берегов Японского моря (Гонкуры об укиё-э) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3.

8 Весы. 1904. № 10. С. 39.

9 Там же. № 4. С.82-83.

10 См.: *Соловьев В.С.* Собр. соч. Т. VI. М., 1996.

11 Здесь и далее «Краткая повесть об антихристе» цитируется по: *Соловьев В.С.* Соч. Т. 2. М., 1988.

12 См. подробнее: *Молодяков В.Э.* Геостратегия «меланхолического принца» (проекты и свершения Фумимаро Коноэ) // Япония. Ежегодник. 1994-1995. М., 1996.

13 См.: *Соловьев С.М.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. 395.

14 Япония и ее обитатели. СПб., 1904. С. 361.

15 Письмо П.П.Перцову от 19 марта 1904 г. Цит. по: *Перцов П.П.* Брюсов в начале века // Знамя. 1940. № 3. С. 42.

16 Цит. по: Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 276.

17 См.: Наш современник. 1993. № 3.

18 Библиография. 1993. № 3.

19 *Лелевич Г.* В.Я.Брюсов. М.-Л., 1926. С. 117.

20 Здесь и далее цитируется по первой и единственной публикации: Русская мысль. 1913. № 6.

21 *Петров-Водкин К.С.* Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. Л., 1970. С.439.

22 В настоящей работе использована первая, так называемая «сиринская» редакция романа. Цит. по: *Белый А.* Петербург. М., 1981.

23 *Белый А.* Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 2. М., 1994. С. 317.

24 *Долгополов Л.К.* Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С. 273-274.
25 *Соловьев С.М.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева... С. 396.
26 *Белый А.* Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 1. С. 377.
27 *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. М., 1990. С. 396, 415-416.
28 *Долгополов Л.К.* Указ. соч. С. 308, 310.
29 *Белый А.* Избранная проза. М., 1988. С. 205.
30 *Долгополов А.К.* Указ. соч. С. 273.

Жукова Л.В.

ВОСПРИЯТИЕ ЯПОНИИ В РОССИИ НАКАНУНЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Избранный предмет исследования – стереотипные представления о Японии, сложившиеся в русском обществе к началу XX в. Эта тема обычно не выделяется для самостоятельного изучения и возникает только в контексте исследований по истории русско-японских отношений[1]. Между тем, именно подобные представления во многом предопределили нашу дипломатическую линию в отношении Дальнего Востока накануне русско-японской войны.

Формирование стереотипов происходит медленно, соединяя исторически сложившиеся заблуждения, вторичную информацию и непосредственные впечатления «очевидцев». При этом сами впечатления очевидцев в значительной степени избирательны и детерминируются доопытным представлением о предмете. Общество в целом, не имея возможности непосредственного контакта с предметом, синтезирует свое представление о нем, основываясь на соединении вторичной информации и впечатлений «очевидцев».

Исходное представление о Японии складывалось в русском обществе в основном на базе вторичной информации, полученной из третьих рук (от китайцев или из европейских сочинений).

Первые сведения о Японии проникли на Запад еще в конце XIII в., благодаря Марко Поло. Сам Марко Поло в Японии не был, но долго жил в Китае и именно ***со слов китайцев*** описал Японию в 1297 г. По его рассказам выходило, что Япония «очень большой остров, лежащий в открытом море... Золота чрезвычайно много... и не вывозят его отсюда».

В Россию ранние сведения о Японии проникли в самом начале XVII в. непосредственно из уст японца, известного под своим христианским именем Николай, который прибыл в Россию в составе персидского посольства и проживал в Нижнем Новгороде до 1611 г.[2] Однако гораздо большую известность получил труд Николая Гавриловича Спафария, который 25 февраля 1675 г. отправился с дипломатической миссией в Пекин. По возвращении в Москву, 5 января 1678 г., Спафарий, кроме своего отчета, представил еще «Описание славного и великого острова Японского и что при нем обретается». Известно, что Спафарий, стремясь составить представление о японцах, пользовался не только европейской, но и ки-

тайской литературой, выспрашивал китайцев. Как же представлял Николай Спафарий японцев? «Обычаи их и письмо тожде с китайским, однакожде они люди ***свирепи суть***»[3].

Следующим информатором стал потерпевший кораблекрушение японский купец Дэмбэй. Во время одной из экспедиций якутский казачий атаман Владимир Атласов узнал, что в селении на реке Иче живет человек, попавший в плен к камчадалам, которого называют «русаком». Атласов разыскал этого «русака». Им оказался японский купец Дэмбэй из Осаки. 1 ноября 1701 г. Сибирский приказ предписал якутским властям отправить Дэмбэя «со всяким поспешением и обережью» в Москву. 8 января 1702 г. в селе Преображенском Дэмбэя принял лично Петр I. Рассказ Дэмбэя о Японии разочаровал Петра, развеяв миф о «горе золота», закрепившийся в воображении европейцев благодаря описаниям Марко Поло. В то же время Дэмбэю, несмотря на его обходительность и приветливость, не удалось поколебать представления о японцах, как о людях свирепых.

Первая «встреча» России и Японии произошла лишь в конце XVIII в. В 1735 г. в Японию снаряжается экспедиция Шпанберга. Поскольку достоверных сведений о Японии у русского правительства было немного, Шпанберга снабдили инструкцией, в которой, в частности был такой пункт: «Если на Камчатке имеются японцы, потерпевшие кораблекрушение, вернуть их в Японию... дабы своею дружбою перемогать их ***застарелую азиатскую нелюдимость***»[4].

22 мая 1793 г. четыре судна вышли с Камчатки, и 16 июня «Архангел Михаил», «Надежда» и «Большерецк» увидели северо-восточное побережье острова Хонсю. Вскоре произошла встреча с обитателями острова.

«Японцы среднего и маленького роста. Одежда напоминает ***татарскую***. Ходят они босиком, панталонов и кальсонов не носят. Бреют волосы от макушки до лба. На затылке волосы собирают в пучок. Есть японцы, которые носят плоские большие шляпы, сделанные из травы и подвязывающиеся шнурком под подбородком, но есть и такие, которые не носят шляп, а подвязывают голову куском материи. Среди японцев имеются белокожие, но большинство смуглых. Глаза маленькие, волосы черные, усы носят с изгибом вниз»[5] – докладывал о японцах Шпанберг.

Это первое непосредственное впечатление от Японии во многом предопределило ее дальнейшее восприятие русским обществом. Оказавшись значительно более эмоциональным, чем любой «информатор», пользующийся вторичными сведениями, Шпанберг де-

лает первый шаг в направлении выработки представления о японцах. Пытаясь объяснить свое впечатление от них, он использует уже имеющийся стереотип, причем тот, который базируется на чувствах нелюбви и пренебрежения (татары). Впечатления Шпанберга ложатся в основу исходного представления о Японии. Ни путешествие Головина, ни исследования отечественных ориенталистов, по сути дела, не смогли его переломить[6].

«...Синяя верхняя кофта, с широкими рукавами и халат, туго обтянутый вокруг поясницы и ног. Халат держится широким поясом. А еще? Еще ничего; ни панталон, ничего. Обувь состояла из синих коротких чулок, застегнутых вверху пуговкой. Между большим и следующим пальцем шла тесемка, которая прикрепляла к ноге соломенную подошву. Это одинаково, и у богатых, и у бедных. Голова вся бритая, как и лицо, только с затылка волосы подняты кверху и зачесаны в узенькую, коротенькую, как будто отрубленную косичку, крепко лежавшую на самой маковке»[7]. Это – описание японцев, сделанное И.А.Гончаровым в 1853 г., во время экспедиции Ефима Васильевича Путятина (1852-1855)[8].

Между тем, И.А.Гончаров знал о японцах гораздо больше Шпанберга. В своих воспоминаниях он не только упоминает авторов книг о Японии, но и полемизирует с ними, говорит об обычаях и традициях японцев, которых сам не видел, но знает о них из книг (например, харакири)[9]. Членов экспедиции тщательно инструктировали. Были даже «подготовлены статистические данные по Японии (в двух томах) на японском языке и дан их перевод на русский язык и пояснения к иероглифам»[10].

Для уяснения поставленного вопроса – насколько русское общество было знакомо с Японией и вообще с Дальним Востоком, – роман «Фрегат “Паллада”» имеет большое значение. Это взгляд не специалиста, ученого, исследователя, а именно обывателя. Но это «обывательское» сочинение содержит комплекс идей, высказанных ненарочито и мимоходом, которым предстоит укрепиться в умах и предопределить наше отношение к Японии и японцам на самых разных уровнях.

Прежде всего, Гончаров выдвигает свою версию происхождения японцев: «японцы и китайцы близкая родня между собою... Вероятно, и те и другие вышли из одной колыбели, Средней Азии, и, конечно, составляли одно племя...»[11]. При этом Япония многое унаследовала из Китая, в том числе и «младенчески-старческую цивилизацию с тою же системою отчуждения...». Однако на данном этапе по сравнению с китайцами «японцы народ более тонкий, и,

пожалуй, более развитой: и немудрено – их вдесятеро меньше, нежели китайцев»[12].

Пассажи об общности происхождения дальневосточных народов у Гончарова являются как бы возражением Кемпферу, который «выводит же японцев прямо откуда бы вы думали? от вавилонского столпотворения!»[13].

В отечественной ориенталистике эта идея довольно быстро стала само собой разумеющейся, истиной, не нуждающейся в дополнительных доказательствах. Формируется очень интересный подход к Дальнему Востоку. Во-первых, настойчиво выражается идея об общности Японии, Китая, Кореи (а затем Манчжурии, Бурятии и т.д.). Значит, подход к этим странам, отношения с ними должны строиться на одних и тех же принципах. И, несмотря на то, что мы очень быстро на практике осознаем разницу между Японией и Китаем, выйти за рамки идеи об особых «правилах» отношений с «Востоком» не сможем[14].

Во-вторых, сначала в виде как бы случайных оговорок, затем все настойчивее высказывается мысль об общности дальневосточных народов и «Азии», уже вошедшей в состав Российской империи. Эта идея породит множество разнообразных концепций – начиная от «культурной миссии» России на Востоке и кончая утверждением, что значительное количество народов Дальнего Востока готово «поклониться Белому Царю».

Другая мысль, которую мог бы извлечь заинтересованный читатель из сочинения И.А.Гончарова – это представление о японцах как о людях недалеких и несколько трусоватых.

«...Взглянешь и разочаруешься! Некоторые физиономии до крайности глуповаты... улыбаются и приседают: что-то чрезвычайно странное – не то мужчины, не то женщины; хотя носят по две шпаги, но трусливы и раболепны, учтивы и мягки, пальца, однако ж, класть в рот нельзя: лукавы и злопамятны... Во всем застарелое младенчество, наивная глупость в важных жизненных и государственных вопросах и мудрость в пустяках; лицемерие, скрытность, ребячество, юбки, косички и поклоны... И те и другие подозрительны, недоверчивы»[15].

Заметим, что, открывая Японию для себя практически впервые, русский обыватель имеет уже довольно определенное исходное представление о японцах. Оно включает «исторически сложившееся» представление об их «свирепости» и «азиатской нелюдимости», с одной стороны, и возникшее по принципу замещения подобным (татары, китайцы, Средняя Азия и т.д.) представление об «азиат-

ской» трусости и глуповатости, с другой стороны. Гончаров, конечно, далек от прямых высказываний о расовой неполноценности японцев и китайцев (между тем, именно в этом направлении развивают свои построения иностранные ориенталисты 30-40-х гг. XIX в.). Однако, его «портрет» японцев как нельзя более способствует предвзято негативному отношению к народам Дальнего Востока. Буквально через несколько лет – такое же отношение к ним появится в публичном выступлении синолога В.П.Васильева.

Постепенно негативное и презрительное отношение к японцам и, несколько в меньшей степени, к китайцам и корейцам станет своего рода «нормой».

Еще один значимый момент в наблюдениях Гончарова – это заметки о «военной мощи» Японии: «пушки: в одном месте три, с развалившимися станками, в другом одна вовсе без станка – как страшно! Наши артиллеристы подозревают, что на этих батареях есть и деревянные пушки... Солдаты! Нельзя ничего выдумать противоположнее тому, что у нас называется солдатом. Они, от старости, едва стояли на ногах и плохо видели. Седая косичка, в три волоса, не могла лежать на голове и торчала кверху; сквозь редкую косу проглядывала лысина цвета красной меди»[16].

Мнение о том, что у японцев нет ни малейшего опыта ведения военных действий с европейцами, ни военной техники, ни соответствующих знаний подтверждается последующими авторами (например, В.Костылевым в «Очерке истории Японии». СПб., 1888). Постепенно это становится очередной аксиомой, и никакие военные обзоры, ни разведывательные данные, сообщающие о перевооружении Японии, не могли поколебать сложившегося стереотипа.

Вот, в общих чертах, тот круг взглядов и идей относительно Японии, который сложился в русском обществе во второй половине XIX в. Насколько можно, однако, распространять взгляды одного человека, даже такого замечательного, как И.А.Гончаров, на все русское общество?

Об этом можно судить по удивительной популярности самого романа «Фрегат “Паллада”» и предшествовавших ему журнальных публикаций.

Первые донесения и отзывы в связи с плаваньем на фрегате были опубликованы в январском номере «Морского сборника» за 1855 г. Затем появляются отдельные очерки («Ликейские Острова») в «Отечественных записках» (1855. № 4), а с мая 1855 по август 1857 г. публикуются «Главы из дневника»[17]. В 1857 г. выходят в виде сброшюрованных оттисков некоторые очерки, а глава «Рус-

ские в Японии» даже вышла отдельной книгой. Наконец, в 1858 г. выходит роман «Фрегат "Паллада"». Однако окончательно текст сложился позднее – при изданиях 1870 и 1886 гг. (таким образом, временная экстраполяция совершенно обоснованна – перед нами не взгляд на Японию 50-х годов XIX в. в чистом виде, а осмысление дорожных впечатлений уже в 80-е гг.).

Книга сразу приобрела удивительную популярность: как отмечал в своих воспоминаниях Г.Н.Потанин, «"Палладу" раскупили... чуть ли не в месяц, и через год потребовалось второе издание»[18].

При жизни Гончарова книга выдержала пять изданий: в 1858, 1862, 1879, 1884, 1886 гг., причем сам автор писал в 1879 г., что «не располагал более возобновлять ее издание... Но ему с разных сторон заявляют, что обыкновенный спрос на нее в публике не прекращается и что, сверх того, ее требуют воспитатели юношества и училищные библиотеки»[19].

Следующий этап развития представлений о Японии связан с активизацией политики России на Дальнем Востоке. Основным предметом интереса был именно Дальний Восток. Китай, Корея и Япония привлекли внимание лишь постольку поскольку. Ни культура, ни традиции Японии не привлекали самостоятельного внимания авторов. Все сведения об истории, культуре, психологии японцев в русской публицистике этого времени носят вторичный и, в лучшем случае, компилятивный характер, являясь лишь повторением уже известных сведений с той или иной авторской оценкой.

В этот момент в подходах к дальневосточной политике России уже наметились два направления – «культурное» и «силовое». Для сторонников первого направления (например, для Ж.Бадмаева, Э.Ухтомского) проблема Дальнего Востока становится проблемой национальной самоидентификации по принципу: Россия – Восток. Исходя из этой предпосылки, авторы говорят о сходности культур, о симпатиях народов Дальнего Востока к России, об их желании «поклониться Белому Царю». Сторонники другого подхода (например, И.Левитов, И.Сикорский) вначале предлагают рационалистические концепции продвижения России на Дальний Восток (например, проведение железной дороги на Дальний Восток, приобретение Россией незамерзающего порта и т.д.), а затем переходят к выработке различных концепций «желтой опасности».

В 90-е гг. XIX в., наконец, в общественном сознании начинается ***разделение Японии и Китая.*** Китай и Корея воспринимаются как страны дружественные России, сходные с «российской Азией» (бурятами, монголами и т.д.), тяготеющие к союзу с «Белым Ца-

рем» и в то же время – слабые, нуждающиеся в руководстве и опеке. Япония же представляется государством не столько сильным, сколько ***враждебным***, причем не только России, но и всему Дальнему Востоку. Надо признать, что такое отношение к Японии во многом объяснялось ее агрессивной внешней политикой, но, думается, для обывательского сознания гораздо большее значение имел инцидент в Оцу.

27 апреля 1891 г. в порт Нагасаки вошел военный корабль «Азов», на борту которого находился наследник русского престола Николай Александрович. Среди сопровождавших престолонаследника был знаток Дальнего Востока, князь Э.Э.Ухтомский[20]. После торжественной встречи и протокольных визитов, 11 мая Николай со свитой отправились осматривать озеро Бива. Когда торжественная процессия пересекала город Оцу, человек по имени Цуда Сандзо выхватил из ножен меч и, целясь в голову, ранил наследника. Раны оказались в двух местах – на виске и на затылке. Позабыв об этикете, Николай отпрыгнул в сторону и скрылся в одном из ближайших домов. Став императором, Николай II не любил вспоминать об этом случае, но определенная неприязнь к Японии у него сохранилась навсегда.

По возвращении в Россию, Э.Э.Ухтомский подготовил отчет о путешествии престолонаследника, который был опубликован в лучших издательствах Англии, Франции и России и немало послужил для пропаганды пробуждающегося в России интереса к Востоку. В этом отчете отразились все основные идеи Ухтомского, к которым он будет неоднократно возвращаться впоследствии, высказывая их теми же самыми словами: «до какой степени мы – русские, будучи по престижу первыми в Азии, добровольно пока уступаем, кому придется, свою историческую роль и завещанную предками миссию главарей Востока. От подобного ненормального положения вещей в смысле материального процветания выигрывают, что ни год, ставители западных начал, – чуждые по духу и в сущности ненавистные тем народам древняго предтипа, которым они пушками навязали общение с собой»[21].

«Историческая роль» России как нельзя более сочетается с тем, что «мы с детства привыкаем относиться к Китаю и Японии... как к чему-то тесно с нами связанному и духовно гораздо более близкому, чем надменная Западная Европа»[22].

Не прошел Ухтомский и мимо мысли о том, что «желтый человек» миролюбив по природе и не любит войны, к русским относится хорошо, больше всего почитает Белого Царя и т.д.

«Незабвенное путешествие Его Императорского Высочества на Восток было моментом перелома в русских отношениях к Дальнему Востоку... Все иноземные народы, ***кроме Японского***, инстинктивно почувствовали дотоле бессознательное тяготение свое к милосердному и могучему Белому Царю, столь непохожему на других, своекорыстных и жадных пришельцев с Запада»,[23] – так писал кн. Ухтомский в газете «Санкт-Петербургские Ведомости».

Будучи редактором этой газеты, он почти в каждом номере снова и снова обращается к восточным окраинам. Любимая идея Ухтомского – создание Желтороссии, что означало присоединение Манчжурии, Монголии и Северного Китая к России «при минимуме жертв и затрат с совершенно мирными целями»[24]. Но «единение с Востоком» не касалось Японии – на страницах «Санкт-Петербургских Ведомостей» появляются статьи «об усилении антирусских чувств в Японии». Газета четко отделяет японцев от остальной «желтой расы» и относится к ним почти все время отрицательно – нет практически ни одной статьи, нейтрально (тем более – положительно) отзывающейся о Японии, самые мягкие эпитеты в отношении японцев – «двуличные» и «коварные». Совершенно иное отношение к китайцам и корейцам. Однако наибольшим достоинством китайцев и корейцев, по-видимому, считается их способность «ассимилироваться» с русскими.

В газете появляются статьи под псевдонимом «Моряк», общий тон которых звучит так: «Япония, наверное, будет жестоко наказана, если не умерит свою ***наследственную воинственность*** и не ограничит своих вооружений разумными пределами»[25].

Дальнейший интерес к Японии предопределяется событиями внешнеполитическими.

После выхода Японии из изоляции и революции Мэйдзи прошло достаточно много времени, но внимание к экономическим и внешнеполитическим успехам Японии в России появилось только в начале XX в. Причем «новый подход» к Японии предопределялся не только все более ощутимой конкуренцией в Дальневосточном регионе, но и уже традиционно-негативным отношением к этой стране.

Наибольший интерес в этой связи представляет позиция одного из авторов газеты «Новый Край» И.С.Левитова. В 1902 г. в этой небольшой газете появляется его статья «Первый нумер желтой опасности». Особенность позиции автора – откровенная враждебность ко всему дальневосточному региону. Манчжурия – слишком дорогое удовольствие для казны, китайцы своей дешевой рабочей

силой вытесняют и лишают мест русских рабочих в Сибири, но хуже всего – Япония, которая своими промышленными товарами скоро наводнит не только китайский, но и русский рынок.

Статью перепечатал целый ряд газет. Левитов открыл целую кампанию – авторы газет и журналов, в том числе и центральных, наперебой высказывались о «желтой опасности» в различных контекстах. Особенно большое внимание уделяется Японии – в статьях «Санкт-Петербургских Ведомостей» о японо-китайской войне говорится о лживости и коварстве честолюбивой Японии, нарушавшей в отношении Китая нормы международного права, появляются намеки на дальнейшие агрессивные планы Японии в отношении России, и т.д.

В это самое время была открыта кафедра японской словесности в Санкт-Петербургском университете, но переводов японской литературы не публикуется. Нет новых изданий по истории Японии, практически не встречаются «культуроведческие» статьи, «аналитические» статьи об экономике и политике Японии строятся на перепечатках из английских газет, а иногда – на домыслах и слухах, не подкрепляясь ничем. Вторичность информации не мешает авторам рисовать Японию самыми мрачными красками.

7 мая 1903 г. Николай II собирает совещание министров, на котором принимается «новый курс» в отношении дальневосточного региона. «Новый курс» предусматривает усиление военного контингента на дальнем Востоке для защиты интересов русского капитала.

В период осуществления «нового курса» на страницах периодической печати все чаще появляются напоминания о том, что «японцы... ненавидят и презирают европейцев из всей глубины своей души»[26], что они – противники христианства.

Если свести воедино выступления относительно Японии различных периодических печатных изданий этого периода, то выходило, что японцы – не то евреи (Мещерский), не то татары («Новое слово»), но в любом случае – «враг сильный и хищный»[27] и «наглый»[28]. Левитов, в своей неприязни отождествляющий японцев с китайцами, вскользь утверждает, что и те и другие – «каннибалисты» буквально.

Более выдержанная, «научная» позиция была выражена профессором И.А.Сикорским в лекции в пользу Красного Креста, читанной в Университете Св.Владимира 23 февраля 1904 г. По мнению Сикорского, представители желтой расы вообще «не создали ни наук, ни искусств», у них очень сильная воля, но она «превышает ум», и поэтому они гораздо хуже белой расы. «Японцы, несо-

мненно, превосходят по своим душевным качествам других представителей желтой расы. Этим они обязаны, вероятнее всего, примеси к ним белой расы»[29].

Анализируя этот период развития представлений о Японии, можно сделать некоторые выводы относительно средств синтеза стереотипа.

Достаточно широко используется «захват» аудитории, нередко в сочетании с подменой стереотипа. С одной стороны, японцы сравниваются с татарами, китайцами и т.д. С другой стороны, постоянно, даже у «восточников» подчеркивается, что они – не мы. «Мы» может трактоваться достаточно широко (Россия – часть Востока, близкого ей по культуре) или узко (Россия – Запад, чуждый враждебному Востоку), но в любом случае, объединение России и Японии практически не встречается.

Четко прослеживается «карта стереотипов» для различных социальных групп – есть свои объяснения для интеллигенции[30], для «народа»[31], для духовенства[32], для буржуазии[33] и т.д.

Для описания японцев используется специальный язык с подменой понятий (трансформация: свиреп – кровожаден – каннибал) и с устойчивыми словосочетаниями (желтолицые островитяне, желтомордые макаки и т.д.)

Очень широко используется при создании стереотипа эмоциональное воздействие. Вначале наиболее часто авторы обращаются к обывательскому самодовольству (японцы – маленькие, тщедушные, трусливые, глупые, отсталые и т.д.). Интересно, что культурно-мессианские концепции освоения Дальнего Востока неразрывно связаны с этим чувством. Активизация дальневосточной политики России сопряжена с эксплуатацией обывательского страха. «Желтая опасность» представлялась в самых разнообразных видах – здесь и непримиримость двух рас, и панмонголизм, и представление о японцах как о беспощадных и алчных наследниках монголо-татар, и социально-адаптированные варианты (о военной угрозе со стороны Японии, о нарушении японцами норм международного права, правда, пока лишь в отношении Китая, о конкуренции японских товаров, о стремлении японцев вытеснить русских с Дальнего Востока и т.д.)

Справедливости ради следует отметить, что накануне войны и в первый ее месяц Япония «вдруг» вообще перестала привлекать к себе внимание прессы, отошла на второй план – даже опубликовав манифест о начале войны, многие периодические издания оставили его без комментариев.

Подход к войне с предельно обобщенным представлением о Японии сыграл определенную роль в развитии дальнейших событий. Большинство участников военных действий не имели даже того впечатления о противнике, которое могло сложиться у читателей «Фрегата «Паллада». В одном не сомневался никто, — война будет короткой и победоносной.

На практике ни халатов, ни самурайских мечей не обнаружилось. В то же время, японцы, вооруженные передовой европейской техникой, одетые в военную форму европейского образца, обладали значительно большей силой духа.

Военная пропаганда в годы войны использовала те же способы синтеза образа врага (захват аудитории, подмена стереотипов, создание «культурного поля», апелляция к эмоциям, и т.д.).

«В витринах магазинов ярко пестрели лубочные картины удивительно хамского содержания. На одной огромный казак с свирепо ухмыляющейся рожею сек нагайкой маленького, испуганно вопящего японца; на другой картинке живописалось "как русский матрос разбил японцу нос", — по плачущему лицу японца текла кровь, зубы дождем сыпались в синие волны. Маленькие "макаки" извивались под сапожищем лохматого чудовища с кровожадною рожею, и это чудовище олицетворяло Россию»[34]. Интересны тексты этих лубков. В них используются устойчивые словосочетания (косоглазые вояки, желтолицые враги, желтолицый пес, желтые макаки, Желтолицая Япония) и уменьшительные формы (Японишка), исторические аналогии (Наполеон в гостях у японцев, русско-турецкая война) и литературные примеры (чаще всего из басен Крылова)[35]. Делаются попытки адаптации лубков к различной аудитории — «народной» (сатирический лубок), «интеллигентной» — тексты некоторых лубков похожи на выдержки из газетных статей[36] и т.д. Значительное количество лубков издавались как хроники русско-японской войны[37].

Помимо «наглядной агитации», появляется целая серия пропагандистских изданий «для народа». Первые брошюры в серии «Дешевая библиотека» начинают выходить в феврале 1904 г. тиражом 10 тыс. экземпляров[38]. Печатаются они несколько раз в месяц и представляют собой маленькие книжечки в несколько страниц. Средства от продажи их, по уверениям издателей, идут «на нужды войны». Цены разнообразные — от 5 копеек, но в основном — 20-50 копеек. Примером пропаганды для народа могут служить такие описания японцев: «жизнь ставят ни во что»[39], «Налитые кровью глаза, оскаленные зубы, хмельное выражение лиц»[40], «характерные

черты японской природы – отсутствие великодушия и душевной психической выдержки»[41], «японец тщедушный, низкорослый и все время кланяется»[42].

Ни одна брошюра не ставила целью дать представление о состоянии вооружения, особенностях военной тактики японцев. В целом пропаганда велась по принципу «японцы – гораздо хуже нас как люди и слабее как солдаты». Однако рассуждения о «желтой опасности» не поднимали боевого духа армии. Напротив – разрыв между массовыми стереотипами и реальностью давал «много примеров развития массовых иллюзий и галлюцинаций, особенно в ночное время... Ночь проводилась отрядами под постоянным опасением внезапного нападения неприятеля»[43]. Как отмечали очевидцы и участники военных действий, японцев боялись ужасно. Были случаи паники. Но самым тяжким последствием незнания неприятели и непонимание целей и задач войны стали массовые психические расстройства и душевные заболевания солдат.

В то же время именно в годы войны с Японией в общественном сознании наметилась и другая тенденция. Еще в апреле 1904 г., в разгар патриотической кампании, «Вестник Европы» пишет о необыкновенной умственной подвижности и восприимчивости японской народности[44]. По сравнению с довоенным периодом, значительно возрастает количество «культуроведческих» публикаций по дальневосточному региону, появляются переводные сочинения о Японии, ее литературе, истории, традициях, а также и вполне удачные «страноведческие» работы русских авторов[45]. С конца 1904 г. начинают печататься аналогичные популярные издания, рассчитанные на «народ»[46].

Окончание войны способствовало развитию именно этой тенденции – стремлению переосмыслить условно-обобщенный стереотип восприятия Японии, понять, наконец, что же это такое. Однако поражение способствовало и закреплению в общественном сознании нового стереотипа.

Теперь японцы представляются не только коварными, жестокими, азиатски-нелюдимыми, но и сильными, быстро прогрессирующими и от этого – еще более опасными. «Желтая опасность» и война двух рас прочно закрепилась в сознании. В то же время представлялось, что японцы сознательно избегают контактов с иностранцами, оставаясь приверженцами своей культуры и исторических традиций.

Таким образом, новый стереотип представления о Японии и японцах стал производным от старого, сложившегося еще в сере-

дине XIX в. Впитав новую информацию, он, в значительной степени, исказил ее, приспосабливая к прежнему восприятию.

Последующие отношения с Японией – и мирные контакты, и военные столкновения мало изменили его. Одной из причин устойчивости этого восприятия Японии была исторически сложившаяся непродолжительность любого вида контактов с этой страной. Другая причина – значительная «опосредованность» информации о Японии, по-прежнему зачастую получаемой из «третьих» рук или тщательно отбираемой ***японскими*** авторами, стремящимися создать определенный образ своей страны в сознании европейцев.

---

1 В Японии представления о России стали предметом исследования таких выдающихся авторов, как Вада Харуки, Тогава Цугуо, Накамура Есикадзу, Синтаро Накамура и др.

2 *Черевко К.Е.* Как в Россию проникли первые сведения о Японии // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 4. С. 127.

3 Цит. по: Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956. С. 8

4 *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М., 1960. С. 27.

5 *Синтаро Накамура.* Японцы и русские. Из истории контактов. М., 1983. С. 50.

6 Со второй половины XVIII в. в России появились первые отечественные специалисты по китайскому, монгольскому, маньчжурскому, а затем и японскому языкам. Начинается перевод на русский язык сначала европейских сочинений о Востоке, а затем – и собственно китайских, маньчжурских. Особенно много сделали в этом отношении первые переводчики с китайского языка, синологи Илларион Россохин (1717-1761) и Алексей Леонтьев (1716-1786). Хуже обстояло дело с японским языком, так как уровень его преподавания был низким и не давал возможности овладеть языком в достаточном объеме. В 1830 г. при Академии наук учреждается кафедра восточных языков и древностей. Особенно заметны достижения отечественной ориенталистики в изучении Китая. В эти годы вышли обширные сочинения о Китае: Новейшее и подробнейшее историко-географическое описание Китайской империи. Сочиненное коллежским советником и кавалером Иваном Орловым. М., 1820; *Тимковский Е.Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820-1821 гг. с картой, чертежами и рисунками. СПб., 1845. Тогда же начал свою деятельность выдающийся синолог Никита Яковлевич Бичурин. В 1828 г. он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. В 1855-1856 гг. был организован Восточный факультет Петербургского университета, куда 20 апреля 1855 г. был переведен В.П.Васильев, еще один выдающийся китаевед, специалист по китайской и маньчжурской словесности.

7 *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада». М., 1986. С. 247.

8 Подробное освещение истории русско-японских отношений на раннем этапе является темой значительного количества самостоятельных исследований, но в данном случае не затрагивается.

[9] *Гончаров И.А.* Указ. соч. С. 248. Из прочитанной И.А.Гончаровым литературы в тексте «Фрегата "Паллада"» есть ссылки на сочинения немецкого врача и путешественника Энгельберга Кемпфера, жившего в 1690-1692 гг. в Японии – «История Японии» и «Путешествия от Нагасаки до Эдо» (обе изданы в 1777-1779 гг.); книгу Филлипа Зибольда, долгое время жившего в Японии и консультировавшего экспедицию Путятина перед отъездом из России – «Nippon. Archief voor de beschrijving van Japan. Leiden» (1834-1841), на голландском языке. Переведена В.М.Строевым на русский язык под названием: «Путешествие по Японии, или описание Японской империи в физическом, географическом и историческом отношении Ф.Зибольда, дополненное сведениями и известиями из Кемпфера, Фишера, Дефа, Шарльвуак, графа Гогендорпа, Крузенштерна, Тунберга, Титсинга, Варениуса и др.» – «Библиотека путешествий» А.А.Плюшара. (СПб. Т. 1-3); трехтомное сочинение шведского естествоиспытателя Карла Петера Тунберга «Resa uti Europa, Africa, Asia fxrrdtted brem 1770-1779, Upsala, 1788-1793»; он же составил «Флору Японии» («Flora Japonica», Leipzig, 1784). Кстати, И.А.Гончарову не обязательно было читать все эти книги – достаточно было прочесть «Краткую историю о японском государстве из достоверных известий собранную» (М., 1773). Введение к «Истории» было написано профессором Московского университета Иваном Рейхелем. Книга представляла собой компиляцию из европейских сочинений о Японии, в том числе и упомянутых авторов. Из русских сочинений о Японии автор «Фрегата "Паллады"» упоминает: «Записки флота капитана Головнина о приключениях его у японцев в 1811, 1812, 1813 годах (СПб., 1816); «Описания о Японе, содержащее в себе три части, то есть: известие о Японе и о вине гонения на христиан, историю о гонении на христиан в Японе и последование странствия Генрика Гагенара, которое исправленною ландкартою и изрядными фигурами украшено» (СПб., 1734).

[10] *Синтаро Накамура.* Указ. соч. С. 160.

[11] *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада». М., 1986. С. 259.

[12] Там же. С. 467.

[13] Там же. С. 259.

[14] В дальнейшем эти самые «правила» – например, убеждение, что «азиаты» – трусы и никогда не решатся на войну с превосходящим противником, или «правило» не идти на малейшие уступки, иначе потребуют еще больших, или убеждение, что в отношениях с «Востоком» не могут действовать нормы международного права и т.д. – в конечном итоге и приведут нас к войне.

[15] Там же. С. 260.

[16] Там же. С. 258.

[17] 1855: Заметки по пути от Манилы до берегов Сибири // Морской сборник. № 5; Из Якутска // Морской сборник. № 6; Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов // Морской сборник. № 10-11; Манила // Отечественные записки. № 10; От Мыса Доброй Надежды до Явы // Современник. № 10; 1856: Остров Бонин-Сима // Современник. № 2; Сингапур // Отечественные записки. № 3; На Мысе Доброй Надежды (окончание) // Морской сборник. № 8-9; От Кронштадта до мыса Муарда // Русский Вестник. № 6; 1857; Плавание в атлантических тропиках // Русский Вестник. № 9; От Кронштадта до мыса Муарди // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. № 505-508.

[18] *Гончаров И.А.* Указ. соч. С. 781.

[19] Там же. С. 5.

20 Род. в 1861 г. Окончил курс на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Служил по департаменту духовных дел иностранных исповеданий и был несколько раз командирован в Сибирь и Среднюю Азию для изучения инородцев-буддистов. Описания этих поездок помещал в «Русском Вестнике». Отдельно напечатан сборник «От Калмыцкой степи до Бухары» (СПб., 1891). С 1896 г. стал редактором «Санкт-Петербургских Ведомостей». Поэт (вышло несколько сборников стихов под псевдонимом). Обладал одной из крупнейших частных коллекций восточных редкостей.

21 *Ухтомский Э.Э.* На Восток. Лейпциг, 1891. Т. 2. С. 209.

22 Там же. С. 225.

23 Санкт-Петербургские Ведомости. 1896. 18 февраля. С. 1.

24 Там же. 1895. 6 января. С. 1.

25 Там же. 17 февраля. С. 3.

26 *Левитов И.С.* Желтый Босфор. СПб.,1903. С. 28.

27 *Львов Ф.А.* Лиходеи бюрократического самовластья как непосредственные виновники Первой русско-японской войны. СПб., 1906. С. 36.

28 Новое Время. 1904. 20 января. С. 2.

29 Там же. С. 9.

30 В частности, В.Соловьев, И.Сикорский, Ф.Мартенс, В.Васильев и др. рассчитывали именно на интеллигенцию.

31 Здесь есть потрясающие находки. Например, по утверждению одного из авторов, Япония хочет отнять у нас Сахалин и Сибирь и некуда будет ссылать каторжников.

32 В русле традиционных представлений о том, что японцы – враги христианства.

33 См., напр.: *Левитов И.С.* Указ. соч.

34 *Вересаев В.В.* Собр. соч. М., 1964. Т. 3. С. 5-6.

35 Русский военный лубок. Ч. II. Русско-японская война. М., 1995.

36 «От нашего врага, предательски напавшего на нас, можно ожидать всего... Без сомнения наш враг, поправший все принципы международного права, дорого поплатится за свою дерзость (24 февраля 1904)». Русский военный лубок. С. 41

37 См., в частности, издания типографий «Русское товарищество печатного и издательского дела», И.Д.Сытина, Н.Н.Шарапова (Москва), А.К.Вейермана, В.В.Несслера, «Торгово-посредническая контора» (Петербург).

38 *Волынский Г.* Чего хочет Япония. Одесса, 1904; Конец желтой опасности. СПб., 1904; *Абаза К.К.* Беседа про японца. СПб., 1904; Война России с Японией. М., 1904; Русско-японская война и ее герои. Иллюстрированная хроника войны. М., 1905; Мускатблит. Битва при Ляояне. Тихоокеанская трагедия. 1905; Беседа с народом. Из-за чего война. Вильно, 1905.

39 Новое Время. 1904. 15 сентября. С. 3.

40 Там же. 16 сентября. С. 3.

41 Там же. 17 сентября. С. 2.

42 *Абаза К.К.* Беседа про японца. Вып. II. 1905. С. 5.

43 *Бехтерев В.М.* Гипноз. М., 2000. С. 193.

44 Вестник Европы. 1904. Апрель. С. 765.

45 *Дюмопар Г.* Япония в политическом, экономическом и социальном отношениях. СПб., 1904; *Астон В.Г.* История японской литературы. Владивосток, 1904; *Бекон А.* Женщина в Японии. СПб., 1904; *Лоуэль П.* Душа Дальнего Востока. СПб., 1904; *Вейлерзе Г.* Япония в наши дни.

Социологические этюды. СПб., 1904; *Богуславский Н.Д.* Япония. Военно-географический и статистический обзор. СПб., 1904; *Азбелев Н.* Душа Японии. СПб., 1905; *Богданович Г.* Очерки из прошлого Японии. СПб., 1905; *Николаев А.А.* Очерки по истории японского народа. СПб., 1905.

Ульянов Н.А. Япония. Нижний Новгород, 1904 (цена 25 коп.); *Ковалевский М.* Старая и новая Япония. М., 1905 (цена 35 коп.) Было даже несколько лубков «культуроведческого» содержания — улицы Токио, японские женщины, портрет Микадо.

Сенявская Е.С.

ЯПОНИЯ КАК ПРОТИВНИК РОССИИ В ВОЙНАХ XX ВЕКА

Значение исследований в области психологии взаимовосприятия народов, социумов, культур не ограничивается собственно наукой. Стереотипы восприятия имеют не только культорологическое, но и прагматическое значение, в том числе в такой важной области, как внешняя политика. В частности, они существенно влияют на важные политические решения и даже могут в значительной степени предопределить исход войны. В качестве примера, подтверждающего этот вывод, может служить русско-японская война.

В начале XX в. расстановка сил и интересов в Китае, Маньчжурии и Корее сложилась таким образом, что всему миру было ясно: Россия и Япония стоят накануне войны. Осенью 1903 г. русский посланник в Токио барон Розен отмечал, что «войны с нами жаждет весь японский народ, пожертвования текут со всех сторон, принесено столько жертв, что война неизбежна»[1]. К 1904 г. на Дальнем Востоке японцы имели следующее численное превосходство над русской армией и флотом: в живой силе – в 3 раза, в артиллерии – в 8 раз, в пулеметах – в 18 раз, в кораблях – в 1,3 раза[2]. Японские войска проводили постоянные маневры, носившие характер демонстрации, и явно готовились к боевым действиям. После одного из таких учений, где присутствовал представитель русской армии полковник барон Таубе, на банкете к нему подошел японский майор и, чокнувшись, сказал: «Вот, барон, сейчас я пью ваше здоровье, но скоро и очень скоро уже не буду пить за него, а буду... рубить вас...»[3].

В связи со сложившейся обстановкой, 2 октября 1903 г. наместником Российского Императора на Дальнем Востоке адмиралом Е.И.Алексеевым была направлена секретная депеша в Петербург о необходимости немедленно объявить войну и нанести удар первыми, дабы предупредить подобный шаг со стороны японцев. Однако ответом на нее стала телеграмма, смысл которой заключался в том, что «Государь император не допускает возможности Великой России объявить войну маленькой Японии»[4].

В Европейской России явно не разбирались в стратегической обстановке на Дальнем Востоке, к тому же так называемая «русская общественность», утверждая, что «война не встретит сочувствия в широких

кругах населения», оказывала упорное давление на правительство, призывая «не бряцать оружием», чтобы не давать японцам повода объявить нам войну[5].

А обстановка продолжала накаляться. В январе 1904 г., понимая, что война начнется в самое ближайшее время, адмирал Е.И.Алексеев обратился к царю с просьбой объявить мобилизацию на Дальнем Востоке. 12 января Николай II разрешил перевести на военное положение крепости Порт-Артур и Владивосток, но начать общую мобилизацию запретил, вновь заявив о том, что «желательно, чтобы японцы, а не мы открыли военные действия»[6].

Утром 25 января Алексеев получил телеграмму о разрыве дипломатических отношений с Японией (командиры японского флота узнали об этом на два дня раньше!), а 26 января японская эскадра атаковала русский крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец», стоявшие на рейде в Сеуле для охраны русской дипломатической миссии. Отвергнув предложение неприятеля сдаться, русские моряки приняли неравный бой, а когда стало ясно, что прорваться и уйти к своим невозможно, офицеры приняли решение свезти личный состав на берег, а корабли затопить[7]. Несколькими часами позже, в ночь на 27 января, японские миноносцы внезапно напали на русскую эскадру на внешнем рейде у Порт-Артура. Так началась эта полуторогодовая, неудачная для России, завершившаяся позорным Портсмутским миром и первой русской революцией, трагическая по своим последствиям война.

Что же произошло? Почему Россия оказалась не подготовлена к ней? И какую роль сыграли здесь психологические факторы, в частности, формирование образа врага?

Безусловно, особое место в этом процессе занимал «изначальный», сформированный еще в мирной жизни стереотип восприятия Японии и японцев как противника, представлявшего этнически, культурно, религиозно чуждую, «иную» цивилизацию. Нужно учитывать, что эти стереотипы формировались у определенного субъекта восприятия, а именно: у людей, принадлежавших к специфической российской цивилизации, преимущественно восточных европейцев-славян, православных по вероисповеданию и культуре. Эти штампы восприятия сводились в основном к нескольким обобщенным представлениям о японцах как «азиатах», язычниках, а значит, не просто «других», но еще и отсталых, «дикарях», варварах.

Не случайно все эти негативные штампы, во время войны многократно усиленные естественной враждебностью по отношению к противнику, к тому же вероломно напавшему (как «азиаты»!), находили

отражение как в публично выражаемых, так и в частных оценках в пренебрежительной и даже оскорбительной форме. Причем оценки эти делались людьми самого разного общественного положения и культурного уровня и нашли отражение в политических документах, в письмах, дневниках, воспоминаниях, художественной литературе и даже в фольклоре.

Как к «макакам» относился к японцам и сам император Николай II, ненависть которого была вызвана, в частности, тем, что, еще будучи наследником престола, он посетил Японию, где подвергся нападению фанатика и был ранен мечом в голову. Как к «макакам» относилось к ним и следовавшее за императором «высшее общество», и генералитет, и офицерство, и даже солдатская масса. Причем армия заимствовала это отношение у «гражданского» общества.

В «высшем обществе» на восприятие японцев оказывала влияние еще и принадлежность к основным политическим группировкам. Их было две. Одна из них, заинтересованная в колониальной экспансии России в Корею и Маньчжурию и, соответственно, в выведении из игры основного конкурента, которым была Япония, выступала за решительные «инициативные» действия, за агрессивный курс на Дальнем Востоке. Эта группировка получила название «безобразовской клики» (по имени члена особого комитета по делам Дальнего Востока А.М.Безобразова). В ее состав входили лица весьма влиятельные: великий князь Александр Михайлович, контр-адмирал А.М.Абаза, М.В.Родзянко, И.И.Воронцов, В.К.Плеве и др.[8]

Позицию этой группировки, в которой как раз и отразилось неадекватно стереотипное, пренебрежительное отношение к потенциальному противнику, наиболее рельефно обозначил министр внутренних дел и шеф жандармов В.К.Плеве. «Поверьте мне, – заявлял он, – что нам маленькая победоносная война необходима, иначе нам внутри России будет грозить беда»[9]. Войну с Японией он представлял только как «маленькую» и обязательно «победоносную».

Более адекватен в своих оценках был принадлежавший к той же группировке адмирал Е.И.Алексеев – наместник императора на Дальнем Востоке. Он приходил к тому же выводу о необходимости первыми начать войну против Японии, но исходя из совершенно иных посылок: адмирал был хорошо осведомлен о действительной обстановке в этом регионе и реальной силе японцев, а также о фактической неизбежности войны и готовности противника напасть первым. Не случайно именно он был одним из немногих, кто настаивал на серьезной подготовке к войне.

К противоположной группировке принадлежал генерал А.Н.Куропаткин. В начале осени 1903 г. он посетил Страну Восходящего Солнца, после чего уверял всех в неподготовленности японцев к войне, при этом их вооруженные силы недооценивались до такой степени, что вступление Японии в борьбу с «русским колоссом» считалось невероятным[10]. Согласно его собственным дневниковым записям, на обеде у императрицы, куда он был приглашен, разговор зашел о военном положении России. Куропаткин заметил, что «оно далеко не блестяще, нет денег, все поглощает Дальний Восток, в чем большая ошибка», и призывал все внимание обратить на Запад, где «зреет главная опасность». Александра Федоровна не соглашалась, заявляя, что именно на Востоке «может вспыхнуть война, и мы должны быть сильны», что до европейской войны в ближайшие несколько лет не допустят и что «сейчас страшна желтая раса». Не сумев выиграть этот спор, Куропаткин записал в дневнике: «Буду бороться, дабы увлечение Дальним Востоком не принесло России вреда...»[11].

И именно этот человек, не сумевший разглядеть угрозы со стороны Японии, впоследствии, с началом войны, станет командующим Маньчжурской армией, а с 13 октября 1904 г. по 3 марта 1905 г. – главнокомандующим вооруженными силами на Дальнем Востоке. Лишь после поражения под Мукденом он будет смещен и назначен вновь командовать армией.

Неадекватные оценки потенциального противника накануне войны привели к тому, что вооруженные силы России на Дальнем Востоке в несколько раз уступали по численности японским. Так, в октябре 1903 г. на все требования Штаба Квантунской армии, в столь тревожной обстановке, располагавшей в Квантуне всего двадцатью тысячами войск, прислать подкрепления, Главный Штаб отвечал, что «при исчислении сил нужно исходить из отношения, что один русский солдат соответствует четырем японским»[12].

Да и сам Николай II, который еще летом 1903 г. в беседе с германским морским министром адмиралом А. фон Тирпицем, убеждавшим его от имени своего императора «принять спешные меры к усилению вооруженных сил на Востоке», утверждал, что «ненавидит японцев, не верит ни одному их слову и отлично сознает всю серьезность положения»[13], до последнего момента продолжал верить в то, что «макаки» напасть не посмеют.

Такие же пренебрежительно-беспечные настроения существовали и в армии, причем на восприятие противника оказывало влияние и ее состояние. По записанному в дневнике 21 июля

1904 г. свидетельству дивизионного врача В.П.Кравкова, в русской армии вовсю процветали «интрига, несогласие среди начальствующих лиц, коими назначаются люди не по достоинству, а по протекции и влиянию тетенек, маменек и всех прочих... Хаос в командной части – невероятный... Единодушное мнение компетентных лиц, что война нами ведется преотвратительно и начата без надлежащей организации обоза, снаряжения и проч.»[14].

Эта беспечность, проявившаяся не только перед войной, но и в самом ее ходе, во многом определялась инертностью стереотипа восприятия Японии как противника, заведомо неполноценного и слабого. Недооценка врага отразилась не только на складывании неблагоприятного для России фактического соотношения сил (в живой силе и технике), но и в недостаточном внимании к качеству комплектования личного состава и к назначению командных кадров.

Вскоре после начала военных действий в действующей армии настолько распространились настроения недовольства командованием, что пришлось принимать специальные, порой даже комичные меры. Например, в дневнике В.П.Кравкова содержится такая запись: «Развешаны всюду (на станциях и других местах) плакаты, строго воспрещающие публичную критику действий начальствующих лиц под угрозой больших наказаний»[15].

Как же происходила эволюция восприятия противника в ходе войны? Внесло ли непосредственное соприкосновение с ним (а значит, и приобретение конкретного опыта) какие-либо коррективы в это восприятие?

Это можно проследить даже на материалах дневника уже упомянутого офицера-врача В.П.Кравкова, награжденного в период русско-японской войны тремя орденами, в том числе двумя – за бои под Лаояном. Его оценки неприятеля довольно противоречивы. То он отзывается о нем вполне уважительно: «Нужно, говорят, ожидать со стороны японцев ночных внезапных движений, преимущественно обходных, до чего они большие охотники и ловкие артисты» (14 июля 1904 г.). То высказывается более, чем непочтительно: «Мечтаем иногда о таком шахматном ходе с нашей стороны: Балтийская эскадра прямо пойдет в Японию для десанта – тогда мат косоглазым макакам!» (18 июля 1904 г.)[16]. Так стереотип общественного сознания накладывается на сознание индивидуальное, причем такое пренебрежительно-презрительное отношение проскальзывает даже в оценках людей весьма культурных и стремящихся (и способных!) быть объективными.

Однако с течением времени, по мере непосредственного приобретения знания о противнике, довоенные стереотипы все больше сменяются трезвой и объективной оценкой. Хотя, конечно, отношение к японцам как к врагу на этой оценке сказывается.

Описывая сражение под Лаояном (11-21 августа 1904 г.), В.П.Кравков упоминает о настроении раненых, доставленных в лазарет 19 августа, в трагическом финале битвы: «Солдаты осатанели от страха. С дрожью в теле и с изображавшими сплошной ужас и отчаяние лицами они, друг друга нервируя, рассказывали в чудовищной окраске о силе и ловкости японцев, которые осыпали нас снарядами, направляя на нас какие-то ослепительные огни, искусно обходили нас, предупреждая наш каждый против них замысел, морочили нас разными командными окриками на русском языке и проч.»[17].

На следующий день, 20 августа, в лазарет, все время находившийся на линии огня, доставили пленного. Вот как пишет об этом русский врач, еще недавно называвший японцев «косоглазыми макаками»: «Всего раненых с утра перевязано более 200 человек. Среди них был один тяжелораненый японский солдат, очевидно сильно, но терпеливо страдавший от боли. На умном, интеллигентном лице его я прочитал как бы ожидание беспомощно лежащего человека, что его здесь могут совсем добить. Мне было его невыразимо жаль, и я не удержался высказать ему, как мог, сострадание. Он меня понял и на мое к нему внимание ответил с признательностью кивком головы, сделавши даже тщетную попытку поднять свою раненую руку для отдания мне чести»[18]. Там, где люди равны перед страданиями и смертью, нет места политике: личностные, человеческие отношения выходят на первый план.

Еще больше вынуждены были корректировать свои стереотипные оценки солдаты и офицеры, непосредственно участвовавшие в боевых действиях и соприкасавшиеся в бою с неприятелем. Участник обороны Порт-Артура полковник П.В.Ефимович так описывает в своих воспоминаниях штурм крепости: «Первые дни японцы наступали густыми колоннами, думая массой задавить защитников крепости. Строгая дисциплина, суровый военный закон, фанатизм и личная доблесть японцев приводили к тому, что японские батальоны, неся невероятные потери, все же доходили до цели своих атак, хотя бы в составе нескольких человек и схватывались с нашими в штыки»[19].

Он же вспоминает одну из характеризующих неприятеля деталей штурма. В начале осады японцы обстреливали русские военные госпитали, расположенные в Порт-Артуре. Два из них были полностью раз-

рушены, погибли раненые и медперсонал. Представитель Русского Красного Креста Балашов отправился к противнику парламентером и заявил протест. Ему ответили, что госпитали попадают под обстрел случайно, так как расположены возле объектов, имеющих для японцев стратегическое значение, и предложили сосредоточить их все в одном районе. После того, как больных перевели в бывшие казармы и водрузили над ними флаг Красного Креста, ни один японский снаряд не был туда выпущен[20].

Другой защитник крепости, командир батареи Б.И.Бок рассказывает о джентльменском поведении неприятеля при сдаче Порт-Артура. Сначала, описывая настроение русских войск в этот трагический момент, он вспоминает эпизод времен японо-китайской войны, когда ворвавшиеся в тот же Артур японцы перерезали всех китайцев до последнего. Поэтому и русские в Порт-Артуре почти не надеялись остаться в живых. Но условия сдачи оказались на удивление почетными: офицерам оставлялось оружие и предлагалось под честное слово – не воевать больше с Японией – возвратиться на Родину, а тем, кто желал разделить участь своих экипажей, разрешалось идти в плен[21]. Поразило мемуариста и другое: пока в городе оставались уже плененные русские войска, над Золотой Горой развевался Андреевский флаг. «Японцы показали себя очень тактичными и заменили его своим флагом только тогда, когда последний эшелон скрылся из виду... Это был со стороны неприятеля рыцарский поступок, так же, как и вхождение их войск лишь после выхода последнего эшелона пленных»[22].

Среди офицеров, не пожелавших расстаться со своей командой и добровольно отправившихся в плен, был и будущий контр-адмирал Б.И.Дудоров. Он вспоминает тяжелый пеший переход колонны военнопленных от Порт-Артура до Дальнего и удивительный случай во время привала. «Приближалась полночь, – пишет он. – Кажется, никто из нас не вспомнил, что это был канун Нового года по старому стилю. Вдруг из темноты ночи раздался шум подъезжающих повозок и вышедший в свет костров с фонарем японский переводчик на ломаном русском языке спросил: "Где здеся русские морские офицеры?". Мы откликнулись. "Японские морские офицеры поздравляют русских морских офицеров с их Новым годом и прислали им подарки", – низко кланяясь, торжественно объявил он. Удивленные, мы обступили повозки. Обе они были наполнены небольшими бутылочками. Виски, коньяк, всевозможные европейские крепкие напитки быстро разошлись по рукам. Кто-то из старших передал через доставившего их перево-

дчика нашу благодарность за внимание и подарки и повозки скрылись в темноте... Вино согревало прозябшие тела, но еще теплее стало в наших сердцах. Друзьями, подумавшими о нас, оказались те самые враги, с которыми не на жизнь, а на смерть только что боролись мы весь прошедший год», – так закончил моряк свой необычный рассказ[23].

Таким образом, воспринимавшиеся на расстоянии как «макаки» представители другой, непонятной европейцу культуры при непосредственном соприкосновении оказались людьми вполне цивилизованными, да еще и способными на благородные поступки. Но характерная деталь: ведя себя вполне по-рыцарски в отношении европейцев-русских, японцы проявляли поистине варварскую, «азиатскую» жестокость по отношению к «своим» – представителям «желтой» расы, китайцам, в том числе хладнокровно рубили им, пленным, головы в нарушение Гаагской конвенции.

Что же в это время происходило в тылу, в «гражданском» обществе? Несомненно, что неудачи русской армии, сведения о мужестве солдат неприятеля и его военных успехах на фоне очевидной бездарности собственных полководцев, заставили русское общество уважительнее относиться к противнику. Естественно, на это отношение наложились чувства горечи от поражений русских войск, которые неоднократно проявляли массовый героизм и стойкость, а также стыд за позорные провалы операций, допущенные командованием. Безусловно, все это отразилось на общем умонастроении российского общества. Существовавшая в нем уверенность в непобедимости русского оружия была жестоким образом обманута. Разочарование и горечь оказались еще сильнее от того, что поражение было нанесено маленькой и «отсталой» азиатской страной. Причем, наряду с геройством, русская армия узнала и позор, последовавший от некомпетентности военачальников, а иногда и прямого предательства.

Итак, в русско-японской войне 1904-1905 гг. проявились как универсальные закономерности восприятия представителей иной культуры и даже цивилизации (азиатов-японцев европейцами-русскими), так и специфика, обусловленная историческим временем, ситуацией, обстоятельствами вооруженного конфликта. На это восприятие, безусловно, наложились устойчивые стереотипы: европейский миф о «диких азиатах», об отсталости и неполноценности «желтой расы», ее варварстве, природном коварстве и жестокости. Казалось бы, кровавая, неудачная для России война, да еще действительно «коварно», без традиционных европейских ритуалов начатая Японией, должна была только подкреплять эти психологиче-

ские (и отчасти политические) штампы. Однако война парадоксальным образом способствовала их разрушению. Она привела в непосредственное массовое соприкосновение представителей двух народов в разнообразных экстремальных обстоятельствах, позволив им посмотреть друг на друга без идеологических «фильтров» – в рукопашной схватке, во время переговоров, на госпитальной койке, в плену и т.д. Чувства естественной вражды к неприятелю при этом дополнялись вполне трезвыми и объективными оценками на основе накапливаемого личного и коллективного опыта.

Сложнее этот процесс протекал в русском тылу, куда информация поступала с запозданием и искажением, как правило, преображенная средствами пропаганды, преломленная в слухах и домыслах, и т.д. То есть идеологический (и культурологический) «фильтр» здесь не только действовал сильнее, чем на фронте, но зачастую оказывался определяющим. Таким образом, существенно повлияв на сознание русского общества, в том числе на его отношение к Востоку (оказывается, «дикие азиаты» способны победить цивилизованную Европу!), русско-японская война, тем не менее, не смогла полностью разрушить довоенные стереотипы. При этом в основном уцелела не только «модель» (образ), но и сохранились прежние механизмы восприятия.

23 августа (15 сентября по новому стилю) 1905 г. в Портсмуте (США) был подписан мирный договор. Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила ей южную часть Сахалина, права на Ляондунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, Южно-Маньчжурскую железную дорогу[24]. Так завершилась русско-японская война.

Но противостояние на этом не закончилось. Япония просто выжидала благоприятного момента, чтобы отторгнуть у России Дальний Восток. Так, во время гражданской войны и интервенции в 1918-1922 гг. японцы оккупировали Приамурье, Приморье, Забайкалье и Северный Сахалин, заняли Владивосток. На этих направлениях было сосредоточено более половины имевшихся тогда у Японии войск (11 дивизий из 21). Численность японских интервентов намного превосходила силы западных держав, высадившихся на Дальнем Востоке. Это объяснялось решимостью японского правительства «пойти на любые жертвы, только бы не опоздать к дележу территории России, который произойдет после вмешательства США, Англии и Франции»[25].

В 1925 г. между Советским Союзом и Японией были установлены дипломатические отношения, советское правительство при-

знало Портсмутский мирный договор и добросовестно его выполняло. Что касается Японии, то она, разрабатывая планы новой войны, в нарушение условий договора, в 1929 г. поддерживала нападения «белокитайцев» на Китайскую восточную железную дорогу, а в 1931 г. оккупировала Маньчжурию, лишив СССР возможности нормально эксплуатировать КВЖД. На границе наращивалось японское военное присутствие, организовывались учения, постоянно устраивались провокации, попытки проникновения на советскую территорию. Япония явно готовилась к крупномасштабной агрессии. В ее долгосрочные планы входил захват всего Дальнего Востока. Но вначале потребовалась «проба сил». Местом для нее было избрано советское Приморье.

20 июля 1938 г. японский посол в Москве предъявил Советскому правительству требование об отводе советских войск к западу от озера Хасан и передачи Японии сопки Заозерная, якобы принадлежащей территории Маньчжоу-Го. В ноте Советского правительства от 22 июля эти требования отклонялись как ничем не обоснованные. В тот же день кабинет министров Японии утвердил план нападения на СССР в районе озера Хасан. Его ближайшей целью было отторгнуть у Советского Союза стратегически важные высоты, расположенные в 10 км от побережья Тихого океана, откуда можно было держать под постоянным наблюдением и прямым артиллерийским огнем участок советской территории к югу и западу от залива Посьета, угрожать всему побережью в направлении на Владивосток[26].

Вторжение началось 29 июля, когда отряд японцев численностью до роты атаковал пограничный наряд из одиннадцати человек на сопке Безымянная. Подоспевшее на помощь подкрепление сумело отбросить противника. Но 30 и 31 июля нападение повторилось более крупными силами. Японцам удалось потеснить советские части и продвинуться вглубь нашей территории до четырех километров.

Советское командование на Дальнем Востоке спешно сосредоточило в районе Хасана имевшиеся поблизости силы. На 2 августа была намечена общая атака захваченных японцами позиций. Но это наступление не принесло успеха. Советские части понесли большие потери.

Новый штурм начался 6 августа силами двух стрелковых дивизий и механизированной бригады при поддержке артиллерии и авиации. 9 августа после упорных боев советская территория была очищена от неприятеля, государственная граница полностью вос-

становлена. 10 августа японский посол в Москве запросил мира. На следующий день боевые действия были прекращены[27].

Хасанский «опыт» заставил японское правительство отложить «большую войну» против Советского Союза. Но теперь объектом агрессии оказалась Монголия. Ее захват позволил бы японцам выйти к границам СССР в районе Иркутска и озера Байкал, тем самым подготовив плацдарм для дальнейшего продвижения на Дальний Восток.

11 мая 1939 г. части Квантунской армии вторглись в пределы Монгольской Народной республики в районе реки Халхин-Гол, у поселка Номон-Хан-Бурд-Обо. Завязались кровопролитные бои. При этом «номон-ханский инцидент» выдавался японской стороной за пограничный конфликт, возникший из-за отсутствия четкой демаркационной линии.

Выполняя долг перед союзником, Советский Союз прислал на помощь монгольской армии свои войска. Командовал объединенной советско-монгольской группировкой комкор Г.К.Жуков. Боевые действия в районе Халхин-Гола продолжались с мая по сентябрь 1939 г. и завершились полным разгромом японцев.

Правительство Японии вынуждено было признать свое поражение. 15 сентября 1939 г. в Москве было подписано советско-японское соглашение о прекращении военных действий, а в июне 1940 г. государственная граница Монгольской Народной Республики была полностью восстановлена.

Следует отметить, что в советской историографии халхин-гольские события, как правило, скромно именуются «военным конфликтом». В то же время многие японские историки признают, что это был отнюдь не конфликт, а самая настоящая локальная война, причем некоторые авторы называют ее «второй японо-русской войной» – по аналогии с войной 1904-1905 гг.[28]

Каким же представлялся этот, ставший уже традиционным, противник в новых вооруженных конфликтах? Изменился ли образ врага в сознании теперь уже советских бойцов и командиров по сравнению с образом, сложившимся у солдат и офицеров дореволюционной армии? Да и сам неприятель – остался ли он прежним или приобрел новые, не отмеченные ранее черты?

Безусловно, за три десятилетия существенно меняется как субъект, так и объект восприятия. С одной стороны, это связано с изменениями внутри самих этих двух стран. При этом, если для Японии было характерно эволюционное развитие и преимущественно реализация и усиление тех тенденций, которые лишь обозначились в начале XX в., то для России эти десятилетия стали временем ра-

дикальных трансформаций общественного строя, экономических механизмов, политической системы, социальной структуры, идеологии, и т.д. Геополитически это были, в основном, те же самые противники, но теперь, в отличие от начала века, императорской милитаризировавшейся полубуржуазной-полуфеодальной Японии противостояла не аналогичная по своим характеристикам самодержавная, полуфеодальная, хотя и более «модернизированная» Россия, а прошедшая через революционные потрясения страна, избравшая путь форсированной модернизации на основе обобществления собственности, плановой экономики и социальной уравнительности под руководством жесткой партийной диктатуры. Этот путь предполагал жесткий идеологический контроль власти над обществом, причем новая идеология радикально отличалась от дореволюционной и, безусловно, влияла на массовое сознание. Так что восприятие японцев преимущественно православным, монархически настроенным, происходившим из крестьян малограмотным русским солдатом в первой русско-японской войне, неизбежно должно было отличаться от восприятия в конце 1930-х гг. бойцом Красной Армии, хотя и вышедшим, в основном, из той же крестьянской среды, но уже имевшим иное мировоззрение. Этот боец уже, как правило, не был религиозен, имел начальное или неполное среднее образование, был лоялен к Советскому государству и в значительной мере воспринял основные идеологические постулаты новой власти. Среди последних, кстати, был и «пролетарский интернационализм», что, в частности, означало невозможность в пропагандистской работе акцентировать внимание на расовых признаках. Идеология была классовой, а союзники-монголы относились к той же расе, что и противники-японцы. Акцент как раз и делался на классовой ненависти – не к японскому народу, а к японским эксплуататорам-милитаристам, феодалам-самураям, во главе которых к тому же стоял император.

Следует отметить, что как субъект восприятия еще сильнее различался командный состав российских армий в этих двух войнах. Если в первой русско-японской войне офицерство происходило в основном из высшего дворянского сословия, то к концу 1930-х годов низшее и среднее командное звено Красной Армии происходило из той же рабоче-крестьянской массы, что и рядовой состав. Были близки они и по уровню образования и культуры, тогда как в 1904-1905 гг. офицерство культурно стояло неизмеримо выше.

Конечно, и Япония в эти десятилетия не стояла на месте. Прежде всего, выросли ее экономические и технические возможности, модернизировалась армия. Росли и политическое, и военно-

стратегическое влияние Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с возможностями росли и политические амбиции, и территориальные аппетиты имперского государства. Япония давно и последовательно проводила империалистистическую, агрессивную политику. Она продолжала активно создавать обширную колониальную империю в Азии, претендуя в будущем на мировое господство[29]. При этом в японском народе воспитывалось чувство национальной исключительности, подкрепляемое легендами о божественном происхождении японской нации, о ее превосходстве над другими, широко пропагандировалась «паназиатская» доктрина: «Азия для азиатов» (читай – японцев), «Долой белых варваров!», «Великая Японская империя до Урала!» и т.п.[30] Особо почитался культ войн: «Тот, кто идет воевать, того защищает бог!»[31].

Что касается собственно армии, то в основу воспитания японского солдата был положен древний кодекс «Бусидо», воспевающий слепое повиновение и самопожертвование, по которому раньше воспитывались самураи. Он гласил: «Пока ты жив, ты должен быть потрясен великим императорским милосердием. После смерти ты должен стать ангелом-хранителем японской империи. Тогда ты будешь окружен почетом в храме... На случай безвыходной обстановки обязательно оставь для себя одну пулю, чтобы покончить жизнь самоубийством. Ни в коем случае ты не должен сдаваться в плен... Рассуждающий воин не может принести пользы в бою. Путь воина лишь один – сражаться бешено, насмерть. Только идя этим путем, выполнишь свой долг перед владыкой и родителями... В сражении старайся быть впереди всех. Думай только о том, как преодолеть вражеские укрепления. Даже оставшись один, защищай свою позицию. Тотчас же найдется другой, чтобы образовать фронт вместе с тобой, и вас станет двое»[32].

Таким образом, японский солдат сознательно формировался как нерассуждающий инструмент агрессии, весьма эффективный в бою, презирающий смерть и абсолютно преданный своей стране, армии и ее командованию. Милитаристское сознание находило очень мощное религиозное подкрепление, так что сама смерть в бою для самурая являлась самостоятельной, высшей ценностью.

В 1939 г. в Монголии нашим войскам пришлось воевать с отборными, так называемыми императорскими частями японской армии. Вот какую оценку этому противнику дал Г.К.Жуков: «Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя. Дисциплинирован, исполнителен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подго-

товлен очень хорошо и дерется с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед "харакири"»[33].

Следует отметить, что Г.К.Жуков всегда выступал против недооценки противника, говорил о том, что нельзя унизительно отзываться о враге, потому что в итоге получается неправильная оценка собственных сил. Мнение комкора о японцах перекликается со свидетельствами младшего и среднего командного состава, участвовавшего в боях на Халхин-Голе. Так, командир полка майор И.И.Федюнинский (в Великую Отечественную прославленный генерал) перед боевой операцией рассказывал молодым, только что прибывшим в часть офицерам, что представляют собой японские солдаты. «Особо подчеркнул, что в плен японцы не сдаются и, попав в критическую ситуацию, кончают жизнь самоубийством. Ночью, в дождь, туман самураи особенно активны. В такое время и при такой погоде они бесшумно подползают к нашим окопам, снимают зазевавшихся часовых, пробираются в тыл и внезапно открывают огонь, создавая видимость окружения. Нередко группы японских солдат, переодетые в форму нашей или монгольской армии, проникают в глубокий тыл и совершают диверсии.

– Что касается офицеров японской армии, – продолжал Федюнинский, – похвалить не могу. Подготовлены слабо, действуют по шаблону, проявляют растерянность при всякой неожиданности. Танки и артиллерия у японцев хуже наших. А вот авиация неплохая...»[34].

Кстати, японских асов называли «дикими орлами», и они имели к тому времени двухлетнюю практику войны в Китае[35]. Для наших летчиков бои на Халхин-Голе начались крайне неудачно, в первый месяц потери были огромны, и лишь после того, как прибыла новая техника и летный состав, имевший опыт воздушных боев в Испании, советской авиации удалось изменить соотношение сил в свою пользу[36].

В словах И.И.Федюнинского обращает на себя внимание упоминание многих приемов и способов ведения боевых действий, известных еще по русско-японской войне: ночные вылазки, отвлекающие маневры, попытки посеять панику и т.п. Очевидно, корнями они уходят в национальные, еще самурайские боевые традиции и опыт, по образцу воспроизводившиеся и в войнах XX в.

Среди примеров японской военной хитрости были как шаблонные, часто повторяющиеся, так и весьма неожиданные. Об од-

ном из таких нестандартных эпизодов вспоминает ветеран боев на Халхин-Голе бывший командир батареи Н.М.Румянцев:

«В воскресенье 13 августа [боец] Епифанов, наблюдая в стереотрубу, доложил:

– Товарищ лейтенант, вдоль японских окопов прогуливается раздетая женщина.

Я подошел к стереотрубе. Действительно, по брустверу японской траншеи взад и вперед неторопливо и вызывающе-нагло прохаживалась молодая нагая женщина. Она ходила минуты две-три, затем исчезла в траншее. За это время с японской стороны прозвучало несколько одиночных выстрелов.

Через полчаса позвонил командир батальона...

– Видели приманку? – и, не дожидаясь ответа, продолжал. – В седьмой роте от огня снайперов погибли два бойца, в восьмой – один. Высунулись посмотреть и поплатились жизнью.

Это был очередной трюк японцев, предвидеть который было трудно. Выпустив раздетую женщину, японские снайперы ловили на мушку любопытствующих зевак»[37].

Примечательно и такое важное обстоятельство, отличавшее советско-японский конфликт от русско-японской войны: если в войне с царской Россией Япония строго соблюдала нормы международного права в обращении с военнопленными, то в конфликте с СССР она не считала себя ими связанной. Поэтому обычной практикой были пытки и смертная казнь советских военнопленных. По свидетельству Н.М.Румянцева, его подчиненные лично убедились в том, что японцы зверски расправлялись с красноармейцами и командирами, попавшими к ним в плен, когда однажды во время боя противник окружил окоп, где находились четыре бойца во главе с лейтенантом. «Пятерка храбрецов отстреливалась до последнего патрона. Однако самураям удалось ползком приблизиться к окопу и забросать его гранатами. Оглушенные взрывами, израненные осколками, наши воины были захвачены в плен. Японцы связали пленных проволокой, положили их на землю и в тело каждого вбили по несколько десятков винтовочных гильз. Тело лейтенанта Зуева, кроме того, было изрублено тесаками... Сняв каски и стиснув зубы, мы минутой молчания почтили память своих однополчан»[38].

В то же время японское командование использовало эти факты для «воспитания» своих солдат, что должно было подкрепить общую установку кодекса самурая о невозможности сдачи в плен. Им внушалось, что подобная участь ожидает и их самих в советском плену. «Во время боя на горе Баян-Цаган были взяты в плен два

раненых японских солдата, – вспоминает бывший военврач В.В.Фиалковский. – Им велели снять брюки, чтобы осмотреть и перевязать раны, но японцы категорически отказались снимать одежду, сопротивлялись и плакали. Все же их заставили это сделать, осмотрели и перевязали раны. Тут выяснилась причина их страха: оказывается, офицеры им внушали, что русские всем пленным отрезают половые органы»[39].

На передовой образ врага-японца складывался не только из контактов и наблюдений за ним в сугубо боевой обстановке, но и в различных бытовых ситуациях, отражающих уклад жизни этого чужого народа, его национальные и культурные традиции. Так, весьма часто советским бойцам приходилось сталкиваться с абсолютное непонятным, чуждым русским (христианским) традициям, явлением: японцы не погребали своих убитых солдат в земле, а предавали их огню. Так, в мемуарах участников халхин-гольских событий постоянно встречаются подобные примеры: «Впереди в долине горели костры, от которых ветер доносил тошнотворный запах: японцы сжигали на кострах трупы погибших»[40].

Конечно, о быте японцев, их обычаях и традициях советские бойцы могли получать сведения, как правило, лишь косвенным путем: при наступлении захватывались позиции противника, где находились не только военные сооружения и техника, но и жилища с оставленными в них вещами. Вот одно из характерных свидетельств того времени: «К вечеру мы встали на позиции по соседству с уничтоженной японской батареей... Я вошел в землянку... На земляных нарах, оплетенных ивовыми прутьями, лежали циновки, одеяла, шинели зелено-желтого цвета с офицерскими знаками различия. На одной из дощатых стен висела сабля. На полу валялись фотографии, открытки с видом горы Фудзияма, котелки, маленькие мешочки с сушеной рыбой и галетами, водочные бутылки, фигурки идолов. Среди этого хлама выделялся своим красочным оформлением иллюстрированный журнал. Этот журнал я взял с собой и после окончания боев показал переводчику. Оказывается, это был журнал "Кингу", в котором описывались различные подвиги самураев»[41].

Лишь немногим красноармейцам удавалось непосредственно увидеть, а точнее – подглядеть поведение японцев в их обычном фронтовом быту. Поскольку из попадавших в японский плен практически никто не оставался в живых, такие сведения могла приносить только разведка. Вот, например, какая картина предстала перед нашими бойцами, пробравшимися в расположение неприятеля: «За передним краем противника увидели такую картину: в долине

горели многочисленные костры. Возле них группами сидели солдаты. Японцы варили ужин. Мы этому не удивились, так как знали, что кухонь в передовых пехотных частях японской армии нет и каждому солдату выдается на руки паек из риса, сахара, галет, чая и сушеной рыбы. Справа в глубоком котловане пылал огромный костер: японцы сжигали трупы своих солдат и офицеров, погибших в дневном бою.

Послышались звуки восточной музыки... За высоткой в глубоком котловане стоял легкий шатрового типа домик с открытой сценой. Он был освещен фонарями. На высоком дощатом настиле танцевали красочно разодетые гейши. Перед этой импровизированной сценой за маленькими столиками, сплошь уставленными бутылками, сидели японские офицеры. Никто не ел и не пил, все внимательно смотрели на сцену, попыхивая короткими трубками.

Притаившись в кустах караганника, мы какое-то время наблюдали за происходившим. Вот музыка смолкла. Гейши закончили танец и поклонились. Среди офицеров поднялся шум. На сцену полетели трубки, портсигары и другие предметы. Подобрав все это, гейши ушли за сцену»[42].

Это выступление своеобразных (на японский национальный манер) «фронтовых бригад» должно было показаться нашим бойцам весьма необычным: в Советской Армии «культурный досуг» в боевых условиях стал практиковаться лишь в годы Великой Отечественной войны (выездные концерты артистов и т.п.). В сравнительно недолгом (четырехмесячном) конфликте в центре «дикой» Азии, в глубине территории чужой страны, подобная практика и не могла получить распространение: в отличие от японцев, СССР не создавал постоянных наступательных плацдармов, а его боевые части в Монголии не успели «обжиться» и обзавестись хозяйством.

В целом, у непосредственных участников боевых действий 1938-1939 гг. было достаточно фактов для формирования образа японцев как опасного и жестокого, умелого и опытного врага, не только представляющего чуждую культуру, но и во многом непонятного. Эта его «загадочность» была связана как с фактическим отсутствием массовых контактов между гражданами двух стран, так и с весьма ограниченным культурным кругозором рядовых советских бойцов. Поэтому непосредственно полученные ими в ходе боевых действий опыт и информация о противнике далеко не всегда могли быть верно истолкованы. В самом советском обществе такой неискаженной информации было еще меньше. Японцы воспринимались через идеологический фильтр средств массовой ин-

формации, а также организованных властью массовых митингов протеста и демонстраций «против японских милитаристов». В результате элемент мифологичности оказался в этот период не меньшим, а может быть, и большим, чем в русско-японской войне начала века. Вместе с тем, в главном Япония в советском массовом сознании оценивалась достаточно верно: несмотря на свое поражение, она воспринималась как опасный и коварный противник, готовый нанести удар, как только для этого представится благоприятная возможность.

Разгром японских войск в районе озера Хасан в 1938 г. и в Монголии в 1939 г. нанес серьезный удар по мифу о «непобедимости императорской армии», об «исключительности японского воинства». Американский историк Дж.Макшерри писал: «Демонстрация советской мощи на Хасане и Халхин-Голе имела свои последствия, она показала японцам, что большая война против СССР будет для них катастрофой»[43]. Вероятно, понимание этого оказалось для Японии основным сдерживающим фактором в период 1941-1945 гг. и одной из главных причин того, что с началом Великой Отечественной Советский Союз был избавлен от войны на два фронта.

Впрочем, это вовсе не означает, что после своего поражения в «номон-ханском инциденте» Япония не готовилась к новому нападению на СССР. Даже подписанный 13 и ратифицированный 25 апреля 1941 г. пакт о нейтралитете между двумя странами носил, по мнению японского руководства, временный характер, дающий возможность обезопасить свои северные границы, «следить за развитием обстановки» и спокойно «набираться сил», чтобы «в нужный момент» нанести Советскому Союзу внезапный удар[44]. Вся внешняя политика Японии в этот период, в особенности активное сотрудничество с союзниками по Тройственному пакту – Германией и Италией, свидетельствует о том, что она просто выжидала наиболее благоприятного момента. Так, военный министр Тодзио неоднократно подчеркивал, что вторжение должно произойти тогда, когда Советский Союз «уподобится спелой хурме, готовой упасть на землю», то есть, ведя войну с Гитлером, ослабнет настолько, что на Дальнем Востоке не сумеет оказать серьезного сопротивления[45]. Однако прибывший в начале июля 1941 г. из Европы и убежденный в превосходстве сил Германии и ее неизбежной победе над СССР генерал Ямасита был настроен более решительно. «Время теории “спелой хурмы” уже прошло... – заявлял он. – Даже если хурма еще немного горчит, лучше стрясти ее с дерева»[46]. Он опасался, что Германия победит слишком быстро, и тогда осторож-

ная Япония может опоздать к разделу «пирога»: ненасытный союзник, не считаясь с интересами Страны Восходящего Солнца, сам захватит Сибирь и Дальний Восток, ранее обещанные азиатской империи в качестве платы за открытие «второго фронта».

Однако война на советско-германском фронте приняла затяжной характер, и Япония так и не решилась предпринять против СССР прямых военных действий, хотя в нарушение пакта о нейтралитете постоянно задерживала и даже топила советские пароходы. В связи с этим в период с 1941 по 1945 г. Советское правительство 80 раз выступало с заявлениями и предупреждениями по поводу японских провокаций[47]. На дальневосточных рубежах страны приходилось держать несколько армий в полной боевой готовности, в то время, когда на западе нужна была каждая свежая дивизия.

В ноябре 1943 г. в Тегеране на конференции глав государств антигитлеровской коалиции в ряду других решался вопрос о ликвидации очага войны на Дальнем Востоке. Советская делегация дала союзникам согласие вступить в войну против Японии сразу после разгрома гитлеровской Германии. На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. это согласие было закреплено секретным соглашением, согласно которому СССР возвращал себе Южный Сахалин и прилегающие к нему острова, восстанавливал права на аренду Порт-Артура и эксплуатацию Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железной дороги, получал Курильские острова[48]. Таким образом, Портсмутский мирный договор 1905 г. полностью терял свою силу.

5 апреля 1945 г. правительство СССР денонсировало советско-японский пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. После капитуляции Германии, 26 июля на Потсдамской конференции от имени США, Англии и Китая было опубликовано обращение, в котором Япония также призывалась к безоговорочной капитуляции. Требование было отклонено. При этом премьер-министр Судзуки заявил: «Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны»[49].

8 августа 1945 г., выполняя союзнические обязательства, Советский Союз заявил о своем присоединении к Потсдамской декларации и сообщил японскому правительству о том, что с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией. Началась Маньчжурская наступательная операция.

В общей сложности Советский Союз выставил на поле боя полтора миллиона войск, которым противостояла полуторамиллионная Квантунская армия. Кстати, командовал ей генерал Отодзо

Ямада, имевший опыт войны 1904-1905 гг. в качестве командира эскадрона[50]. Вопреки прогнозам западных стратегов о том, что на разгром Квантунской армии СССР потребуется не менее шести месяцев, а то и год, советские войска покончили с ней за две недели[51].

2 сентября 1945 г. на американском линкоре «Миссури» состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии. Вторая мировая война закончилась.

В своей речи, в тот же вечер произнесенной по радио, И.В.Сталин напомнил об истории непростых взаимоотношений нашей страны с Японией с начала XX в., подчеркнув, что у советских людей имеется к ней «свой особый счет... Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил»[52].

Эта оценка, данная лидером Советского государства в условиях его высшего военно-политического триумфа и в значительной мере окрашенная в государственно-националистические тона, в тот момент была полностью созвучна настроениям страны, в которой «пролетарский интернационализм» был провозглашен официальной идеологией. Эта идеология формально сохранялась, но практика Второй мировой войны со всей очевидностью показала, что «пролетариат» враждебных стран (фашистской Германии и всех ее сателлитов, в том числе и Японии) отнюдь не был готов прийти на помощь своему «классовому союзнику». И в официальной пропаганде, и в массовых настроениях идеи зашиты и торжества национально-государственных интересов СССР как преемника тысячелетнего Российского государства были доминирующими. И это обстоятельство следует учитывать как важнейшую часть общей ситуации восприятия противника в последней в XX в. русско-японской войне.

В целом эта ситуация отличается несколькими важными особенностями, характеризующими состояние субъекта и объекта восприятия. Прежде всего, весь контингент, участвовавший в боевых действиях на Дальнем Востоке, четко делился на две основные категории: участников боев против фашистской Германии и «дальневосточных сидельцев» – большой группировки, все четыре года Великой Отечественной простоявшей на границе на случай японского нападения. Последние в большинстве своем не имели боевого опыта, но являлись свидетелями многочисленных японских провокаций, были лучше информированы о потенциальном про-

тивнике и его реальной силе, опыте и коварстве. Лучше разбирались они и в природно-климатических условиях, особенностях местности и т.п. Ветераны боевых действий на западе, напротив, имели большую практику сражений, но не разбирались в местных особенностях. У них был высокий боевой дух, переходивший нередко в «шапкозакидательские» настроения. Ведь советский солдат вышел победителем из тяжелейшей многолетней войны на европейском театре военных действий. После такого могучего противника, как фашистская Германия, японцы, которых, кстати, не так давно «побили» на Хасане и Халхин-Голе, в массовых армейских представлениях не рассматривались как враг достаточно серьезный. Вероятно, последнее обстоятельство не раз негативно сказалось в ходе дальневосточной кампании. В частности, недостаточно учитывались особенности пустынной местности, а в результате на ряде участков плохое водоснабжение армии повлияло на эффективность передвижения и боеспособность отдельных частей.

В целом же, в соотношении сил (хотя количественно оно было примерно равным) превосходство советской стороны оказалось безусловным. Особенно это проявилось в техническом обеспечении, боевом опыте и моральном духе войск. Армия на Дальний Восток пришла опытной, отмобилизованной, с настроением победителя и желанием как можно быстрее вернуться к мирной жизни. Однако бои ей предстояло вести в глубине чужой территории, преодолевать годами создававшиеся укрепрайоны, продвигаться в незнакомой местности с неблагоприятными климатическими условиями. Да и противник был значительно опытнее, чем в конце 1930-х годов: уже много лет японская армия вела успешные боевые действия на море, на суше и в воздухе против американских, британских, французских и других вооруженных сил. Так что «двухнедельная» военная кампания отнюдь не оказалась для нашей армии легкой прогулкой, как сегодня нередко пытаются представить в западной историографии.

Об ожесточенности этой войны и ее опасности для советских солдат свидетельствует и такой факт, как широкое распространение именно на этом этапе боевых действий феномена «камикадзе». Не случайно именно он лучше всего запечатлелся в памяти участников тех событий и чаще всего отмечается советскими мемуаристами.

В нашей и японской трактовке это явление имеет различное толкование. Мы понимали под «камикадзе» любых японских «смертников», независимо от рода войск, к которым они принадлежали, а японцы — только вполне определенную их часть. И «камикадзе» в

официальном, более узком понимании (как летчики, таранящие боевые корабли противника, следуя лозунгу «Один самолет за военный корабль»), и в более широком (как все солдаты-смертники) – сугубо японское явление, уходящее корнями глубоко в историю, в национальные и религиозные особенности страны. Согласно легенде, в конце XIII в. внук Чингисхана Хубилай пытался завоевать Японию, но его корабли уничтожил тайфун – «священный ветер» («божественный ветер»), «камикадзе». Через семь лет попытку повторили – и снова тайфун разметал монгольские корабли. Так и возник этот термин, а от него в XX в. – движение добровольцев-смертников[53].

В действительности оно подразделялось на ряд категорий. К собственно «камикадзе» относились элитные летчики-самоубийцы, призванные топить боевые корабли противника. Первый вылет «камикадзе» был произведен 21 октября 1944 г. на Филиппинах. О распространении явления свидетельствует то, что за период войны на Тихом океане их усилиями было осуществлено 474 прямых попадания в корабли ВМС США или близких взрывов у их бортов. Однако эффективными оказались не более 20% вылетов «камикадзе». По американским данным, они потопили 45 боевых кораблей, а повредили около 260[54].

В конце войны получило широкое распространение и движение «тейсинтай» («ударные отряды»), к которым относились торпеды «кайтэн», управлявшиеся вручную, начиненные взрывчаткой катера «сине», парашютисты-смертники, человеко-мины для подрыва танков, пулеметчики, приковывавшие себя цепью в дотах и дзотах, и т.п.[55] Наши войска имели дело преимущественно с «сухопутными» категориями японских смертников.

Впервые советские солдаты столкнулись с этим феноменом еще 3 июля 1939 г. в боях за сопку Баин-Цаган на Халхин-Голе. Японцы бросались на краснозвездные танки с минами, связками гранат, поджигали их бутылками с горючей жидкостью. Тогда от огня вражеской артиллерии и солдат-смертников в тяжелейшем бою советская танковая бригада потеряла почти половину боевых машин и около половины личного состава убитыми и ранеными[56].

Новая, еще более тяжелая встреча с «ударными отрядами» предстояла нашим войскам в августе 1945 г. в Маньчжурии во время боев с Квантунской армией. Вот как вспоминает об этом участник боев на Хингане А.М.Кривель: «В бой были брошены спецподразделения – японские “камикадзе”. Они занимали по обе стороны Хинганского шоссе ряды круглых окопов-лунок. Их новенькие желтые мундиры резко выделялись на общем зеленом фоне. Бу-

тылка с сакэ (рисовой водкой. – *Е.С.*) и мина на бамбуковом шесте тоже были обязательными атрибутами "камикадзе". Мы кое-что слышали о них, этих фанатиках, одурманенных идеей "Великой Японии"... Но живых "камикадзе" не видели. А вот и они. Молодые люди, чуть старше нас. Полурасстегнутый воротничок, из-под которого выглядывает чистое белье. Матовое, восковое лицо, ярко-белые зубы, жесткий ежик черных волос и очки. И выглядят-то они совсем не воинственно. Не зная, что это "камикадзе", ни за что не поверишь. Но мина, большая, магнитная мина, которую даже мертвые продолжают крепко держать в руках, рассеивает все сомнения»[57].

Следует отметить, что подвиги «камикадзе» прославлялись всеми средствами японской пропаганды, и число таких добровольцев-смертников стремительно росло. В Квантунской армии из «камикадзе» была сформирована специальная бригада, кроме того их отряды были в каждом полку и батальоне. В задачу смертников входило взорваться вместе с танком, самоходным орудием, убить генерала или высшего офицера. При отступлении японские войска часто оставляли их в тылу противника, чтобы сеять там панику.

Как же описывают действия «камикадзе» в Маньчжурии сами японцы? «Один танк вспыхнул, – вспоминает бывший японский офицер Хаттори. – Другие, развернувшись в боевой порядок, упрямо двигались вперед. Это и были те самые "Т-34", которые овеяли себя славой в боях против германской армии. Они, используя складки местности, заняли оборону. Было видно, как из укрытия по соседству с русскими выскочили несколько японских солдат и побежали по направлению к танкам. Их тут же сразили пулеметные очереди. Но вместо убитых появились новые "камикадзе". С криками "банзай!" они шли навстречу своей гибели. На спине и груди у них была привязана взрывчатка, с помощью которой надо было уничтожить цель. Вскоре их трупами была устлана высота. В лощине горели три подожженных ими русских танка...»[58].

Нельзя сказать, чтобы действия «камикадзе» принесли серьезные результаты. Они так и не сумели сдержать наступающую лавину советских войск. А метод борьбы со «священным ветром» нашелся быстро и оказался простым и эффективным: на броню танков садились десантники и расстреливали в упор из автоматов поднимающихся с миной смертников[59].

Интересно, как оценивали феномен «камикадзе» ретроспективно, уже после войны, в своих мемуарах советские военные: «Тысячи японцев становились смертниками. Смертники – чисто японское изобретение, порожденное слабостью техники Японии.

Там, где металл и машина слабее иностранных – Япония вталкивала в этот металл человека, солдата, будь то морская торпеда, предназначенная для взрыва у борта вражеского судна, или магнитная мина, с которой солдат бросается на танк, или танкетка, нагруженная взрывчатым веществом, или солдат, прикованный к пулемету, или солдат, оставшийся в расположении противника, чтобы, убив одного врага, покончить с собой. Смертник в силу своего назначения может произвести лишь какой-то один акт, к которому готовится всю свою жизнь. Его подвиг становится самоцелью, а не средством достижения цели...»[60].

Сравнивая действия «камикадзе» с подвигами советских солдат, сознательно жертвующих собой в тяжелую минуту боя ради спасения товарищей, мемуаристы подчеркивают, что для советского воина важно было «не только убить врага, но и уничтожить их как можно больше», и, будь у него хоть какой-нибудь шанс сохранить жизнь «во имя будущих боев», он, безусловно, постарался бы выжить. И вот вывод, который делается из этого сравнения: «Японский смертник – самоубийца. Жертвующий собой советский солдат – герой. Если же учесть, что японский смертник до осуществления своего назначения получает повышенное содержание, то окажется, что его смерть – оплата расхода, произведенного на него при жизни. Так тускнеет ореол, который пыталась создать вокруг этого явления японская пропаганда. Смертник – это пуля, она может сработать только один раз. Смертничество – свидетельство авантюрности, дефективности японской военной мысли»[61].

Но такая оценка мемуаристами феномена «камикадзе» несколько упрощена: это явление связано со спецификой национальных традиций, культуры, менталитета, религиозных установок японцев, не вполне понятной представителям российской культуры, тем более в советский, атеистический период. Смесь буддизма и синтоизма, культ воина в самурайской традиции, почитание императора, представления об избранности Страны Восходящего Солнца, – все это создавало предпосылки для особого рода фанатизма, возводимого в ранг государственной политики и военной практики.

Становились смертниками только добровольцы, которых собирали в отдельные отряды и специально готовили. Перед боем они обычно писали завещания, вкладывая в конверт ноготь и прядь волос, – на тот случай, если не останется праха солдата, чтобы похоронить его с воинскими почестями. Что же двигало этими людьми? В одном из завещаний смертников сказано: «Дух высокой жертвенности побеждает

смерть. Возвысившись над жизнью и смертью, должно выполнять воинский долг. Должно отдать все силы души и тела ради торжества вечной справедливости». Другой «камикадзе» обращается к своим родителям со словами: «Высокочтимые отец и мать! Да вселит в вас радость известие о том, что ваш сын пал на поле боя во славу императора. Пусть моя двадцатилетняя жизнь оборвалась, я все равно пребуду в извечной справедливости...»[62].

Так что этот феномен нельзя объяснить меркантильными соображениями, хотя и известно, что «камикадзе» получал повышенное армейское довольствие, а после его гибели фирма, где он раньше работал, обязана была выплатить семье тридцатитрехмесячное жалованье[63]. «Материальное поощрение» было просто инструментом государственной социальной политики, проявлением «заботы» о национальных героях, стимулированием распространения данного явления, однако рождено оно было особенностями японской цивилизации и было возможно только на этой национально-культурной почве.

Идея жертвенности, вплоть до предпочтения добровольной смерти, самоубийства принятию поражения своей страны и, тем более, позору плена, приобрела массовое распространение в конце войны ввиду краха японской империи и ее вооруженных сил. Узнав о безнадежном положении Квантунской армии, военный министр Японии Анами заявил: «Если мы не сумеем остановить противника, 100 миллионов японцев предпочтут смерть позорной капитуляции». 10 августа он издал приказ: «Довести до конца священную войну в защиту земли богов... Сражаться непоколебимо, даже если придется грызть глину, есть траву и спать на голой земле. В смерти заключена жизнь – этому учит нас дух великого Нанко (герой японской мифологии. – *Е.С.*), который семь раз погибал, но каждый раз возрождался, чтобы служить родине...»[64].

Однако конец был уже предопределен. После подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии сотни людей на дворцовой площади в Токио рыдали и бились головой о камни. Прокатилась волна самоубийств. Среди тех, кто «исполнил завет Анами», было более тысячи офицеров, не считая сотен военных моряков и гражданских лиц. Покончили с собой и сам военный министр, и несколько других крупных правительственных чиновников.

Даже после объявления капитуляции еще долго сохранялись отдельные очаги сопротивления японских фанатиков. Известны случаи, когда японские солдаты на заброшенных островах продолжали сохранять верность присяге своему императору в течение

многих послевоенных лет (и даже десятилетий), порой просто не зная об окончании войны, а иногда отказываясь признать и принять поражение.

Здесь, наверное, стоит сопоставить понимание героизма в европейском, в том числе и в советском сознании, с японским явлением смертников, включая «камикадзе». И в том, и в другом случаях ядром героизма является жертвенность, сознательный выбор человеком готовности отдать свою жизнь во имя своей страны. Однако в японской культуре это понятие расширено. Оно включает даже бессмысленную, с точки зрения рационалистического европейского ума, смерть путем самоубийства, которая с позиции японцев являлась демонстрацией верности долгу, своему императору и презрения к смерти. Таким образом, если для европейцев жизнь является самоценностью, которой жертвуют ради других, более значимых социальных ценностей, то для японских воинских традиций самоценностью оказывалась «правильная», почетная смерть. С этих позиций и следует оценивать феномен «камикадзе».

Если европейский солдат идет на смерть, повинуясь приказу или совершая сознательный выбор в момент действия, мотивационное поле его выбора оказывается очень широким. Это может быть и эмоциональный порыв, и трезвый расчет при оценке ситуации, учитывающий целесообразность собственной гибели для достижения какой-либо значимой цели (спасение товарищей ценой собственной жизни, уничтожение максимально возможного числа врагов, оборона важных объектов и т.п.). Японец-смертник совершает выбор заранее, задолго до момента реализации принятого решения. Он причисляет себя к определенной категории добровольно обреченных на смерть, с этого момента лишая себя выбора и фактически превращаясь в живой автомат, ищущий повода умереть. При этом реальная целесообразность и цена собственной гибели становятся для него незначимыми: сам факт смерти в бою оказывается почетным, соответствующим выполнению высшего долга. Причем героем в равной степени является и тот, кто подорвал танк, бросившись под него с миной, и тот, кто до этого танка не добежал. Не случайно советских солдат поражало бессмысленное упрямство лезших напролом под автоматные и пулеметные очереди «камикадзе». Они действовали шаблонно, как бездушные автоматы, в то время как обычные войска могли бы предпринять гораздо более эффективные действия при существенно меньших потерях. Добровольная обреченность, казалось, лишала смертников способности соображать.

В целом, при столкновении с японскими вооруженными силами советские военнослужащие встретили того же противника, который в конце 1930-х годов дважды потерпел от них поражение. Новыми были лишь масштабы боевых действий, количество вовлеченных в них войск, глубина проникновения на территорию противника, ожесточенность его сопротивления в ситуации политической и стратегической обреченности. Так, в то время нередко отмечались особенности поведения японцев, о которых, в частности, говорится в секретном меморандуме союзных войск: «Неоднократно наблюдалось, что в непредвиденной или новой обстановке многие японцы проявляют такую неуверенность, какая представляется почти ненормальной большинству европейцев. Их поведение в этих условиях может варьироваться от крайней апатии и физической прострации до безудержного неистовства, направленного против самих себя или любого объекта их окружения»[65]. Военно-политический крах и капитуляция как раз и представляли собой такую ситуацию, к которой японцы, десятилетиями воспитывавшиеся милитаристской пропагандой, в массе своей оказались не готовы.

Ситуация поражения оказалась особенно драматичной для японского массового сознания еще и потому, что для этой национальной культуры было издревле характерно самовосприятие как исключительной, а своих государства и народа — как «избранных». В условиях первой половины XX в., когда постоянно возрастали имперские амбиции, а в мире получили распространение расовые теории, эти культурно-идеологические установки попали на благоприятную почву. Не случайно союзником милитаристской Японии стала фашистская Германия: важными оказались не только близость геополитических и стратегических интересов, но и идеи исключительности и национального превосходства. Лидерам Японии льстило, что гитлеровцы называли японцев «арийцами Дальнего Востока», то есть высшей расой Азии[66].

Именно эти расистские и гегемонистские установки руководителей Японии явились основой пренебрежения международными правовыми нормами, перешедшего в преступления против человечества. Вступление советских войск на оккупированные японцами обширные территории Дальнего Востока, включая Маньчжурию, Северный Китай и Корею, позволило раскрыть множество таких преступлений, от подготовки бактериологической войны до фактически поголовного уничтожения военнопленных. В мае 1946 г. в Токио состоялся Международный трибунал по рассмотрению дел японских военных преступников. Подсудимые обвинялись в нару-

шении международного права, договоров и обязательств, законов и обычаев войны. Так, на захваченной китайской территории в 20 км от Харбина в течение десяти лет действовал секретный исследовательский центр Квантунской армии, разрабатывавший бактериологическое оружие массового уничтожения, которое собирались использовать в войне против СССР. Эксперименты проводились на живых людях, включая женщин и детей[67].

В ходе процесса выяснились чудовищные подробности расправ, которые устраивались в японской армии над пленными: «людей обезглавливали, четвертовали, обливали бензином и сжигали живыми; военнопленным вспарывали животы, вырывали печень и съедали ее, что являлось якобы проявлением особого самурайского духа»[68]. Секретная директива японского командования от 1 августа 1944 г. требовала тотального уничтожения всех пленных, попавших в японские застенки. «Неважно, как будет происходить ликвидация: индивидуально или группами, – говорилось в ней, – неважно, какие методы будут использоваться: взрывчатка, отравляющие газы, яды, усыпляющие препараты, обезглавливание или что-либо еще – в любом случае цель состоит в том, чтобы ни одному не удалось спастись. Уничтожены должны быть все и не должно остаться никаких следов»[69]. Все это, включая факты зверств японской военщины на оккупированных территориях, становилось известным советским войскам уже в ходе наступления, влияя на общее восприятие и оценку японцев как противника.

В целом, заключительная кампания Второй мировой войны, проведенная Советской Армией на Дальнем Востоке, не только приблизила завершение войны, ускорив окончательный разгром последнего сателлита фашистской Германии, не только обеспечила принципиально иной расклад стратегических сил в послевоенном мире, но и способствовала окончательному изживанию комплекса побежденной страны, который все еще сохранялся в исторической памяти советских людей, будучи унаследованным от царской России и в какой-то мере подкрепленным в период японской оккупации Дальнего Востока в годы Гражданской войны и интервенции. По этому комплексу был нанесен удар еще в конце 1930-х годов, но сам факт сохранения за Японией отторгнутых в начале века российских земель, а также постоянно нависавшая угроза удара в спину в тяжелейшие моменты Великой Отечественной войны сохраняли в массовом сознании образ этой страны как главного после Германии потенциального, коварного и сильного врага. И этот образ был вполне адекватен реальному положению вещей: японские

стратеги активно готовились к войне и не решились напасть лишь потому, что из-за соотношения сил риск был слишком велик. И вышеприведенная оценка Сталина о значении разгрома милитаристской Японии была абсолютно точной политически и созвучной настроениям советского общества.

---

1 *Лукин А.П.* В 1904 году // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 33.
2 Время и судьбы. Военно-мемуарный сборник. Вып. 1. М., 1991. С. 286.
3 *Лукин А.П.* Указ. соч. // Порт-Артур... С. 33.
4 *Бок Б.И.* Завтрак у наместника // Там же. С. 25-26.
5 *Никитин Д.В.* Как началась война с Японией // Там же. С. 47.
6 История русско-японской войны. 1904-1905 гг. М., 1977. С. 111.
7 Там же. С. 113-117.
8 Время и судьбы... С. 289.
9 *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 291.
10 *Лукин А.П.* Указ. соч. // Порт-Артур... С. 32-33.
11 *Бок Б.И.* Указ. соч. // Там же. С. 24.
12 *Лукин А.П.* Указ. соч. // Там же. С. 31-32.
13 Там же. С. 29-31.
14 Время и судьбы... С. 266-267.
15 Там же. С. 267.
16 Там же. С. 260,262.
17 Там же. С. 279.
18 Там же. С. 280-281.
19 *Ефимович П.В.* Перед концом Порт-Артура // Порт-Артур... С. 98.
20 Там же. С. 101-102.
21 *Бок Б.И.* Сдача Порт-Артура // Порт-Артур... С. 385-386.
22 Там же. С. 387.
23 *Дудоров Б.И.* Крепость сдана // Порт-Артур... С. 395-396.
24 Портсмутский мирный договор потерял силу после поражения и капитуляции Японии во Второй мировой войне.
25 Мнение, высказанное в книге Нарахаси Киитиро «Дипломатия во время отправки войск» (Осака, 1921.) Цит по: *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР 1931-1945 гг. М., 1989. С. 12.
26 *Шкадов И.Н.* Озеро Хасан. Год 1938. М., 1988. С. 13-14.
27 *Шкадов И.Н.* Указ. соч. С. 41-42,53-54,70-71; *Кривель А.М.* Это было на Хингане. М., 1985. С. 10-13.
28 *Кошкин А.А.* Указ. соч. С. 65.
29 Там же. С. 15.
30 *Кривель А.М.* Это было на Хингане... С. 27.
31 Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. М., 1969. С. 342.
32 На Халхин-Голе. Воспоминания ленинградцев – участников боев с японскими милитаристами в районе реки Халхин-Гол в 1939 году. Л., 1989. С. 7; *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989. С. 175.

33 *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол!...С. 68-69.
34 *Румянцев Н.М.* Кровь на барханах // На Халхин-Голе... С. 51-52.
35 *Яманов В.А.* В вихре воздушных атак // Там же. С. 130.
36 *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол!...С. 43-52.
37 *Румянцев Н.М.* Указ. соч. С. 78-79.
38 Там же. С. 65.
39 *Фиалковский В.В.* Военные медики // На Халхин-Голе... С. 219-220.
40 *Абрамов К.Н.* Потомкам в пример // Там же. С. 40.
41 *Румянцев Н.М.* Указ. соч. С. 83.
42 Там же. С. 87.
43 Цит. по: *Кривель А.М.* Это было на Хингане... С. 57.
44 Внешняя политика СССР: Сборник документов. Т. IV. М., 1946. С. 550; Документы японского правительства и ставки // *Кошкин А.А.* Указ. соч. С. 217-242; *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол!...С. 94-96.
45 *Кошкин А.А.* Указ. соч. С. 96.
46 Там же. С. 119.
47 *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол!...С. 98.
48 История войны на Тихом океане. Т. IV. М., 1958. С. 201.
49 Внешняя политика СССР: Сборник документов. Т. III. М., 1947. С. 362-363.
50 *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол!... С. 84.
51 *Кривель А.М.* Это было на Хингане... С. 122.
52 *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 204-205.
53 *Кривель А.М.* Это было на Хингане... С. 153.
54 *Сотников А.* Смертники на войне // Аргументы и факты. Май 1997. № 19.
55 *Сотников А.* Указ. соч.
56 *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол!...С. 39.
57 Там же. С. 152-154.
58 Цит. по: *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол!...С. 154.
69 *Кривель А.М.* Это было на Хингане... С. 127.
60 Финал... С. 342.
61 Там же. С. 343.
62 *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол!.. С. 155.
63 Там же.
64 Цит. по: *Кривель А.М.* Это было на Хингане... С. 110-111; *Он же.* Слышишь, Халхин-Гол!.. С. 126.
65 *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол!...С. 8.
66 Цит. по: *Кривель А.М.* Это было на Хингане... С. 137.
67 *Кривель А.М.* Это было на Хингане... С. 67-76.
68 *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол!...С. 178.
69 Там же.

И.Г.Яковенко

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ: ДИНАМИКА ОБРАЗА ЗАПАДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ 1990-х ГОДОВ

В последние годы исследования проблем взаимовосприятия России и окружающего мира стали динамичной областью гуманитарного знания. В рамках этого проблемного поля лежит динамика представлений о Западе, образе и статусе Запада в отечественной культуре. Наработано здесь уже немало. Интересующие нас процессы прослеживаются начиная с XV в., когда Московия только-только приоткрывается внешнему миру. Однако, хронологически близлежащий период, как правило, выпадает из поля зрения историков. Исследовательский интерес замирает на исходе советского периода, что естественно и соответствует традициям профессионального мышления. Современность – поле сиюминутной публицистики и оперативной аналитики. Для того, что бы стать материалом исторического осмысления, события должны «отстояться».

Между тем, в прошедшем десятилетии произошли качественные перемены, требующие не простой фиксации, но осознания. Кардинальные изменения общества демонстрируют сложную и драматичную диалектику процессов вестернизации и антивестернизации, включения в глобальные контекст и тенденций к самоизоляции, борьбы противоположных идентичностей – евроатлантической и евразийской. На наших глазах происходит болезненный синтез нового самоопределения России в мире. В этом синтезе образ Запада задается беспрецедентной и устойчивой мозаикой экономических, социокультурных, информационных факторов.

За прошедшее десятилетие произошла скачкообразная смена образа и статуса Запада в отечественной культуре. Обобщая доминирующие в обществе тенденции, переживаемые сегодня процессы можно описать как вестернизацию. Динамика образа Запада диктуется логикой этого процесса. Однако вестернизация идет неоднозначно. Глаз культуролога фиксирует два уровня – вне или дорефлективный и рефлексивно-идеологический.

Дорефлективный, или уровень самооганизации социокультурного целого, это уровень естественных процессов, вырастающих из органики новых экономических отношений, культурных выборов и предпочтений, нерефлексируемых и рождающихся вне пространст-

ва идеологических оценок. Речь идет о том, что происходит как бы само собой и отвечает слабо осознанным выборам основной массы общества.

На другом – рефлексивно-идеологическом – уровне разворачивается оценка происходящего с позиции некоторых традиционных для страны критериев, ценностей, цивилизационных идентичностей и стереотипов восприятия. Второй уровень воплощает в себе механизмы идеологической (ценностной) коррекции стихийных процессов саморегуляции. Эти уровни развития общества резко расходятся по своим векторам. Между ними возникают своеобразные «ножницы».

Начнем с анализа уровня стихийных процессов. Истоки происходящего лежат в эпохе перестройки. На 1987-1991 гг. падает революционное изменение тональности в освещении темы Запада, складывается новое качество информированной вовлеченности гражданина СССР в общемировой контекст. Массмедиа с энтузиазмом развенчивают советские мифы о «капиталистическом обществе». Латентное западничество значительной части политической и административной элиты, научной и творческой интеллигенции, спрятанное под прессом «советского патриотизма», вырывается наружу. Рутинное воспроизводство давно обанкротившегося казенного антимифа Запада сменяется апологетической мифологией общества свободы и изобилия.

На 1990-1994 гг. приходится первая волна массовых выездов российских граждан за рубеж. Поездки носят коммерческий характер. Прежде всего, в них вовлекаются жители приграничных районов и коммерсанты из крупных городов. Этому способствует радикальное изменение экономической ситуации. И, прежде всего, свободное хождение доллара, превратившегося из недоступной советскому человеку невидали в рутинное средство тезаврации. Возникает феномен «челнока». Румыния, Польша, Чехословакия, Турция, Китай осваиваются как источники ширпотреба и рынок для некоторых отечественных товаров (дрели, электроплитки, обогреватели). Оптовые рынки и барахолки становятся устойчивой реалией нашей жизни. Вместе с ушедшей эпохой в прошлое отходит советская «Березка».

Здесь надо сделать отступление. В массовом сознании существует такая достаточно синкретическая категория, как «заграница». Существование и статус этого понятия связаны с веками самоизоляции страны и восьмидесятилетним закрытием СССР. В таком случае, собственно Запад часто сливается с заграницей и слабо

дифференцируется. В этом отношении турецкая Анталия с ее отелями, магазинами и сервисом предстает в сознании не слишком искушенного россиянина образом Запада.

При всей синкретичности таких представлений в них заключено и рациональное зерно. Массовое сознание относит к Западу все те феномены, которые заданы евро-атлантической цивилизацией – ее культурными стандартами, эстетикой, внутренней логикой – где бы они не реализовались. В этом отношении японские автомобили и южнокорейские компьютеры выступают знаками Запада.

Вернемся к исследуемому сюжету. К 1994 г. существенно упрощается процедура получения загранпаспорта. Все, кто этого хотят, получают возможность выехать за рубеж – в «бизнес-тур», в отпуск, на временную работу. Выезд за границу радикально демократизуется. На описываемую эпоху падает конец особого статуса специальной, аристократической категории советского общества: людей «приближенных к загранице». Работа за рубежом, частые командировки «туда» были одной из самых вожделенных привилегией позднесоветского общества. На обладателях этой сословной регалии лежал отблеск избранности.

Рутинизуется, перестает быть экстаординарным событием и сам факт выезда за рубеж. С середины 1990-х гг. разворачивается массовый зарубежный туризм. Анталия, Кипр, Греция, Египет становятся доступными растущему среднему классу. Что же касается людей бизнеса, то для них зарубежный туризм превращается в норму. Обычным считается две-три поездки в год, что позволяет за несколько лет объехать всю Европу и Средиземноморье. На дружеских встречах и семейных вечеринках живо обсуждаются свежие впечатления от итальянских пляжей и испанской кухни.

Мотивы выезда за рубеж не исчерпываются шоптурами и туризмом. Многие уезжают на заработки. Работают по контракту, находят сезонную работу в США и Европе. Часто остаются сверх срока, работают нелегально, женщины уходят в проституцию. В русском языке появляется такие понятия, как «бебиситер» и «двубедренная квартира» (полукалька от two bedroom's flat).

На девяностые годы падает кардинальное изменение культурного статуса английского. Множество высокооплачиваемых должностей требует свободного владения языком. Бизнесмены и руководители высокого уровня, часто выезжающие и контактирующие с иностранцами, довольно быстро осваивают бытовой английский. Рядом с этим, сравнительно ограниченным кругом, масса выезжающих за рубеж («челноки», работающие сезонно) также осваива-

ет бытовой английский. Знание английского демократизуется, перестает быть привилегией выпускников спецшкол и престижных институтов. Книжные магазины ломятся от словарей, учебников, аудио- и видеопособий. Бесчисленные курсы по изучению языков предлагают свои услуги. В русский язык вбрасывается огромный массив англоязычных заимствований. Мощность этого массива соизмерима с заимствованиями в эпоху Петра I.

В качестве примера приведем типичные реалии 1995 г.: из объявления по радио – «Чартерные рейсы в Абу-Даби. Идеальные условия для шоппинга»; из газеты – «Российско-казахский саммит». Иногда английский вытесняет заимствования из других языков; так, в последнее время заемный французский «прейскурант» меняется на простой русский «прайс-лист».

В язык входят целые пласты понятий из сферы банковского бизнеса, экономики, политики, компьютеров, Интернета и т.д. Английский внедряется даже в сферу ненормативной лексики. В языке утверждаются такие кальки с английского, как «эта страна», и т.д.

Дело не ограничивается лексикой. Начинаются изменения и на более глубоком уровне. На наших глазах происходит умирание категории отчества. В массовых коммуникациях устойчиво утверждается общеевропейское именование по имени и фамилии. Отчество остается для ситуаций личного обращения к самым пожилым и наиболее уважаемым людям. По существу, эта смена норм свидетельствует не более, но и не менее, как о конце родового сознания и патерналистского космоса. В прошлое отходит традиционная иерархия написания адреса на письме, где позиции: страна, город, улица, номер дома и фамилия адресата писались по нисходящей. На конвертах нового образца реализован общемировой, обратный относительно советского, стандарт, в котором первенствует имя адресата. И это не техническая замена, но смена модели социального космоса. Отныне отдельный автономный человек первенствует над номинациями социальных общностей.

В России западнические ориентации концентрируются в столицах – Москве и Санкт-Петербурге. Крах железного занавеса обнаружил внутреннюю готовность центров к принятию цивилизационной альтернативы, их движение навстречу символам и ценностям Запада. В последние годы Пасха в Москве и Санкт-Петербурге празднуется дважды – по старому и по новому стилю. В качестве общегражданского праздника как-то незаметно утверждается нормальный западный Christmas (не путать с православным Рождеством). Патриархальный (и, добавим, языческий) Дед Мороз все бо-

лее обретает черты Санта Клауса. Многие (особенно в столице) отмечают день святого Валентина, Хелоуин, даже день Святого Патрика. Между тем, как свидетельствуют специалисты, стандарты потребления, образ жизни, а значит, и культурные ориентации столицы, через несколько лет закрепляются в «миллионниках» (городах с населением в миллион человек). Через двадцать пять лет эти реалии охватывают города с населением от двухсот пятидесяти до пятисот тысяч.

Разительно изменились архитектура и зрительный образ городской среды. В города пришли новый уровень и новое качество строительства. Новая архитектура воспроизводит образы Запада. Непременные мансарды, арки, использование элементов эстетики модерна, проработка деталей, зеркальные окна городских зданий. Не менее выразительна новая архитектура пригорода. Виллы – красный кирпич, донжоны и кампаниллы, немецкие (голландские) силуэты, камины и сауны, бассейны у самых богатых. Не менее разительна трансформация зрительного облика городов – вывески и реклама, архитектура малых форм, остановки троллейбусов, мостовые, водостоки, вечерняя подсветка зданий, телевизионные камеры службы безопасности – все это «оттуда».

Не менее выразительно знаковое распределение латиницы и кириллицы в облике города. Известно, что центр воплощает сакральные смыслы; по мере же движения к периферии городского пространства сакральность убывает. В этом отношении диспозиция относительно центра задает значимость культурного феномена. В центре наших городов латиница широко и обильно представлена в названиях, прекрасно оформленной рекламе, световой и изобразительной, поясняющих текстах. Причем, по мере движения от центра количество текстов с использованием латиницы убывает, а на периферии кириллица доминирует полностью. Неискушенный в культурологии обыватель, возможно, не осознает этого, но в его сознании утверждается связь латиницы с центром – то есть значениями праздника, значимого, настоящего, высокого. Кириллица же оказывается связанной с периферийным, обыденным, второсортным. Отметим, что постановления муниципальных властей, пытавшихся поломать эту тенденцию, не срабатывают.

Еще одно наблюдение. Названия коммерческих предприятий, отсылающие к дореволюционной российской традиции – такие, как «трактир», «корчма» «пивная» и др., крайне редки, в то время как отсылающие к образу Запада – супермаркеты и стрипбары – явно доминируют.

Кардинальным образом изменилась структура телевидения. Множество телеканалов транслирует около 10 фильмов в день, из которых две трети – демонстрируемые впервые западные, чаще всего американские фильмы массовых жанров. Возникла масса новых передач типа «Угадай мелодию», построенных по образцам западного масскульта. Советская эстрада с ее устаревшей эстетикой и буколической тематикой отошла в прошлое; доминирует эстетика клипа. Патриархальная назидательность комментариев советской эпохи сменилась агрессивной заданностью сегодняшних комментаторов.

Описываемые изменения происходят на фоне революции в информационных технологиях. Такие реалии, как видеомагнитофон, сотовый телефон, компьютер, пейджер, магнитные карточки, Интернет не только удобны, функциональны, престижны, вписывают человека в сегодняшнюю реальность, но знаково западные.

Движение общества в сторону западных ценностей и моделей поведения многообразно. В крупных городах, особенно в молодежной среде, очевидна рецепция элементов западного образа жизни, стиля, манеры поведения. В качестве примера приведем все чаще звучащее в последнее время восклицание «Вау», как знак удивления и восхищения, воспринятое из кинематографа. Стиль и образ жизни «новых русских» также в значительной мере формируется по западным образцам.

Меняется не только образ культуры. Трансформация идет далее знаково-символического уровня; меняется система ценностей. В культуре действует универсальное правило. Культурный статус любой реалии связан с мерой ее разработки, мерой упорядоченности и выделенности. Это касается как мира идей, так и овеществленных сущностей. Сакральное всегда упорядочено выше окружающего и тем выделено, сделано лучше, эстетически совершеннее, более трудо и ресурсоемко. В новом, формирующемся на наших глазах культурном пространстве сфера приватной жизни, рынок, акт купли-продажи, мир отдыха и развлечений обретают высший ценностный статус. Все это знаменует полный разрыв с аскезой советского образа жизни и фиксирует принятие альтернативных, западных ценностей.

В СССР подавляющее большинство трудоспособного населения работало в сфере производства. Сфера обращения была предельно минимизирована, что соответствовало архаическому крестьянскому сознанию, видевшему «правильный», настоящий труд в производстве осязаемых, материальных предметов. За десять последних лет десятки миллионов бывших рабочих, инженеров и конструкторов

ушли в сферу торговли и услуг, и это — революционное преобразование. От жизни, заполненной производством ради производства, от создания ракет и блюмингов, выражавших величие Державы, ценностно несопоставимой с маленьким человеком, россияне перешли к работе, нацеленной на этого самого человека. Задача его насытить, ублажить, реализовать все возможные и невозможные прихоти и желания стала целью и ценностной доминантой трудовой деятельности. Причем критерий успешности работы — не сакральное начальство, но жалкий прежде потребитель, «голосующий» своим рублем. Эта глубокая культурная революция фиксирует движение общества на Запад.

Надо сказать, что в некотором отношении советское общество воспроизводило большую деревню. Подлинно значимой осознавалась сфера производства. Вся сфера экономических отношений была минимизирована и маргинализована статусно. В массовом сознании доминировала задача сделать что-либо. Экономическое измерение промышленности (и сельского хозяйства) не осознавалось как сколько-нибудь существенная сторона дела. Такие реалии, как деньги, кредитование, банки рассматривались как не очень понятные и сугубо второстепенные, подлежащие снятию в эсхатологической перспективе, где государство возьмет на себя организацию производства и распределения вне денег и любых форм обмена, используя чисто административные процедуры. Не менее маргинальный статус имела сфера права.

Сегодня сфера собственно экономических отношений, банковский бизнес, кредитная политика, макроэкономика осознаны как важнейшая сторона жизни общества. Из узкой маргинальной группы экономисты и банкиры на глазах превратились в высокопрестижную и влиятельную страту постсоветского общества.

Столь же резко изменился общественный статус права. Это изменение общественного сознания также фиксирует революционный сдвиг в сторону Запада.

От процессов более или менее сиюминутных можно обратиться к факторам долгосрочного характера. В России складывается достаточно широкий слой людей, устойчиво вписанных в общемировой контекст — по образу жизни, дружеским и родственным связям, интересам. Не только культурные и экзистенциальные ориентации, но финансовые и социальные интересы этого слоя общества диктуют включенность России в Европу. Любые формы изоляции страны ударят по названной нами страте, общественный вес и меру влияния которой трудно переоценить.

Круг тех, кто получает образование за рубежом, сравнительно узок, но социальный статус этих молодых людей и наследуемые ими возможности исключительно высоки. В перестройке активно участвовало поколение детей интеллектуальной и политической элиты, окончивших советские спецшколы и престижные вузы. Мера включенности новой генерации потомков российской элиты в общеевропейский контекст неизмеримо выше. За последние десять лет в России и за ее рубежами родились сотни тысяч детей в смешанных браках. Они вырастут, при этом значительная часть из них включится в российскую реальность, станет одним из факторов будущего.

Рассмотрим следующий сюжет – процессы демифологизации Запада. В советский период иностранец и «заграница» были невиданными, сказочными сущностями. Провинциал мог увидеть живого иностранца, например, в окне интуристовского автобуса или возле памятника архитектуры в обществе переводчицы. Они были недоступны: жили в престижных гостиницах, куда «совка» не пускали, были окружены казенным вниманием, вели себя свободно и раскованно, говорили «по-ихнему». Иностранец был облачен в вожделенные западные тряпки, у себя дома смотрел фильмы, которые нашему гражданину не показывали, читал книги, ему не доступные, ездил в страны, им не виданные, носил в своем бумажнике валюту, за прикосновение к которой советский человек легко мог получить срок. Над иностранцем витала аура сакрального, которое всегда амбивалентно – и пугает, и притягивает одновременно. Он был частью профанируемого идеологией, но сакрализуемого в народной мифологии Запада. Свободно общаться с иностранцами могли специальные, отобранные и допущенные к этому люди. Между советским человеком и иностранцем пролегал Рубикон. Еще в семидесятые годы «отъезд на ПМЖ» (постоянное место жительства) воспринимался как дорога на тот свет. Люди уезжали туда, откуда не возвращаются. С ними прощались навсегда.

Все это рухнуло. Смешанные браки, работа в совместных предприятиях и за рубежом, жизнь по соседству создают совершенно иной контекст. Он противостоит как советскому антимифу, так и народному мифу Запада – невиданной страны изобилия, в которой живут счастливые богачи. В первой же поездке за рубеж россиянин уясняет для себя, что абсолютно за все надо платить. Платить в самом буквальном смысле, наличными. Прелести западной жизни покупаются не по праву происхождения, не знанием волшебного заклинания, а трудом и выдаются строго в соответствии с зарабо-

танным. Запад становится будничным и утрачивает сказочные коннотации.

В сознании советского человека «нашему» миру тотального дефицита противостоял мир невозможного, сказочного изобилия, когда в любом магазине есть все, чего только могла пожелать несчастная, задерганная жизнью и измученная очередями душа.

Эта оппозиция пустых полок и всеобщего изобилия переводила реальное различие России и Запада в ранг мифологической антиномии тусклого дольнего мира и брейгелевской «Страны дураков». Запад выступал в образе пространства вечного праздника, ибо архетипическая связь праздника, идеального бытия, плебейского рая с идеей изобилия носит фундаментальный характер. С Западом срасталось мироощущение, рождаемое в созерцании фламандского натюрморта; барочного изобилия всех этих рыбных и мясных лавок, так блистательно выписанных Снайдерсом.

За последние годы наши города и магазины преобразились. В них можно найти все, что только мог вообразить среднесоветский человек. Как только такое случилось, россиянин уяснил для себя, что полные прилавки – это еще не все. Оказывается, пропагандисты прошлого говорили чистую правду – мало изобилия товаров, надо еще иметь деньги. Так изживаются детские, по своему существу мифологические антиномии, а им на смену приходит грустная мудрость взрослого человека.

В разных группах и слоях общества живет мифологическая антиномия наличного нетерпимого сущего и вожделенного идеального должного. Взыскуя должного и отталкиваясь от сущего традиционно мыслящий человек часто помещает должное в некое отдаленное пространство. В сакральное прошлое (Атлантида), в трансцендентную даль (Беловодье, Пенлай, Шамбала). Антитеза Россия/Запад не избежала осмысления в соответствии с конструктом должное/сущее. Обыватель видел в Западе счастливый мир изобилия, интеллигент – мир духовной свободы, западник – идеальную альтернативу России. По мере знакомства с реальностью оказывается, что эмпирический Запад не удовлетворяет ожиданиям, вырастающим из мифологии. Мало того, российский традиционалист обнаруживает, что на Западе средневековая идея должного умерла и отворачивается от него как от плоского, погрязшего в сиюминутном, пошлого мира. Мифы умирают тяжело, рождая разочарование и идеологические метания, шараханья от идеализации к убеждению в том, что только у нас, где жива еще тяга к должному, однажды

можно будет построить «правильное» общество. Так формируется идеология третьего пути.

Следующий сюжет – тенденции, балансирующие движение России на Запад и объективно противостоящие евроатлантической цивилизации.

В последние годы в нашей культуре, в сфере общественных настроений отчетливо фиксируются процессы, вектор которых отличается или прямо противостоит движению в сторону Запада. И эти процессы безусловно корректируют образ Запада, изменяют его место в системе мифов и представлений, в корпусе идеалов, норм и ценностей.

Проявления описываемых нами тенденций многообразны. Одно из них может быть обозначена как ностальгическая эстетизация советского опыта. Знаковым для этой линии развития современной массовой культуры служит фильм «Старые песни о главном». Здесь мы сталкиваемся с поэтизацией и эстетизацией не слишком давнего советского прошлого, его культуры, с утверждением человеческих ценностей ушедшей эпохи. Можно назвать и ряд художественных фильмов. Заметим, что все они обращаются к послевоенной эпохе. Речь идет о живой памяти культуры, о поколении сегодняшних стариков. Сделавшая резкий рывок «в сторону», прочь от устойчивого и привычного культура требует балансирующего, уравновешивающего обращения к знакомому, освоенному, омытому памятью детства. Обращения к «своему» материалу, эмоциональная ценность которого диктуется вечными законами развития культуры.

Однажды Ю.Лотман заметил, что большие объемы инокультурного материала осваиваются порциями. Этапы открытости общества сменяются этапами сравнительной закрытости. В ходе этих последних происходит исключительно важный процесс полного освоения заимствованного, переструктурирования социокультурного целого. Только по завершении полного освоения предшествующего культура открывается для новых заимствований. Отсюда цикличность этапов открытия/закрытия. В противном случае культура и общество могут просто рассыпаться.

Такие циклы запускаются существующим в культуре эмоциональным «маятником», в соответствии с движением которого общественные настроения и вкусы колеблются от безграничной открытости качественно иному (на фоне резкого падения интереса к «своим» реалиям и ценностям) к закрытости культурного пространства, задающей активизацию целой палитры ностальгических эмоций и почвеннических настроений. Изменения общественных на-

строений ведут к активизации соответствующих идеологических течений и рано или поздно переходят на политический уровень.

Сейчас мы переживаем фазу «закрывания» культуры. В формировании нового общественного климата активно участвует административная и политическая элита, заинтересованные в смене цивилизационных ориентиров социальные группы и политические институты, ангажированные средства массовой коммуникации. Сложно ответить на вопрос, кто запустил данный процесс. Но в любом случае, налицо изменение массовых настроений. Политическая эволюция совпадает со смещением вектора общественных ориентаций.

Причины многообразны. Прежде всего, за отворачиванием от Запада стоит разочарование и горечь несбывшихся ожиданий. Здесь надо вспомнить об эсхатологизме традиционного сознания. Антикоммунистическая инверсия носила чисто мифологический характер. От рынка и правовой демократии ждали чудесного преображения общества, которое не произошло и произойти не могло. Отход от традиционного мира и поворот к Западу принесли социальное расслоение, жесткую реальность, крах позднесоветской богадельни, в которой каждому работающему был гарантирован скромный достаток вне зависимости от экономических характеристик результатов его труда. Появились безработица, депрессивные регионы, безудержная коррупция и т.д.

Одним из переломных моментов был дефолт. Перегрев экономики, жизнь значительной части общества не по средствам, растущий средний класс в стране, где падало производство, доходы, несоразмерные с объемом добавленной стоимости – все это порождало неоправданные ожидания, а обернулись резким падением жизненного уровня.

Другим источником разочарования в Западе стали коллизии, связанные с изменением статуса российского государства, места и роли России в мировом сообществе. Переход от роли сверхдержавы в новое состояние, которому пока не найдено четкого определения, кризис государственности, зримое падение российской экономики задали кризисное самоощущение. За всем этим просматривается некая вина Запада, который воспользовался слабостью России. Подобные соображения актуализуют необычайно устойчивые антизападные рефлексы и настроения, восходящие едва ли не к эпохе Александра Невского. Далее, косовский конфликт показал, что западные представления о правах человека вступают в конфликт с идеей государственного суверенитета, как ее понимает большинст-

во россиян. В Косово многие усмотрели опасный прецедент и прямую угрозу России.

Суммируем. Мифология счастливого Запада утратила кредит. Оказалось, что Запад – не молочные реки и кисельные берега, а союз с ним – не сказочное безоблачное братство, но жесткая реальность. Жизнь по западным нормам предъявляет требования, которые не нравятся, и нормы, жить по которым не хочется. Отсюда новый для постсоветского общества акцент на особости России. Всплеск интереса к идеям евразийства, актуализация рефлексов противостояния. Можно говорить об инверсии, которая, впрочем, явно неполна и не охватывает все общество.

Акцент на самотождественности, актуализация различий, пересмотр образа Запада выстраиваются в процесс корректировки общественных настроений. Описываемые изменения эксплицируются на уровне массовой культуры. Так, в жанре эстрадной драматургии появились юмористы, рисующие американцев как жизнерадостных идиотов. Эти скетчи исполняются под одобрительный смех зала. В кинокомедиях все чаще встречается юмористическая подача образа иностранца.

Надо сказать, что рядом с литературой и искусством существует буквально раскаленный, в высшей степени пассионарный лагерь индоктринированых антизападников, мечущих громы и молнии в «Мировую Закулису» и разоблачающих происки атлантистов. При том, что адекватная аудитория крайнего политического лагеря сравнительно невелика, идеи и настроения, генерируемые идеологами самоизоляции и активного противостояния, индуцируются во внешнюю среду.

Если задаться вопросом о том, как можно охарактеризовать доминирующую позицию той части общества, которая определяется относительно оси координат Запад/Восток, то она описывается в парадоксальном определении «платоническое антизападничество». Западу предъявляются претензии и выдвигаются обвинения; высказывается даже идея о необходимости противостоять ему. Но при этом демонстрируется абсолютная неготовность расстаться с чем-либо из того, что является результатом сегодняшней политики, существующих отношений с западным миром, тех экономических, политических и культурных реалий, часть из которых представляются неприемлемыми.

Антизападные настроения массового человека мгновенно исчезнут при любых попытках перехода к политике изоляционизма, не говоря уже о прямом противостоянии, ибо не предполагают го-

товности лишиться чего-либо из достижений последнего десятилетия (образ жизни, информационная и личностная свобода, товары, вовлеченность в мировой контекст и т.д.). Сколько-нибудь адекватная оценка удельного веса всплеска таких настроений возможна лишь в контексте стратегических процессов динамики образа жизни, моделей престижного присвоения, изменений базовых ориентиров. Представьте себе «антизападника», который работает в консалтинговой фирме, планирует поменять «жигуленок» на поддержанный БМВ и предается политическим эмоциям в промежутке между просмотром двух американских фильмов на экране своего «панасоника».

В нашем обществе происходит в целом нормальный процесс коррекции представлений о Западе, а, значит, и о самой России. Изживая мифы, уточняя акценты, корректируя представления о евро-атлантической цивилизации, российское общество ставит перед собой вечные вопросы — о смысле человеческого бытия и предназначении человека. О логике всемирно-исторического процесса, о специфике России, о ее границах и национальных интересах. О месте России в прошлом, настоящем и будущем человечества. От того, насколько глубокими и рациональными будут ответы на эти вопросы, зависит будущее России.

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи
БАН	– Библиотека Российской Академии наук
ВОАНПИ	– Вологодский областной архив новейшей политической истории
ГАРФ	– Государственный архив РФ
ГИМ	– Государственный исторический музей
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГБ	– Российская государственная библиотека
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
ЦАОДМ	– Центральный архив общественных движений г.Москвы
ЦГАУР	– Центральный государственный архив Удмуртской республики
ЦХСД	– Центр хранения секретной документации

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абаза А.М. 359
Абрамов Ф. 308-310
Абрамсон 252
Агранов Я.С. 294
Аденауэр К. 116
Адлер С. 173
Азеф Е. 337
Аксаков К.С. 223, 225, 261
Александр I 157
Александр Михайлович, вел. кн. 359
Александр Невский 397
Александра Федоровна 360
Александров Г.Ф. 298
Александров М.В. 86
Алексеев Е.И. 357-359
Алексей Михайлович 11, 17, 138
Анами 381
Андреев А.А. 183, 294
Андреев Л. 335
Андрей Рублев 310
Арендт Х. 211
Аристотель 292
Аросев А.Я. 191
Арцишевский 252
Астафьев Ф. 311
Атласов, Владимир 342
Афанасий Никитин 231

Бадмаев Ж. 346
Бажанов Б. 274
Балашов 363
Бальмонт К.М. 328, 335
Барбюс А. 182, 186
Бахтин М.М. 245-247, 315, 316
Безобразов А.М. 359
Белинский В.Г. 45
Белый А. (Б.Н. Бугаев) 325-327, 331, 333-338
Бергер Дж. 317
Бережков В.М. 182, 300
Бердсли О. 328
Берия Л.П. 108, 117
Берхгольц 32, 39, 40
Бжезинский З. 211
Блэквелл Э. 165
Богданов А.П. 4, 9, 143, 150
Бок Б.И. 363
Болотников И. 127
Большакова А.Ю. 7, 307
Борзиг 248
Борис Годунов 126, 128, 134
Борисов В.Е. 72
Бреслау Б.М. 269
Бреслауэр Дж. 213
Брешко-Брешковская Е.К. 165
Бриан А. 287, 299
Бромлей Ю.В. 43
Брюсов В.Я. 326, 327, 329, 331-334, 336
Брюханов Н.П. 284
Бубнов А.С. 295
Буллард А. 165
Бунге Н.Х. 51
Бурстин Д. 52
Бухарин Н.И. 90
Бьюкенен Дж. 74
Бэр К.М. 220
Бялер С. 215
Бялокозович Б. 257, 259

Ван Гог В. 328
Ван Свиден Я. 138
Ван Цзинвей 330
Василий III 135
Василий Шуйский 126-130, 135
Васильев В.П. 345
Васильев Н.В. 252

Вашингтон Дж. 167
Вебб (Уэбб), Сидней и Беатрис 183, 204, 274, 277, 285
Венюков М. 328
Вернадский В.И. 285, 286, 295
Вильгельм II 77, 327
Вильямс А. 186
Винекен А.Г. 72
Виниус, Андрей 144
Висковатый И. 33
Витте С.Ю. 71, 73, 164, 168, 171, 326
Вишневецкие 127
Вишневский Вс. 287
Владислав, королевич 126-132, 136
Водарский Я.Е. 150
Волгин В.П. 295
Волин Б.М. 290
Волконский А.М. 72
Волошин М. 328, 334
Воронцов И.И. 359
Воронцов М.С. 153, 157
Ворошилов К.Е. 183
Вышинский А.Я. 298

Гаврилович 102
Гагарин Ю.А. 212
Гаджиев К.С. 46
Гарди Т. 318
Гауровиц И.С. 48
Гачев Г. 250
Гегель Г.В.Ф. 223
Гермоген, патриарх 128, 130, 136
Гзовский А. 256 - 258
Гизо Ф. 219
Гиллеспи Д. 310
Гиппиус З.Н. 7, 255, 256, 258, 260, 263
Гирса Й. 286, 292
Гитлер А. 102, 104, 107, 109, 264, 374
Голицын В.В. 4, 13, 15, 16, 18, 20-22, 24, 25, 143
Головин 343
Головкин 39
Голубев А.В. 7, 277
Гомаюнов С.А. 246
Гонкур Э. де 328
Гончаров И.А. 328, 343 - 346
Горбачев М.С. 215
Горький М. 270, 314
Гоцци К. 65
Грабарь И.Э. 328
Громыко М.М. 311
Грушецкий С. 134
Губина М.В. 5, 153
Гумилев Л.Н. 334
Гурмон Р. де 329
Гуровский А. 45
Гусев С.И. 284
Гучков А.И. 73
Гюмбер Э. 327

Давыдова Т.Н. 461
Данилов Ю.Н. 78, 80
Дарендорф Р. 215
Де-Воллан Г. 328
Дега Э. 328
Дейч Б. 61
Дефо Д. 310
Джефферсон Т. 167
Диас Х. 92
Дикий А.Д. 65
Дмитриев С.С. 281
Дмитрий, царевич 127
Добролюбов Н.А. 310, 311
Добужинский М.В. 328
Долгополов Л.К. 325, 327, 334, 336, 337
Дорошенко П.Ф. 138, 143, 146, 147
Достоевский М.М. 259, 262
Драйзер Т. 322

Дудоров Б.И. 363
Дурланд К. 165, 166
Дурново П.М. 78
Дэмбэй 342
Дютоа 252
Дягилев С.П. 264

Евдокимов Г.Е. 285
Ежов Н.И. 294, 296
Екатерина II 152
Елизавета I 19
Енгалычев П.Н. 72
Епифанов 371
Еременко А.И. 92
Ермилов В.В. 114
Ефимов 269
Ефимович П.В. 362

Жанна д'Арк 264
Жбанкова Е.В. 4, 30
Жданов А.А. 114, 289, 294, 298
Жеромский С. 259
Жид А. 182, 184, 185, 187, 188, 191-194
Жолкевский 129, 130
Жуков Г.К. 105, 367, 369, 370
Жукова Л.В. 7, 341
Журавлева В.И. 5, 162

Заменгоф Л. 268
Замятин Е.М. 4, 61-67
Звонарева Л.У. 7, 255
Зиновьев А.А. 301
Зиновьев Г.Е. 88, 89
Золотухин Г.И. 122
Золя Э. 328
Зубкова Е.Ю. 301
Зуев 371

Ибаррури Д. 92
Ибрагим-паша 22
Иван Алексеевич 18
Иван Грозный 11
Иванов В. 262
Иванов И.Ф. 96
Иванов-Разумник Р.В. 336, 338
Игнатьев А.А. 72
Игнатьев А.В. 76
Игрицкий Ю.И. 6, 198
Извольский А.П. 75, 326, 327
Ингулов С.Б. 286
Иоаким, патриарх 4, 12, 14-16, 18, 20, 21, 23
Иппо С.Б. 6, 228 - 240
Исаакян Л.А. 285
Истомин, Карион 13

Кавелин К.Д. 47, 220
Каганович Л.М. 183, 284, 296
Каграманов Ю. 260
Казакова О.Ю. 4, 42
Калинин М.И. 281
Калиниченко 282
Калнин Э.Х. 73
Каменев Л.Б. 89, 90, 273
Каменева О.Д. 273, 274
Капица П.Л. 273
Каравкина Д. 183
Карамзин Н.М. 219, 220
Кара-Мустафа 22
Карахан Л.М. 273
Карл IX 127
Карнеги Э. 172
Кассандр Г. 13
Кассини А.П. 167
Катков М.Н. 50
Качановский Д.И. 54
Келлог 287
Кеменов В.С. 289
Кемпфер 344
Кеннан Дж. 165, 170
Киреевский И.В. 224
Киров С.М. 189
Кларк К. 320, 321
Кнабе Г.С. 310
Кобзарева Е.И. 139

Кое Р. 313, 314
Козлов С.А. 6, 228
Коллинз П. 49
Коновалов А.И. 73
Коноэ Фумимаро 330
Константинов Ф.В. 122
Коппель 248
Корф С.Н. 72
Косагов Г.И. 20, 23
Костылев В. 345
Кравков В.П. 361, 362
Краус А. 171
Крейн Ч. 165
Крестовский В.В. 328
Кривель А.М. 378
Криницкий А. 274
Кромвель О. 63
Крупп 248
Крылов И.А. 351
Кукулин И. 258
Кулешова Н.Ю. 5, 83
Куликова Г.Б. 6, 182
Кунст, Иоганн 38
Куприн А.И. 326, 327
Курбский А.М. 18
Куропаткин А.Н. 71, 76, 360
Кустодиев Б.М. 65

Лакиер 46
Ламздорф В.Н. 71
Лашевич А.М. 272
Ле Гофф Ж. 313
Левитов И.С. 346, 348, 349
Левитский В.В. 270
Лелевич Г. 332
Ленин В.И. 84, 86-89, 96, 97, 186, 191, 259, 262, 296, 333
Лесков Н.С. 66, 67
Лефорт, Франц 38
Лец С.Е. 277
Лжежмитрий I 36, 126, 128
Лжежмитрий II 126-130, 134, 135
Ликург 31
Литвинов М.М. 94, 296
Лихуды, Иоанникий и Софроний 18, 19
Ллойд Джордж Д. 71, 79
Лодж Г. 169
Лозовский С.А. 109
Лондон Дж. 374
Лосев А.Ф. 335, 337
Лоти П. 328
Лотман Ю. М. 396
Лоу С. 165
Луначарский А.В. 294, 297
Льюин М. 312
Лызлов А.И. 17-20
Людвиг Э. 186, 296
Людовик XIV 316
Ляпунов, Прокопий 136

Мазепа И.С. 23
Майер Р.Ю. 61
Майский И.М. 185
Макбрайд И. 296
Мак-Нейл, Уистлер Дж. 328
Макшерри Дж. 374
Маленков Г.М. 114, 289
Маллармэ С. 328
Мане Э. 328
Мануильский Д.З. 186
Марина Мнишек 126
Мария Стюарт 63
Марко Поло 341, 342
Марченко М.К. 79
Маршалл Л. 173
Медведев, Сильвестр 12, 17, 19
Межлаук В.И. 294
Мейер Дж. фон Лангерке 169, 170
Меншиков А.Д. 38
Меркулов В.Н. 108
Мережковский Д.Н. 7, 255-264, 329
Месич М.Д. 272
Месхи С.Г. 272
Мехлис Л.З. 95, 296

Мещерский В.П. 349
Микоян А.И. 183, 271
Миллер Г. 322
Миллер Е.-Л.К. 72
Милюков П.Н. 164, 165, 172, 223
Минин, Кузьма 136
Михаил Федорович 136
Михельс Р. 70
Мицкевич А. 255, 256, 259
Модестов С.А. 150
Молодяков В.Э. 7, 325
Молотов В.М. 91, 93, 94, 102, 104, 107, 109, 183, 271, 283, 286, 291, 295
Моне К. 63, 328
Морис У. 328
Морозова Л.Е. 5, 126
Мотоно 327
Мстиславский Ф.И. 130
Муравьев М.Н. 77
Муравьев-Амурский В.В. 72
Муссолини Б. 211, 264
Мяло К. 312

Навуходоносор 260
Надеждин Н.И. 220-222
Наполеон Бонапарт 105
Нарышкины 25
Наумов 110
Невежин В.А. 5, 101
Неволин К.А. 220
Некрасов Н.В. 269
Нешин Д.Н. 96
Николай II 71, 75, 163, 164, 167, 168, 170, 262, 347, 349, 359, 360
Никон, патриарх 12
Нимич Л.М., фон 72
Ницше Ф. 259
Ностиц Г.И. 72

Оболенская С.В. 250
Оболенский 71
О'Генри 64
Ойама 329
Окава Сюмэй 330
Ольховский Б. 274
Орджоникидзе С. 183
Оренштайн 248
Ортега-и-Гассет Х. 70
Осьмаков М.Н. 7, 244

Паве 252
Павел V, папа 135
Павлова И.В. 294
Пайпс Р. 316
Пальгунов Н.Г. 287
Парето В. 70
Парте К. 309, 312, 314, 317
Пастернак Б.Л. 184
Паулович К.П. 234
Перкинс Б. 162
Песков А.М. 223
Петр I 9, 10, 18, 25, 26, 37, 38, 156, 225, 226, 232, 233, 342, 390
Петров-Водкин К.С. 33
Петровская Н. 334
Петровский Г.И. 274
Пилсудский Ю. 256, 257, 264
Пильняк Б. 184
Письменный 108, 109
Пита Ф. 92
Платон 253
Плеве В.К. 163, 359
Погодин М.П. 222-224
Пожарский Д.М. 134, 136
Полевой Н.А. 219, 221
Поскребышев А.Н. 183, 294
Потанин Г.Н. 346
Потоцкий С.Н. 72
Преображенский С.С. 269
Пуль Э. 165
Пульхерия 19
Пунин Н.Н. 325
Пурен Я. 171
Путятин Е.В. 343

Пушкин А.С. 45, 259, 315
Пятаков Л.Л. 194

Радек К. 183, 189, 194, 285
Радищев А.Н. 218
Ранкович 115
Распутин В. 308, 311
Распутин Г. 262
Рейган Р. 214
Реймоднт В. 259
Рейтерн М.Х. 54, 57
Риббентроп Й. фон 102, 104, 206
Риддинг 51
Римский-Корсаков, Игнатий 4, 10-14, 16-21, 23, 25
Ричардс Д.Й. 62, 67
Родзянко М.В. 359
Родичев О.И. 256
Розанов В.В. 257, 261, 264
Розен Г.А. 72
Розен Р.Р. 78, 171, 357
Роллан Р. 182, 186, 187, 189-192
Романовы 12, 21
Ромодановский Г.Г. 22, 138
Ротман С. 213
Ротштейн Э. 274
Рудовиц Х. 171
Рузвельт Т. 164, 169, 170 - 172
Рузвельт Ф.Д. 188
Румянцев Н.М. 371
Руссо Ж.Ж. 315
Рюрик 132

Савинков Б.В. 7, 256, 258
Садчиков Н.Г. 291, 292
Сазонов С.Д. 75, 78, 326, 327
Салтыков М.Г. 128
Самарин Ю.Ф. 225
Самойлович И. 23
Самошина Н.В. 6, 218
Сандзо Цуда 347
Санин Г.А. 150, 151
Саран А.Ю. 7, 266
Святополк-Мирский П.Д. 163
Селигман И. 171
Семирамида 19
Сенявская Е.С. 7, 123, 357
Сергеев Е.Ю. 7, 69
Сергей Александрович, вел. кн. 167
Сетон-Уотсон Х. 200
Сигизмунд III 5, 126-136
Сикорский И.А. 346, 349
Симеон, митрополит 21
Симеон Полоцкий 17
Сименс 248
Скавронский П. 57
Скопин-Шуйский М.В. 129
Словцев И.В. 268
Снайдерс 395
Собеский, Ян 23
Сокальский П. 44, 51, 57
Сол Н. 163
Солженицын А.И. 311, 319
Соловьев А.Г. 285
Соловьев В.С. 326, 327, 329-331, 335-337
Соловьев С.М. 335
Соломатина А. 121
Сорокин П.А. 208
Софья Алексеевна 4, 9, 16, 18, 19, 21, 23
Спафарий Н.Г. 341, 342
Спиридонова М.А. 165
Спринг-Райс С. 170
Сталин И.В. 5, 83-86, 88-98, 101-110, 114, 115, 117, 118, 120, 122, 183, 185-195, 205, 207, 274, 296, 376, 385
Старцев А.И. 44
Старченко Н.Н. 223
Стасюлевич М.М. 47
Стецкий А.И. 186
Стилуэл 207
Столыпин П.А. 168, 170, 307, 320
Стомоняков Б.С. 286

Стоун М. 167
Струве П.Б. 74
Судзуки 375
Суслов М.А. 114

Табуро Ж. (Туано Арбо) 35, 41
Тарковский А. А. 310
Тарле Е.В. 295
Таубе А.А. 357
Твен М. 322
Текели 147
Тендряков В.Н. 317
Терещенко М.И. 73
Тимошенко С.К. 105, 108
Тирпиц А. фон 360
Тито И.Б. 115
Тихонова 293
Товстуха И.П. 186
Товянский А. 256
Тодзио 374
Толкиен Д.Р.Р. 253
Тоффлер О. 112
Треппер Л. 299
Третьяков С.М. 273
Троцкий Л.Д. 87, 89, 262, 263, 273, 327
Трубецкой Д.Т. 134
Трубецкой Н.А. 72
Тургенев И.С. 311, 315
Тургенев Н.И. 200
Тухачевский М.Н. 92
Тьерри О. 219
Тяпкин 150

Уайльд О. 64, 328
Уборевич И.П. 92
Уваров С.С. 221, 222
Уилкинсон М. 315, 321
Уильямс Р. 320
Ульянова М.И. 283
Уокер 55
Уоллинг У. 165, 166, 169
Уолд Л. 165
Утамаро 328, 329, 331
Ухтомский Э.Э. 346-348
Уэллс Г. 64, 182, 185, 186, 188

Фабии, род 12
Фадеев А.А. 114
Фаррер К. 328
Фатеев А.В. 5, 112
Федор Алексеевич 4, 9, 16, 18, 19, 21, 23, 138
Федор Иоаннович 134
Федоров, Гаврил 148
Федюнинский И.И. 370
Фейхтвангер Л. 182-187, 194
Фиалковский В.В. 372
Филарет, патриарх 127, 130
Филипп II, король Испании 133
Философов Д.В. 256, 258, 264
Филофей, игумен 222
Фицджеральд С. 322
Фишер Л. 84
Франклин Б. 167
Фрейденберг К.Э. 270
Фридрих К. 211

Хаусхофер К. 330
Хаттори 379
Хэмингуэй Э. 315
Хмельницкий Ю. 140, 142, 143, 146
Ходкевич 134, 135
Хокусаи 328, 331
Ху Ханмин 273
Хубилай 378

Циммерман Э.Р. 46, 51

Чапский Ю. 255, 257, 259, 264
Черчилль У. 207, 210
Чечеткина О.И. 92
Чешковский А. 256
Чингисхан 378
Чичерин Г.В. 282, 297

Чолдин М.Т. 290
Чубарь В. 183

Шакловитый Ф.И. 23, 24
Шамин С.М. 5, 138
Шандор Д. 49
Шафиров П.П. 39
Шебеко В.Н. 72
Шеин М.Б. 127, 136
Шейн А. 63, 64
Шеллинг Ф.В.Й. 219, 223
Шеридан Р.Б. 64
Шестаков А.И. 45, 53
Шиллинг М.А.К. 72
Шингарев А.И. 307
Шипов Н.Н. 72
Шифф Д. 171, 172
Шлегель К. 245, 248
Шопенгауэр В. 259
Шоу Б. 182, 186-188, 274
Шпанберг 342, 343
Штейнгардт Л.А. 109
Штраус О. 171-173
Штурм В. 144
Шуберт Ф. 292
Шумпетер Й. 70
Шуйский Д.И. 129
Шуккерт 248
Шукшин В.М. 321
Шульце-Бойзен Х. 109
Шуман Ф. 205, 206

Щербаков А.С. 298
Щетинина Г.И. 49

Эббот Л. 170
Эль Греко (Доменико Теотокопулос) 31
Эредия Х.М. де 328
Эррио Э. 274

Южаков С.Н. 230

Ягайло 126, 132, 134
Ягода Г.Г. 283-285
Ягужинский П.И. 39
Яковенко И.Г. 7, 387
Ямада Отодзо 375
Ямасита 374

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

I. РОССИЯ И ЗАПАД: КУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ

Богданов А.П. Россия накануне империи: политические концепции и реальность последней четверти XVII века 9

Жбанкова Е.В. Приобщение России к европейской культуре бального танца 30

Казакова О.Ю. Американский характер в восприятии русских людей (конец 1850-х – 1860-е годы) 42

Давыдова Т.Т. Образ Англии в творчестве Евгения Замятина 61

Сергеев Е.Ю. «Угроза с Запада» в оценках военно-политической элиты Российской Империи (начало XX века) 69

Кулешова Н.Ю. И.В.Сталин о «капиталистическом окружении»: 1920-1930-е годы 83

Невежин В.А. Оценка Сталиным Германии как потенциального противника накануне 22 июня 1941 года 101

Фатеев А.В. Советский вариант образа врага: 1945–1954 гг. 112

II. РОССИЯ: ВЗГЛЯД ИЗВНЕ

Морозова Л.Е. Два взгляда Сигизмунда III на русское государство 126

Шамин С.М. Иностранная пресса о борьбе России и Турции за Украину в 1676-1681 года. (По материалам курантов) 138

Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814-1818 годах 153

Журавлева В.И. Революция 1905 года в России: размышления американцев 162

Куликова Г.Б. СССР 1930-х годов глазами видных представителей Запада 182

Игрицкий Ю.И. Восприятие СССР как фактор глобальной политической конфронтации 198

III. РОССИЯ И ЕВРОПА: ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР

Самошина Н.В. Проблема «Россия и Европа» в русской общественной мысли второй четверти XIX века 218

Козлов С.А. Сравнительно-исторический анализ Москвы и Лондона в сочинении российского предпринимателя конца XIX века 228

Осьмаков М.Н. «Образы заграницы» в контексте мира вещей. (По материалам провинциальной прессы конца XIX – начала XX века) 244

Звонарева Л.У. Европа и Россия в 1920 году: взгляд из Варшавы 255

Саран А.Ю. Советский Союз и внешний мир: государственные и общественные институты в качестве каналов взаимодействия культур на рубеже 1920-30-х годов 266

Голубев А.В. «Мировая республика» или «закрытое общество»: СССР в 1920-30-е годы 277

Большакова А.Ю. Крестьянская Россия в отечественной и западной русистике 1980-90-х годов: к проблеме межнациональных архетипов 307

IV. ЯПОНИЯ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Молодяков В.Э. Япония в русском сознании и русской культуре конца XIX – начала XX века. 325

Жукова Л.В. Восприятие Японии в России накануне русско-японской войны 341
Сенявская Е.С. Япония как противник России в войнах XX века 357
Яковенко И.Г. Вместо послесловия: динамика образа Запада в отечественной культуре 1990-х годов. .. 387
Основные сокращения 400
Именной указатель 401